

Л 2046
3061к

Жабайхан АБДИЛЬДИН

собрание сочинений

11

ЖАБАЙХАН АБДИЛЬДИН

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ОДИННАДЦАТЫЙ ТОМ

ХАНТЭЦІРІ
баспасы
Алматы – 2016

УДК 070
ББК 76.1
А 13

Выпущено по программе «Повышение конкурентоспособности сферы культуры и искусства, сохранение, изучение и популяризация казахстанского культурного наследия и повышение эффективности реализации архивного дела», подпрограмме «Издание социально-важных видов литературы» Министерства культуры и спорта Республики Казахстан

А 13 АБДИЛЬДИН Жабайхан
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ/Абдильдин Ж.
– Алматы. «Хантәңірі», 2016. - 380 стр.

Т. 11: Логика об универсальных формах и методах мышления – 2016. – 380 стр.
ISBN 978-601-03-0404-8
ISBN 978-601-03

В одиннадцатый том собрания сочинений академика НАН РК Ж.М. Абдильдина вошла книга Ж.М. Абдильдина и Р.Ж. Абдильдиной «Логика об универсальных формах и методах мышления», в которой исследуются важнейшие проблемы диалектики как логики и теории познания. Раскрываются сущность и содержание мышления, таких его универсальных форм как понятия, категории, идеи и теории, а также важнейшие методы познания - анализ и синтез, восхождение от абстрактного к конкретному, историческое и логическое.

Авторы выражают благодарность Жуматовой Жанар Болатовне за помощь в подготовке рукописи к изданию.

УДК 070
ББК 76.1

ISBN 978-601-03-0404-8
ISBN 978-601-03

© Абдильдин Ж., 2016
© «Хантәңірі», 2016

**ЛОГИКА ОБ УНИВЕРСАЛЬНЫХ
ФОРМАХ И
МЕТОДАХ МЫШЛЕНИЯ**

Введение

В ходе стремительного развития современной науки возрастает значение материалистической диалектики, понимаемой как логика и теория познания. Логическое мышление – это универсальная методология научно-теоретического познания. Диалектико-логические принципы, отражая всеобщие законы природы, общества и мышления, одновременно являются необходимыми всеобщими условиями, методами развития, формирования и построения научной теории. Без их всестороннего применения в научной теории невозможно разрешение противоречий, возникающих в процессе ее систематического развития.

Актуальность исследования обсуждаемой проблемы обусловлена внутренним развитием самой современной философии и науки, связана с необходимостью построения теории логического мышления и теории познания, Логики с большой буквы. Всесторонняя и систематическая разработка такой логики является прежде всего осуществлением философского завещания античных и немецких классических философов. Речь идет о разработке содержательной системы категорий - основных форм мышления, о раскрытии их логических и мировоззренческих функций, обосновании такой теории логического анализа и методов познания, которая является революционным переворотом, синтезом и итогом всей истории философии и современной культуры.

Принимая во внимание важность создания такого обобщающего труда, в нашей философской литературе неоднократно отмечалась и сложность выполнения этой задачи, которая не сводится к формальной деятельности по упорядочению наличного набора универсальных

понятий и принципов философии, а представляет собой содержательный способ обоснования внутренней взаимосвязи, субординации логических категорий. Для успешного решения такой задачи важное значение имеет не только рассмотрение отдельных категорий и принципов логического анализа и методов познания, раскрытие их методологической и мировоззренческой функции, но и исследования, в которых анализируется формирование логического строя мышления, всеобщих определений в процессе практической деятельности человека.

Наконец, важность исследования категорий, универсальных форм и общественно-исторических условий их возникновения связана также с задачей критики современных гносеологических теорий, которые узко трактуют природу мышления, познания, преувеличивают значение формальных методов, абсолютизируют их возможности. В результате подобного понимания становится очевидным контраст между сложным строением современного научного знания, являющегося по существу своему содержательным, диалектическим, и его формально-логической интерпретацией, неизбежно приводящей к позитивистским, идеалистическим выводам. Вследствие такого подхода возникает недооценка роли категорий, универсальных принципов познания, пренебрежительное к ним отношение, когда категории выносятся за пределы теории познания и логики, объявляя их «псевдопроблемами».

Все эти важные вопросы еще не получили достаточного обоснования в философской литературе, хотя в последние годы в этом направлении достигнуты определенные успехи: в частности, велись исследования в плане выявления культурно-исторического содержания категориальных определений.

Однако, как представляется авторам, от этой совершенно верной, но еще очень общей постановки вопроса необходимо перейти к более конкретной: рассмотрению истоков рождения мышления, его всеобщих категориальных определений в сфере материального производства, что имеет важное значение для создания теории логического анализа и методов познания.

Изучение научной и философской литературы по исследуемой проблеме показало, что в науке широкое распространение получили идеи и методы синергетики; объектом современной науки становятся исторически развивающиеся системы, которые в процессе развития формируют все новые уровни своей организации; преодолевается разрыв субъекта и объекта; усиливается математизация научных теорий - таким образом, в процессе развития науки происходит утверждение новых принципов. Однако, как отмечалось выше, данный процесс дает основания для возникновения различных антинаучных школ, извращающих природу научного познания, отрицающих объективность, истинность научно-теоретического познания, что ведет к ослаблению требований к нормативам научного дискурса — его логического, понятийного компонента.

Кроме того, следует отметить, что в современных научных исследованиях недостаточное внимание уделяется проблеме роста социально-гуманитарного знания, возможно в силу его специфичности.

Таким образом, обзор степени разработанности проблемы универсальных форм и методов познания в современной философии и науке убеждает в необходимости обоснования новых трактовок логической природы мышления и универсальных форм познания.

В истории философии универсальные формы и проблемы мышления и познания были впервые глубоко проанализированы Аристотелем в его «Аналитике». Аристотель рассматривал универсальные понятия как роды бытия, однако он еще не понимал универсальные понятия как формы мышления.

Субъективная сторона универсального понятия и проблема метода были исследованы И. Кантом в «Критике чистого разума». Кенигсбергский мыслитель впервые в истории философии рассмотрел категории как формы мышления, дал их логический анализ, показал дедукцию категорий. Однако недостаток кантовского понимания состоит в том, что универсальные понятия рассматриваются им как чисто субъективное и априорное постижение мира.

Проблема метода и форм познания на принципиально новом уровне, глубоко и систематически была разработана Г. Гегелем в его «Науке логики». Немецкий диалектик сформулировал идею тождества бытия и мышления, впервые в логике открыл и обосновал метод восхождения от абстрактного к конкретному, совпадения исторического и логического и т. д.

Авторы данного исследования ставили перед собой задачу проанализировать все интересующие их вопросы в сочинениях указанных философов, а также в работах представителей логического позитивизма, неопозитивизма и постпозитивизма. Прежде всего, с критических позиций рассматриваются логический атомизм Рассела, логические идеи Витгенштейна, в особенности его знаменитая работа «Логико-философский трактат». В целях более глубокого и всестороннего раскрытия темы исследования авторы считали необходимым проанализировать логические работы Р. Карнапа, М. Шлика и др.

Исследование данных работ представляется необходимым в связи с трактовкой современными западными философами универсальных форм с формальной и субъективистской позиции. По мнению представителей неопозитивизма, теория есть совокупность внутренне взаимосвязанных формализованных понятий, внутренне непротиворечащих друг другу. Вопрос об объективном содержании теории в этих философских системах решается путем сведения системы понятий и предложений к некоторым атомарным фактам или так называемым простейшим протокольным предложениям. Согласно неопозитивистским логическим концепциям, важнейшим принципом научного познания является принцип верификации.

Представители логического позитивизма, современной формы эмпиризма категорически отрицают познавательное значение, методологическую функцию универсально-логических понятий, категорий. По их мнению, универсальные категории невозможно осмыслить, поскольку их невозможно свести к простейшим протокольным предложениям; эти понятия невозможно верифицировать, следовательно, полагают они, универсальные логические

категории должны быть устранены из научного знания. Как отмечает Р. Карнап все эти универсальные понятия и категории суть «псевдопроблемы».

Современный эмпиризм, логический позитивизм в настоящее время находится в тупике: неспособность логического позитивизма решить проблемы универсальных понятий, ясно показывают как постпозитивистская философия, так и диалектико-материалистическая философия. Такие постпозитивисты, как Т. Кун, Лакатос, К. Поппер, П. Фейерабенд и др. показали логическую несостоятельность принципа верификации. К. Поппер, в частности, доказал, что главным принципом развития науки ни в коей мере не может быть принцип верификации и сведение всей системы понятий к простым протокольным предложениям. В качестве альтернативы английский ученый выдвигает так называемый принцип фальсификации. По его мнению, любая научная теория, любая система научного знания должны в своей системе иметь положения, которые возможно опровергнуть, т. е. подвергнуть сомнению в процессе дальнейшего развития науки или под давлением новейших фактов.

В своих теоретических исследованиях такие философы и методологи науки как Т. Кун, И. Лакатос, П. Фейерабенд пошли еще дальше. Они доказывают принципиальную несостоятельность концепции логического позитивизма, в которой универсальные понятия лишаются своего познавательного значения. По мнению Т. Куна, в развитии научного познания, научных теорий всегда присутствует такое универсальное понятие, как парадигма, изучение которой характеризует характер научной эволюции.

Еще более глубоко в своих логико-гносеологических исследованиях решает проблему И. Лакатос, по мнению которого, развитие науки есть сосуществование конкурирующих теорий. Согласно ученому, научные теории имеют научные программы исследования, состоящие из ядра теории и так называемого пояса защиты. Таким образом, уже в самой западной философии науки, в современных концепциях постпозитивизма обнаружена несостоятельность логического эмпиризма, его попытки

отрицать роль универсальных понятий в научном познании.

Существенная критика современного эмпиризма дана и в диалектико-материалистической концепции теории познания и логики. В этом плане известны работы таких философов и методологов науки как В.С. Швырева, В.А. Лекторского, В.С. Степина и др. В свое время серьезный вклад в решение этой проблемы внесли и казахстанские философы.

Интенсивное и внимательное изучение современной научной литературы, дали возможность авторам еще раз убедиться в актуальности и важности исследуемой темы, а также выделить те мысли и стороны указанной проблемы, которые были либо недостаточно разработаны в логической литературе, либо извращены в современной эмпирической философии.

Глава 1.

Предмет диалектической логики

Современное человечество осуществляет познание мира посредством целого ряда наук, причем каждая из наук исследует какую-либо сторону или часть действительности, т.е. имеет свой предмет исследования. Например, одна из древнейших наук – математика, всегда изучала и изучает количественные отношения, а объектом исследования биологии является животный и растительный мир. Можно сказать, следовательно, что одна наука от другой отличается объектом исследования, своим предметом. Если подходить к определению предмета любой науки с таких позиций, то достаточно лишь выявить область объективной действительности, на которую направлена деятельность интересующей нас науки. Однако такое понимание является недостаточным, и на самом деле определение предмета науки – сложная теоретическая проблема, которая постоянно порождает логико-гносеологические трудности.

В исследовании предмета науки следует выделить два уровня: уровень представления и уровень понятия. Когда предмет рассматривается на уровне представления, то, как это было показано выше, никаких особых трудностей не возникает. Вся проблема здесь сводится к более или менее четкому выделению объекта реальности, а также к процедуре определения (дефиниции) данной отрасли знания.

Однако задача научного исследования предмета науки отнюдь не исчерпывается умением отличать одну науку от другой, составлять дефиниции предмета их исследования. Научное исследование предмета науки предполагает раскрытие сущности предмета науки, формулирование понятия, адекватного этой сущности, что невозможно сделать без осмысления сущности самой науки, выявления ее всеобщих определений, без глубокой разработки внутренней взаимосвязи ее понятий и категорий. Следовательно, выработать *теоретическое* понятие о предмете науки не менее сложно, чем познать существенное

содержание самой науки, как нельзя понять предмет науки, не проследив историю ее развития, не уяснив ее реальной функции в современной культуре. Вот почему всестороннее решение проблемы определения предмета той или иной науки предполагает последовательное применение содержательной диалектики.

Анализ истории философии и науки убеждает в сложности проблемы определения предмета науки или философии: дискуссии по этому вопросу ведутся на протяжении веков.

На первый взгляд, может показаться, что трудность определения предмета той или иной науки обусловлена диффузностью, недостаточной зрелостью самой науки, коль скоро о ее предмете так долго спорят. Однако дискуссии ведутся о предмете не только философии, географии или геологии, спорят о предмете даже такой развитой (по общему мнению) науки, как математика. С начала XX века в математических кругах постоянно возникают дискуссии о предмете математики. Известное определение ее как науки о количественных отношениях не удовлетворяет современных исследователей, они решительно утверждают, что математика наряду с количественными определениями предметов изучает и их качественные определенности, например математические структуры и др.

Таким образом, теоретические дискуссии о предмете науки связаны не столько с ее (науки) незрелостью, сколько с фактором развития, с историчностью предмета науки. В самом деле, с развитием человеческой практики, познания развивается наука, изменяется ее реальная функция в культуре и, следовательно, ее предмет. И если в ходе исторического развития общества, с изменением разделения труда философия и наука заново осмысливают свой предмет и в какой-то мере пересматривают его, то это свидетельствует, скорее, об их зрелости, развитости, но никак не наоборот. Только на зрелой ступени развития философия и наука внимательно, по-новому относятся к своему предмету, происходит переход от представления о предмете науки к выработке теоретического понятия, в форме которого познаются и осмысливаются более

глубокие, сущностные отношения и философии, и науки к своему предмету. Если на уровне представления предмет науки выступает как нечто внешнее по отношению к самой науке, то на уровне теоретического понятия такое внешнее отношение снимается, раскрываются внутренние, сущностные связи науки и ее предмета.

Что же изучает диалектическая, содержательная логика? Что есть предмет диалектической логики?

Поскольку диалектическая логика все же является логикой, постольку самый общий ответ сводится к тому, что диалектическая логика есть учение о мышлении. Но в истории науки существует, по крайней мере, несколько логик: традиционная формальная логика, математическая логика, аксиоматическая логика, диалектическая логика и каждая из них называет себя учением о мышлении. В этой ситуации вполне уместен вопрос: какая же из логик является подлинным учением о мышлении, какую из них можно назвать философской логикой, т. е. философским учением о мышлении?

В настоящее время на этот вопрос существуют диаметрально противоположные ответы. Одни ученые подлинной наукой о мышлении считают формальную логику, ее современный вариант - математическую логику, что же касается диалектической логики, то она, по их мнению, может быть названа логикой только в переносном, фигуральном смысле. Другие же ученые, напротив, убеждены, что только диалектическая логика является подлинной логикой, истинным учением о мышлении, поскольку именно она исследует всеобщие, универсальные законы формирования и развития человеческого мышления.

Чтобы решить этот спор, необходимо, видимо, обратиться к самому понятию мышления и тщательно проанализировать проблему о том, какая логика и с какой стороны исследует мышление.

Для начала возьмем формальную логику, которая понимает мышление как некую субъективную деятельность, совершаемую в голове человека посредством слов, терминов, суждений и умозаключений. Формальная логика концентрирует свое внимание на языковом бытии

мышления. Согласно этой логике, мыслить - значит рассуждать, размышлять и выражать мысль в правильной словесной форме. Отсюда - преувеличенное внимание к законам языкового рассуждения и превращенным формам мышления, каковыми являются суждение, умозаключение, доказательство и др. Поэтому названная логика почти не занимается универсальными определениями мышления, ее не интересуют категории, идеи и т. п.

Основатели формальной логики (и прежде всего Аристотель) выработали ее основные законы (тождества, противоречия, исключенного третьего) в результате анализа рассуждения, размышления, т. е. процесса языкового развития мышления. Создание данной логики, открытие и обоснование ее законов в свое время имели громадное значение для развития философии, особенно для борьбы с софистикой и устранения субъективных противоречий в мышлении.

Современная формальная логика - математическая логика также занимает достойное место в культуре как средство исследования процессов мышления. Так Б. Рассел исходил из положения, что логика и математика в принципе однородны; как простейшие законы логики, так и сложные теоремы математики выводимы из небольшого набора *элементарных идей*. Математика, согласно его мысли, - это по сути та же логика, только более зрелая и развитая. Аналитическую концепцию логики, выросшую из философии математики, отличает крайний *номинализм*. Логика здесь отождествляется с синтаксисом, с правилами осмысленной расстановки слов. Всякое понятие, выходящее за рамки простого именованного единичного объекта, рассматривалось как ничему в действительности не соответствующее¹.

Но исчерпывается ли изучение проблемы мышления формально-логическим исследованием? Правомерно ли сведение мышления только к его языковому бытию? Исчерпывается ли содержание понятия «мышление» (мыслить) тем, что зафиксировано посредством слова? Традиционная логика отвечала на этот вопрос всегда

¹ Аналитическая философия: Становление и развитие. М., 1988. С.119.

однозначно. Она, как было сказано, полностью отождествляет мышление со словесным размышлением и потому не признает другой логики, кроме формальной, и других законов мышления, кроме формально-логических.

С иной философской программой выступил Гегель, выдвинув свое понимание проблемы мышления, а, следовательно, и логики. Не отрицая того факта, что мышление может существовать и в словесном, языковом выражении, немецкий диалектик решительно отверг как неправомерные попытки отождествлять мышление с его языковым бытием. Гегель утверждал, что языковое бытие мышления: рассуждение, размышление, сочинение книг и ведение споров - является только стороной мышления, одним из способов его реализации.

Согласно Гегелю, *мышление* - это саморазвивающийся творческий процесс, основа всякого созидания и творчества. Оно реально существует и проявляется не в одних лишь размышлениях и книгах, а во всех результатах человеческой духовно-практической деятельности. Ибо человек мыслит не только тогда, когда размышляет, либо излагает устно или письменно свои мысли, но и тогда, когда созидает предметное тело культуры. Более того, о реальном мышлении человека и человечества можно правильно судить не столько по его словесным размышлениям, книгам, сколько по реальным делам.

Мышление и его законы проявляются, прежде всего, в уровне развития промышленности и транспортных средств, в строительстве величественных пирамид и удобных для жизни городов, в симфониях и скульптурах и т.п. Следовательно, рассуждал великий философ, законы мышления, всеобщие условия его существования надо искать не посредством анализа языковых проявлений мышления, как это делала традиционная формальная логика; процесс исторического развития коллективного мышления можно проследить лишь путем изучения всей совокупности материальной и духовной культуры человечества.

Гегель был убежден, что достаточно перевести трактовку мышления в другую плоскость и рассмотреть мышление широко - как объективно творческий процесс, как единство

объективного и субъективного, чтобы легко обнаружилась ограниченность формальной логики и ее законов. И в самом деле: формальная логика, ее законы имеют смысл и значение лишь в том случае, если под мышлением понимается только субъективная деятельность, языковой аспект, языковое бытие мышления. Иными словами, традиционная логика применима при рассмотрении словесных споров и размышлений людей, когда на основании формально-логических законов (тождества, противоречия, исключенного третьего) можно анализировать процесс размышления, рассуждения и таким образом выявлять логические ошибки, возникающие в нашем мышлении в результате нечеткого и неточного употребления терминов и словесных представлений.

Однако если мышление понимается как единство *объективного и субъективного*, как всеобщее условие творческого созидания предметов материальной и духовной культуры, то для понимания такого мышления, для постижения его содержания законы формальной логики мало что дают, впрочем, от них и требовать этого нельзя, поскольку они не являются законами творческой и созидательной деятельности.

В свое время еще Кант, стремясь осмыслить процесс формирования научно-теоретического, всеобщего и творческого знания, обратил внимание на ограниченность традиционной логики, способной только регулировать процесс формирования аналитических суждений. Для обоснования же возможности научно-теоретического знания (синтетического априорного суждения), по Канту, необходима более высокая, *трансцендентальная* логика. Что же касается природы мышления, Кант традиционно трактовал его как субъективную психологическую деятельность.

Гегель пошел значительно дальше Канта, истолковав мышление как имманентно творческий процесс. Отсюда объяснимо его несколько пренебрежительное отношение к формальной логике и ее законам, которые и в самом деле совершенно недостаточны при истолковании мышления как всеобщего основания формирования мате-

риальной и духовной культуры. Для осмысления этого целостного процесса Гегелю понадобились действительно универсальные законы мышления и бытия - *логические категории*, которые он понимал как всеобщие принципы и ступени саморазвития абсолютного духа, идеи. Только логические категории в их систематическом единстве дают возможность понять и осмыслить всеобщие условия формирования и развития творческого объективного мышления. Но при этом нельзя забывать, что Гегель трактовал мышление как истинную реальность, единство объективного и субъективного, как тождество мышления и бытия, а категории - как ступени саморазвития абсолютного мышления. Логику же немецкий диалектик трактовал как учение о чистом мышлении, как систему чистых сущностей, т. е. категорий. Поэтому в гегелевской логике сначала рассматриваются сами всеобщие определения мышления (категории) и только потом, в разделе субъективной логики, анализируются конечные, превращенные формы (суждение, умозаключение и т. п.). В результате такого анализа немецкий диалектик в своей логике смог дать учение о целостном мышлении как живом, конкретном и развивающемся процессе, в чем заключается несомненное достоинство гегелевской логики.

Однако, столь же несомненная ущербность гегелевского учения в целом и логики в частности обусловлена тем, что философ трактовал мышление идеалистически, как некую самостоятельную субстанциальную реальность, которая в своем имманентном и творческом развитии якобы порождает и природу, и общество. Поскольку Гегель пренебрег реальным субъектом мышления и созидания, а вернее, не знал его, постольку, будучи объективным идеалистом, он искал источник возникновения категорий, форм мышления не в реальных общественных отношениях, а в движении «чистого разума», в саморазвитии так называемого абсолютного духа. Маркс указал на это заблуждение великого диалектика: «Раз мы упускаем из виду историческое развитие производственных отношений, для которых категории служат лишь теоретическим выражением, раз мы желаем видеть в этих категориях

лишь идеи, самопроизвольные мысли, независимые от действительных отношений, то мы волей-неволей должны искать происхождение этих мыслей в движении чистого разума»¹.

Идеалистические пороки гегелевского понимания мышления были критически преодолены в диалектико-материалистической философии, в ней также были развиты и позитивные моменты гегелевской логики. Содержательная логика трактует мышление не как субстанциональную реальность, а как форму предметно-практической деятельности общественного человека. Согласно ей, если в предметной деятельности всеобщие формы развития природы как бы воссоздаются реально во всеобщих формах развития материальных общественных отношений, то в мышлении они воссоздаются идеально. В диалектико-материалистической концепции мышления фундаментальное значение имеет принцип отражения. Диалектическая логика, развивая позитивные моменты гегелевской концепции мышления, считает неправомерным сведение мышления к его языковому бытию, обосновывает с материалистических позиций трактовку мышления как идеальной формы предметного преобразования общественным человеком природы и своих же общественных отношений.

Если Гегель, руководствуясь идеалистическим пониманием принципа тождества бытия и мышления, рассматривал мышление как подлинный субъект деятельности, то в диалектической, содержательной логике оно трактуется как идеальная форма предметной деятельности. Согласно диалектической, содержательной логике мышление не является самостоятельной реальностью и потому не может иметь особых законов параллельно с законами бытия, но в своем развитии подчиняется всеобщим законам развития природы, общества и человеческой познавательной деятельности. Диалектико-материалистическая логика, следовательно, исходит из идеи диалектического тождества универсальных законов бытия и мышления, тождества, понимаемого материалистически.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.4. С.129.

Это означает, что мышление, идеальное, являясь формой материального, в своем развитии подчиняется тем же всеобщим законам, которым подчиняется развитие самой материальной действительности. Поскольку в категориях отражаются всеобщие законы бытия, постольку они имеют первостепенное значение и в логике, в исследовании процесса мышления, всеобщих условий формирования теоретического знания.

В диалектической логике учение о категориях, в которых отражаются всеобщие законы природы, общества и человеческого мышления, имеет фундаментальное значение, поскольку мышление здесь понимается не как субъективная деятельность индивидов, не как оперирование представлениями, но как идеальная форма всей практической предметной деятельности общества, общественного человека. В этой связи выработанное в ходе общественно-исторического движения мышление должно выходить за узкие рамки законов формальной логики и руководствоваться всеобщими законами, определяющими бытие и природы и общества; именно эти законы зафиксированы в логических категориях мышления.

Стало быть, о категориях мышления можно сказать, что они суть отражения всеобщих определенностей объективной реальности, практически освоенные в активной деятельности общества; либо так: категории мышления суть кристаллизованные формы исторического опыта человечества, которые зафиксированы в мышлении и являются орудиями познавательной деятельности. Категории мышления представляют собой как бы остановленные идеальные формы предметной деятельности по освоению содержания предметного мира, конечные формы бесконечно развивающегося познания.

Таким образом, категории - это всеобщие формы отражения бытия, формы духовного освоения универсальных способов изменения предметов природы в процессе практической деятельности человека, и потому они функционируют как всеобщие принципы формирования научно-теоретического знания. Иными словами, всеобщие законы формирования научно-теоретического зна-

ния, категории, отражая форму предметно-практического изменения человеком природы, в то же время выступают как логическое воспроизведение универсальных законов бытия.

По этой причине диалектическая логика не является учением о внешних, субъективных формах мышления, она есть учение о целостном мышлении, о мышлении как идеальной форме всей природной, общественной действительности. «Логика есть учение не о внешних формах мышления, а о законах развития «всех материальных, природных и духовных вещей», т. е. развития всего конкретного содержания мира и познания его, т. е. итог, сумма, вывод истории познания мира»¹.

В приведенном определении четко выявляется отличие диалектической логики от формальной, ясно обнаруживается, что предмет диалектической логики не совпадает с предметом формальной логики, что две эти логики изучают проблему мышления с различных сторон. А коли так, то неправомерно рассматривать формальную логику как низшую по отношению к логике диалектической, поскольку термины «низшее» и «высшее» могут характеризовать предметы или явления, совпадающие по всем показателям, кроме качества, уровня развития. Выявление уровней формальной и диалектической логики по отношению друг к другу имело бы смысл, если они изучали мышление в одном и том же аспекте, но в действительности общим для обеих логик является только термин «мышление», само же мышление как продукт исторического развития человечества может быть рассмотрено в различных аспектах².

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29. С.84 .

² «Современная формальная логика в символической форме ее изложения не является какой-то «плохой» или «низкой» логикой, - писал П.В. Копнин, - а, как всякая другая наука, имеет свой предмет и метод. Она область научного знания, изучающая мышление с одной специальной стороны, И в этом отношении ничем не отличается от других специальных наук: она становится «плохой» логикой, если претендует на роль всеобщей методологии современного познания» (Копнин П.В, Философские идеи В. И. Ленина и логика. М., 1969. С.128).

Формальная логика, как отмечалось выше, изучает мышление в его языковом аспекте, исследует законы функционирования субъективной деятельности в сфере языкового общения; она изучает законы, принципы и правила рассуждения, размышления, а также правила выведения одних знаний из других. Формальная логика, в особенности современная математическая логика, достигла больших успехов в исследовании языкового аспекта мышления и по праву является важной составной частью культуры; она имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение. Потому даже в смысле уровня ее собственного развития она отнюдь не является низшей.

Диалектическая же, содержательная логика по своим целям, методам и функциям является принципиально другой логикой, поскольку она исходит из совершенно другого понимания мышления. Диалектическая логика не отрицает значения рассуждения, размышления, но для нее это, хотя и весьма важный, все-таки только один из аспектов реального мышления. Действительное же мышление, согласно содержательной логике, есть не просто некая субъективная деятельность, происходящая в голове некоего индивида, оно есть общественно выработанная идеальная форма всей человеческой практической и предметно-преобразующей деятельности.

Применительно к индивиду это происходит так: если в реальной деятельности он активно изменяет предметы природы, самого себя и творит предметы, необходимые ему, то в мышлении то же самое он производит идеально. Мыслить поэтому означает формировать, творить предметный мир идеально, в форме понятий. Но подчеркнем, мышление не является достоянием отдельного индивида, оно выработано всем человечеством в процессе его долгого общественно-исторического движения. Отдельный же человек в своей жизнедеятельности только осваивает и присваивает себе общественную деятельность, культуру и мышление общества, поэтому мышление отдельного человека выступает как индивидуализированное общественное мышление.

Результаты мышления проявляются не только в языковых формах, но прежде всего в реальных, практических

делах общественного человека. И здесь важно помнить, что человеческая деятельность с самого начала является целесообразной деятельностью, что означает, что, прежде чем изменять предметы природы, реально производить предметы своих потребностей, человек создает форму будущих предметов в голове идеально. Подчеркивая данную специфическую особенность человеческой деятельности, К. Маркс писал: «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинять свою волю»¹.

Что касается логических категорий, то они были основательно рассмотрены Гегелем в его учении о целостном мышлении. В отличие от традиционных логиков великий немецкий диалектик внимательно изучил не только такие формы языкового бытия мышления, как суждения и умозаключения, но вслед за Аристотелем и Кантом глубоко исследовал именно категории мышления, начиная с категории бытия и заканчивая более сложными. Гегель рассмотрел сначала внутреннюю взаимосвязь универсальных категорий, а затем (в разделе субъективной логики) проанализировал взаимосвязь и субординацию форм суждений и умозаключений.

В диалектико-материалистической логике исследование категорий мышления также начинается с выявления их внутренней взаимосвязи, после чего анализируются историческое становление категорий, формы их реализации в суждениях и умозаключениях и т. п.

Важно подчеркнуть, что диалектическая логика

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23. С.189.

исследует эти преобразованные формы (суждения и умозаключения) не столько со стороны структуры, формальной правильности, последовательности, сколько со стороны их внутренней взаимосвязи и отражения в них всеобщих законов природы, общества и мышления, т. е. диалектико-материалистическая логика раскрывает их функции в формировании и развитии научно-теоретического знания. Если традиционная логика описывает и классифицирует суждения и умозаключения, анализирует условия их правильности в структуре рассуждения, то диалектическая логика раскрывает их категориальную природу, выявляет их реальную функцию в контексте целостного человеческого мышления.

Диалектическая логика, таким образом, является теоретической наукой, поскольку не ограничивается описанием форм мышления, а исследует целостную природу мышления, вникает во внутреннюю взаимосвязь логических категорий, выявляет их связь с преобразованными формами мышления и, наконец, анализирует развитие и субординацию суждений и умозаключений. Такой метод позволяет раскрыть целостную природу мышления, создает возможность выработать теорию мышления на основе предметной деятельности человека и его включенности в реальные исторически развивающиеся общественные отношения.

Образцом использования диалектико-логического способа исследования является «Капитал» Маркса, в котором раскрываются внутренние связи экономических категорий. Как известно, Маркс сначала исследовал всеобщие условия формирования капиталистической экономики, затем выявил и обосновал сущность капитализма и раскрыл ее связь с превращенными формами (прибылью, процентом, рентой и т. п.). При этом философ глубоко вскрывал и основательно разрешал те противоречия, которые неизбежно возникают в ходе теоретического познания капиталистических экономических отношений. Оценивая всеобщее значение метода «Капитала» Маркса, В.И. Ленин в «Философских тетрадах» писал: «Таков же должен быть метод изложения (respective изучения) диалектики вообще (ибо диалектика

буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики)»¹.

Диалектико-материалистическая логика является универсальной логикой целостного мышления, ибо только она в процессе анализа проблемы мышления всесторонне применяет логические и методологические принципы диалектики. В ходе теоретического воспроизведения целостного мышления она анализирует его сущность, а именно всеобщие определения (категории) независимо и раньше по сравнению с преобразованными формами (суждением, умозаключением). Иными словами, сначала рассматривается понятие мышления, раскрываются взаимосвязь и субординация логических категорий, в которых отражается сущность (всеобщие законы) природы, общества и человеческого мышления, затем выявляется связь содержательных (универсальных) определений мысли (категорий) с формами их реализации в языковой форме, т. е. с суждениями и умозаключениями. Если в ходе этой теоретической деятельности возникают противоречия, то диалектическая логика тщательно их изучает и разрешает.

Только в результате такой логической и теоретической деятельности диалектическая логика имеет возможность воспроизвести мышление как живое целое, рассмотреть его в развитии и органической целостности, т. е. создать действительную теорию мышления, которая является не просто совокупностью понятий, суждений, умозаключений, но есть развитие, расчленение всеобщих определений, их внутренняя связь с конечными и преобразованными формами.

Диалектико-логическое рассмотрение мышления тем и отличается от традиционного исследования логических форм, что анализирует не те или иные стороны, аспекты мышления, а целостную природу мышления в контексте человеческой предметной деятельности. Только при таком способе исследования создается возможность познать всеобщие определения, закономерности мышления, их тождество, единство с универсальными законами бытия.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29. С.318.

Диалектическая логика исходит из принципа отражения, из идеи единства законов бытия и мышления. Из чего следует: 1) целостное мышление как идеальная форма предметной деятельности не имеет особых специфических закономерностей; 2) всеобщие законы бытия одновременно суть всеобщие законы мышления; 3) всеобщие же определения мышления (категории) суть всеобщие законы отражения объективного в субъективном. Вне такой трактовки невозможно познать, правильно теоретически выразить природу категорий мышления. «Так называемая объективная диалектика царит во всей природе, а так называемая субъективная диалектика, диалектическое мышление, есть только отражение господствующего во всей природе движения путем противоположностей, которые и обуславливают жизнь природы своей постоянной борьбой и своим конечным переходом друг в друга, resp.* в более высокие формы»¹.

Поскольку мышление есть идеальная форма предметной деятельности общественного человека, идеальный способ движения по форме вещей, постольку объективный мир и мышление подчинены одним и тем же универсальным законам. Поэтому в диалектической логике нет и не может быть иных всеобщих законов, кроме всеобщих законов самой материалистической диалектики, которая есть наука о всеобщих законах природы, общества и человеческого мышления. Отсюда: диалектическая логика не является еще одной логикой наряду с другими (формальной логикой, аксиоматической логикой и т. п.); по своей сути она есть та же диалектика, но обращенная к исследованию всеобщих законов формирования и развития человеческого мышления.

Диалектическая логика - результат исторического изменения предмета философии. Диалектическая логика как наука, изучающая целостное мышление, в которой фундаментальное значение имеет учение о категориях и их связи с преобразованными формами, по существу, совпадает с диалектикой, понимаемой в ее функции логики. Диалектическая логика не является дальнейшим развитием и совершенствованием формальной логики,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.20. С.526.

как это иногда представляют, она - результат развития философии и ее функции. Поэтому возникновение философии диалектического материализма как науки о всеобщих законах природы, общества и человеческого мышления, в которой совпадают диалектика, логика и теория познания, выступает одновременно и началом бытия диалектико-материалистической логики, т. е. диалектики в ее функции логики.

Чтобы содержательно понять, как, на какой основе возникла диалектическая логика, необходимо проследить историческое изменение предмета философии, раскрыть своеобразие общественно-исторического движения, особенности духовной атмосферы, в которой рождение диалектики, понимаемой как логика и теория познания, оказалось неизбежным.

Внимательный анализ предмета философии в его развитии свидетельствует о том, что сама философия, как и другие науки, является продуктом духовно-практической, предметно-преобразующей деятельности и социального общения. Поэтому в философии и ее предмете на каждом этапе исторического их бытия воплощены соответствующие уровни развития общества, производства и общественного разделения труда: «теоретическое мышление каждой эпохи, а значит и нашей эпохи, это - исторический продукт, принимающий в различные времена очень разные формы и вместе с тем различное содержание. Следовательно, наука о мышлении, как и всякая другая наука, есть историческая наука, наука об историческом развитии человеческого мышления»¹.

Действительно, было время в истории человечества, когда не существовало ни философии, ни науки, хотя люди всегда располагали некоей суммой знаний, отражающих их общественную практику. Философия и наука возникли в определенную общественно-историческую эпоху и причину их возникновения, следовательно, надо искать в социально-экономических условиях этой эпохи, в развитии общества, общественной потребности людей, ибо мера развитости теоретического освоения действительности соответствует

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.20. С.366-367.

уровню развития практической преобразующей деятельности человека. Если возникновение философии и науки свидетельствует о достижении некоего уровня развития практики, то разделение внутри философии, возникновение и развитие частных наук соответствуют внутренней расчлененности человеческой деятельности.

И в самом деле, человеческая деятельность прошла длинный путь развития от примитивных форм нерасчлененного труда наших первобытных предков до сложно расчлененных его форм, соответствующих современному этапу развития общества. Движение это совершалось чрезвычайно медленно. Так, в структуре производства античного общества еще не существовало развитых форм разделения труда. Производственный процесс в этом обществе совершался в основном посредством примитивных орудий труда. А неразвитой форме производства, нерасчлененности производственной деятельности соответствовали неразвитость и нерасчлененность человеческого знания. Поэтому почти вся человеческая мудрость в то время концентрировалась в синкретической форме в античной философии.

Тогдашняя философия, естественно, не была особой наукой, она олицетворяла собой все науки, совокупное знание, и именно это ее качество нашло отражение в самом ее названии. Не конкретная наука с определенным объектом исследования, а любовь к мудрости - вот что означала философия в античном обществе. Истинными мудрецами были и философы античности, обладавшие универсальной ученостью, каждый из них блистал познаниями в самых разных сферах человеческой деятельности. Великие эллины - Фалес, Гераклит, Платон, Демокрит и Аристотель - создавали грандиозные философские системы, в которых пытались охватить и объяснить весь существующий мир, выступая одновременно как физики и биологи, историки и астрономы, математики и химики и т. д.

Такая нерасчлененность, своеобразная целостность в сфере производства и познания сохранялась почти до Нового времени, когда начали складываться основы буржуазного производства. «Люди, основавшие современное господство

буржуазии, были всем чем угодно, но только не людьми буржуазно-ограниченными. Наоборот, они были более или менее овеяны характерным для того времени духом смелых искателей приключений. Тогда не было почти ни одного крупного человека, который не совершил бы далеких путешествий, не говорил бы на четырех или пяти языках, не блистал бы в нескольких областях творчества. Леонардо да Винчи был не только великим живописцем, но и великим математиком, механиком и инженером, которому обязаны важными открытиями самые разнообразные отрасли физики»¹.

С развитием человеческого общества, его производственной деятельности изменялись и методы познания и формы бытования накопленных сведений о мире. Возникновение буржуазного способа производства придало большое ускорение этому процессу. Дробное разделение труда в Новое время потребовало более углубленного изучения материального мира, а, значит, и специализации знаний. Если для древнегреческого общества, покоившегося главным образом на рабском труде, была вполне достаточной такая единая наука, каковой была в ту пору философия, то в Новое время она уже не могла удовлетворять требованиям быстро развивающегося производства и эффективно его обслуживать. Поэтому дифференциация единой системы знания, возникновение новых наук и научных дисциплин являлись общественно-исторической необходимостью.

Именно в Новое время произошло оформление уже накопленных человечеством знаний в самостоятельные научные отрасли: «Современное исследование природы - единственное, которое привело к научному, систематическому, всестороннему развитию, в противоположность гениальным натурфилософским догадкам древних и весьма важным, но лишь спорадическим и по большей части безрезультатно исчезнувшим открытиям арабов, - современное исследование природы, как и вся новая история, ведет свое летосчисление с той великой эпохи, которую мы... называем... Реформацией»².

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.20. С 346.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.20. С.345.

Все это необходимо породило новую ситуацию в развитии философии и науки. Отражая реальные потребности общества, общественного производства, от философии одна за другой стали отделяться частные науки, поскольку они зарождались в античное время именно в составе философии. Причем данный процесс протекал с головокружительной быстротой.

Первостепенной важности задача состояла в том, чтобы навести порядок в имевшихся уже материалах. Ее выполнение, правда, облегчалось тем, что их было не слишком много. От прежней системы знания к этому времени представляли значение только «Начала» Евклида, учение о строении солнечной системы Птолемея, десятичная система счисления, начала алгебры, современное начертание цифр, алхимия и разрозненные сведения по некоторым другим проблемам. «При таком положении вещей, было неизбежным, что первое место заняло элементарнейшее естествознание - механика земных и небесных тел, а наряду с ней, на службе у нее, открытие и усовершенствование математических методов. Здесь были совершены великие дела. В конце этого периода, отмеченного именами Ньютона и Линнея, эти отрасли науки получили известное завершение. В основных чертах установлены были важнейшие математические методы: аналитическая геометрия - главным образом Декартом, логарифмы - Непером, дифференциальное и интегральное исчисление - Лейбницем и, быть может, Ньютоном. То же самое можно сказать о механике твердых тел, главные законы которой были выяснены раз и навсегда. Наконец, в астрономии солнечной системы Кеплер открыл законы движения планет, а Ньютон сформулировал их под углом зрения общих законов движения материи»¹.

В дальнейшем процесс дифференциации наук продолжался, вследствие чего связи между ними ослаблялись, а человеческое познание все больше углублялось в частности. Подобно тому, как материальное производство общества распалось на частных производителей, связь между которыми осуществлялась только через рынок,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.20. С.348.

духовное производство, развитие науки все больше дифференцировалось, и одни ее области все более отделялись от других. Такое состояние в развитии наук оказывало сильное влияние на общую духовную атмосферу, на содержание и предмет самой философии, ибо она не могла уже оставаться прежней в новых условиях.

И философия действительно изменилась и стала выполнять уже другую функцию, продиктованную развитием общества. Отпочкование от философии частных наук породило два важных следствия: с одной стороны, обособлялись, сами себя определяли, вставляли на собственные ноги частные науки, а с другой - четко определялись контуры и самой философии. Если в античном мире не было проблемы взаимоотношения философии и частных наук, то эта проблема реально возникает в новой исторической обстановке. Отныне задача конкретных наук - исследование определенных сторон, аспектов объективного мира, философия же должна создавать обобщающую картину мира. По этой именно причине философию трактовали как *науку наук*. Ибо были убеждены, что только философия способна дать понятие, выполнить связующую функцию и реализовать единство человеческого знания.

Такое «распределение обязанностей» невольно поставило философию в особое положение: частные науки исследуют только части или стороны объективного мира, а сведение получаемых таким образом данных в единое целое - привилегия философии. Возвышение философии над частными науками считалось естественным, ибо представители этих наук были искренне убеждены, что только философия способна реализовать единство человеческого знания и выработать истинное понятие о мире в целом. И философия, надо сказать, с достоинством носила свой титул «науки наук».

Такое понимание философии и ее взаимоотношений с естествознанием вовсе не было результатом заблуждения, оно отражало объективное положение вещей. Дело в том, что в новой общественно-исторической обстановке философия стала выполнять принципиально иную функ-

цию, чем раньше, а именно, как сказано выше, - функцию связи, функцию натурфилософии.

Здесь вполне уместно провести аналогию с «превращениями» золота в условиях товарного производства. В «Капитале» Маркс очень убедительно и наглядно показал, что золото стало всеобщим эквивалентом не из-за своих особых свойств, а потому, что вовлечено в сферу товарных отношений, и только в функции денег приобретает свое могущество в обществе. Сходная ситуация сложилась и для философии в Новое время. Поскольку единая, традиционная система знания, прежде именовавшаяся философией, любовью к мудрости, распалась на мало связанные друг с другом частные науки, возникла потребность в особой науке, которая бы осуществляла эту связь и давала некоторую общую картину мира.

Своеобразное развитие науки, разделение труда в ней породили, таким образом, потребность в духовном «золоте». Подобно тому, как золото стало всеобщим эквивалентом в товарных отношениях благодаря некоторым своим природным качествам, так и философия в функции синтеза, онтологии, натурфилософии приобрела некоторые преимущества, подготовленные всей ее предыдущей историей.

История науки и познания свидетельствует, что философия справлялась со своей задачей, выступая своеобразным духовным эквивалентом других наук. «Нужно признать величайшей заслугой тогдашней философии, что, несмотря на ограниченность современных ей естественнонаучных знаний, она не сбилась с толку, что она, начиная от Спинозы и кончая великими французскими материалистами, настойчиво пыталась объяснить мир из него самого, предоставив детальное оправдание этого естествознанию будущего»¹. Такое положение философии, ее реальная функция в разделении труда, несомненно, соответствовали как уровню развития общественной практики, так и действительному состоянию развивавшейся науки.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.20. С.350.

Однако по неумолимым законам диалектики это соответствие было только относительным и не могло сохраняться всегда. Действительно, ничто не стоит на месте. Все предметы природы, все явления, происходящие в природе и обществе, свойства человеческого мышления непрерывно развиваются, переходят из одного состояния в другое. Это диалектическое положение справедливо и по отношению к истории. «История так же, как и познание, не может получить окончательного завершения в каком-то совершенном, идеальном состоянии человечества; совершенное общество, совершенное «государство», это - вещи, которые могут существовать только в фантазии. Напротив, все общественные порядки, сменяющие друг друга в ходе истории, представляют собой лишь преходящие ступени бесконечного развития человеческого общества от низшей ступени к высшей»¹.

Разумеется, все проходящие в обществе процессы не были безразличны для философии, для философского отношения к миру. Ибо на характер, функцию философии, как известно, влияют не только развитие производства, разделение труда, общественные отношения, но и развитие наук, их взаимоотношения.

В развитии естествознания того времени, таким образом, произошли некоторые важные изменения. Если в XVII-XVIII веках шел главным образом процесс отпочкования от философии конкретных наук, то в середине XIX века начали проявляться и другие закономерности. В частности, в науках стали формироваться элементы целостного рассмотрения и раскрытия внутренней связи, взаимодействия форм и процессов окружающей действительности. «И в самом деле, если до конца прошлого столетия естествознание было преимущественно собирающей наукой, наукой о законченных предметах, то в нашем веке оно стало в сущности упорядочивающей наукой, наукой о процессах, о происхождении и развитии этих предметов и о связи, соединяющей эти процессы природы в одно великое целое»².

¹ Там же. Т.21. С.275.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.21. С.303.

Здесь главную роль сыграли, разумеется, три великих открытия - открытие клеточной теории, открытие закона превращения энергии и создание Дарвином теории естественного отбора. «Благодаря этим трем великим открытиям и прочим громадным успехам естествознания, мы можем теперь в общем и целом обнаружить не только ту связь, которая существует между процессами природы в отдельных ее областях, но также и ту, которая имеется между этими отдельными областями. Таким образом, с помощью фактов, доставленных самим эмпирическим естествознанием, можно в довольно систематической форме дать общую картину природы как связного целого. Дать такого рода общую картину природы было прежде задачей так называемой натурфилософии, которая могла это делать только таким образом, что заменяла неизвестные еще ей действительные связи явлений идеальными, фантастическими связями и замещала недостающие факты вымыслами, пополняя действительные пробелы лишь в воображении»¹.

Указанные процессы стали проявляться не только в естествознании, но и в общественных науках. Было ясно, что это не случайное и не локальное явление, что возникла тенденция, определяющая на будущее общее направление в развитии научно-теоретического познания. «Но это понимание наносит философии смертельный удар в области истории точно так же, как диалектическое понимание природы делает ненужной и невозможной всякую натурфилософию. Теперь задача в той и в другой области заключается не в том, чтобы придумывать связи из головы, а в том, чтобы открывать их в самих фактах. За философией, изгнанной из природы и из истории, остается, таким образом, еще только царство чистой мысли, поскольку оно еще остается: учение о законах самого процесса мышления, логика и диалектика»².

Маркс и Энгельс не только увидели коренные противоречия и указали на новые процессы в производстве, общественных отношениях и в науке, но и теоретически

¹ Там же. С.304.

² Там же. С.316

осмыслили их, открыли те движущие силы, которые в конечном счете порождают и обуславливают подобные изменения. При этом они не ограничились анализом и обобщением фактов наличного бытия общества, но предвидели тенденцию и общее направление исторического процесса. Они раньше, чем кто-либо другой, увидели и поняли значение общественного процесса для философии, для ее судьбы и взаимоотношений с другими науками. Их вывод о неизбежном крушении не только буржуазного способа производства и соответствующих ему общественных отношений, но и всей прежней философии, связанной с этой действительностью, покоится на твердых основаниях диалектико-материалистического анализа общественно-исторического процесса.

В своих теоретических исследованиях философы убедительно обосновали неизбежный конец старой философии, онтологии, натурфилософии. «Теперь же, - писал Ф. Энгельс, - когда нам достаточно взглянуть на результаты изучения природы диалектически, то есть с точки зрения их собственной связи, чтобы составить удовлетворительную для нашего времени «систему природы», и когда сознание диалектического характера этой связи проникает даже в метафизически вышколенные головы естествоиспытателей вопреки их воле, - теперь натурфилософии пришел конец. Всякая попытка воскресить ее не только была бы излишней, а была бы шагом назад»¹.

Отсюда с неизбежностью следовал вывод о необходимости новой философии. Результатом этой революции стал диалектический материализм, предмет и функции которого можно понять только в контексте общественно-исторического движения современности.

Философия диалектического материализма является мировоззрением, методологией и логикой научного познания и как таковая вступает в принципиально иные отношения с конкретными науками, поскольку не претендует на роль науки наук, не создает философскую картину мира, а сама становится конкретной наукой, которая совместно с другими науками участвует в создании целостной научной

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.21. С.305.

картины мира. Эту особенность философии диалектического материализма в свое время отметили Маркс, Энгельс и Ленин. Решительно отвергнув понимание философии как науки наук, основоположники диалектического материализма доказали, что она является такой же наукой, как и другие науки, и выполняет собственную функцию в теоретическом познании окружающей действительности.

В этой связи нередко можно услышать вопрос: если философия перестает быть наукой наук, не претендует на создание общей картины мира и не является учением о мире в целом, то не становится ли она именно поэтому несколько ущербной и не утратит ли в конце концов своего значения? Вопрос этот неправомерен, такое опасение напрасно, поскольку, только отказавшись от претензии на роль науки наук, на создание общей картины мира, философия диалектического материализма впервые в истории познания определила свою область исследования, свой особый предмет. И, таким образом, стала полноправной конкретной наукой, изучающей всеобщие законы природы, общества и человеческого мышления, ибо это и есть ее область исследования, ее собственный предмет.

Крушение натурфилософии, возникновение диалектического материализма вовсе не есть смерть философии вообще, а есть конец старой философии, старого способа философствования, который был внутренне связан со старым разделением труда, со старой формой общественных отношений. Только с возникновением диалектического материализма философия становится по-настоящему самостоятельной наукой. В своем новом качестве она представляет не что-либо другое, не абстрактно-общие связи в общественном разделении труда, а самое себя, т. е., по словам Гегеля, ее в-себе-бытие одновременно выступает и ее для-себя-бытием.

Философия диалектического материализма не есть наука о мире в целом, а конкретная наука, изучающая всеобщие законы природы, общества и человеческого мышления. Причем всеобщие законы бытия и мышления ни в коем случае нельзя трактовать в духе абстрактно-общих определений и схем старой натурфилософии и онтологии.

Специфика диалектико-материалистической философии как раз в том и состоит, что она исследует не абстрактно-общие определения бытия и мышления, а именно всеобщие законы формирования действительности и познающего мышления. Иными словами, в диалектическом материализме основное внимание концентрируется на категориях, всеобщих законах мышления, в которых отражаются всеобщие условия как природы, так и человеческой предметной деятельности по преобразованию природы. Категории поэтому выступают как всеобщие формы отражения объективного в субъективном.

Таким образом, с возникновением диалектического материализма предмет и задачи философии, ее взаимоотношения с другими науками становятся отнюдь не беднее, но намного конкретнее и потому богаче. Если онтология, натурфилософия концентрировала свое внимание только на общих, абстрактных связях действительности, от которых абстрагировалась тогда развивающаяся наука, то философия диалектического материализма исследует всеобщие законы природы, общества и человеческого мышления. Законы диалектики по своей природе не являются абстрактно-общими этим трем сферам, они суть конкретно-всеобщие условия как объективной действительности, так и мышления. Для четкого понимания коренного отличия всеобщих законов в диалектике и абстрактных определений традиционной онтологии необходимо принципиально отличать конкретно-всеобщее от абстрактно-общего. Гегель отмечал, что уже Руссо различал эти понятия: законы государства, записано в «Общественном договоре», непременно должны иметь своим источником всеобщую волю (*volonte generale*), но это не означает, что они непременно должны быть волей всех (*volonte de tous*). Так и конкретно-всеобщее отличается от общего, количественно-общего тем, что является содержательным общим диалектическим единством всеобщего и единичного.

Если философию, не упуская из вида ее предмет и содержание, рассмотреть с этой методологической позиции, то станет ясным следующее: с возникновением диалектического материализма она стала принципиально

иной и выполняет совершенно новую функцию в культуре и познании. Поскольку она изучает всеобщие законы природы, общества и мышления, постольку выступает мировоззрением, логикой и теорией познания. При этом эта философия опирается на всю общественно-историческую практику человечества в ее целостности и на историю познания.

Если раньше существовали три самостоятельные науки - онтология, гносеология и логика¹, то в философии диалектического материализма они сняты, т. е. здесь диалектика, логика и теория познания находятся в нераздельном единстве. Материалистическая диалектика и есть логика и теория познания в одном лице.

Единство диалектики, логики, теории познания - ключ к пониманию предмета диалектической логики. Принцип

¹ Онтология считалась самостоятельной философской наукой, изучающей роды бытия, общие связи мира, его абсолютные начала, конечность и бесконечность. Она также пыталась доказать, бытие бога, бессмертие человеческой души и т. п.

Онтология как наука развивалась и совершенствовалась в философских системах Платона, Демокрита, Аристотеля, Спинозы, Декарта, Ф. Бэкона, Гоббса, французских материалистов и др., которые на основе достижений науки своего времени пытались разработать учение о мире в целом, стремились создать философскую картину мира, Вселенной. Такая попытка онтологии в какой-то мере была оправдана в то время, так как естествознание еще находилось в младенческом состоянии, многие отрасли знания еще не отпочковались от философии.

Гносеология также существовала самостоятельно. Она изучала познавательную деятельность отдельного человека, его абстрактное, внеисторическое взаимоотношение с объектом. Традиционная гносеология описывала формы чувственного и рационального познания, познавательные способности индивида. При этом она абстрагировалась от системы общественных отношений, не понимала активности, социальной обусловленности человеческого познания, человеческой чувственности и мышления. Если же она и допускала какую-нибудь активность индивида, то главным образом внутрисубъектную активность, активность человеческого ума, его индивидуальную способность сравнивать, отбирать, анализировать и т. п. В этом отношении значительный шаг вперед был сделан Кантом, который обосновал деятельность человеческого сознания, его категориальную обусловленность.

Самостоятельно существовала и формальная логика, изучавшая такие формы мышления, как суждение, умозаключение, понятие (термин) и т. п., посредством формально-логических законов тождества, противоречия, исключенного третьего и достаточного основания. Она классифицировала и описывала эти формы мышления, анализировала их структуру, выявляла соотношение одних форм мышления с другими. Особое внимание она уделяла анализу структуры умозаключения, суждения, процессу логического выведения одного суждения из другого. Сводя процесс мышления к рассуждению, к обмену информацией, формальная логика запрещала возможность всякого противоречия в мышлении, строго следила за последовательностью и правильностью языкового оформления мысли.

единства диалектики, логики и теории познания имеет основополагающее значение в понимании содержания философии диалектического материализма, в обосновании предмета диалектической логики.

Этот принцип впервые разработал Гегель, который, исходя из идеалистически трактуемого принципа тождества бытия и мышления, рассматривал все существующее как форму проявления и обнаружения само из себя развивающегося мышления, как ступени саморазвития абсолютного духа. Немецкий диалектик рассматривал идею как всеобщее условие исторически развивающегося целостного духа, как систему чистых сущностей. Он исследовал ее в первой части своей философской системы - в логике. Однако, по Гегелю, процесс саморазвития духа не исчерпывается всеобщими определениями, идеями; в диалектическом развитии абсолютный дух порождает свои особые формы - природу и общественно-историческую реальность. При этом процесс диалектического развития, формообразования духа философ изображает одновременно и как самопознание, самосознание духом своих же всеобщих определений и закономерностей.

Поскольку цель всякой философии, по Гегелю, есть изображение абсолюта, постольку о таком целостном и саморазвивающемся духе может существовать не несколько философских наук, но лишь одна целостная наука. Поэтому в его собственной философии снято самостоятельное и отдельное существование онтологии, гносеологии и логики, ибо Гегель рассматривал их как моменты, аспекты единой философской науки.

Идея тождества диалектики, логики и теории познания в соединении с такими принципами диалектики, как развитие, противоречие, системность, дала возможность Гегелю пойти значительно дальше по сравнению со всей предшествующей философией в понимании мышления, логики и теории познания, хотя идеализм и ложное исходное основание мешали ему глубоко и всесторонне разрешить обсуждаемую проблему.

Подлинное содержание принципа единства (тождества) диалектики, логики и теории познания всесторонне

раскрыто в диалектико-материалистической философии, которая в отличие от Гегеля разработала его с позиции последовательного материализма. Мышление здесь не является особой самостоятельной реальностью, а есть исторически выработанная общественным человеком идеальная форма его предметной деятельности, способа преобразования предметов природы и вещей, создаваемых общественным человеком для человека.

Поскольку мышление есть всеобщая, идеальная форма деятельности, постольку оно не имеет и не может иметь своих особых специфических законов, а в процессе формирования и развития подчиняется тем же универсальным диалектическим законам, которые господствуют в объективной действительности и едины для всего сущего. Иными словами, развитие человеческого мышления подчиняется тем же всеобщим законам, по которым живут и природа и общество. Следовательно, всеобщие законы объективного бытия являются одновременно всеобщими законами субъективного, т. е. мышления.

Поэтому истинное понимание природы логических категорий возможно лишь тогда, когда они рассматриваются как отражение объективного в субъективном. Любой другой подход к анализу всеобщих определений мышления приводит к тому, что принципиально искажается их содержание в рамках неизбежно возникающих в таком случае односторонних теоретических концепций. Если, например, пренебречь реальными связями категорий с действительностью и в то же время подчеркнуть их субъективное происхождение, то мы окажемся в пределах кантовского априоризма. Если же станем рассматривать категории только как роды бытия, как общие связи мира и при этом не оттеним их гносеологический аспект, то такое исследование окажется вполне в духе традиционной онтологии. Но и кантовский априоризм и онтологический способ не могут привести к положительному результату в исследовании мышления и потому отвергнуты диалектико-материалистической философией; обе эти концепции не

имеют ничего общего с материалистической диалектикой, понимаемой как логика и теория познания, с ее трактовкой природы универсальных категорий.

Особенность содержательной диалектики в том и состоит, что она изучает не просто общие связи природы, не абстрактно-общие определения бытия и мышления; она исследует всеобщие законы формирования и развития природы, общества и мышления. Именно как наука о всеобщих законах бытия и мышления материалистическая диалектика и выступает одновременно в функции логики и теории познания. Вне этой функции диалектика не является диалектикой, ее содержание перерождается, и сама она может превратиться в традиционную онтологию или в некую метанауку.

Быть одновременно логикой и теорией познания - это не сторона, не аспект, а самая суть диалектики. Подобно тому как единое едино, потому что существует многое, диалектика является диалектикой в диалектико-материалистическом ее понимании, потому что она одновременно есть логика и теория познания. В.И. Ленин настойчиво подчеркивал это: «Диалектика и есть теория познания (Гегеля и) марксизма: вот на какую «сторону» дела (это не «сторона» дела, а *суть* дела) не обратил внимания Плеханов, не говоря уже о других марксистах»¹.

В материалистической диалектике логика и теория познания существуют в диалектическом единстве. Без такого понимания сути диалектики, без понимания диалектики как логики и теории познания серьезно искажается (огрубляется) истолкование природы как диалектики, так и логики и теории познания.

Диалектика, оторванная от функции логики и теории познания, перестает быть подлинной, содержательной диалектикой и закономерно превращается в некую науку об общих связях и абстрактных определениях мира и тем самым лишается своего философского, мировоззренческого статуса. То же самое можно сказать о логике и теории познания. Если логику, учение о формах мышления оторвать от диалектики, от всеобщих законов природы,

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С.321.

общества и человеческого мышления, то она перестает быть диалектической логикой и, по существу, превращается в традиционную формальную логику, в науку о формальных правилах человеческой субъективной мыслительной деятельности.

Нечто похожее происходит и в том случае, когда теорию познания отрывают от диалектики: если не понимать теорию познания как функцию диалектики, не рассматривать ее как науку, применяющую к познавательному процессу всеобщие законы природы, общества и человеческого мышления, то она перестает быть диалектико-материалистической теорией познания и неизбежно превращается в традиционную гносеологию, которая, как было сказано, трактует познавательный процесс чисто психологически, поскольку субъектом познания считает отдельно взятого человека и концентрирует внимание на его якобы врожденных познавательных способностях.

Таким образом, необходимо подчеркнуть, что материалистически понимаемый принцип единства диалектики, логики и теории познания имеет фундаментальное значение в философии диалектического материализма. Именно это отличает ее от всей предшествующей философии, именно это выявляет и всю глубину марксова исследования проблемы мышления, логики и теории познания. Отныне о всеобщих законах бытия и мышления существует одна наука - материалистическая диалектика, которая выступает в функции мировоззрения, логики и теории познания. «Если Магх не оставил *«Логики»* (с большой буквы), то он оставил *логику* *«Капитала»*, и это следовало бы сугубо использовать по данному вопросу. В *«Капитале»* применена к одной науке логика, диалектика и теория познания [не надо 3-х слов: это одно и то же] материализма, взявшего все ценное у Гегеля и двинувшего сие ценное вперед»¹.

Диалектика в ее функции мировоззрения, методологии исследует всеобщие законы формообразования природы, всеобщие законы развития общественной практики, всеобщие условия возникновения и развития человека, его мышления, сознания, языка, нравственности и других духовных сфер.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С.301.

В функции же логики диалектика имеет дело со всеобщими условиями формирования человеческого мышления, всеобщими условиями развития и функционирования человеческого знания. А в функции теории познания диалектика исследует всеобщие законы познания, всеобщие законы духовного постижения общественным субъектом объективной реальности в ее исторически развивающихся формах.

Поскольку все эти аспекты суть только различные функции единой материалистической диалектики, понимаемой как логика и теория познания, постольку она во всех трех своих ипостасях имеет дело с одними и теми же всеобщими законами¹. Если в логике законы диалектики (категории) выступают как всеобщее условие формирования и развития мышления, теоретического знания, то в теории познания те же законы, категории выступают как всеобщие условия познания субъектом объекта, как всеобщие законы, регулирующие их внутренние взаимоотношения.

Таким образом, диалектическая логика есть материалистическая диалектика в ее логических функциях, раскрывающая значение и функционирование всеобщих законов развития объективного мира в качестве законов мышления, изучающая связь форм мышления, их субординацию в ходе движения познания к истине, в аспекте логического как отражения исторического.

¹ «У диалектики нет предмета, - писал Э.В. Ильенков, - отличного от предмета теории познания (логики), так же, как у логики (теории познания) нет объекта изучения, который отличался бы от предмета диалектики. И там, и тут речь идет о всеобщих, универсальных формах и законах развития вообще, отражаемых в сознании именно в виде логических форм и законов мышления через определения категорий» (Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М., 1984. С.202).

Глава 2.

Содержательная логика о теоретическом мышлении

Диалектическая логика, как уже отмечалось, является материалистической логикой. В трактовке мышления, логических категорий она принципиально отличается от всей прежней философии и логики, которые в исследовании этих проблем встречались с серьезными трудностями и допускали теоретические ошибки и промахи. Так, например, ни рационализм, ни эмпиризм не смогли понять природу мышления, удовлетворительно обосновать происхождение и развитие логических категорий, универсальных понятий.

Рационалисты допускали наличие врожденных понятий, из которых пытались вывести всю систему человеческого знания. Однако с позиции этой гносеологии трудно объяснить творческое, расширяющее значение нашего знания. В самом деле: если вся система наличных знаний проистекает из первичных врожденных понятий, то она не должна и не может выходить за пределы, поставленные исходными понятиями. В действительности же научно-теоретическое знание имеет творческий и расширяющий характер, что невозможно объяснить с позиций рационализма.

Не смогли обосновать природу человеческого мышления, универсальных понятий и эмпирики, исходившие из идеи опытного, чувственного происхождения всех форм знаний, в том числе логических категорий. Правда, с их позиций легко объясняется творческий, синтетический характер наших знаний, теоретических положений, но при этом становится невозможным обосновать всеобщность и необходимость логических категорий.

Слабость в это вопросе демонстрирует, в частности, позитивистская философия. Дело в том, что неопозитивизм в своей логике старается редуцировать систему имеющихся знаний к некоторому числу базисных, элементарных предложений, которые интерпретируются им как последние и не допускающие какого-либо сомнения.

Эти последние, «неразложимые протокольные предложения» Р. Карнапом, например, характеризуются как данные чувственного, индивидуального опыта. Они непосредственно даны, «неопровержимы» и полностью «свободны» от рациональных моментов. Определив таким образом природу базисного, «протокольного знания», неопозитивизм вновь встретился с теми трудностями, которые встречаются на пути всякой эмпирической философии. В самом деле, «если протокольные предложения» только индивидуальны, чувственны, то как возможна всеобщность и общезначимость человеческого познания.

Попытки уйти от этой трудности заставили логический позитивизм претерпеть некоторую эволюцию в понимании исходного пункта системы знания. Так, М. Шлик в свое время предлагал различить в этом исходном знании два момента: с одной стороны - индивидуальное, невыразимое, чувственное содержание, с другой - структурное отношение внутри опыта, общезначимую «форму». «Мы можем убедиться на примере учения Шлика о “структуре” и “содержании”, - справедливо отмечает В.С. Швырев, - что уже с самого начала логические позитивисты, столкнувшись с трудностями в проведении своей доктрины базисного знания, вынуждены отходить от последовательного позитивистского сенсуализма. Ведь, по Шлику, элементы языка (“форма”) имеют общезначимый характер, принципиально не сводимый к непосредственному опыту. Однако этот отход от последовательной субъективистско-сенсуалистической позиции не спасает дела. Остается все-таки непонятным, как осуществляется на уровне базисного знания единство чувственности и фактора, который находит свое выражение в речи, что представляет собой механизм связи между этими двумя компонентами единого человеческого процесса познания»¹.

Вся дискуссия по «протокольным предложениям», эволюция неопозитивизма, его отход от последовательного редукционизма отчетливо показали неспособность

¹ Швырев В.С. Неопозитивизм и проблемы эмпирического обоснования науки. М., 1966. С.44.

позитивизма удовлетворительно обосновать логику научного знания, раскрыть отношение всеобщего и единичного, непосредственного и опосредованного, аналитического и синтетического.

Еще одним свидетельством бессилия неопозитивизма решить реальные трудности познания, возникающие в связи с эмпирическим началом, является попытка Р. Карнапа, предпринятая им в статье «Физикалистский язык - как универсальный язык науки»¹. В этой работе он старается соединить непосредственную проверяемость с общезначимостью. В роли языка-посредника предлагается физикалистский язык, который якобы, с одной стороны, дает коммуникацию индивидов, с другой - создает условия для выражения «непосредственного опыта». Если один протокольный язык в силу своей крайней индивидуальности непереволим на другой протокольный язык, то оба они переводимы на физикалистский язык.

В дальнейшем неопозитивизм стал отходить от крайнего эмпиризма. Этому главным образом способствовали дискуссии, теоретические трудности в понимании базисного знания. «Не существует способа, - писал О. Нейрат, - сделать абсолютно достоверные предложения отправной точкой науки. Нет никакой *tabula rasa*. Нас можно сравнить с моряками, которые должны построить свой корабль в открытом море, не будучи даже в состоянии поставить его в док, чтобы перестроить его по частям»².

Не смог преодолеть односторонность в это вопросе и И. Кант, который, как и многие его предшественники, трактовал мышление как субъективную деятельность отдельного индивида. Видя невозможность обоснования категорий на основе чувственного опыта, кенигсбергский философ рассматривал их как априорные, доопытные формы человеческого рассудка.

Справедливой критике кантовскую концепцию априоризма подверг Г. Гегель, рассматривавший категории, всеобщие понятия как объективные формы, как единство

¹ Rudolf Carnap, *Logical Empiricist. Materials and Perspectives*. Ed. by J. Hintikka. Dordrecht, Reidel, 1975.

² Neurath O. *Protokollsätze. "Erkenntniss"*. 1932. Bd. 2. S.206.

объективного и субъективного, как систему чистых сущностей, как ступени в развитии абсолютного духа. Если до Гегеля мышление отождествляли с размышлением, рассуждением, видя главное его проявление в языке, слове, то немецкий диалектик трактовал мышление широко, рассматривал его как субстанцию, основание всей природы и человеческого общения, творчески порождающее самого себя и всю систему человеческой материальной и духовной культуры. По мнению ученого, такое объективное, универсальное мышление, способное порождать весь мир культуры, не может существовать, функционировать на основе таких абстрактных законов формальной логики, как законы тождества, противоречия; оно существует и творчески развивается на основе всей системы категорий, универсальных законов мышления, внутренний стержень которых есть закон тождества противоположностей.

Гегелю принадлежит заслуга реализации принципиально нового, широкого понимания разума, мышления. Ученый был убежден - и это убеждение он последовательно провел в логике, в философии, - что разум, мышление реально существуют не только в языке, в результатах умственной деятельности (понятиях и категориях), но проявляет себя и во всей человеческой культуре. В предмет логики, мышления входит, следовательно, не только словесное выражение, языковая экспликация, в него должно быть включено все то, что называют миром человеческой культуры, которая создана работой предшествующих поколений. Если мы хотим понять природу, сущность мышления, то прежде всего мы должны проанализировать весь мир духовной и материальной культуры человечества, историю его формирования и развития. Поэтому Гегель решительно отвергал традиционное представление о мышлении как субъективно-психологической способности индивида.

Рациональное в гегелевской теории мышления состоит в том, что она придает мышлению статус *родовой* способности человечества вообще, деяния, в котором участвуют более или менее обширные коллективы мыслящих индивидов, взаимно корректирующих друг друга. Мышление как всеобщая способность человечества реализуется через

совместную деятельность мыслящих людей и существует благодаря им. В то же время каждый индивид, включенный в социальную среду, в процессе этого кооперированного творчества мыслит в зависимости от уровня собственных сил и способностей. Наиболее выдающиеся представители мыслящего человечества приближаются к действительному мышлению общества, выражают его, становятся на точку зрения общества, осваивающего новые области деятельности и опредмечивающего духовно-теоретическую способность мышления.

Следовательно, мышление, по Гегелю, есть вся совокупность интеллектуальных действий людей в процессе их кооперированного творчества. Единичный индивид принимает участие в творениях коллективного духа, в работе всеобщего мышления по законам действительного мышления, реализующегося в развитии общественного сознания. Совокупная интеллектуальная деятельность, коллективно творимая людьми, деятельная сторона мышления анализируется философом в первую очередь. Немецкий диалектик, таким образом, ввел в предмет логики результаты деятельности людей вообще, историю науки и техники, как отмечал Ленин, Гегель здесь «подошел вплотную к материализму»¹.

Итак, мышление есть реальный процесс, имеющий своим результатом не только слова, язык, но и вещи, предметы культуры. Они суть результаты логической деятельности по опредмечиванию форм мышления: дом есть итог замысла архитектора, машина - воплощение мысли инженера и т. д. Именно поэтому, вследствие включения фазы реальной деятельности людей по опредмечиванию своей идеальной деятельности, Гегель смог рассмотреть мышление с точки зрения его формы, проанализировать категории как чистые сущности, универсальные определения мышления².

Внутри самого учения о категориях как существенных моментах познания мира Гегель применил принципы развития категорий, конкретности и тождества противо-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29. С.250.

² Этот аспект гегелевской концепции мышления рассмотрен в работе: Ильенков Э. В. Диалектическая логика. М., 1984.

положностей. Применение этих принципов дало возможность поднять категории с уровня абстрактно-общих представлений до уровня конкретных понятий. В системе немецкого философа все категории выступили в целостном единстве, что является колоссальным достижением гегелевского учения. Ученый не ограничился простым описанием категорий и их систематизацией, но показал их целостную природу. Немецкий диалектик дал определения категорий внутри целостной системы, где каждая категория обладала и абстрактностью, и конкретностью, и являлась ступенькой к последующей.

Однако Гегель признавал подлинное развитие лишь в сфере идеального мышления и трактовал объективную реальность внешнего мира как опредмеченное и отчужденное мышление рода. Всю историю человеческой культуры ученый считал следствием внутренней активности общечеловеческого духа, а потому высшим видом деятельности он признавал духовный труд, чисто теоретическую деятельность. У немецкого философа мышление доминирует над всеми природными образованиями.

Гегелевское учение о разуме, мышлении как тождестве бытия и мышления, субъективного и объективного внутренне связано с его концепцией субъекта познания, познавательной деятельности. Если Кант к познавательному процессу подходил психологически, так как субъектом познания считал отдельного индивида, его сознание, то Гегель с самого начала под субъектом познания понимал некоторый коллективный разум, духовную деятельность, идею. Отдельный человек, его сознание при этом является только модусом, своеобразной формой проявления абсолютного мышления.

Гегель в своей философии проследил становление, саморазвитие и самосознание такого абсолютного субъекта, абсолютного мышления, что позволило ему последовательно преодолеть прежде всего кантовский априоризм. Психологизм, положенный Кантом в основу его теоретико-познавательной позиции, не позволил последнему объяснить и обосновать возникновение универсальных категорий в составе теоретического мышления. Вследст-

вие этого кенигсбергский мыслитель трактовал их как всеобщие и необходимые априорные формы рассудка, при помощи которых рассудок синтезирует опыт, чувственное многообразие и обуславливает возможность научно-теоретического знания.

Гегель исходил из принципиально другого понимания. Субъектом он считал некий дух, коллективное мышление, абсолютную идею, которая, хотя и существует от века и предшествует природе и обществу, является все же самостоятельной субстанцией, исторически развивающимся субъектом. Иными словами, абсолютная идея становится истиной, соответствует своему понятию только в процессе восхождения от абстрактного к конкретному. Поэтому в понимании Гегеля категории мышления вовсе не априорные формы, а ступени, всеобщие определения самой из себя развивающейся идеи, мышления.

В отличие от Канта, который только постулировал необходимость в мышлении априорных категорий рассудка, Гегель глубоко проанализировал историческое и логическое формирование категорий в составе саморазвивающегося мышления. Философ обосновал и содержательную дедукцию категорий, всеобщих определений мышления на основе принципа исторического и логического, что сохраняет определенное теоретическое значение и поныне.

Гегель подверг основательной критике формализм, искусственность кантовской трансцендентальной дедукции категорий, раскрыл формализм его таблицы категорий. Недостаток кантовской дедукции Гегель прежде всего видел в ограниченности и узости той основы, на которую опирался кенигсбергский философ. При обосновании своей таблицы категорий Кант, например, исходил из четырех функций суждений, существовавших в традиционной логике. Такое обоснование таблицы категорий, по мнению Гегеля, страдало формализмом, поскольку в нем не было даже намека на действительную их (категорий) дедукцию.

В отличие от Канта Гегель стремился дать содержательную дедукцию логических категорий, всеобщих определений мышления, при этом он опирался на историю философии, широко привлекая историю познания, глубоко анализируя

поступательное развитие человеческого сознания. Все это послужило философу более широким фундаментом для обоснования внутренней взаимосвязи и последовательности логических категорий. Достаточно широкая историческая и логическая база дала возможность немецкому диалектику рассмотреть более богатую сеть философских понятий, категорий по сравнению со своими предшественниками и глубже обосновать дедукцию, систему всеобщих определений мышления.

Подлинное преимущество подхода Гегеля по сравнению с кантовским состоит, следовательно, в том, что первый рассматривает категории, их последовательность и взаимную связь в контексте развития человеческого сознания, в составе развития человеческой духовной культуры, правда, в мистифицированной форме. Вот почему гегелевской логикой, хотя и в мистифицированной форме, охвачено действительное взаимоотношение логических категорий, всеобщих определений человеческого мышления.

Гегелевская дедукция категорий тесно связана с обоснованием исходного принципа абсолютного идеализма. Философ исходил из убеждения, что становление идеи тождества бытия и мышления, концепции абсолютного знания, понятия науки, рассмотренные им в «Феноменологии духа», есть одновременно процесс становления и формирования категорий, форм мышления в ходе поступательного развития человеческого сознания. При этом Гегель в отличие от своих предшественников рассматривал категории, понятия как ступени, узловые пункты самого из себя развивающегося сознания, духа.

Гегель видел фундаментальное значение своего труда именно в последовательном выведении и обосновании логических категорий, выявлении их внутренней связи, обосновании понятия науки, потому отмечал: «В «Феноменологии духа» я представлял сознание в его последовательном движении от первой непосредственной противоположности между ним и предметом до абсолютного знания. Этот путь проходил через все формы отношения сознания к объекту и имеет своим результатом понятие науки. Это понятие, следовательно (независимо от того, что

оно возникает в рамках самой логики), не нуждается здесь в оправдании, так как оно его получило уже там; и оно не может иметь никакого другого оправдания, кроме этого его порождения сознанием, для которого все его собственные образы разрешаются в это понятие, как в истину»¹. И далее: «Итак, в настоящем произведении понятие чистой науки и его дедукция берется как предпосылка постольку, поскольку феноменология духа есть не что иное, как дедукция его»².

Гегелевская дедукция категорий, логического строя мышления опирается не только на историческое развитие сознания, историю познания, но также на логику внутренней взаимосвязи понятий коллективного мышления, на логику развития идеи. При этом ученый не только сформулировал понятие философских категорий, но и показал место и функцию каждой из них в процессе становления и саморазвития абсолютной идеи.

Понятие «идея» выступает началом философии немецкого диалектика. Идея в его истолковании по своей природе есть тот же дух, рассмотренный в чистом виде. Особенность гегелевского подхода состоит в том, что природу, последовательное развитие философских категорий, их имманентные определения он рассматривает в контексте идеи, полагая их ступенями ее саморазвития. Следовательно, в гегелевской философии идея выступает не как абстракция, а как целостность, конкретность и система внутренне взаимосвязанных определений. Однако ученый постоянно подчеркивал, что идея свою целостность, конкретность проявляет не с самого начала, а в ходе своего развития, самодвижения и этому процессу соответствуют вначале самые абстрактные и бедные определения, в конце же - самые богатые, сложные определения (категории) идеи. В гегелевской философии идея - это единство многообразного, сложно расчлененная система, система чистых сущностей, которая в своем последовательном развитии подчиняется методу восхождения от абстрактного к конкретному.

¹ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М., 1970. Т.1. С.101.

² Там же. С.102.

Гегель, таким образом, разработал свое оригинальное, диалектическое учение о системе, системности идеи, которое отличается как от представлений Канта, Фихте и Шеллинга о данном предмете, так и от современного его понимания в формализованных системах. Немецкий философ поднял, понятие системности логических категорий до научного уровня, разработал конкретное понятие системы, продуктивное содержание которой можно выявить только посредством таких фундаментальных философских принципов, как развитие, противоречие, формообразование, восхождение от абстрактного к конкретному, историческое и логическое и т. п.

Гегелевское понимание системности логических категорий не имеет ничего общего с тем поверхностным представлением, когда видят только внешние связи вещей и явлений и коррелятивные их отношения. В трактовке философа система - это прежде всего результат развития идеи, приводящее к образованию понятия. Последнее, начиная с абстрактных, непосредственных определенностей мышления, благодаря противоречию и его разрешению, образует все новые и новые формы, которые также развиваются, и при этом обнаруживается их противоречие, а его разрешение снова приводит к возникновению новых формообразований и так далее. Логику такого развития мысли описал К. Маркс в «Нищете философии»: «Слияние этих двух мыслей, противоречащих одна другой, образует новую мысль - их синтез. Эта новая мысль опять раздваивается на две противоречащие друг другу мысли, которые, в свою очередь, сливаются в новый синтез. Этот процесс рождения создает группу мыслей. Группа мыслей подчиняется тому же диалектическому движению, как и простая категория, и имеет в качестве своего антитезиса другую, противоречащую ей группу. Из этих двух групп мыслей рождается новая группа мыслей - их синтез.

Как из диалектического движения простых категорий рождается группа, так из диалектического движения групп возникает ряд, а диалектическое движение рядов порождает всю систему в целом»¹.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.4. С.132.

Гегель убежденно и последовательно проводит в своей философии ту мысль, что в процессе развития, перехода от одной ступени к другой идея становится все содержательнее. Внутренним ритмом процесса развития логических категорий является восхождение от абстрактного к конкретному. В результате последовательного движения чистого мышления мы имеем конкретное понятие идеи, конкретное учение о систематически развивающемся мышлении, т. е. логику как учение о чистых сущностях. «Логику, стало быть, - писал Гегель, - следует понимать как систему чистого разума, как царство чистой мысли. Это царство есть истина, какова она без покровов, в себе и для себя самой»¹.

Философ понимает природу категорий, их развитие и системность идеалистически, ибо мышление, идеи, категории трактуются им как нечто саморазвивающееся, как нечто живущее самостоятельной жизнью. Внутренней пружиной саморазвития идей, логических категорий является, по Гегелю, противоречие, отрицание отрицания. «В чем состоит движение чистого разума?, - задается вопросом Маркс и разъясняет не без иронии, - в том, что он полагает себя, противопоставляет себя самому себе и сочетается с самим собой, в том, что он формулирует себя как тезис, антитезис и синтез, или еще в том, что он себя утверждает, себя отрицает и отрицает свое отрицание»².

Особенность гегелевского понимания целостности, системности категорий состоит, как было сказано, в том, что она образуется в процессе развития чистого разума, идеи. Каждая категория получает свое содержание как ступень в развитии абсолютной идеи, чистого разума. В свою очередь, чистый разум приходит к своей целостности, системности и конкретности только в результате диалектического соединения, синтеза всеобщих определений, категорий мышления. Поэтому абсолютная идея выступает как результат, но не абстрактный результат, а как то, что только в конце восхождения от абстрактного к конкретному является в своей истинной форме.

¹ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. С.103

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С.131.

Абсолютная идея поэтому выступает как такой субъект, который только в процессе самодвижения, разрешения ряда противоречий и достигает своей истинной конкретности, целостности. «Результат только потому тождественен началу, - писал Гегель, - что начало есть цель или: действительное только потому тождественно своему понятию, что непосредственное в нем самом имеет в качестве цели самость или чистую действительность. Осуществленная цель или налично-сущее действительное есть движение и развернутое становление, но именно этот непокой и есть самость, и она равна названной непосредственности и простоте начала потому, что она есть результат, то, что вернулось в себя; но то, что вернулось в себя, есть именно самость, а самость есть относящееся к себе равенство и простота»¹.

Согласно Гегелю, только такое движение образует некоторую систему, являющуюся формой существования науки, формой реализации истины. «Истинной формой, в которой существует истина, - отмечал философ, - может быть лишь научная система ее. Моим намерением было - способствовать приближению философии к форме науки»².

Согласно гегелевской логике, каждое универсальное понятие, категория содержит в себе свое другое, свою противоположность, равно как и необходимость их дальнейшего движения и перехода друг в друга. Здесь отдельные понятия трактуются лишь как сторона конкретной тотальности, они внутренне связаны и имманентно переходят друг в друга. Основной недостаток метафизического, рассудочного мышления, по Гегелю, в том именно и состоит, что оно не может познать внутренние связи этих определенностей, а стало быть, не способно охватить и полную истину, привести познающее мышление к субстанциальным, целостным принципам рассматриваемого предмета.

В гегелевской же логике категории, формы мысли конкретны, целостны как в своей парности, так и в системе. Ученый открыл внутренние взаимосвязи не только парных,

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения: В 14 т. М., 1959. Т.4. С.11.

² Гегель Г.В.Ф. Сочинения: В 14 т. М., 1959. Т.4. С.3.

но и вообще всех философских категорий. В результате этого диалектического рассмотрения перед нами предстала сложная саморазвивающаяся система мысли, состоящая из ряда последовательных формообразований, целостностей, которые от наипростейшего формообразования восходят к самым сложным формам. В гегелевской логике подчеркнута также и то, что тождество противоположностей является не только внутренним ритмом развития парных категорий, но и внутренним законом всей системы категорий, ибо парные категории развиваются от уровня к уровню, восходят от абстрактного к конкретному лишь благодаря закону тождества противоположностей, благодаря разрешению противоречия.

Развитие чистого мышления, идеи, системы категорий, по остроумному замечанию Э.В. Ильенкова, напоминает художника, который вознамерился создать автопортрет, предельно точно воспроизведя свой облик. Но за время работы над портретом изменились и облик художника, и его представление о себе. Автопортрет не удовлетворил живописца, поскольку уже не соответствовал данному его состоянию, его представлению о себе. Художник снова и снова берется за работу, но каждый новый автопортрет постигает та же неудача: он так же далек от оригинала, как и все предыдущие. Подобным же образом абсолютная идея в ходе саморазвития формирует множество своих всеобщих определений, которые в отдельности охватывают лишь ту или иную ее сторону; только в своем единстве они способны дать конкретное понятие абсолютного.

Действительно, каждое отдельное понятие односторонне, недостаточно, нуждается в дополнении своей противоположностью, а в соединении с ней образует более высокое понятие, которое стоит ближе к истине, но опять-таки не дает ее. Даже последнее и самое богатое понятие - абсолютная идея - само по себе еще не есть полная истина; окончательному же результату принадлежит и все то развитие, через которое это понятие прошло. Только благодаря такой диалектике понятий философия соответствует живой действительности.

Мышление - это не произвольная игра понятиями, а *объективный процесс*. Так как мир и его основа есть развитие, то и познать его можно только через развитие. Закон, которому следует развитие понятия, как в общих чертах, так и в деталях, есть движение от положения к противоположению и от него - к соединению. Логика развития всей системы подчиняется закону отрицания. Так создается система категорий, ибо их диалектическая обработка есть не только раскрытие внутренних противоречий в изолированных категориях, но и установление их взаимосвязи, перехода одной категории в другую. Такое развитие понятий - это объективная, а не субъективная необходимость, поскольку для Гегеля понятие и есть сама объективность абсолютной идеи.

Важной особенностью гегелевской логики является и то, что философ не ограничивался исследованием отдельной стороны мышления, что было характерно для традиционной формальной логики, а изучал человеческое мышление в его целостности. Гегель сначала исследовал универсальные, всеобщие определенности мышления, рассматривал саморазвитие категорий независимо от конечных, превращенных форм. Только на следующем этапе он специально исследовал такие формы мышления, как суждение, умозаключение, раскрыл их связь с универсальными определениями мышления - категориями.

Гегелевское целостное исследование мышления - это крупный этап в изучении проблемы мышления. Традиционная логика, как было неоднократно сказано, ограничивалась изучением форм мышления, описывала их, классифицировала, анализировала формы выводного знания. В отличие от такой логики немецкий диалектик исследовал всю целостную природу саморазвивающегося мышления. В его логике центральное место занимает учение о категориях, всеобщих определениях человеческого мышления. Ученый по-новому, на основе принципа развития исследовал также и формы мышления (суждения, умозаключения), являющиеся, по существу, конечными, превращенными языковыми формами мышления.

Несомненным достижением Гегеля следует считать также то, что он сделал попытку рассмотреть мышление теоретически, на его собственной основе, изучить мышление, понять его сущность, исходя из всеобщих определений, проследить поступательное развитие этих категорий, рассмотреть глубокую связь универсальных понятий с превращенными формами и тем самым постичь мышление в его целостности. Доказывая необходимость именно такого исследования, ученый писал, что философия должна познать предметы «не в их частности, а в их всеобщности, в их роде, в их в-себе и для-себя бытии»¹.

Таким образом, по сравнению со всей предшествующей философией, Гегель разработал глубокое учение о категориях, об их внутренней связи и содержательной субординации, начиная с категории бытия и кончая абсолютной идеей. Возникает вопрос: на чем же основана гегелевская систематизация категорий? Каковы преимущества и недостатки гегелевской концепции категорий?

Внимательный анализ гегелевской логики, систематизации категорий свидетельствует о том, что философ не взял категории из головы, чтобы формально свести их в систему, и, в отличие от Канта, не заимствовал их таблицу из существующих функций суждений. Для исследования категорий немецкий диалектик прямо обратился к истории познания, истории духовной культуры и истории философии. Правда, Гегель - идеалист и потому не понимал внутреннего закона реальной истории, общественно-исторического движения народов. Вследствие этого он мистифицировал и извратил как реальный исторический процесс, действительную историю живых общественных индивидов, так и духовную историю - историю познания, культуры и философии.

Все это внутренне связано с тем, что Гегель знал и признавал только один вид труда, абстрактно-духовный труд. Иными словами, Гегель был убежден, что реальная, эмпирическая история, смена эпох и событий, изменение образа жизни народов, борьба конкретных личностей и народов имеют своим всеобщим основанием, движущей

¹ Гегель Г.В.Ф. Соч. Т.12. С.23.

силой не самих себя, а выступают лишь внешним проявлением саморазвития мистического субъекта, идеи, духа, деятельность которого будто бы и определяет смысл исторических событий, характер и содержание конкретно-исторического движения.

Основной порок такого взгляда на историю человечества и познания состоит в том, что мышление, сознание, категории исследуются не в связи с обществом, реальной историей личностей, а как самостоятельные, субстанциальные, саморазвивающиеся сущности, от деятельности которых зависит содержание всего другого,

Гегель впал в иллюзию, полагая, что в логике, являющейся системой чистых сущностей, он только прослеживает сугубо логическое развитие идеи, мышления, которые сами по себе якобы изначально и предшествуют природе и обществу. На самом же деле гегелевская логика, система категорий имеет вполне земную основу, она отчуждена, абстрагирована от реальной человеческой истории, истории познания, и можно даже сказать, что она заимствована из мистифицировано понятой мыслителем истории философии.

Иными словами, при обосновании своей системы категорий Гегель опирался на разработанный им же принцип исторического и логического. Внутреннюю взаимосвязь, систему логических категорий он заимствовал из реальной истории философского знания, но, будучи идеалистом, тут же извратил и мистифицировал этот процесс, ибо идеи, категории, абстрагированные от реальной истории познания, отрываются им от реальной почвы и выдаются за такие, которые якобы существуют изначально, имеют самостоятельную жизнь и проявляются-де через природу и реальную историю. Особенность гегелевской объективно-идеалистической трактовки состоит в том, что истинно субстанциальное рассматривается как форма проявления идеи, а то, что действительно является формой, объявляется сущностью, субстанцией всего существующего.

Как избавиться от подобных идеалистических заблуждений, объяснили К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии»: «Философам достаточно было бы свести свой

язык к обыкновенному языку, от которого он абстрагирован, чтобы узнать в нем извращенный язык действительного мира и понять, что ни мысли, ни язык не образуют сами по себе особого царства, что они - только проявления действительной жизни»¹.

В своей логике Гегель пытался доказать, что речь идет о саморазвитии чистого мышления, идеи по методу восхождения от абстрактного к конкретному. Но это лишь иллюзия объективного идеализма, результат некритического, непосредственного обобщения отчужденного мира, в котором идеи, мысли отрываются от действительности, от реальных общественных отношений и выдают себя за нечто самостоятельное, существующее изначально.

«Мы уже показали, что обособление мыслей и идей в качестве самостоятельных сил есть следствие обособления личных отношений и связей между индивидами. Мы показали, что исключительное систематическое занятие этими мыслями, практикуемое идеологами и философами, а значит и систематизирование этих мыслей есть следствие разделения труда и что в частности немецкая философия есть следствие немецких мелкобуржуазных отношений»².

Таким образом, «тайна» гегелевской системы категорий в том и состоит, что философ абстрагировал их (или воспользовался результатом прежней абстракции) от реального мира и человеческой истории. Иными словами, богатая сеть гегелевских категорий, всеобщих определений мысли - это теоретические абстракции, абсолютизированные образы конкретного развития материальной и духовной культуры, функционирующие в его философии как самостоятельные сущности. Они возникли в логике, в философии в результате абстракции от индивидуальных особенностей, от конкретных элементов, форм и границ реально развивающегося общественно-исторического процесса, от истории философии и познания.

«Абстрагируя таким образом от всякого предмета все его так называемые акциденции, одушевленные или не-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.3. С.449.

² Там же. С.449.

одушевленные, человеческие или вещественные, мы имеем основание сказать, что в последней степени абстракции у нас получаются в качестве субстанции логические категории»¹. «Удивительно ли после этого, что все существующее, все живущее на земле и под водой может быть сведено с помощью абстракции к логической категории, что весь реальный мир может, таким образом, потонуть в мире абстракций, в мире логических категорий?»².

Маркс всесторонне раскрыл тайну гегелевской спекулятивной конструкции, своеобразие которой состояло в том, что Гегель создавал всеобщие понятия и категории, абстрагируясь от конкретных особенностей реальной жизни и познания, что является вполне закономерным актом. Однако тут же этот процесс мистифицировался и идеалистически интерпретировался: процесс абстракции от реальной действительности он рассматривает не как отвлечение, а как анализ, в результате которого выявляются истинные, субстанциальные определения эмпирической реальности. Философ по-своему был убежден, что категории и понятия - вовсе не субъективные формы объективного, а есть подлинная сущность, субстанциальные определения действительной жизни.

Говоря о гегелевском методе спекулятивной конструкции, мы, конечно, не забываем о том, что не все категории, взятые Гегелем для исследования, абстрагированы от действительности им самим. Многие логические категории, как известно, были разработаны, исследованы задолго до Гегеля. Но мы помним и о том, что немецкий диалектик проанализировал категории на более широкой основе, привлек к рассмотрению в логике более широкую сеть философских категорий, по-новому интерпретировал и переосмыслил проблему мышления, разработал понятие категорий, раскрыл их внутреннюю взаимосвязь и последовательность на основе объективного идеализма. В отличие от своих предшественников он рассмотрел категории не как абстрактно-общее, а как конкретно-всеобщее, содержательное определение мысли.

¹ Там же. Т.4. С.130.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.4. С. 131.

Как уже отмечалось, категории, их внутренние взаимосвязи и последовательность были взяты Гегелем из истории философии. Этот факт научной деятельности философа содержит одновременно положительную и отрицательную характеристики. Безусловно положительным является обращение ученого к истории познания: приняв эстафету исследования форм мышления у тех, кто до него трудился над разрешением этой проблемы, он сам многое прояснил и продвинул в учении о логическом строе мышления, и что особенно важно - с диалектических позиций. Но то, что Гегель некритически относился как к существующей действительности, так и к отчужденной от нее духовной культуре, ее истории, истории философии, неопровержимо свидетельствует об односторонности, ограниченности собственной его философии. Ведь в силу того, что он отождествил отчуждение отношений с опредмечиванием вообще, система искаженных, отчужденных отношений предстала перед ним как система истинных отношений людей. Философ некритически относился к существующему миру, разделял иллюзию этого мира о самом себе, о своей истории, о ее духовных отражениях.

Гегелевская логика, его система категорий, по существу, является не только результатом этой отчужденной действительности, но и своеобразной теорией этого мира. Поскольку философ некритически вывел свою систему категорий из существующего мира, постольку в ней необходимо отразилась и логика этих перевернутых, отчужденных отношений. Поэтому критика гегелевской логики, его учения о категориях ни в коей мере не сводится только к их материалистическому осмыслению, но предполагает и критику этих отчужденных отношений, а также критическое переосмысление самой истории, истории философии и познания.

Гегель повинен не только в том, что идеалистически абсолютизировал и мистифицировал оторванную от действительности логику, но и в том, что некритически, позитивно относился к системе отчужденных отношений. Поэтому нельзя ограничивать критику его учения о категориях лишь выявлением его связи с действитель-

ностью, с историей философии. Такая критика может самое большее свидетельствовать о том, что немецкий ученый в своей творческой деятельности впал в иллюзию и допустил нелепую мистификацию, когда логику, идею, систему внутренне взаимосвязанных категорий рассматривал как нечто изначальное, само из себя развивающееся. Необходимо еще понять, теоретически осмыслить, вследствие чего возникает такое отчуждение в духовной культуре, и что привело философа к отрыву мышления, идеи, логики от истории познания, от реального субъекта, общества, общественно-исторических отношений людей и к признанию этих абстракций как имеющих субстанциальное значение.

В теоретическом осмыслении этого явления большое значение имеет критика Марксом Фейербаха. В отличие от Фейербаха Маркс в критике религии и идеалистической философии не ограничивается выявлением их связи с жизнью, сведением духовно-теоретического отчуждения к его земной основе, Фейербах «не замечает, - писал Маркс, - что после выполнения этой работы главное-то остается еще не сделанным. А именно, то обстоятельство, что земная основа отделяет себя от самой себя и переносит себя в облака как некое самостоятельное царство, может быть объяснено только саморазорванностью и самопротиворечивостью этой земной основы»¹.

В своей критике гегелевской философии Фейербах, как известно, не пытался тщательно анализировать саморазорванность, противоречивость и отчужденность общественной жизни, не раскрывал различные формы разделения труда, которые в их совокупности необходимо порождают духовное отчуждение, религиозное и философское самомнение, побуждающее их выдавать себя за сущность, содержание существующего мира.

Заслуга Маркса и Энгельса состоит в том, что они первыми в истории познания глубоко проанализировали существующую действительность, общественно-производственные отношения людей, их разорванность и отчужденность как реальную основу духовного отчуждения

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т.3. С.2

людей, философского и идеологического самоотчуждения. Они глубоко раскрыли классовые и гносеологические корни духовно-теоретических форм самоотчуждения, выявили связь религиозных и философских форм отчуждения с определенным этапом общественно-исторического развития и подвергли тщательному критическому анализу товарно-капиталистические отношения, в которых отношения людей друг к другу, их реальные связи выступают как отношения вещей.

Объясняя природу этих отношений, К. Маркс писал: «Это - лишь определенное общественное отношение самих людей, которое принимает в их глазах фантастическую форму отношения между вещами. Чтобы найти аналогию этому, нам пришлось бы забраться в туманные области религиозного мира. Здесь продукты человеческого мозга представляются самостоятельными существами, одаренными собственной жизнью, стоящими в определенных отношениях с людьми и друг с другом. То же самое происходит в мире товаров с продуктами человеческих рук. Это я называю фетишизмом, который присущ продуктам труда, коль скоро они производятся как товары, и который, следовательно, неотделим от товарного производства»¹.

Ученые тщательно проанализировали эту систему отчужденных отношений, вскрыли ее основные противоречия, выявили реальное существование коренных социальных форм отчуждения, которые обуславливают все другие формы самоотчуждения, в том числе и духовно-теоретические его формы. Но это не все. В своих теоретических исследованиях они также убедительно доказали, что мир отчужденной действительности нераздельно связан с миром товарно-капиталистических отношений, в недрах которых растут, развиваются и созревают те силы, которые призваны уничтожить мир отчужденных отношений. Тогда вместе со старой системой общественных отношений уйдет из жизни мир фетишизированных, отчужденных отношений, уступив место новым общественным связям людей.

В своих исследованиях Маркс, глубоко обосновал, что

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т.23. С.82.

различные формы духовного, религиозного, философского самоотчуждения связаны с формой общения, ограниченностью отношений людей друг к другу и природе. Поэтому преодоление, снятие философского, духовно-теоретического самоотчуждения необходимо предполагает сначала всестороннюю критику этих отчужденных отношений, затем изменение существующей системы разделения труда и революционное преобразование общества, которое покоится на частной собственности и формируемых ею ограниченных общественных отношениях.

Критика религиозного, философского, духовного самоотчуждения, следовательно, неразрывно связана с критикой экономического, социального отчуждения. «Религиозное отражение действительного мира может вообще исчезнуть лишь тогда, когда отношения практической повседневной жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собой и с природой. Строй общественного жизненного процесса, т. е. материального процесса производства, сбросит с себя мистическое туманное покрывало лишь тогда, когда он станет продуктом свободного общественного союза людей и будет находиться под их сознательным планомерным контролем»¹.

Таким образом, истинное понимание природы логических категорий было осуществлено в диалектико-материалистической философии, в которой предметная, практическая деятельность, общественные отношения рассматриваются как основа формирования мышления. Ведь способность к логическому мышлению - не прирожденная функция человеческого мозга. Человек не рождается с готовым мышлением, готовой сеткой логических категорий, которые на протяжении жизни надо только развить, усовершенствовать, как ошибочно считают представители так называемой антропологической философии. На самом деле и способность мышления, и самое мышление, и категории выработаны общественным человеком в ходе сложной борьбы с природой, в процессе очеловечивания природы, сформированы человеком в процессе его общения с себе подобными.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т.23. С.90.

Сам человек, являющийся субъектом мышления, сознания, есть прежде всего продукт социальной истории, общественно-исторического движения. В процессе социальной жизни, в ходе своего становления, по мере формирования общественных отношений человек вырабатывает сознание, логический строй мышления. Каковы общение и предметная деятельность человека, таково и его мышление. Ибо сознание, мышление - это общественно выработанная функция социального субъекта, общества в процессе предметной деятельности и общения.

Только овладевая формами социального общения, способами изменения и преобразования веществ природы, отдельно взятый человек может освоить логический строй мышления¹. Это понятно, так как мышление не есть некая самостоятельная реальность, самостоятельная субстанция, оно является *идеальной формой предметной деятельности*. Если в процессе предметной деятельности человек изменяет, преобразовывает вещество природы, приспособливает его к своей цели реально, то в мысли, в категориях то же самое совершает идеально. Мышление - это субъективная форма объективного. Потому-то и постигать его можно как субъективную форму объективного мира. Мыслить, прежде всего, означает двигаться по форме вещей, по

¹ «...Реальный образ жизни человека, определяющий его психический склад, не исчерпывается предметно-практической деятельностью. Она составляет лишь одну сторону образа жизни, поведения человека в широком смысле. Другой стороной является общение как *специфическая форма взаимодействия человека с другими людьми*. Именно в процессе общения осуществляется прежде всего обмен идеями, интересами, «передача» черт характера, формируются установки личности, ее позиции. В процессе общения (как непосредственного, так и опосредованного развитыми в современном обществе системами коммуникации) конкретный индивид усваивает опыт, выработанный человечеством» (Ломов Б.Ф. Состояние и перспективы развития психологии в СССР в свете решений XXIV съезда КПСС. Вопросы психологии, 1971. № 5. С. 18). Б.Ф. Ломов пишет: «Деятельность и общение - две стороны социального бытия человека, его образа жизни» (Ломов Б.Ф. Общение как проблема общей психологии // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975. С. 130).

форме предметной деятельности и общения общественного человека¹.

Вопрос о возможности и развитии мышления, сознания связан не просто с возможностью и развитием мозга как органического вещества, хотя это и важнейшая биологическая предпосылка, а с развитием общественной деятельности, предметной деятельности и общения. Правда, ставшее мышление может иметь некоторую относительную самостоятельность, но это происходит все же в определенных пределах. В целом формирование и развитие мышления, его логический строй внутренне связаны с развитием человеческого труда, с возникновением социальной жизни.

Разумеется, трудовая деятельность ставшего человека существенно отличается от примитивного труда тех его далеких предков, которые только начали выделяться из животного царства. Первоначальный труд имел, во-первых, спорадический характер, во-вторых, в нем отсутствовали развитые черты целесообразной деятельности, которая должна была еще долго формироваться, чтобы стать всеобщим условием человеческой жизни. Во времена первобытности, подчеркивал Маркс, труд имел

¹ «...Реальность форм освоения объекта (природы) в процессе человеческой деятельности исторически представлена не непосредственно, а в тех формах общественной организации самой деятельности, которые обуславливают и формирование человеческого индивида как субъекта, в том числе и всех его способностей, включая способность мышления. Однако все эти опосредствующие общественные формы человеческой деятельности накладываются на саму эту деятельность как непосредственное жизненно необходимое условие самого существования индивидов. В самом деле, трудящийся индивид выступает в качестве субъекта труда не в силу своих естественных качеств, своей натуральной организации непосредственно, а в силу того, что он является носителем общественно закрепленных производительных сил и соответствующих общественных отношений, потому что именно в них и только в них представлены субъекту определения объекта как предмета его деятельности» (Туровский Б.М. Место индивида в марксовской исторической концепции // Проблема человека в «Экономических рукописях 1857-1859 гг.» К. Маркса. Ростов-на-Дону, 1977. С. 47).

животнообразные формы, он «еще не освободился от своей примитивной, инстинктивной формы»¹.

Целесообразная же предметная деятельность (как исключительное достояние человека, когда в трудовом процессе он не только изменяет форму того, что дано природой, но также осуществляет свою сознательную цель) есть продукт истории, продукт человеческого развития. Первоначально, когда человек только выделяется из животного состояния, еще нет целесообразной деятельности, нет такой формы труда, в результате которого возникает то, что имелось в начале процесса идеально, в представлении. Такое состояние возникло, сформировалось в ходе превращения человекообразной обезьяны в человека.

В процессе эволюции происходит постепенное превращение спорадической цели, еще удовлетворяемой природными процессами, в целесообразную деятельность, которая является всеобщим условием социальной жизни. Нашему древнему предку целеполагание еще не было свойственно. Только в ходе своего общения, предметной деятельности, в процессе овладения общественным опытом человек осваивает целесообразную деятельность. А между тем современному человеку способность к целеполаганию, целесообразной деятельности, развитой форме труда может показаться врожденной особенностью нашего организма. Подобное заблуждение объясняется той привычной легкостью, с которой современный человек не только целесообразно действует, пользуется созданными им самим орудиями труда, не только заранее представляет возможный результат своей работы, но и опосредует всю свою деятельность и мышление всеобщими законами природы, общества и мышления, т. е. универсальными логическими категориями.

Тем более интересно проследить последовательность формирования этой способности, выяснить, как из отсутствия цели, из спорадической и временной цели, обусловленной еще качеством природных вещей, возникают постоянная цель, целеполагание, целесообразная деятельность, ставшая всеобщим и необходимым условием

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23. С.189.

человеческой жизни. Как и откуда берется способность человека построить результат своей деятельности сначала в голове, идеально? Ведь и эта способность может показаться прирожденной относительно ставшего человека, если непосредственно констатировать существующий результат, брать человеческое общество в такой форме, когда труд выступает исключительным достоянием человека.

Однако важнейшее требование диалектико-материалистической методологии гласит: чтобы понять сущность какого-либо явления, предмета, недостаточно рассмотреть его результат непосредственно, необходимо познать его в момент возникновения, на всех этапах развития и чем данное явление стало. И это имеет большое методологическое значение и в приложении к интересующему нас вопросу.

В самом деле, мы говорим: целесообразная предметная деятельность не возникла в готовой форме, она сформировалась в процессе становления человека, перехода от животных инстинктивных форм труда к собственно социальной деятельности. Ведь наши далекие предки жили в основном животной жизнью, им были доступны лишь примитивные инстинктивные формы труда, и только в ходе длительного развития у них могла возникнуть некая целеполагающая деятельность.

В инстинктивных формах труда нет еще человеческого отношения, человеческой целеполагающей деятельности, а есть только некая целеподобная деятельность, есть желание, потребление, использование готовых результатов природных процессов в своих целях. Но без этого этапа не могла бы возникнуть и истинно человеческая целесообразная предметная деятельность. Последняя возникает, во-первых, тогда, когда человек производит нечто, целесообразно изменяет форму вещества природы и еще до начала трудового процесса мысленно представляет результат своей практической деятельности. Во-вторых, она формируется тогда, когда предмет, не представляющий для человека непосредственного интереса, приобретает опосредованное значение в качестве средства производства вещи, соответствующей его потребности. И, в-третьих,

человеческое отношение к предмету возникает только тогда, когда наши предки, не удовлетворяясь использованием готовых результатов действия природы, стали пытаться сами воссоздавать условия, обеспечивающие возникновение данного эффекта, данного результата.

Возникновение такой деятельности было уже крупным скачком в истории становления человека. Оно способствовало также употреблению орудий труда, хотя такими орудиями на первых порах могли быть любые природные вещи (камень, палка), и тем самым наши предки опосредствовали свое отношение к предметам потребности. На этом этапе осуществлялся уже выход первобытного человека из животного состояния, поскольку систематическое использование даже природных вещей в качестве орудий труда опосредствовало его отношение к предметам природы и в то же время существенно повышало его жизнеспособность, усиливало его естественные способности, а также наполняло новым содержанием его отношение к объектам.

Под воздействием изменения жизнедеятельности, обусловленного систематическим использованием созданных природой вещей в качестве первых орудий труда, существенно усложнилась психическая деятельность первобытного человека. И это понятно: ведь существование животных (в том числе и диких предков человека) вполне обеспечивается их инстинктивным поведением, автоматическим отношением к природе, окружающей среде. Употребление же орудий, будь ими даже всего лишь готовые природные предметы, уже серьезно расширило и углубило деятельность первобытных людей по сравнению с животными. Именно это усложнение деятельности, возникновение возможности опосредствованного отношения к предметам природы и друг к другу сделало недостаточным инстинктивное, автоматическое отношение к природе.

Если непосредственное, инстинктивное отношение животных к себе подобным и ко всем другим природным формам является врожденной способностью, то орудийное, опосредствованное отношение людей к среде обитания возникло в обществе в процессе коллективных трудовых

действий, направленных на жизнеобеспечение сообщества. Эта общественно выработанная способность передается от поколения к поколению социальным способом, как социальная форма наследования людьми общественного опыта¹.

Использование орудий труда - коренное основание человеческой жизни. Опосредствуя ими свое отношение к предметам природы, первобытные люди вступали в сложные социальные отношения и между собой. Инстинктивные действия оказались уже недостаточными в этих условиях. Возникла надобность заранее представлять схему собственного поведения, поведения членов общества, а также схему действия орудия труда на предметы природы. Если бы каждый из них не представлял себе способ действия других людей, то невозможно было бы осуществлять коллективный труд. А неспособность мысленно видеть способ действия орудия труда не позволила бы использовать его как проводник деятельности. «Средство труда есть вещь или комплекс вещей, которые человек помещает между собой и предметом труда и которые служат для него в качестве проводника его воздействий на этот предмет. Он пользуется механическими, физическими, химическими свойствами вещей для того, чтобы в соответствии со своей целью применить их как орудия воздействия на другие вещи»².

Действуя общественно и систематически на объект, природу с помощью средств труда, человек постепенно отделялся от животных, создавал основы социальной

¹ «Содержание антропогенеза состояло в формировании деятельности, характеризующейся опосредствованным отношением к своему предмету, из определенных функций естественных сил животного предка человека» (Туровский М.Б. Труд и мышление. М., 1963. С.57-58). В связи с этим Я.Я. Рогинский и М.Г. Левин писали, что «возможности, заложенные в физической организации Homo sapiens, не сразу развернулись во всей их полноте. Значение нового физиологического уровня человеческого мозга показала лишь вся последующая деятельность человека» (Они же. Антропология. М., 1983. С.510).

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23. С.190.

жизни, всеобщим условием бытия которой является не приспособление к окружающей среде, а изменение этой среды и приспособление ее к своим потребностям. Человеческое опосредствованное отношение к природе служило основанием формирования разума и других духовных способностей, которые в свою очередь являются идеальным средством опосредствования человеческого отношения к действительности. Касаясь именно этой функции разума, Гегель писал: «Разум столь же хитер, сколь могуществен. Хитрость состоит вообще в опосредствующей деятельности, которая, позволив объектам действовать друг на друга соответственно их природе и истощать себя в этом воздействии, не вмешиваясь вместе с тем непосредственно в этот процесс, все же осуществляет лишь свою собственную цель»¹.

Таким образом, использование орудия труда, опосредование им своего отношения к природе несомненно следует считать поворотным пунктом в истории очеловечивания человека, хотя до изготовления орудия труда по собственному замыслу еще очень далеко. Но именно создание орудия труда и является решающим условием для формирования действительно человеческой социальной жизни. В самом деле: если употребление предметов природы в качестве орудий присуще даже некоторым видам животных, то искусственное изготовление (создание) орудий труда, систематическое их применение - специфическая особенность только человека. Наш животный предок превратился в человека, а социальная жизнь начала функционировать на собственной основе только тогда, когда он стал изготавливать каменные орудия, которые помещал между собой и природой как проводники своей целесообразной деятельности.

Создание орудий труда в громадной степени расширило сферу деятельности человека, повышало производительность его труда и углубляло общественные отношения. Все это имело огромное значение для социального

¹ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1975. Т.1. С.397.

и духовного развития человека. Ведь простое употребление природных предметов в качестве орудий труда не могло способствовать быстрому развитию сознания, мышления, поскольку эта примитивная предметная деятельность осуществлялась пока в некоторой конечной форме, и человек еще не постиг всеобщей, родовой формы предметной деятельности.

Трудовая деятельность достигает своей субстанциальной, родовой формы только тогда, когда человек сам изготавливает орудия труда. «Особенность труда как отношения субъекта и объекта состоит в том, - пишет М.Б. Туровский, - что обоюдный обмен характеристиками (в котором человек получает предметные определения, представленные в навыках, способах его объективной деятельности, а объект получает человеческие определения в потребительских характеристиках продукта труда) оказывается вынесенным вовне собственных определений и субъекта и объекта и представляет в качестве обособленного третьего звена субъект-объектного отношения. Это третье звено предметно представлено в орудии труда»¹.

Создание и изготовление орудий труда в громадной степени повышает господство человека над природой, обеспечивает его относительную независимость от различных случайностей.

Научившись изготавливать орудия труда, человек существенно развил свое производство, стал эффективно изменять предметы природы, приспособлять их к своим потребностям. Только такая предметная деятельность, которая основана на орудиях и средствах, изготовленных самим человеком, делает труд подлинно человеческой деятельностью. Именно такая деятельность и является основой возникновения и быстрого развития сознания, мышления и других человеческих способностей.

«Труд посредством орудия ставит человека не только перед материальными, вещественными объектами,

¹ Туровский М.Б. Место индивида в марксовой исторической концепции // Проблема человека в «Экономических рукописях 1857-1859 гг.» К. Маркса. Ростов-на-Дону, 1977. С.48.

- писал А.Н. Леонтьев, - но и перед их взаимодействием, которое он сам контролирует и воспроизводит. В этом процессе и осуществляется их познание человеком, превосходящее возможности непосредственно-чувственного отношения. Если при прямом взаимодействии «субъект-объект» последний открывает свои свойства лишь в границах, обусловленных составом и степенью тонкости ощущений субъекта, то в процессе взаимодействия, опосредствованного орудием, познание выходит за эти границы. Так, при механической обработке предмета из одного материала предметом, сделанным из другого материала, мы подвергаем безошибочному испытанию их относительную твердость в пределах и с точностью, совершенно недоступной нашим органам кожно-мышечных ощущений: по воспринимаемой деформации одного из них мы заключаем о большей твердости другого. Идя далее по этому пути, мы, конечно, приходим к выделению объективных единиц, применение которых способно дать насколько угодно точное и, главное, независимое от колеблющихся порогов ощущения познание данного свойства предметов»¹.

Когда человек опосредствует свое отношение к природе именно теми орудиями и средствами труда, которые сам предварительно изготовил, то углубляется и усложняется его отношение к объекту. Оно (отношение к объекту) теперь характеризуется тем, что опосредует свое же опосредованное. Иными словами, между человеком и его объектом возникает сложная цепь опосредования. Вот пример: каменный топор, являющийся продуктом определенной целесообразной деятельности, в свою очередь становится орудием, средством для производства других вещей. Стало быть, в мозгу человека должны возникнуть идеальный образ вещи, являющейся конечным результатом трудового процесса, но еще раньше

¹ Леонтьев А. Н. К. Маркс и психологическая наука / Советская педагогика, 1968. № 8. С.72.

- образ топора как продукта предшествующего труда, а также представление о функции, которую топор будет выполнять в процессе труда. Если на предшествующем этапе развития человеку достаточно было иметь представление о действии опосредуемого природного предмета, то теперь возникла необходимость создавать мысленный образ предмета, который опосредует его же опосредование. Именно благодаря производству орудий труда человек стал на собственные ноги, сформировалось его общественное отношение, дальнейшее развитие получили мышление, сознание, язык, без которых не могло так быстро прогрессировать человеческое общество.

Как совершенно справедливо заметил чешский философ Радован Рихте, орудие труда - не только проводник человеческого воздействия на предмет, но одновременно и условие его развития. И нет никакого сомнения в том, что человек, производящий вещь посредством орудия труда, являющегося продуктом предшествующего труда, находится на гораздо более высоком уровне развития по сравнению со своими предками, которые умели только помещать между собой и природой готовые вещи той же природы. И это естественно, потому что отношение первого к природе и другим людям является намного более глубоким, чем отношение второго.

Внутренняя связь становления человека с развитием средств труда доказывается всей социальной историей. Наукой установлено, что ступени развития человека определяются не морфологическими изменениями организма, а уровнем и характером развития его предметной деятельности. «Такую же важность, - писал К. Маркс, - какую строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций. Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда. Средства труда не

только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд»¹.

Действительно, возникновение и развитие предметной деятельности, создание орудий труда, опосредование ими своих отношений к природе, осознание того, что они существуют для определенной цели, для преобразования предмета природы, существенно продвинуло развитие человека. С этого момента начинается выделение субъекта деятельности, объекта и общественных отношений.

Развитие человеческого общества отныне не регулируется действиями органических законов, а подчиняется всеобщему историческому закону общественного развития, который определяет переход человеческого общества от одной ступени к другой. На самом деле, со времени своего существования человек биологически, структурно мало изменился, хотя за это время произошли крупные изменения в общественной жизни, сменился ряд общественных форм, общественно-экономических формаций.

Все это еще раз убеждает в том, что человеческая жизнь не есть приспособление к условиям существования, а есть социальная жизнь, которая обязана своим возникновением активному приспособлению человеком вещества природы к своим потребностям. Человек реально и исторически существует, только целесообразно изменяя природу и соответственно преобразуя свои общественные отношения. Если животные все свои способности, содержание, сущность имеют актуально в морфологической структуре, биологической организации, то человек аккумулирует себя, свое содержание, сущность - в совокупности общественных отношений, в общественных орудиях и средствах преобразования и изменения природы.

Поведение, образ жизни животных главным образом связаны с их структурой, детерминированы их инстинктом. В процессе их индивидуального опыта их видовая деятельность может только несколько совершенствоваться

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23. С.191.

ся. Поэтому в развитии животных не существует особой проблемы по освоению каждой особью опыта вида, способа его существования, так как каждая особь со дня своего рождения целесообразно приспособлена к существованию вида, имеет актуально в себе всю программу жизнедеятельности вида.

В человеческом обществе все происходит по-другому. Биологическая структура человека, его морфологическая организация является лишь предпосылкой человеческого существования, но из нее непосредственно нельзя вывести сущность человека, сущность социальной жизни. Само совершенство человеческого тела, мозга и человеческой руки может быть успешно объяснено только в том случае, если принимается во внимание существование труда, социальной жизни. Поэтому следует подчеркнуть, что сущность человека, образ жизни, сознание и мышление могут быть поняты только в том случае, если исходить из предметной деятельности человека, его общения и из формы общественных отношений.

Активное отношение к природе свойственно человеку на всех этапах его существования. Человек преобразовывает и познает природу, вовлекая ее в сферу своей практической деятельности. Исследование природы вне человека, вне человеческих общественных отношений к ней - это абстрактное, одностороннее исследование. «Даже звездное небо, - справедливо писал Э.В. Ильенков, - в котором человеческий труд реально пока ничего не меняет, становится предметом внимания и созерцания человека лишь там, где оно превращено обществом в средство ориентации во времени и в пространстве, в «орудие» жизнедеятельности общественно-человеческого организма, в «орган» его тела, в его естественные части, компас и календарь»¹.

В процессе предметной деятельности, общения, в ходе деятельного изменения субъектом, объекта возникают логический строй мышления, категории, посредством ко-

¹ Ильенков Э.В. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. М., 1974. С.187.

торых люди мыслят и двигаются по формам вещей. Категории - это ступени, уровни вовлечения природы в сферу человеческой практической деятельности. Предметы природы раскрывают свое содержание, универсальные определения только в процессе активного, деятельного отношения к ней. Так, например, человек мог видеть камень, обратить на него внимание и тогда, когда находился на самой ранней стадии своего развития. Но действительный интерес к камню, познание его свойств, качества, количества, меры у древних людей возникло именно тогда, когда они пытались создавать свои каменные рубила, когда камень вовлекли в человеческую практическую деятельность.

Человек выделял нужные качества, качественные определенности предметов природы, а также накапливал и развивал их по мере развития своей практической деятельности. Поэтому выявление качества предметов, их целесообразное использование, развитие интеллекта - все это является результатом долгого поиска, результатом истории. «Судя по всему, - отмечал А.Ф. Анисимов, - человек ошупью, через практику использования камня искал пути к производству искусственных орудий труда. Для этого необходимо было избрать наиболее пригодный материал, найти через массу проб и ошибок первичные приемы его обработки и простейшую рациональную форму орудия. Эти жизненно важные задачи, диктовавшиеся потребностями производства материальной жизни, были решены человечеством только в шелльское время, памятники шелльской культуры связаны с появлением так называемых ручных рубил и грубых рубящих орудий (чопперы), которые наряду с отщепами и примитивными ядрищами (нуклеусами) были основным видом человеческих изделий той поры»¹.

Внимательный анализ истории этого периода свидетельствует о том, что путь к открытию особенностей предмета, его качества, нужной стороны у человечества, примерно одинаков. В этом убеждает, например, приме-

¹ Анисимов А. Ф. Исторические особенности первобытного мышления. Л., 1971. С.25-26.

нение шелльской формы орудий. «Широкое распространение этой формы орудий и в Южной Европе, и в Африке, и на южных окраинах Азии, иначе говоря, всюду, - отмечал А.Ф. Анисимов, - где в настоящее время известны следы палеолита, столь же наглядно доказывает, что человек шел к решению данной задачи одним и тем же общественно-историческим путем»¹.

В процессе дальнейшего развития человеческой практики, предметной деятельности и человеческого общения люди открывают новые качества предметов и явлений. Накапливая наблюдения, выводя из них практические знания, люди позднее научились совершенствовать форму и качество каменных рубил и постепенно стали привлекать новые материалы для изготовления орудий производства. «Ашелльские рубила по сравнению с шелльскими постепенно становятся более совершенными, лучше оббитыми, более легкими. Разнообразные по форме - овальные, круглые, дисковидные, - они имеют иногда вытянутый ножевидный конец или острый режущий край»².

Прогресс в изготовлении орудий труда, развитии человека обусловил изменение и усложнение объекта человеческой деятельности. Так, в мустьерское время люди стали систематически охотиться на крупных животных (мамонтов, пещерных медведей и др.). И в то же время совершенствовалась практика изготовления орудий, росло их число и конкретизировалось целевое назначение. Так, если в шелльское время человек ограничивался в своей деятельности каменными рубилами, то мустьерская культура убеждает в том, что он уже научился скалывать кремневые пластины, из которых изготовлял режущее и колющее охотничье оружие. «К началу мустьерской эпохи, - писал А.Ф. Анисимов, - начинает широко применяться техника скалывания кремневых пластин с предварительно обработанного дисковидного кремневого ядрища. Из этих пластин, полученных в результате ударов каменным

¹ Там же. С. 26.

² Анисимов А. Ф. Исторические особенности первобытного мышления. С.29.

отбойником по краю ядрища, легче было изготовить более совершенное режущее и колющее охотничье оружие, и в частности разнообразные формы остроконечников, служивших преимущественно в качестве наконечников копий»¹.

Все это было связано с определенной степенью исторического развития человека, его возможностями, когда он еще не умел действовать огнем, плавить металл и поэтому создавал свои орудия труда посредством удара одного предмета о другой. Вследствие этого он закономерно обратил внимание на камень и кремь. Первобытных людей привлекали, видимо, такие их качества, как твердость, ломкость и т. п. Кроме того, «орудия, которые стал изготовлять из камня путем сколов, - отмечал И.И. Мещанинов, - были доступны каждому его современнику и не требовали для своего изготовления особых, даже самых примитивных мастерских. Хозяйственной необходимости в больших объединениях еще не возникло»².

В развитии человека, в совершенствовании его интеллекта, в открытии универсальных определений предметов и явлений еще большее значение имело развитие человеческого общения, общественных отношений, возникновение коллектива, открытие силы, качества коллективной деятельности. С этого времени в человеческой жизни прогресс заметно ускорился, возник звуковой язык, расширилось поле деятельности человеческого мышления. «Возникшая тогда простая кооперация труда в охоте на крупных животных делала осуществимыми и те мероприятия, которые были не под силу одному человеку. Только опираясь на коллективный труд как на основную и решающую силу первобытного производства, человек мог добывать таких животных, как древний слон, носорог, дикий бык, лошадь»³, кости которых как раз и были обнаружены учеными с позднешелльскими орудиями на одной из стоянок наших древних предков.

¹ Там же. С.30.

² Там же. С.27-28.

³ Там же. С.28.

В становлении человека, в развитии его мышления громадное значение имело открытие первобытным человеком силы коллектива, силы общественной связи людей, силы рода. Все это дало ему возможность постепенно открыть силу целого, его взаимоотношения с частью, выявить силу количества, познать меру вещей, постигать рефлексивные отношения как в предметах природы, так и в общественных отношениях. Но и это не все. Первобытное производство, возникновение и развитие человеческого коллектива сопровождалось кооперацией, разделением труда внутри коллектива. Каждый член сообщества в процессе производства должен был выполнять определенную функцию, определенную задачу в коллективной деятельности первобытных людей. Все это явилось действительной причиной развития человеческого мышления, его логического (категориального) строя.

Но что же представляет собой логический строй мышления, категории? Как они формируются? На эти вопросы, как известно, исчерпывающий научный ответ дала только диалектико-материалистическая философия, согласно которой основу формирования логического строя мышления, категорий надо искать в предметной деятельности, в общественно-производственных отношениях людей. Все человеческое содержание, его способность к целеполаганию, субъектно-объектное отношение, даже определенная форма руки и развитый мозг тоже являются результатом социальной истории, трудовой деятельности наших предков. Еще более верно это относительно формирования человеческих чувств, понятий, духовных способностей, этических норм и эстетических категорий.

Истинность данной трактовки проблемы происхождения и совершенствования человеческой способности к логическому, категориальному мышлению широко подтверждается данными таких наук, как антропология, психология и педагогика. В работах А.Н.Леонтьева, Л.С. Выготского, А.Р. Лурии глубоко развито основное

содержание диалектико-материалистического понимания человека, его мышления и сознания ¹.

Итак, в настоящее время можно считать вполне доказанным, что человеческое мышление, логические категории - это формы отражения, в которых схватываются, синтезируются уровни, ступени, узловыe пункты предметной деятельности и общения, выработанные всей историей развития человечества. Начало же этого процесса относится к тому времени, когда производство материальных благ стало постепенно превращаться во всеобщее основание человеческой жизни.

Человек не рождается с готовой социальной программой, готовой способностью к деятельности, к логическому мышлению. Все человеческие атрибуты, качества находятся вовсе не в природном его определении, а существуют в способе и форме человеческой деятельности и общения. Поэтому человек становится человеком, приобретает человеческую сущность, формирует логическое мышление, только приобщаясь к общественной, предметной деятельности, включаясь в сферу социального движения. Касаясь проблемы мышления, способности к мышлению, Э.В. Ильенков писал: «Это умение человеческого тела постигать и действовать с телами внешнего мира сообразно их собственной логике. Мыслящим существом каждый ребенок, а не только слепоглухонемой, становится там, где он научается умно обращаться с предметами, созданными человеком для человека, - ложка, тарелка, игрушка, одеяло и прочее. Когда он в этом мире осваивается и начинает действовать в нем по-человечески, он и обретает то, что мы называем человеческим мышлением, умом»².

Поскольку же разум, сознание, логический строй

¹ Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1959; Он же. К. Маркс и психологическая наука / Советская педагогика, 1968. № 8. С. 64-75; Он же. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975; Выготский Л.С. Развитие высших психических функций. М., 1960; Лурия А.Р. Мозг человека и психические процессы. М., 1963. Т. 1; 1970. Т. 2; Он же. Сознательное действие, его происхождение и мозговая организация / Вопросы психологии, 1969, № 5.

² Огни Алатау, 1977, 15 ноября.

мышления являются продуктом социально организованной целесообразной предметной деятельности, а отнюдь не врожденной привилегией того или иного индивида, постольку они наследуются, передаются от поколения к поколению не посредством генетической программы, наследственного кода, а социальным, общественным способом. И каждый отдельный человек формирует свое сознание, вырабатывает систему всеобщих определений только посредством освоения способов деятельности общества, форм человеческого общения, приобщаясь к уже накопленным духовным богатствам.

Вместе с тем, как пишет А.Н. Леонтьев, «каждый отдельный человек не повторяет общественно-исторического процесса производства сознания. Но сознательное отражение мира не возникает у него и в результате прямой проекции в его мозг представлений и понятий, выработанных предшествующими поколениями. Его сознание тоже является продуктом его деятельности в предметном мире. В этой деятельности, опосредованной общением с другими людьми, и осуществляется процесс присвоения им духовных богатств, накопленных человеческим родом, воплощенных в предметной чувственной форме»¹.

В человеческом обществе возникает новая форма выработки, хранения и передачи наследственности, которая имеет колоссальное преимущество перед предыдущей: она совершенна и пластична в накоплении общественной информации, общественного опыта, а также имеет большие преимущества в передаче общественного опыта последующим поколениям. В своем развитии человек не достиг бы известных совершенств, его инстинктообразные операции с камнем и палкой не достигли бы уровня более совершенных орудий труда, не возникли бы развитые общественные отношения, духовная культура, если бы наши первобытные предки не нашли способа передавать накопленные знания и умения новым поколениям.

¹ Леонтьев А.Н. К. Маркс и психологическая наука / Советская педагогика, 1968. № 8. С.68.

Большие преимущества человеческого общества обнаруживаются и в том, что здесь общественный опыт аккумулируется не только в форме общения, в орудиях и средствах труда и производственных отношениях, но также в языке, как важнейшем средстве обмена мыслями, как удобном и эффективном средстве хранения и передачи общественного опыта и социальной информации¹. С возникновением языка, мышления, сознания развитие человека, человеческого общества заметно ускорило, расширился его кругозор, углубилось его общение и эффективнее стала его борьба с природой. Все это реально способствовало дальнейшему отделению человеческого общества, социальной жизни от животного царства.

В процессе деятельного освоения общественного опыта, общественной сущности, общественного способа деятельности и общения человек активно, деятельно присваивал себе как общественное содержание, так и систему всеобщих идеальных структур, которые существуют объективно, независимо от отдельных индивидов².

В силу того, что ребенок легко и быстро овладевает логическим строем мышления, категориями, они могут показаться врожденными, априорными способностями, мышления. При этом как-то упускается из виду, что способность к логическому мышлению выработана человечеством в процессе долгого развития и что категории поэтому - прежде всего достояние общества. В процессе же индивидуального развития каждый отдельный человек лишь осваивает, превращает общественно-исторический

¹ Леонтьев А.Н. Возникновение и первоначальное развитие языка. М., 1963.

² «Объективность «идеальной формы» - это, увы, не горячий бред Платона и Гегеля, - писал Э.В. Ильенков, - а совершенно бесспорный, очевидный и даже каждому обывателю знакомый упрямый факт». И далее: «Идеализм - это совершенно трезвая констатация объективности идеальной формы, то есть - факта ее независимого от воли и сознания индивидов существования в пространстве человеческой культуры, оставленная, однако, без соответствующего трезвого научного объяснения этого факта» (Ильенков Э.В. Проблемы идеального / Вопросы философии, 1979. № 7).

опыт и разум в свое внутреннее достояние, в свою сущность и тем самым действует и мыслит по мерке общества и, следовательно, по мерке всех вещей природы.

Благодаря диалектико-материалистическому обоснованию категорий, логического строя мышления была преодолена всякая мистификация в этой области. При этом относительная самостоятельность мышления, системы духовной культуры, некоторая внутренняя логика их развития, конечно же, отнюдь не отрицаются.

Великая заслуга К. Маркса состояла именно в том, что он, не отрицая относительной самостоятельности мышления, обосновал его чувственно-практическое происхождение. Категории трактуются в диалектической логике не как ступени развития абсолютного духа, а как универсальные формы мышления, отражающие этапы чувственно-практического изменения окружающей действительности. Чрезвычайно важно и то, что предметная деятельность понимается в материалистической диалектике не только как пассивная основа мышления, но и как то, что активно формирует логический строй мышления, универсальные нормы, отражающие всеобщие законы природы, общества и мышления.

Категории - это исторически возникшие принципы, законы мышления и деятельности, посредством которых предмет дается и мыслится. Они являются объективными формами, которые одновременно выступают как формы и законы субъективной деятельности, то есть практики и познания. Поэтому категории мышления выступают как такие универсальные понятия, которые дают возможность человеку мыслить, двигаться по форме вещей, постигать способ формирования, реального функционирования предметов и явлений.

Категории материалистической диалектики рассматриваются, таким образом, как те рельсы, по которым человек движется в соответствии с логикой предметов, как логические рычаги, при помощи которых осуществляется познание объективной действительности. Поэтому, когда

речь идет о конкретности истины и о конкретном познании объекта, то абстрактного постулирования недостаточно, необходимо тщательно проанализировать логические законы и принципы, обеспечивающие диалектическое познание материальной действительности.

Такое глубокое познавательное значение категорий связано с тем, что они являются отражением действительности, идеальной формой практического предметного изменения действительности. То, что на стороне человеческой предметной деятельности выступает как реальный результат, предмет, на стороне мышления - это идеальный результат, то есть понятия, логические категории. Предметная деятельность в первом случае получает реальное воплощение, а во втором - идеальное. Эти две стороны безразличны друг другу, они способны превращаться друг в друга, поскольку теория воплощается в реальность, а реальность отражается в теоретическом познании.

Иными словами, всеобщие формы бытия, универсальные способы изменения предметов природы в процессе практического изменения превращаются в план субъективного - формируются категории мышления, которые в свою очередь выступают в качестве всеобщего условия формирования знания. В результате такой деятельности происходит совпадение всеобщих законов бытия и мышления. Законы формирования теоретического знания - категории - отражая форму предметно-практического изменения человеком природы, в то же время выступают как воспроизведение всеобщих законов бытия. А практическая предметная деятельность человека как раз и является тем особым звеном, в котором совпадают бытие и мышление. Она является той реальностью, которая обуславливает превращение материального в идеальное, объективного в субъективное.

Предметная деятельность не исчерпывается воспроизведением наличного бытия природы. Если бы все обстояло так, то практика была бы пассивной - производя-

щей и реконструирующей деятельностью. Предметная деятельность человека, являясь активной, творческой, не только воспроизводит существующее, но и создает новое.

Именно на этой стороне практики сконцентрировал свое внимание французский философ Сартр и, впадая в крайность, оторвал ее от материального объективного бытия, истолковал как чисто конструирующую деятельность по преобразованию природы. Объективный же анализ показывает, что в предметной деятельности человека находятся в нераздельном единстве отражение и активность, воспроизведение и творчество. Поскольку в предметной деятельности человека не только воспроизводятся предметы природы, но также схватывается, постигается всеобщий способ изменения, формообразования предметов объективной действительности (практика в чистом виде совпадает с универсальным изменением, формообразованием в природе), постольку практика выступает как активная, творческая и формирующая предметы реальность.

В силу того, что в практике даны универсальные законы формирования, изменения природы, человек в своей производственной деятельности не только воспроизводит, реконструирует любые предметы природы, но также способен формировать, создавать бесконечное количество новых, отсутствующих в природе вещей. В этом именно проявляется универсальность человеческой деятельности, ее способность изменять мир, окружающую действительность по логике самой бесконечной природы.

По мере развития общественной практики люди могут, таким образом, активно достраивать природу, создавая такие предметы, которые заложены в ней в потенции либо не заложены вообще. Человек обладает возможностью мыслить и познавать любые объекты, ибо он относится к природе с точки зрения всего человеческого общества. В отличие от животного, которое относится к природе только с позиции своего вида, поскольку имеет внутри себя закрепленную схему поведения, человек внутренне раскрепощен, ибо имеет в себе определенные способы

поведения в познавательном процессе, потому производит и познает универсально. К любому явлению человек может подойти с меркой этого же явления, потому в принципе способен познать и воспроизвести всю природу.

Активная реконструкция, которой подвергаются природные вещи в трудовом процессе, необходимо предполагает изменение этой вещи для практических нужд, но только такое изменение, которое не препятствует ее существованию, не противоречит ее природе. Практическое преобразование предмета природы позволяет выявить не только его внешние свойства, но и внутренние связи, сущность, то есть одновременно с практическим воздействием на предмет осуществляется и его познание. Предмет в процессе его преобразования включается в более или менее широкую сферу других вещей. При этом происходит обмен воздействием их друг на друга, выявляются в ходе данного взаимодействия внутренние, существенные связи. В человеческой деятельности, таким образом, происходит выявление сущностных элементов предметов объективного мира. Важно подчеркнуть, что человек, практически преобразуя предмет, выявляя его внутренние потенции, как бы достраивает его и в своей человеческой деятельности воспроизводит внутреннюю форму движения предмета, познает его сущность.

Практически-преобразовательная и идеально-познавательная деятельность осуществляется на протяжении всей истории человека и выступает в единстве. Способы такой деятельности передаются от поколения к поколению, освобождаясь на долгом историческом пути от всего случайного, несущественного. Поскольку каждое новое поколение заимствует у своего предшественника его всеобщие и необходимые формы предметной деятельности и познания, всеобщие способы форм движения предметов, постольку реально обеспечивается прогресс в производственной и познавательной деятельности людей.

Категории мышления суть выкристаллизованные в ходе тысячелетней истории человечества всеобщие усло-

вия познания. Их корни находятся в прошлом опыте человечества, а сами категории оказываются фигурами, в которых запечатлены рациональные результаты человеческой практической и познавательной деятельности. Категории суть всеобщие определенности бытия, практически освоенные в активной деятельности общества.

Из всех форм мышления именно категории как наиболее общие понятия занимают центральное место в диалектической логике, являясь некоторыми внутренними целостностями. Категории, мышление вообще лишь в диалектико-материалистической философии получают свою подлинную интерпретацию, представ в качестве отраженных форм предметной деятельности людей.

Глава 3.

Категории как универсальные формы. Систематизация категорий

Диалектическая логика как философская наука не ограничивается исследованием категорий, форм мышления самих по себе, а ставит задачу выработать и обосновать целостную теорию мышления, раскрыть внутренние взаимосвязи форм, категорий и принципов мышления посредством метода восхождения от абстрактного к конкретному. При таком исследовании логических категорий невозможно исходить из субъективных предпосылок, гипотетических соображений, сам метод исследования диктует необходимость доказать, обосновать субординацию форм мышления, логических категорий на объективной основе, ибо теория как теория есть воспроизведение целостного объекта, сведение многообразного к единому и теоретическое восхождение, саморасчленение этого единого в многообразии.

Разработка научно обоснованной внутренней взаимосвязи, субординации категорий является весьма сложной и трудной задачей. Всестороннее ее решение предполагает дальнейшее развитие диалектико-материалистической философии, разработку и решение ряда фундаментальных проблем. Поэтому на систематизацию категорий никогда нельзя смотреть как на формальную деятельность по расстановке категорий (понятий) в определенном порядке для удобства работы с ними, их необходимо вывести, обосновать на прочном фундаменте развития человеческой практики и истории познания. «Категории надо *вывести* (а не произвольно или механически взять) (не «рассказывая», не «уверяя», а *доказывая*) исходя из простейших основных (бытие, ничто, становление (*das Werden*)) (не беря иных) - здесь, в них «все развитие в этом зародыше»¹.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.29. С.86.

В отличие от субъективных, произвольных способов рассмотрения категорий (понятий) Гегель, как было сказано выше руководствовался некоторым единым принципом в их исследовании, реализовал метод восхождения от абстрактного к конкретному. Касаясь вопроса об обоснованности своего способа систематизации логических категорий, он подчеркивал, что тайна его логики, его способа обоснования внутренней последовательности категорий находится в «Феноменологии духа».

Диалектическая логика должна быть научной, и поэтому она предполагает всестороннее обоснование условий систематизации логических категорий. Основными опорными основаниями систематического изложения диалектической логики могут быть: закономерности развития практической деятельности, развитие историко-философского процесса, научного познания и умственного развития ребенка. Внимательный анализ этих кардинальных принципов дает возможность, с одной стороны, обосновать структуру диалектической логики, а с другой раскрыть связи и последовательность категорий.

Практика и основания систематизации категорий диалектической логики. Диалектическая логика является материалистическим учением, поэтому в ней категории и принципы трактуются прежде всего на базе теории отражения, как ступени, формы, как некоторые итоги практического изменения и познания человеком природы. Исследование закономерностей человеческой практической деятельности, механизма ее функционирования должно быть ключом к разгадке истинной субординации логических категорий, понятий и принципов диалектики.

Философию диалектического материализма от всех других философских направлений отличает тезис о субстанциальной роли чувственно-предметной деятельности. Действительность здесь непосредственно понимается как *«человеческая чувственная деятельность, практика»*¹. Поэтому диалектический материализм противостоит в качестве единственной последовательной системы материалистического монизма всем направлениям

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.3. С.1.

механистического или идеалистического толка. На всех этапах и во всех формах деятельность как практического, так и гносеологического субъекта органически вписывается в природу в качестве исходных данных.

В процессе чувственно-предметной деятельности человек расчленяет противостоящую природу на взаимосвязанные, взаимоопределяющие моменты, «рассекает» природу на компоненты, перерастающие в чувственные факторы, схемы и орудия деятельности самого человека, в связи с чем они в процессе мышления функционируют в качестве категориальных средоточий, идеализированных моментов, т. е. понятий, отражающих наиболее фундаментальные закономерности предметной области, превращаются в категории мышления, в соответствии с которыми протекают процессы практической и познавательной деятельности. Чувственно-предметная деятельность людей предстает как исходное основание всех других видов деятельности, именно в ней происходит непосредственное совпадение понятий субъекта (человека) с реальностью.

Именно практика общественного субъекта, когда общество в целом предстает в качестве универсального существа, выражающего в своей деятельности всеобщие свойства, формы и отношения бытия, осваиваемого в ходе общественно-исторического процесса, и есть та основа, благодаря которой диалектико-материалистическая философия решает проблему понимания природы мышления. Подлинно научное решение природы познания и теоретического мышления оказалось возможным лишь с позиций диалектического материализма, который посредством введения категории общественной производственной практики опирался на активность человека в процессе материальной, практической деятельности, доказал зависимость теоретического мышления от реальности, обосновал принцип отражения.

Категории мышления это не простые слепки, образы природных сил: это образы практически освоенной природы, когда онтологические соотношения природных безличных образований осваиваются человеком, обществом в целом как формы логики. Практически преобразующая деятельность

людей оказывается всеобщим базисом, на основе которого возникает познание как реализация духовной потенции практического процесса. Человек, вступая в чувственно-предметную деятельность, воспроизводит логику природной субстанции; предметная деятельность человека как бы выявляет весь спектр связей, тенденций и возможностей природы; именно в деятельности человека как иницилирующей единицы природные субстанциальные силы находят свое воплощение.

Формы мышления должны быть исследованы в свете диалектико-материалистической концепции деятельности сущности человека. Именно чувственно-практическая деятельность людей оказывается ближайшей перспективой мышления, источником формирования логических форм. Тут не может быть простого сопоставления логических форм и предметного содержания, необходим анализ претворения этого предметного содержания в процессе предметной деятельности общественного человека в формы его мышления. Только при таком подходе формы мысли обнаруживают свою содержательность, свою неразрывную связь с объективной реальностью. Попытка же непосредственного сопоставления форм мысли как таковых с формами вещей, игнорирующая генезис мышления, необходимо приведет к неудаче.

Как известно, изолированное рассмотрение логических форм один из основных пороков позитивистской концепции логики. Отражением этого слабости позитивистской позиции являются воззрения Р. Карнапа, который называет основной вопрос философии «псевдопроблемой».

Согласно Карнапу, все философские вопросы имеющие значение, относятся к логике и синтаксису языка. Что касается вопроса об объективности мира, то он не является проблемой научной философии, а представляет на деле псевдопроблему, возникшую в традиционной философии. Карнап пишет: «Неверно рассматривать мой семантический метод как нечто, связанное с верой в реальность абстрактных объектов, поскольку я отвергаю тезис этого рода, как метафизическое псевдопредложение»¹.

¹ Карнап Р. Значение и необходимость. М., 1959. С.315.

Карнап различает два типа вопросов: «внутренние» и «внешние». К первой группе он относит такие вопросы, как: «Есть ли на моем столе клочок белой бумаги? Действительно ли жил король Артур?» и т.п. Согласно Р. Карнапу, «понятие реальности, встречающееся в этих внутренних вопросах, является эмпирическим, научным, не метафизическим понятием. Признать что-либо реальной вещью или событием - значит суметь включить эту вещь в систему вещей в определенном пространственно-временном положении среди других вещей, признанных реальными, в соответствии с правилами каркаса»¹. К «внешним» ученый относит и вопрос о реальности самого мира вещей. Он пишет: «В противоположность вопросам первого рода, этот вопрос поднимается не рядовым человеком и не учеными, а только философами». И тут же заявляет: «Этот вопрос нельзя разрешить, потому что он поставлен неправильно»².

Критикуя тех, кто считает признание реальности вещей в себе необходимым для понимания существа логики, Карнап отмечает: «Многие философы рассматривают вопрос такого рода как онтологический вопрос, который должен быть поставлен, и ответ на который должен быть получен до введения новых языковых форм». И далее: «Мы полагаем, что введение новых способов речи не нуждаются в каком-либо теоретическом оправдании, потому что оно не предполагает какого-либо утверждения реальности... Предложение, претендующее на утверждение реальности системы объектов, является псевдоутверждением, лишенным познавательного содержания»³.

На такой же позиции стоит и М. Шлик, который утверждал, что псевдопредложения возникают тогда, когда люди стараются установить предмет, обозначаемый данным словом, вне зависимости от самого этого слова. Для Шлика это – «бессмысленная проблема»⁴.

Согласно неопозитивизму, вопросы об объекте являются предметами специальных наук, проблема языка науки

¹ Там же. С.301.

² Карнап Р. Значение и необходимость. С.310.

³ Там же.

⁴ Schlick M. Erw. Werk. S.179.

относится к логике, а «псевдопроблемы» есть предметы философии. Всю историю философии неопозитивизм рассматривает как цепь проблем и вопросов, лишенных научного смысла. Отсюда - неопозитивистская концепция, заключающаяся в том, что из всей философии имеет смысл лишь исследование «логики науки», теория логических структур и предложений. В этом отношении характерно следующее утверждение Р. Карнапа: «На место не поддающегося распутыванию комплекса проблем, который называют философией, выступает логика науки»¹.

Здесь обнаружилась слабость позитивистской философии, которая не понимает материальности условий общественной жизни, социальной природы мышления и тем самым не осознает связи и субординации природы, общества и человеческого мышления.

Поэтому попытка решения проблемы систематизации логических форм «в лоб», стремление простого упорядочения данного логического материала не может привести к успеху. Вопрос о систематизации категорий в своей рациональной постановке перерастает в проблему мышления и логического вообще, в проблему закономерностей исторического развития познания.

Мышление есть дериват чувственно-практической деятельности общественного индивида; формы мышления суть превращенные формы чувственно-предметной деятельности. Из этого следует, что формы мышления представляют собой как бы остановленные и зафиксированные формы предметной деятельности по освоению содержания предметного мира, конечные формы бесконечно развивающегося познания. Именно здесь дано как ведущее противоречие, управляющее процессом развития логических форм, противоречие между формой и содержанием познания, так и метод познания анализ противоречия между конечным и бесконечным, между актуальным и потенциальным в познании, которое составляет подлинный нерв диалектической, содержательно-логической субординации форм мысли.

¹ Carnap R. Logische Syntax der Sprache. Wien, 1934. S.205.

Только кропотливое и скрупулезное исследование человеческой предметной деятельности, общего условия ее функционирования, по нашему мнению, дает возможность для глубокой систематизации логических категорий, понятий и принципов. Поэтому мы рассматриваем целостную предметную деятельность, ступени ее развития как главное основание внутренней взаимосвязи категорий диалектической логики.

Поскольку мышление, категории не являются самостоятельной реальностью, постольку подлинным ключом к пониманию внутренней взаимосвязи логических категорий является анализ закономерностей предметной деятельности, анализ общего условия труда, всеобщего основания человеческих общественных отношений, исследование истории развития общественно-экономических формаций. Категории мышления, являясь отражением всеобщих законов формообразования природы, выступают формой, ступенями выделения человека из природы, формой и ступенями исторического развития человеческой предметной деятельности. Поэтому, только изучая реальное функционирование предметной деятельности человека, раскрывая ее общие закономерности, прослеживая историю развития и формообразования человеческих общественных отношений, мы можем напасть на след внутренней взаимосвязи, последовательности логических категорий, а также обосновать *структуру*, основные этапы диалектико-материалистической логики.

Действительно, структура диалектической логики должна соответствовать основной структуре целостной предметной деятельности, основным этапам ее функционирования. Логика и последовательность категорий, их реальная систематизация должна отражать историческое развитие предметной деятельности, всеобщие законы ее развития и функционирования. Если в историческом развитии предметной деятельности и ее функционировании есть определенная последовательность, логика, то внутренние взаимосвязи категорий, их определенная последовательность являются отражением этой логики реального дела. Вот почему исследование законо-

мерностей функционирования предметной деятельности имеет громадное значение в деле систематизации логических категорий.

Поскольку предметная деятельность есть объективное, целостное, развивающееся явление, постольку теоретическое понимание ее должно подчиняться методу теоретического воспроизведения предмета, разработанному К. Марксом в «Капитале».

Как известно, Маркс в теоретическом осмыслении капиталистических производственных отношений сначала рассматривал прибавочную стоимость в чистом виде, т. е. предполагал идеализированного капиталиста, который занят производством прибавочной стоимости. Только на последующих этапах исследования, где анализируется уже отношение прибавочной стоимости к прибыли, там именно принимаются во внимание все привходящие моменты, целостный процесс, т. е. наличие конкуренции, перелив капитала и др.

Точно так же при исследовании целостной, исторически развивающейся предметной деятельности необходимо сначала рассмотреть в чистом виде содержание предметной деятельности (отношение человека к природе), т. е. формирование и развитие практической деятельности, общего условия труда с целью познания внутренней взаимосвязи наиболее первичных категорий, в которых отражаются закономерности сферы непосредственных отношений. Разумеется, содержание предметной деятельности не существует без определенной общественной формы, без определенных общественных отношений людей друг к другу. Поэтому здесь мы имеем дело с абстракцией, которая необходима, с одной стороны, для теоретического воспроизведения предметной деятельности, а с другой для обоснования внутренней взаимосвязи категорий, в которых отражаются всеобщие законы формирования непосредственных отношений.

Предметная деятельность, целесообразное изменение вещества природы являются всеобщим условием человеческой жизни, в процессе которой человек выделяет себя из природы, и здесь же впервые формируются отношения

субъекта к объекту, т. е. наиболее первичные отношения человеческой деятельности.

Производство, по существу, начинается с выявления объекта деятельности. Выделенный предмет (объект) тут же вовлекается в человеческую деятельность, иначе говоря, человек посредством орудий труда начинает воздействовать на объект труда. В процессе этой деятельности человек обрабатывает, изменяет и приспособливает его к своим потребностям. Иными словами, человек, придавая объекту желаемую целесообразную форму, превращает его наличную форму в субстрат, на котором и опредмечивает себя и свои сущностные силы. Потому именно этот процесс и называется опредмечиванием, объективированием человеческой сущностной силы.

Человеческая деятельность не исчерпывается опредмечиванием, это лишь одна сторона деятельности. Другой же стороной является распредмечивание, т. е. вовлечение предмета снова в деятельность, в результате которой возникает новый предмет, новая вещь. По этой именно причине распредмечивание не есть уничтожение вещи, превращение бытия вещи в ничто, а только снятие самостоятельности данной формы, поскольку она превращается в средство, в субстрат другой вещи, другого предмета.

В процессе предметной деятельности, таким образом, опредмечивание и распредмечивание, находятся в диалектическом единстве; без распредмечивания нет опредмечивания, как невозможно и распредмечивание без опредмечивания. Действительно, человеческая деятельность, деятельность субъекта по изменению объекта всегда начинается с изменения, со снятия наличной формы предмета, с вовлечения предмета в деятельность, с распредмечивания, хотя первоначально распредмечивается, изменяется, вовлекается в движение та форма, та предметность, которая дана природой. Дело в том, что человеческая предметная деятельность вовсе не есть процесс превращения ничто в нечто, а есть процесс, в котором первоначальное нечто получает другую форму, которая удовлетворяет человеческим потребностям.

В процессе предметной деятельности, таким образом, выявляется не только объект, но и субъект этой деятельности. Практическая деятельность - это единство объекта и субъекта, единство процесса объективирования и субъективирования. Поскольку в процессе опредмечивания и распредемечивания происходит постоянное утверждение бытия в вещи, предмете, снятие наличной формы предметности и утверждение нового предмета, новой вещи, постольку здесь осуществляется единство возникновения и уничтожения, т. е. становление.

В результате предметной деятельности, в результате становления возникают конкретные вещи, удовлетворяющие определенные человеческие потребности. Каждая конкретная вещь постольку удовлетворяет определенную потребность, постольку имеет качество. Как таковая она является продуктом конкретной деятельности, конкретного труда. «Сюртук есть потребительная стоимость удовлетворяющая определенную потребность. Для того чтобы создать его, был необходим определенный род производительной деятельности. Последний определяется своей целью, характером операций, предметом, средствами и результатом»¹.

Каждая вещь, таким образом, имеет качество. Однако качество как совокупность многих свойств, как присущая вещи и неотъемлемая от нее определенность выявляется и познается человеком не в результате созерцания природы, а в процессе предметной, практической деятельности. Человек вырабатывал о предмете определенное знание лишь тогда, когда он его активно вовлекал в сферу своей практической деятельности. Так, например, им были постигнуты различные свойства камня, его твердость и ломкость и т. п. в той мере, в какой он использовал его в качестве орудий труда.

Открытие качества, качественных определенностей вещей является продуктом всей человеческой истории. «Каждая вещь есть совокупность многих свойств и поэтому может быть полезна различными своими сторонами. Открыть эти различные стороны, а, следовательно, и многообразные

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23. С.50.

способы употребления вещей, есть дело исторического развития»¹. Эта мысль К. Маркса подтверждается всем опытом развития человеческой истории.

Действительно, человек выделял нужные качества, качественные определенности предметов природы, накапливал и развивал знания о них по мере развития своей практической деятельности. Поэтому выявление качества предметов, их целесообразное использование, развитие интеллекта все это есть результат долгого поиска, результат истории.

Однако не только качество вещи, но и открытие ее количественных определенностей также является продуктом практической, предметной деятельности, результатом человеческого труда. Человек в своем историческом развитии стал выделять и количественные определения вещей не путем пассивного наблюдения за процессами природы, а в ходе своей практической деятельности. Как это могло быть, наглядно видно на следующем примере. Добываясь определенного полезного эффекта при обработке того или иного предмета природы, человек совершает определенное усилие, затрачивает известную энергию, производит энное количество целесообразных движений. Надо полагать, человек сознавал и то, что для обработки крупного предмета, например, большого камня, требуется больше усилий, необходимо затратить больше энергии, чем для соответствующей обработки маленького камня. Сформированные таким образом знания о количественных определениях вещей древние люди активно использовали в процессе своей практической деятельности.

В ходе исторического развития люди научились понимать и различать не только такие количественные определения вещей, как больше и меньше, легкое и тяжелое и т. п., но вырабатывали также знания и о пространственных отношениях, временных характеристиках вещей и явлений. Нетрудно догадаться, что и первые пространственные представления, и многократные их подтверждения наши первобытные предки получали в процессе практической деятельности. В самом деле, ведь отнюдь не все предметы

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23. С.43-44.

потребности древние люди находили в непосредственной близости от своей пещеры, конечно же, бывала необходимость уходить на далекие расстояния от своего жилища, когда они занимались собирательством или охотой. Людям с самого начала надо было не только уметь чувствовать расстояние, чтобы, например, брошенный камень точно попал в убегающего зверя, но необходимо было и умение ориентироваться в пространстве.

Подобным же образом формировалось и понятие времени. Хотя такие процессы природы, как смена дня и ночи, изменение времен года, безусловно, служили предпосылкой для выработки первоначального представления о времени, действительное же знание о нем смогло сложиться только в практической деятельности.

В процессе своей жизнедеятельности люди постепенно стали понимать, что для производства каждой конкретной вещи (например, каменного рубила, кремневого ножа и др.) необходимо затрачивать определенные усилия, притом в определенной последовательности и интенсивности. Заметили, конечно, и то, что одну вещь можно сделать скоро, а с другой - приходится возиться долго. Возникает представление о времени как об отражении последовательного ритма работы, продолжительности трудового процесса. Говоря о внутренней связи количества труда с категорией «время», Маркс в «Капитале» писал: «Количество самого труда измеряется его продолжительностью, рабочим временем, а рабочее время находит, в свою очередь, свой масштаб в определенных долях времени, каковы: час, день и т. д.»¹.

По мере усложнения практической деятельности человека формировались как всеобщие определения количества (например, пространство и время, прерывное и непрерывное), так и определенные количества (число, величина, степень и т. д.). Конечно, такие определения не сложились сразу, но на какой-то ступени развития человеческой практики, общественных отношений оказалось недостаточно знания таких количественных определений, как больше и меньше, далекое и близкое, тяжелое и

1 Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23. С.47.

легкое, раньше и позже; понадобилось умение определить и назвать, насколько больше или насколько меньше, как далеко или как близко, насколько тяжело и насколько легко, насколько раньше или насколько позже и т. д.

Хотя число, величины и т. п., с первого взгляда, кажутся наиболее простыми количественными отношениями, в действительности они являются более конкретными количественными отношениями, поскольку могут быть реально поняты только после того, как уже поняты всеобщие количественные отношения (пространство и время, больше и меньше, далекое и близкое, раньше и позже и т. д.).

Предметная деятельность человека является основой понимания и определения не только качественных и количественных отношений бытия, она и только она является также всеобщей основой формирования их единства, всеобщим условием формирования категории «мера», которая одновременно выступает как качественно-определенное количество и количественно-определенное качество. Иными словами, в процессе производства люди не только должны совершать целесообразный труд и затрачивать силы, энергию, но соблюдать и меру, соразмерность, уловить единство качественных и количественных определений.

Действительно, конкретный, целесообразный труд создает вещь с определенным качеством, с определенным свойством. Однако затрата человеческой мускульной силы, энергии, совершение движения представляются безразличными для производства качественно-определенной вещи. Но такое понимание справедливо только в ограниченных пределах. Стоит только нарушить меру, соразмерность, единство количества и качества, как возникает риск создать совсем не то, что было первоначально задумано.

Например, если я задумал построить небольшой дом, то должен, разумеется, затратить на это не так уж много материала, энергии, средств и т. п. Но при этом необходимо сохранить определенную меру, соразмерность, единство качества и количества. В противном случае, если я слишком увлекусь экономией материалов, средств, энергии, то

построю лишь конуру, не пригодную для жизни человека. Мэру, соразмерность вещей люди заметили очень давно. В ходе своей жизнедеятельности они постепенно открыли меру множества вещей природы и меру собственных действий, соразмерность качественных и количественных определений, что способствовало повышению производительности их труда, усилению господства над силами природы. Без понимания меры вещей, меры своей деятельности, соразмерности движения человек в своем историческом развитии не достиг бы тех результатов, которые он имеет сегодня.

Соразмерная деятельность, представление о мерах своего движения, своей силы были необходимы уже во времена охоты, в эпоху приручения животных и, в особенности, в процессе производства искусственных орудий труда. Чтобы получились ожидаемые каменные орудия, наш далекий предок постоянно соизмерял свои движения, свои усилия, свои удары по камню с качеством вещей.

Отношение человека к природе - это только одна сторона его предметной деятельности. Ее можно рассмотреть самостоятельно, в чистом виде только в теоретической деятельности, когда стоит задача познать наиболее абстрактные закономерности предметной деятельности и познания. Анализ же общего условия труда, закономерностей функционирования и содержания предметной деятельности дает возможность открыть и выделить всеобщие закономерности сферы непосредственного, т. е. позволяет открыть качественные, количественные и мерные определенности вещей. Поскольку мышление является формой предметной деятельности, постольку все эти всеобщие определения одновременно выступают как всеобщие определения мышления.

Итак, качество, количество и мера суть наиболее простые определения природы и деятельности, и как таковые они являются и наиболее абстрактными определениями мышления. Потому-то содержание первого раздела систематической диалектической логики как раз и составляют эти простые и абстрактные определения природы, предметной и мыслительной деятельности человека.

Поскольку предметная деятельность не совпадает с ее содержанием, постольку всеобщие законы природы, общества и человеческого мышления также не исчерпываются всеобщими закономерностями сферы непосредственного, т. е. качеством, количеством и мерой. Чтобы выделить другие, более конкретные всеобщие закономерности бытия и мышления (категории), необходимо скрупулезно проанализировать самую форму практической, предметной деятельности, общественные отношения людей, закономерности их общения. Справедливость такого понимания подкрепляется тем, что содержание предметной деятельности можно рассмотреть отдельно от формы только в пределах определенной теоретической деятельности, в действительности же они находятся в нераздельном единстве.

В самом деле, в процессе общественного производства человек строил в своей голове не только форму будущего предмета и, стало быть, начинал действовать целенаправленно, но также и свои общественные отношения, т. е. предварительно обдумывал способ совместных с другими людьми действий в производственном процессе. В то же время только в процессе такого взаимодействия индивид осознавал себя, свой способ деятельности, свое отношение к природе и свои взаимоотношения с другими людьми.

Касаясь этой стороны вопроса, К. Маркс писал: «В некоторых отношениях человек напоминает товар. Так как он рождается без зеркала в руках и не фихтеанским философом: “Я есмь я”, то человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку. Вместе с тем и Павел как таковой, во всей его павловской телесности, становится для него формой проявления рода “человек”»¹.

Содержание предметной деятельности, процесса труда как превращения вещества природы из одной формы в другую является общественной необходимостью, и именно в этом смысле предметная деятельность одинакова для всех

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т 23. С.62.

ступеней общественной жизни, различны лишь уровни зрелости, ступени эффективности и развития орудий труда. «Процесс труда... есть целесообразная деятельность для созидания потребительных стоимостей, присвоение данного природой для человеческих потребностей, всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он не зависит от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем ее общественным формам. Поэтому у нас не было необходимости в том, чтобы рассматривать рабочего в его отношении к другим рабочим. Человек и его труд на одной стороне, природа и ее материалы на другой, этого было достаточно»¹.

Содержание предметной деятельности, процесса труда есть только одна сторона целостной предметной деятельности, ее непосредственная сфера. Поэтому по характеру труда нельзя судить о предметной деятельности в целом, о взаимоотношении ее с другими формами и сферами человеческой деятельности. «Как по вкусу пшеницы невозможно узнать, кто ее возделывал, так же по этому процессу труда не видно, при каких условиях он происходит: под жестокой ли плетью надсмотрщика за рабами или под озабоченным взглядом капиталиста, совершает ли его Цинциннат, возделывающий свои несколько югеров, или дикарь, камнем убивающий зверя»².

Следовательно, для того, чтобы познать сущность предметной деятельности, всеобщие законы ее функционирования, мы должны перейти к анализу *общественных отношений людей*.

Предметная деятельность не есть абстрактное отношение абстрактного субъекта к объекту. Подобное рассмотрение имеет смысл только в известных условиях. В реальной же действительности предметная деятельность и есть общественное отношение, отношение общественного человека к предмету, посредством которого определяется смысл и содержание предметной деятельности. Иными

¹ Там же. С.195.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23. С.195.

словами, отношение людей к природе опосредовано их реальными отношениями друг с другом.

В своей жизнедеятельности люди не просто производят, не просто преобразуют вещества природы, а совершают эту деятельность в определенной общественной форме, которая является общественно освоенной формой всеобщего содержания человеческой предметной деятельности. Поэтому здесь функционирует не сфера непосредственного отношения субъекта к объекту, а общественно освоенная форма ее, иначе говоря, мы имеем дело со сферой опосредствованных отношений в процессе предметной деятельности человека.

Переход от непосредственного отношения к опосредствованному, от содержания предметной деятельности к ее общественно освоенной форме это диалектическое противоречие, тождество противоположностей. Дело в том, что сфера непосредственного (содержание предметной деятельности), оставаясь самой собою, в то же время обнаруживает себя как форма проявления чего-то другого, а именно сферы опосредствованных отношений. А это означает, что всеобщие законы природы, общества и человеческого мышления здесь выступают не как всеобщие условия формирования непосредственного, а как всеобщие законы формирования сферы опосредствованного, как всеобщие законы рефлексированных отношений. Все это свидетельствует о том, что сфера непосредственных отношений не существует самостоятельно, не является самодовлеющим отношением, а выступает как проявление более глубоких общественных отношений.

Анализируя диалектические взаимоотношения непосредственного и опосредствованного в предметной деятельности, раскрывая отношение содержания предметной деятельности к ее общественно освоенной форме, мы имеем возможность открыть и выделить такие всеобщие законы природы, общества и мышления, как сущность и явление, противоречие, основание, материя и форма, содержание и форма, существование, закон, внутреннее и внешнее,

действительность, необходимость и случайность и т. п. Вот эти-то универсальные категории и являются содержанием второго раздела диалектико-материалистической логики.

И это еще не все. Диалектическое, конкретное исследование предметной деятельности не ограничивается как анализом содержания предметной деятельности, выявлением ее всеобщих законов функционирования, так и познанием сферы опосредствованных отношений, т. е. постижением закономерностей развития освоенных форм. Дело в том, что предметная деятельность в диалектико-материалистической трактовке это живое, целостное, конкретное общественное явление, которое имеет свою историю и закономерности развития. В целом развитие общественной практики подчиняется всеобщему историческому закону развития, проходит ряд ступеней, состоит из нескольких формообразований, развитие которых и составляет естественноисторический процесс.

Целостную предметную деятельность впервые глубоко и всесторонне проанализировали К. Маркс и Ф. Энгельс, выработавшие и обосновавшие понятие общественно-экономической формации, в котором объединены развитие производительных сил, общественных отношений и совокупность духовных, идеологических отношений, существующих на данной ступени общественно-го развития. При этом ими были открыты и обоснованы всеобщие законы развития и функционирования целостной предметной деятельности.

Только исследование целостной предметной деятельности, всеобщего условия ее развития и функционирования дало возможность понять внутренние взаимосвязи всеобщих законов природы, общества и человеческого мышления. Ибо в развитии и функционировании каждой целостной предметной деятельности, общественно-экономической формации, а также в процессе перехода от одной ступени общественного развития к другой реально выявляются всеобщие законы бытия и мышления и их внутренние взаимосвязи.

Поскольку целостная предметная деятельность находится в постоянном развитии, постольку понятия, идеи и

теории об этой развивающейся действительности могут быть построены только на основе целостных теоретических принципов, как-то: целостность, всеобщее и единичное, развитие и т. п. Именно эти универсальные принципы образуют содержание третьего раздела систематической диалектической логики.

Внимательное исследование предметной деятельности, таким образом, дает возможность обнаружить и выявить три ступени ее реального функционирования: содержание деятельности, общественно освоенная форма, целостная предметная деятельность как единство того и другого.

Поскольку мышление, теоретическая деятельность являются идеальной формой предметной деятельности, постольку диалектическая логика как наука о всеобщих законах формирования и развития целостного мышления тоже состоит из трех частей: 1) анализ всеобщих законов формирования и развития сферы непосредственного, т. е. исследование категорий качество, количество и мера и других этого же ряда; 2) анализ всеобщих законов формирования и развития сферы опосредствованного и, значит, исследование таких категорий, как явление и сущность, противоречие, основание, материя и форма, содержание и форма, существование, внутреннее и внешнее и др.; 3) анализ всеобщих законов формирования и развития целостного отношения, иными словами, исследование таких логических категорий, как целостность, всеобщее и единичное, развитие и т. п.

В диалектико-материалистической, содержательной логике с позиции принципа развития также исследуются такие важнейшие формы и методы познания, как суждение, умозаключение, понятие, идея, теория, анализ и синтез, индукция и дедукция, восхождение от абстрактного к конкретному, историческое и логическое и т. д.

Роль истории философии в систематизации категорий. Согласно диалектико-материалистической концепции логики, в систематизации логических категорий фундаментальное значение имеет не только практика,

целостная предметная деятельность, но также история философии, являющаяся классической формой истории человеческого познания¹.

Это положение прямо вытекает из основной идеи диалектико-материалистического понимания истории философии, согласно которой она является историей духовного освоения человеческой практической деятельности. Поэтому последовательность и внутренняя взаимосвязь логических категорий, с одной стороны, отражают, как это было рассмотрено, историю развития практической, предметной деятельности, а, с другой, выступают как ступени развития истории человеческого познания в целом и истории философии в том числе.

История философии есть опыт, практика развития человеческой мысли на основе общественно-исторического движения. В силу этого она имеет громадное значение для систематизации категорий диалектической логики. Как правильно заметил П.В. Копнин, «история философии есть форма бытия самой философии»². Развитие философской теории в принципе невозможно без постоянного обращения к ее истории, без раскрытия сущности современных проблем науки путем привлечения опыта прошлых решений. Игнорирование в той или иной степени уроков исторического развития философии всегда сказывается на разрешении философской проблемы современности, приводит к тому, что теряется сам уровень философского исследования, поскольку не учитывать тех колоссальных усилий, которые были предприняты в направлении систематизации категорий мышления, попросту невозможно.

В данном отношении изучение историко-философских феноменов должно проводиться в двух направлениях: во-первых, оно должно дать то или иное историко-философское разрешение проблемы во всей ее конкретной специфике, во всей полноте ее красок, отразив достижение философской мысли в рамках конкретных исторических форм ее

¹ См. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29. С.314.

² Копнин П.В. К вопросу о методе историко-философского исследования / Вопросы философии, 1967. № 5. С.110.

наличного существования; во-вторых, оно (изучение) должно быть целенаправленным, должно учитывать характер и постановку той задачи, для решения которой оно привлекается. Именно в этом заключается значение и актуальность истории философского исследования для решения современных философских задач.

Категории философии, и прежде всего категории диалектики, являются наиболее чистой и развитой формой, в которой воплощены итоги многовековой истории познания. В исторической последовательности вычленения той или иной категории, выдвижения ее на первый план заключен глубокий смысл, который должен учитывать исследователь, ставящий перед собой задачу раскрыть внутреннюю взаимосвязь и последовательность логических категорий.

Непреходящей заслугой гегелевской философии является как раз то, что в ней внутренняя взаимосвязь и субординация категорий мышления взяты не из головы и систематизированы не формально, а в связи с историей философии, историей познания в целом. Иными словами, гегелевская система категорий является абстракцией, отвлечением от истории познания и истории философии. В этом именно обнаружилась сильная сторона осуществленной философом систематизации категорий. Отмечая эту сторону логики Гегеля, В.И. Ленин писал: «Видимо, Гегель берет свое саморазвитие понятий, категорий в связи со всей историей философии. Это дает еще *новую* сторону всей Логики»¹, а отсюда - «продолжение дела Гегеля и Маркса должно состоять в диалектической обработке истории человеческой мысли, науки и техники»².

В гегелевском способе обращения к истории философии, правда, имеются серьезные недостатки, ибо он рассматривал ее не как духовное отражение истории человеческой производственной деятельности, истории общественных отношений, а как выражение саморазвития некоего абсолютного субъекта, духа. Раскрывая социальный вред подобной философии, Маркс и Энгельс отмечали: «После того как господствующие мысли были отделены

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29. С.104.

² Там же. С.131.

от господствующих индивидов, а главное, от отношений, порожденных данной ступенью способа производства, и таким образом был сделан вывод, будто в истории неизменного господствуют мысли, - после этого очень легко абстрагировать от этих различных мыслей «мысль вообще», идею и т.д. как то, что господствует в истории, и тем самым представить все эти отдельные мысли, и понятия как «самоопределения» «понятия», развивающегося в истории... Гегель сам признает в конце «Философии истории», что он «рассматривал поступательное движение одного только понятия»¹, т. е. попытался с помощью идеи благодати и всемогущества бога оправдать существование зла и несправедливости в эксплуататорском мире.

С идеализмом связаны и другие пороки гегелевского понимания истории познания и истории философии, в частности его некритическое отношение к истории духовного производства, его «некритический позитивизм». Поскольку философ не принимал во внимание действительную историю производства, реальную историю общественных отношений, лежащих в основе как истории познания, так и истории философии, постольку он их не анализировал, не понимал законов их развития и тем более не знал их перевернутой логики, которая господствует на определенных этапах общественно-исторического движения.

В силу внутренней связи способа жизнедеятельности людей, истории общественных отношений с историей познания, с историей философии перевернутость общественных отношений людей на определенной ступени общественно-исторического развития отражается в перевернутости и извращенности системы духовных отношений людей и их истории. Поэтому самое историю познания, историю философии невозможно брать как данное; их необходимо критически проанализировать в соответствии с истинной логикой развивающейся объективной действительности.

В истории философии Гегеля, как известно, нет ничего похожего на такой способ рассмотрения проблемы. Он

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.3. С.48.

рассматривает ее идеалистически и извращенно. Поэтому имеется определенная связь между логикой Гегеля, которая является некритическим обобщением истории познания, и его историей философии, его историей системы духовных отношений. Понятно, что без основательной критики с диалектико-материалистических позиций нельзя принимать ни гегелевскую логику, ни его историю философии, историю системы духовных отношений. Необходимо постоянно помнить мысль о том, что «логику Гегеля нельзя *применять* в данном ее виде; нельзя *брать* как данное. Из нее *надо выбрать* логические (гносеологические) оттенки, очистив от *Ideenmystik*»¹.

Поскольку история познания и история философии суть духовное осмысление истории человеческой практической деятельности, постольку материалистически понимаемую историю философии, историю системы духовных культур необходимо проанализировать как основание дедукции логических категорий. При этом обнаружится единство всеобщих законов развития мышления, развития духовной культуры, истории познания со всеобщими законами практического, предметного преобразования действительности. «Диалектика Гегеля, есть, постольку, обобщение истории мысли. Чрезвычайно благодарной кажется задача проследить сие конкретнее, подробнее, на *истории отдельных наук*. В логике история мысли должна, в общем и целом, совпадать с законами мышления»².

С этой методологической позиции историю мысли, историю философии надо рассмотреть как основы выделения категориальных определений предметов и явлений, как основы систематизации логических категорий. Научный анализ истории познания свидетельствует о том, что в основе исторического развития категорий философии лежат не абстрактные мысли, не системы чистых сущностей, как полагал Гегель, а реальное развитие познания, в котором отражается история материальной деятельности людей.

История мысли, отражая историю человеческой деятельности, углубляется в познание окружающей действительности,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т.29. С.238.

² Там же. С.298.

вительности. В категориях же логики отражены ступени, уровни человеческого познания. «Понятие (познание) в бытии (в непосредственных явлениях) открывает сущность (закон причины, тождества, различия etc.) таков действительно *общий ход* всего человеческого познания (всей науки) вообще. Таков ход и *естествознания* и *политической экономики* [и истории]»¹. «Сначала мелькают впечатления, затем выделяется *нечто*, потом развиваются понятия *качества* (определения вещи или явления) и *количества*. Затем изучение и размышление направляют мысль к познанию тождества - различия - основы - сущности *versus* явления, - причинности etc. Все эти моменты (шаги, ступени, процессы) познания направляются от субъекта к объекту, проверяясь практикой и приходя через эту проверку к истине (= абсолютной идее)»².

Здесь представлен определенный план систематизации категорий материалистической диалектики, которая в общем и целом совпадает с историей развития философии, историей развития мысли. В этом нетрудно убедиться, если внимательно анализировать историю познания и историю философии.

Всамомделе,когдавместомифологии,долгосуществовавшей в качестве своеобразной формы синкретического знания, возникла философия, как особый вид общественного сознания, то первоначально она концентрировала свое внимание на непосредственном, объясняла мир, космос, исходя из наиболее простых категорий, как-то: качество, количество и т. п. Это особенно наглядно проявляется в ее трактовке и понимании природы начала, которое лежит в основании той или иной философской системы.

Первые греческие мыслители в качестве начала брали непосредственное, чувственно-конкретное, а именно то или иное вещество, которому благодаря его качествам, своеобразным свойствам приписывалось преимущество по сравнению со всеми другими веществами природы. Так, Фалес, как известно, началом вселенной, мирового целого считал воду. Его привлекала способность

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29. С.298.

² Там же. С.301.

воды присутствовать во многих предметах и принимать различные формы. «...К этому предположению, - полагал Аристотель, - он, быть может, пришел, видя, что пища всех существ влажная и что само тепло возникает из влаги и ею живет (а то, из чего все возникает, это и есть начало всего)»¹. Тот же способ рассмотрения характерен для Анаксимандра, Анаксимена, Гераклита, каждый из них за начало сущего брал какое-либо вещество, например огонь, воздух и т. п. Этим мыслителям привлекали чувственно-конкретные свойства, качественная определенность веществ.

Если внимательно проследить развитие греческой философии от Фалеса до Гераклита, то обнаружится значительный теоретический прогресс в понимании природы непосредственного, чувственно-конкретного. Для обоснования начала не только выдвигались все новые и новые качественные определенности избранных веществ, но открывались и общие условия движения непосредственного, диалектическое взаимоотношение чувственно-конкретного. Так, если Анаксимен решал противоречие между беспредельным и качественным многообразием вещей, допустив сгущения и уплотнения первоначальной основы, то Гераклит стремился выйти из этой трудности посредством диалектического движения, опираясь на идею раздвоения единого на противоположные стороны и последующего разрешения возникших противоположностей.

Свою великую мысль о вечном становлении всего сущего Гераклит наглядно воплотил, взяв в качестве начала огонь. Как свидетельствовал Плутарх, Гераклит считал, что все из движения огня образуется и в огне разрешается: «как из огня все создается путем превращения, так и огонь из всего, подобно тому, как за золото мы имеем вещи, а за вещи золото»².

Анализируя метаморфозы огня, Гераклит открыл диалектику непосредственного. Хотя по форме она напоминает современную диалектику, но, безусловно, отличается от последней, поскольку греческий мир эпохи

¹ Аристотель. Сочинения. М., 1976. Т.1. С.71.

² Цит. по: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29. С.306,108.

Гераклита еще не знал не только принципа развития, но и принципа рефлексии.

Первые греческие философы, включая Гераклита, еще имели дело с миром непосредственного, с чувственно-конкретной целостностью. Они ее тщательно анализировали и открыли взаимосвязь чувственной конкретности, ее переходы, переливы, взаимопревращения и т. п.

Гегель в своей логике также анализировал непосредственное, переходы одних качественных определений в другие, но сколь существенно отличается его диалектика от теоретического наследия древних греков! Если первые греческие мыслители, в том числе и Гераклит, завершали свой анализ мира исследованием непосредственного, выявлением его диалектики, перехода от одной чувственной конкретности к другой, то для немецкого философа исследование непосредственного, чувственно-конкретного, выявление его диалектики, всеобщих определений было только началом, моментом анализа целостного духовного мира. Поэтому и всеобщие принципы непосредственного у него выступают лишь моментом всеобщего принципа целостности, т. е. принципа развития.

Отмечая особенности живой диалектики непосредственного, В.И. Ленин замечал в «Философских тетрадах»: «Река и *капли* в этой реке. Положение *каждой* капли, ее отношение к другим; ее связь с другими; направление ее движения; скорость; линия движения - прямая, кривая, круглая etc - вверх, вниз. Сумма движения. Понятия как *учеты* отдельных сторон движения, отдельных капель (= „вещей”), отдельных „*струй*” etc. Вот а реи прес картина мира по Логике Гегеля, конечно, минус боженька и абсолют»¹.

Анализ непосредственного, качественных определенностей вещей происходил, разумеется, не только в древности. Он осуществляется и в настоящее время, ибо непосредственное отношение, качественные определенности являются универсальными определенностями вещей. Поэтому каждый шаг в познании закономерностей объективной действительности это одновременно вы-

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29. С.131-132.

явление и открытие все новых и новых сторон качественной характеристики мира.

В настоящее время благодаря развитию науки и техники создалась возможность открыть новые грани качественных определенностей предметов. Сейчас человечество стало не только открывать новые качества природы в процессе своей практической деятельности и познания, но и создавать такие качественные определенности веществ, которых ранее не было в природе.

Первые греческие мыслители, правда, универсализировали непосредственные отношения, им весь мир являлся в форме непосредственного, чувственно-конкретного. Поэтому всеобщие законы непосредственного, вечное становление представлялось им как всеобъемлющие и вечные законы вселенной, космоса.

Серьезным прогрессом в развитии философской мысли было также открытие и исследование категории количества. Разумеется, человечество давно выработало это понятие и оперировало с ним. Однако специальный анализ понятия количества, рассмотрение его как всеобщей характеристики космоса начинаются в философии Пифагора. Приняв количественные отношения за всеобщие определения мира и, таким образом, абсолютизовав их, пифагорейцы стали насильственно подгонять реальные отношения вещей под числовые характеристики, дабы привести их в соответствие друг с другом. «...Так как десятка, писал о пифагорейцах Аристотель, как им представлялось, есть нечто совершенное и охватывает всю природу чисел, то и движущихся небесных тел, по их утверждению, десять, а так как видно только девять, то десятим они объявляют „противо-землю”»¹.

Конечно, каждая философская система, являясь формой развитого теоретического мышления, мыслит посредством широкого круга категориальных определений, и если отмечается, что заслуга пифагорейской философии в открытии категории количества, это вовсе не означает, что люди раньше не ведали количественных отношений предметов и явлений. Здесь речь идет о том,

¹ Аристотель. Сочинения. Т.1. С.76.

что в философии Пифагора и ее последователей числовые отношения универсализировались и получили статус всеобщих определений. В понимании Пифагора количество (число) было определяющим принципом мира и мышления.

И все-таки выдвижение количественных отношений на роль универсального начала мира было шагом вперед по сравнению с универсализацией непосредственных качественных характеристик вещей. Вместе с тем, отмечая прогрессивный характер пифагорейской философии по сравнению с ионийской, мы учитываем как несомненный факт, что открытие Пифагора имело своим фундаментом более высокий уровень развития общественной практики и познавательной деятельности.

Анализ категории количества, выявление все новых и новых ее определений связаны с дальнейшим развитием практики, философии и конкретных знаний. В исследование категории количества внесли свой вклад также элеаты, позднее Демокрит, Платон, Аристотель, затем в Новое и Новейшее время Декарт, Спиноза, Лейбниц, Кант, Гегель и др. По этой причине, когда речь идет о разработке конкретно-всеобщего понятия количества, то необходимо проследить историю развития, исторический способ формирования данной категории. Конкретное понятие количества в качестве единства многочисленных определений выступает уже как итог, сумма и логика этого исторического развития.

Пифагор первым обратил внимание на значение числа в определении количественных отношений, хотя и преувеличивал это значение. В том же, что были открыты и обоснованы такие глубинные определения количества, как прерывность и непрерывность, пространство и время, мера и соразмерность, несомненная заслуга опять-таки мыслителей античности. Они открыли также всеобщий закон становления непосредственного, его противоречивость, выявили всеобщую логику непосредственно существующего конкретного.

В частности, Гераклит не только развил категорию качества, но разработал и категорию становления как логику непосредственного. В области мышления он

обосновал единство возникновения и уничтожения как имманентный принцип непосредственного. Он первым высказал ту глубокую диалектическую мысль, что в мире все течет, все изменяется, все переходит из одного в другое. Нормальное состояние мира это вечное становление, единство возникновения и уничтожения. Философ открыл противоречие, единство противоположностей как источник вечно становящегося мира.

Гераклит знал только единственный мир – мир живой и непосредственной целостности. Поэтому он, как и вообще все греки, еще не знал принципа развития, тождества противоположностей как источника развития.

Элементы понятия меры в греческом мышлении существовали и раньше. Но только Пифагор, Гераклит и Демокрит подняли представление о мере до уровня категориального определения. Непреходящей заслугой Гераклита, несомненно, является открытие Логоса - логики непосредственного целого. По своему логическому содержанию Логос Гераклита, его внутренние определения совпадают с категорией меры. Не менее важно и открытие Гераклитом мерной логики, поскольку логика непосредственного это единство всеобщих определений, выраженных категориями качества, количества и меры, и поскольку именно в мере синтезируются и подытоживаются все универсальные определения сферы непосредственного. Для сферы непосредственного категория меры имеет такое же значение, какое категория «идея» имеет для развитой целостности.

Внимательное изучение истории познания убеждает, что уже первые греческие мыслители осваивали факты и явления действительности посредством категорий и понятий. В мышлении античных философов от Фалеса и Анаксимандра до Гераклита и Парменида функционируют в основном такие категории и понятия, как качество, нечто и другое, предел и беспредельное, конечное и бесконечное, пространство и время, прерывное и непрерывное, число, единое и многое и др.

В рассматриваемое время греческий мир, его общественная практика и сознание имели дело еще, как было сказано, с

живой и непосредственной действительностью. В живой и еще мало измененной природой среде жили, трудились и познавали мир столь же непосредственные люди, отношения которых друг к другу также были открытыми, цельными. Соответственно этому они воспринимали и природу, и космос в целом. Естественно, что в освоении природы и самих себя их вполне удовлетворяли такие всеобщие определения мышления, как качество, количество, мера, становление и др.

Прогресс общественной практики, возникновение новых форм разделения труда, дальнейшее развитие элементов отчуждения в общественной жизни постепенно привели к гибели мира так называемых непосредственных отношений. В результате общественного развития наступил кризис прежней формы сознания, прежней философии. Отношения, которые некогда считались субстанциальными, перестали отныне казаться таковыми, в обществе и его сознании неуклонно развивались признаки недоверия к живому миру непосредственных отношений. Понятно, что и прежняя форма философского сознания, его категориальные формы освоения мира теперь рассматривались как нечто такое, что, по меньшей мере, не соответствует действительности. Поэтому идеологи новых отношений решительно критиковали чувственный и непосредственный мир, его логику и его основные принципы.

Общественная практика и мышление теперь открыли человеку новый мир, мир опосредствованных отношений, который принципиально отличался от мира отношений непосредственных. Этот новый мир как бы раздвоился в сознании людей и стал восприниматься как мир видимости, как нечто неистинное. Отсюда и новая задача познания — открыть сущность, всеобщее, которые существуют за пределами непосредственного, мира видимости.

Таким образом, развитие общественной практики, человеческого общения и освоение его в духовно-теоретической области в конечном счете привело к открытию мира опосредствованного, всеобщего, сущностных отношений. Открытие последнего, разработка его всеобщих определений (категорий) имели огромное значение в

развитии культуры. Надо подчеркнуть, что разложение чувственно-конкретного, непосредственного мира и открытие опосредствованных, рефлексивных отношений сначала возникло в сфере материальной деятельности, в сфере реального общения и только впоследствии люди открыли их в мышлении.

То обстоятельство, что сфера рефлексивных (сущностных) отношений сначала людьми открыта в их материальной практике, системе общественных отношений, несколько не умаляет заслуг Сократа, Платона, Аристотеля, которые обосновали новый принцип философского мышления, открыли и систематически доказали всеобщее значение категорий сферы сущности, сферы рефлексивных отношений.

Действительно, если первые греческие материалисты, как мы отметили, основой всего сущего считали ту или иную качественно определенную вещь, то уже Анаксагор отмечал ограниченность и недостаток такого понимания природы начала. По его мнению, необходимо другое начало, которое определяет форму целого. Предметы природы находятся на различных качественных уровнях, в различных формах, и их невозможно объяснить, исходя из таких простейших элементов, как вода, воздух, огонь и их соединения. Поэтому в качестве начала античный философ полагал «нус» (ум).

Однако Анаксагор не был последовательным в проведении этой идеи, о чем оставил свидетельство Аристотель. «Анаксагор, - писал Стагирит, - рассматривает ум как орудие мироздания, и когда у него возникает затруднение, по какой причине нечто существует по необходимости, он ссылается на ум, в остальных же случаях он объявляет причиной происходящего все что угодно, только не ум»¹. По всей справедливости заслуга обоснования идеи рефлексивных (сущностных) отношений в философии принадлежит Сократу и Платону, которые с самого начала стремились понять природу всеобщего, целого.

¹ Аристотель. Сочинения. Т.1. С.74.

Сократ, в частности, признавал наряду с изменением, переходом вещей из одной формы в другую также наличие всеобщего, постоянного. Платон, в свою очередь, подчеркивал, что о непрерывно изменяющемся и неопределенном не может быть истинного знания, так как оно возможно лишь о том, что всеобще, постоянно и неизменно. Это утверждение, в сущности, является отправным пунктом сократовско-платоновской философии, предпосылкой которой были, с одной стороны, гераклитовская концепция, а с другой воззрения элеатов.

«Смолоду сблизившись прежде всего с Кратилом и гераклитовскими воззрениями, - писал Аристотель, - согласно которым все чувственно воспринимаемое постоянно течет, а знания о нем нет; Платон и позже держался таких же взглядов. А так как Сократ занимался вопросами нравственности, природу же в целом не исследовал, а в нравственном искал общее и первый обратил свою мысль на определения, то Платон, усвоив взгляд Сократа, доказывал, что такие определения относятся не к чувственно воспринимаемому, а к чему-то другому, ибо, считал он, нельзя дать общего определения чего-либо из чувственно воспринимаемого, поскольку оно постоянно изменяется»¹.

В платоновской философии, таким образом, характеристика сверхчувственной идеи резко отличается от чувственных и конечных вещей. Если Платон подчеркивал постоянство, безусловность идеи, то относительно конечных, чувственных вещей допускал всеобщую и универсальную изменчивость. Он вполне понимал, что при непрерывном изменении конечных вещей сохраняются виды, которые не сводятся к разновидностям; все виды внутренне определены, их невозможно свести к элементам (вода, воздух, огонь). Для существования формы, вида необходимо нечто такое, что формирует и определяет видовую природу вещей.

Платон все же не понимал внутренней связи идей, идеальных сущностей с чувственными вещами; он полагал, что идеи бесконечны и имеют сверхчувственную природу,

¹ Аристотель. Сочинения. Т.1. С.79

конечные же вещи суть только отблески, проявления идеи. Поэтому идеи выступают не суммой конечных вещей, не общим, а действительными их прообразами.

Согласно греческому философу, конечные вещи не живут истинной жизнью, они стремятся быть такими, каковы идеи сами по себе, но никогда не достигают этого уровня. Поэтому, полагал Платон, при рассмотрении конкретной вещи необходимо иметь в виду ее идеальный образец, который нужно знать прежде, чем форму его проявления. Если конечные вещи познаются посредством органов чувств, то идея, существующая сама по себе, постигается только разумом. «Но отсюда следует, - размышлял он, - что, прежде чем начать видеть, слышать и вообще чувствовать, мы должны были каким-то образом узнать о равном самом по себе...»¹.

Обманываясь и заблуждаясь в одном, философ оказывался зорким в другом. Велико значение того, что он не только открыл и обосновал сферу рефлексированных (сущностных) отношений, но и тщательно рассмотрел такие категории, как идея, всеобщее, род, вид, бытие, покой, движение, тождество и различие и т. п. Платон глубоко вскрыл значение этих категорий в философском познании мира.

Крупный вклад в разработку проблемы категорий внес Аристотель. Философ охватил исследованием более широкий круг категорий, но еще более важно то, что он попытался привести их в некую систему. По существу, ему принадлежит первая в истории философии классификация универсальных категорий. Стагирит же установил и их общее число, описав сначала десять категорий, а затем прибавил к ним еще пять других. И отмечая эту его несомненную заслугу, Ф. Энгельс подчеркнул, что лишь с Аристотеля и начинается собственно систематическое исследование логических категорий².

В аристотелевой философии открыты и обоснованы такие важнейшие категории, как сущность, форма и материя, возможность и действительность. При этом Арис-

¹ Платон. Избранные диалоги. М., 1965. С.352.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.20. С.555.

тотель исходил из реального существования единичных вещей (сущностей). Сущности он отдавал первенство со всех точек зрения и по понятию, и по призванию, и по времени. Однако указывал на существование и вторичных сущностей (роды, виды), которые, хотя и важны, все-таки производны от первичных сущностей.

Для того чтобы объяснить возможность и действительность реальной сущности, греческий философ обращается к таким категориям, как материя, форма, цель и т. п. Но он не ограничился перечислением этих начал, а попытался объяснить механизм возникновения составной сущности. Конечно, для возникновения любой вещи прежде всего необходим субстрат, из которого она состоит. Но этого отнюдь недостаточно для понимания конкретной сущности, необходимо еще нечто, без чего вещь не станет тем, чем является. Он говорил, что из одной меди, например, нельзя вывести медную статую как предмет эстетического наслаждения, что сущность как внутренне связанная реальность не сводится только к составляющим ее элементам. Аристотель настаивал на необходимости выявлять то, что делает ту или иную вещь определенной конкретной сущностью. Если куча кирпичей не составляет дом, а медь статую, то естественно возникает вопрос: что делает дом домом, статую статуей?

Далее философ рассуждал следующим образом. В аспекте материи каждая реальная сущность (вещь) есть только возможность, она способна быть и не быть, она еще не обозначена ни по количеству, ни по качеству, ни по другим свойствам. Форма - вот что является образом и принципом вещи, она выступает как устойчивая определенность вещи. А если так, то форма вещи не выводима из ее субстрата (материи), так как в противном случае она должна состоять из материальных частей, что невозможно, поскольку в этом случае имела бы место бесконечность форм данной формы.

Аристотель рассматривал форму как активное, деятельное начало, хотя и лишенное способности становления и изменения. Отличие формы от материи философ выражал посредством пары категорий «возможность» и «действительность». Далее, следовательно, превращение

возможности в действительность есть процесс, для дознания которого необходимо исходить из общего для них момента движения. Последнее есть превращение возможности в действительность, реализация формы в материи.

Греческий философ различал преходящие и непреходящие (вечные) вещи и с этой точки зрения исследовал возможность и действительность. Он утверждал, что если преходящим вещам присуща материя и форма, возможность и действительность, то для непреходящих вещей возможна лишь действительность. Возможность не присуща вечным вещам и тому, что вечно движется. Вечное движение существует только в форме действительности.

Дальнейшее развитие категорий рефлексивных отношений, углубленное исследование таких категорий, как субстанция, сущность, причинность, взаимодействие, случайность и необходимость, закон, а также некоторое обобщение понятия материи, пространства, времени было осуществлено в философских системах Ф. Бэкона, Б. Спинозы, Дж. Локка, Г. Лейбница, Д. Юма и французских материалистов.

Единым началом всего сущего Спиноза считал субстанцию, и, исходя из этого, затем вывел и развил идею материального начала. Материальную субстанцию ученый трактовал как то, что лежит в основе всего многообразия мира. Она является причиной самой себя (*Causa sui*) и необходимо включает в себе свое существование. «Под *субстанцией* я разумею то, что существует само в себе и представляется само через себя, т. е. то, представление чего не нуждается в представлении другой вещи, из которого оно должно было бы образоваться»¹.

И вот именно то, что Спиноза рассматривал субстанцию как причину самой себя, и является его важнейшим достижением. Если при рассудочном, метафизическом понимании причина рассматривается как противоположная действию, то в философии Спинозы реализуется другое понимание причинности, ибо причиной самой себя может быть такая причина, которая, действуя и отделяя

¹ Спиноза Б. Избранные произведения: В 2-х томах. М., 1957. Т.1. С.361.

некое другое, вместе с тем порождает лишь самое себя, снимает, следовательно, в акте порождения это различие. «Полагание этой причиной себя как некоего другого, - отмечал Гегель, - есть *отпадение* и вместе с тем *отрицание* этой потери; это совершенно спекулятивное понятие и даже, скажем больше, основное понятие во всем спекулятивном. Причина, в которой причина тождественна с действием, есть бесконечная причина...; если бы Спиноза развил дальше то, что заключается в понятии *Causa sui*, то его субстанция не была бы чем-то неподвижным»¹.

В учении Спинозы о субстанции, атрибутах и модусах важно и то, что он оттенил эти три момента, предоставив ведущее значение субстанции. Еще Гегель заметил здесь некоторую аналогию со всеобщим, особым и единичным. Правда, соотношение этих понятий Спиноза не всегда брал в истинном смысле, применял формально, не выводил одно из другого. Голландский философ не понимал, что в особенном и единичном происходит дальнейшее развитие основания, субстанции, которая в этих определениях проявляется в некоторой особой форме.

Из совершенно противоположной идеи исходил Лейбниц. В качестве основания сущего он брал абсолютную множественность индивидуальных духовных субстанций. Простые субстанциальные формы, которые определяют сами себя, немецкий философ называл монадами. Они не изменяются в своей внутренней сущности, одна монада не является причиной другой. Каждая монада вполне самостоятельна, все ее определения и видоизменения совершаются единственно в ней самой, и никогда она не определяется извне.

Как видим, ни Спиноза, ни Лейбниц не сумели удовлетворительно истолковать проблему начала. Спиноза, пытаясь понять все как форму единой, являющейся причиной самой себя субстанции, тут же натолкнулся на непреодолимое для него препятствие: поскольку философ еще не знал принципа развития, историчности субстанции, он не мог объяснить существование множества сущностей, форм, видов и т. п.

¹ Гегель Г.В.Ф. Соч. М., 1935. Т.ХI. С.286.

В свою очередь Лейбниц, желая преодолеть этот недостаток, постулировал существование множества сущностей, монад, которые внутренне конкретны, целостны, деятельны, но оказался бессильным постичь единство и целостность монад, соединить единство и множество этих сущностей. Поэтому он прибегнул к идее монады монад высшей монады, от которой зависит предустановленная гармония, обеспечивающая взаимодействие монад. Иными словами, «теория монад» - это порождение философии объективного идеалиста, без идеи бога (монада монад), не способного объяснить мир.

На пути объективного исследования причинности, взаимодействия, случайности и необходимости, а также обобщения понятий материи, пространства и времени существенных результатов достигли английские сенсуалисты, хотя их трактовка этих категорий и страдала метафизичностью и механистичностью.

Наиболее последовательно с позиций эмпиризма рассмотрел всеобщие понятия (категории) Локк. Он не ограничился лишь обоснованием вопроса о чувственном происхождении наших знаний, но подверг критике категории рассудка. Вместе с тем английский философ считал, что только простые идеи возникают из опыта, а общие понятия, образующие знание, созданы умом и им ничто не соответствует в действительности, и, значит, они свидетельствуют, скорее, о слабости человеческого духа, чем о его могуществе.

Локк тщательно проанализировал понятие субстанции, но его концепция по этому вопросу полна противоречий, так как он видел в вещах только «подпорку» субстанции, а родовой сущностью признавал лишь совокупность качества вещей. Первое он объявлял неизвестным, непознаваемым, а второе - доступным, познаваемым. Отсутствие диалектического подхода привело английского философа к тому, что он отрицал познаваемость реальной субстанции. Ученый не понимал того, что сущность и явление выступают в единстве, что сущность является, а явление существенно.

Быть может, неосознанную уступку идеализму, которую Локк допустил, рассуждая об идеях как результатах

деятельности души (идеи рефлексии), использовал агностик Юм. Исследуя категорию причинности, он заявлял, что причинной связи в самой действительности не соответствует ничто, кроме следования одного явления за другим, что кажущаяся всеобщность и необходимость причинности основана на субъективной привычке человека отождествлять последовательность явлений с причинной связью между ними.

Юм отрицал возможность суждений, способных расширять наши знания и в то же время иметь всеобщее и необходимое значение. По его мнению, опыт дает нам знание, полезное для повседневной жизни. Знание же, имеющее всеобщее и необходимое значение, принадлежит только разуму и, следовательно, имеет исключительно аналитический характер, так как разум не может соединять необходимым образом одно понятие с другим, когда содержание первого до этого соединения не находилось во втором.

Итак, до сих пор, как мы видим, категории как определенные ступени познания всеобщих условий объективного мира были исследованы главным образом в онтологии. Принципиально по-другому подошел к анализу и исследованию категорий И. Кант. В отличие от своих предшественников он рассматривал категории в контексте субъективной деятельности, трактовал их как формы активности человеческого сознания, как априорные формы чувственности и рассудка. При этом ученый всячески подчеркивал, что категории не отражают реального содержания объективного мира и его закономерностей, а являются только всеобщими условиями синтетического априорного знания, без которого невозможно реальное существование ни математики, ни естествознания, ни метафизики.

В кантовской философии учение о категориях разработано в связи с необходимостью обоснования возможности научно-теоретического знания (синтетического суждения *a priori*), которое возможно только в результате соединения чувственного многообразия с категориями рассудка. Чувственность, по Канту, дает содержание познания,

а рассудок форму, устанавливающую связь явлений опыта. Этой именно формой являются всеобщие понятия мышления. Категории объективны своей предметностью, а созерцания объективны лишь будучи подведенными под категории. Всеобщие рассудочные категории касаются только формы мышления, сами же по себе лишены какого бы то ни было содержания.

Но чистые понятия должны иметь значение во всяком опыте. Будучи чисто субъективными по происхождению, они притязают по своему значению на эмпирическую объективность. Каким образом это происходит? Согласно Канту, мы имеем дело в нашем познании не с вещами в себе, относительно того, что представляют собой вещи в себе, рассудок может научить нас так же мало, как и чувственность. Вещи в себе не познаваемы, мы не можем приписать им никаких других определений, кроме признания того, что они существуют и каким-то образом воздействуют на нашу чувственность. Отсюда, по Канту, следует: мы не имеем права утверждать, что вещи находятся в пространстве и времени, обладают величиной, что они суть субстанции и они находятся в отношении причины и следствия и т. п. Пространство и время, согласно кенигсбергскому философу, суть не объективные формы бытия вещей самих по себе, а формы человеческого созерцания. Отношения субстанции, причины, необходимости - это чистые рассудочные формы. По Канту, не понятия заимствованы из опыта, а возможность опыта обусловлена категориями рассудка. Категории имеют объективное значение не потому, что они как-то связаны с независимым от сознания миром с трансцендентностью, что философ отрицает, а потому, что они являются всеобщими и необходимыми условиями всякого опыта, что они, по существу, сами создают предметы опыта.

При всем идеализме Канта его важнейшая заслуга в философии состоит в том, что он подчеркнул активность, деятельность человеческого сознания, разработал концепцию единства субъекта и объекта, рассмотрел категории мышления как всеобщие условия активности сознания и самосознания. В ходе такого исследования философ обнаружил и оттенил много новых моментов в

анализе проблемы категорий, что было всесторонне развито последующими представителями немецкой классической философии.

Кроме того, Канту в какой-то мере удалось систематизировать категории на основе дедукции. Он разработал таблицу категорий и первым в новой философии отметил значение единого принципа в обосновании дедукции логических категорий. Немецкий философ критиковал Аристотеля, который, по его мнению, только описал категории, определил их природу, но не следовал при этом правилам дедукции и даже четко не знал, сколько категорий вообще существует, ибо сначала описал десять категорий, а затем добавил к ним еще пять.

В дедукции категорий Кант пытался провести единый принцип, основывая свою дедукцию на четырех функциях суждений рассудка, из которых будто бы категории вытекают. Ученый полагал, что должно быть столько же родов чистых понятий, сколько есть родов в логических суждениях.

Здесь для нас важна сама постановка проблемы Кантом. Немецкий ученый ясно понимал, что для выведения категорий путь простого их описания не годится, необходимо с самого начала выбрать предметную область рассмотрения. Если разум есть источник категорий, то он существует, проявляется в суждениях. Категории же суть общие условия всякого суждения, из этого вытекает, что общее количество, классы суждений одновременно указывают на общее количество и классы категорий.

Докантовская логика, как известно, знала четыре класса суждений - количества, качества, отношения и модальности. Поскольку категории, по характеристике Канта, являются общим условием суждений, постольку они также должны состоять из четырех классов, каждый из которых включает три вида категорий. Следовательно, полагал кенигсбергский философ, общее количество категорий совпадает с общим количеством форм суждений, т. е. их двенадцать.

В кантовской таблице категорий заключен целый ряд плодотворных идей, которые в их дальнейшем развитии

заняли важное место в составе диалектики, понимаемой как логика и теория познания.

Речь прежде всего идет о следующем. Каждый класс категорий в таблице Канта содержит одинаковое количество категорий - именно три. Причем третья возникает всегда из соединения первой и второй категорий того же класса. Например, целокупность (тотальность) в кантовской трактовке есть множество, рассматриваемое как единство; ограничение - это реальность, связанная с отрицанием; общение - причинность субстанций, определяющих друг друга; необходимость выступает как существование, данное уже самой своей возможностью. Обсуждая взаимоотношение первых двух категорий с третьей, Кант предупреждал, что эту последнюю надо понимать не как производное, а как синтез, как качественно новое образование.

Исследуя категории, немецкий ученый высказал ряд новых идей, которые оказали существенное влияние на последующую философию. Важно, что он рассматривал категории как универсальные формы мышления, исследовал их как предмет новой, трансцендентальной логики. Необходимо подчеркнуть, что Кант толковал категории как формы активности сознания, разработал учение о субъекте и объекте, обратил при этом особое внимание на диалектику деятельности, понимаемой как деятельность самосознания.

С позиции более последовательного идеализма ставил и решал проблему дедукции категорий Фихте, согласно которому не созерцание, не пассивное восприятие, а созидание, творение, действие являются специфическими особенностями мышления, разума. По этой причине источник дедукции он искал во взаимоотношении, взаимоограничении Я и не-Я, субъекта и объекта. Категории мышления в понимании Фихте выступают как ступени, уровни изменения субъектом объекта, своего рода формой свободы, творчества самосознания.

В исследовании этой проблемы определенных результатов достиг и Шеллинг. Однако действительно крупного

успеха с позиции идеализма добился в этом вопросе только Гегель, рассмотревший взаимосвязь категорий в контексте развития духовной культуры. Если в докантовской философии категории рассматривались в онтологическом плане, Кант же исследовал их со стороны гносеологической функции как априорные формы сознания, то Гегель, исходя из концепции тождества бытия и мышления, трактовал категории как единство объективного и субъективного.

В этой связи Гегель был решительно не согласен с Кантом, трактовавшим разум и разумное только как субъективную способность, которой ничто не соответствует в объективной действительности. В отличие от Канта Гегель понимал разум, мышление и идею совершенно по-другому: он считал, что разуму, идее не соответствует только эмпирическая, конечная реальность, зато соответствует сам разум, идея, которая и является истинной действительностью. О субъективности разума, мышления, по Гегелю, можно говорить лишь постольку, поскольку он еще находится на ступени чувственности и рассудка. Если человеческое мышление в своем развитии достигло ступени разума, оно перестает быть субъективным, ибо постигает объективно-всеобщее, разумное в предметах и явлениях. Такое понимание позволило немецкому философу разработать совершенно новое учение об абсолютном, о разуме как единстве объективного и субъективного, бытия и мышления.

В отличие от своих предшественников Гегель понимал под мышлением (разумом) некоторый объективный процесс, деятельность духа, который порождает самого себя и всю систему человеческой материальной и духовной культуры. Объективное, универсальное мышление, способное порождать весь мир культуры, реально функционирует только на основе всей системы категорий, универсальных законов мышления, внутренний стержень которых есть закон тождества противоположностей.

Философ пытался также обосновать внутреннюю взаимосвязь, содержательную дедукцию логических ка-

тегорий. При этом он опирался на историю философии, широко привлекал историю познания, глубоко проанализировал поступательное развитие человеческого сознания. Все это послужило Гегелю более широким фундаментом для обоснования внутренней взаимосвязи и последовательности логических категорий. Эта достаточно широкая историческая и логическая база дала возможность немецкому диалектику рассмотреть более богатую сеть философских понятий, категорий по сравнению со всеми его предшественниками и глубже обосновать систему всеобщих определений мышления. Подлинное преимущество подхода Гегеля по сравнению с Кантом состоит в том, что он рассматривал категории, их последовательность и взаимную связь в контексте развития человеческого сознания, в составе развития человеческой духовной культуры, правда, мистифицированной философom.

В гегелевской логике, таким образом, было разработано оригинальное учение о системе и системности категорий. Ученый поднял понятие системности и внутренней связи категорий до научного уровня посредством глубокой разработки таких фундаментальных принципов диалектики, как развитие, противоречие, конкретность, восхождение от абстрактного к конкретному, историческое и логическое и т. п.

Гегелевское понимание системности логических категорий не имеет ничего общего с тем поверхностным представлением, разделяющие которое видят только внешние связи вещей и явлений и коррелятивные их отношения. В трактовке немецкого диалектика система - это прежде всего результат развития идеи, приводящего к образованию понятия. Последнее, начиная с абстрактных непосредственностей мышления, благодаря противоречию и его разрешению, образует все новые и новые формы, которые тоже развиваются, и при этом обнаруживается их противоречие, а его разрешение снова приводит к возникновению новых формoобразований и так далее.

В «Науке логики» на основе восхождения от абстрактного к конкретному Гегель проанализировал внутреннюю взаимосвязь логических категорий, их содержательную субординацию. При этом он, однако, впал в иллюзию, полагая, что в логике, являющейся системой чистых сущностей, он только прослеживает сугубо логическое развитие идеи, мышления, которые сами по себе изначальноны и предшествуют природе и обществу.

На самом же деле гегелевская логика, система категорий имеет вполне земную основу, она абстрагирована от реальной человеческой истории, можно сказать, что она заимствована из развития мистифицированной мыслителем истории философии. Иными словами, при обосновании своей системы категорий ученый опирался на разработанный им же принцип исторического и логического. Внутреннюю взаимосвязь логических категорий немецкий диалектик заимствовал из реальной истории философского знания, но, будучи идеалистом, тут же извратил и мистифицировал этот процесс, ибо идеи, категории, абстрагированные от реальной истории познания, отчуждаются и отрываются от реальной почвы и произвольно истолковываются как якобы существующие изначально, имеющие самостоятельную жизнь и только проявляющиеся через природу и реальную историю.

Коренные недостатки гегелевской трактовки категорий, их внутренней взаимосвязи последовательно преодолены в диалектико-материалистической философии, в которой категории рассматриваются как формы мышления, отражающие всеобщие определения бытия, предметной деятельности. В обосновании внутренней взаимосвязи и последовательности категорий, как уже было отмечено, фундаментальное значение имеет исследование закономерностей развития практической деятельности¹, история познания, история философии.

¹ См. подробно: Абдильдин Ж. М., Абишев К. А. Формирование логического строя мышления в процессе практической деятельности. Алма-Ата, 1981.

Систематизация категорий содержательной диалектики не может быть успешной без учета истории науки, ее современного состояния и логики построения научно-теоретического знания. Научное познание, начиная с классической механики, развивалось в тесном сопряжении с собственно философской мыслью. И при обращении к их истории обнаруживается весьма любопытная картина: каждому этапу развития научного познания соответствует эволюция большой совокупности категорий, понятий и принципов философского характера, причем категории диалектики присутствуют внутри собственно научной эволюции. Так, при внимательном исследовании явлений классической механики с позиций содержательной диалектики можно зарегистрировать действие категорий сущности, противоречия, причинности, взаимодействия, бытия, пространства, времени и ряда других. И в этом видится отнюдь не локальное, а определенное совокупное действие сетки категориального аппарата.

Характерно и то, что формой проявления данного совокупного действия предстает выдвижение на передний план определенной группы категорий диалектики. Так, развитие концепций классической механики вычленило понятия бытия, пространства, времени и др., эволюция математического познания акцентировала свое внимание на количественных отношениях и пространственных формах действительности, квантовая механика выделила вопросы, связанные с проблематикой случайности и необходимости, детерминизма и т. д.

Таким образом, научное познание, в целом не апеллируя непосредственно к проблематике категориальности мышления, вместе с тем воспринимает, преобразует и аккумулирует категории в качестве принципов самого научного познания. В этом отношении исключительно плодотворную роль играют принцип противоречия в научном познании, принцип конкретности в современной науке. В соответствии с положением об «авангардизме» групп категорий эволюция биологического знания существенно

новым образом акцентировала внимание вокруг принципа развития в целом; развитие геологической науки в определенном смысле сконцентрировалось вокруг проблем содержания и формы; прогресс физико-географического знания дал интересную интерпретацию проблемы целостности и т. д.

Резюмируя, можно отметить, что ход исторического развития каждой научной дисциплины, в целом испытывая в интересующем нас аспекте совокупное воздействие всей сетки категорий диалектики как форм познания, по-видимому, дал толчок пристальному исследованию именно определенной группы категорий, выдвигая ее на первый план в смысле реального гносеологического и методологического влияния. Поэтому кажется естественным, что скрупулезное исследование в этом плане истории развития научного познания благоприятнейшим образом скажется как на выявлении интересующей нас субординации категорий диалектики, так и на систематизации логических категорий и принципов материалистической диалектики.

Важнейшей формой бытия и развития науки является научная теория, в которой идеально дается всеобщее условие существования, возможность и действительность объекта, конкретной реальности. В процессе построения и формирования теории как целостного образования действуют не отдельные понятия и принципы диалектики, а вся диалектика в целом, все категории и законы. Поэтому теоретический анализ внутреннего механизма, внутренней взаимосвязи любой научной теории, по нашему мнению, имеет определенное эвристическое значение в построении диалектической логики, в систематизации логических категорий.

Чрезвычайно важна методологическая функция категорий диалектики как в построении теории в целом, так и в осмыслении конкретных этапов ее развития, как-то: выбор предметной области, выявление начала, обоснование всеобщего принципа, основного понятия (закона) теории и раскрытие диалектической связи сущности с формами

проявления, фундаментальных положений (принципов) теории с эмпирическими фактами. И вся теория в целом, и ступени ее формирования и развития предполагают последовательное применение метода восхождения от абстрактного к конкретному, глубокое понимание и осмысление таких всеобщих логических категорий, как объективная реальность, объект и субъект, отражение, количество, качество, мера, сущность, противоречие, основание, закон, действительность, необходимость, субстанция, причинность, взаимодействие, целостность, развитие и т. п.¹

1 См.: Абдильдин Ж.М., Нысанбаев А.Н. Диалектико-логические принципы построения теории. Алма-Ата, 1973; Маньковский Л.А. Логические категории в «Капитале» К. Маркса / Ученые записки Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина, № 179; Диалектическая логика в экономической науке. М., 1962.

Глава 4.

Противоречивость мышления как главное в содержательной логике

Согласно диалектико-материалистической логике объективная материальная действительность познается и теоретически воспроизводится в формах мышления. Возможно ли в правильном мышлении противоречие? Этот вопрос по своему содержанию отнюдь не является праздным, и ставится он не только гегелевской и диалектико-материалистической логикой. Интерес к нему возник еще в глубокой древности. Вопросы о противоречиях вполне определенно выдвигались еще в апориях Зенона, однако формальная логика в течение двух тысяч лет не могла дать им какого-либо рационального разрешения, поскольку эти вопросы выходили за ее рамки.

Действительно, идея противоречивости мышления, всеобщего в истории глубоко рассматривалась представителями элейской школы. Они впервые в философии обнаружили и по-своему раскрыли противоречивость сущности и явления, чувства и мысли, в себе бытия и для себя бытия. Важность их постановки вопроса состоит в том, что элеаты обратили внимание на проблему противоречия в связи с вопросом о выражении движения в логике понятий. Противоречивость движения была обнаружена не в его чувственном бытии, а в сущности. Все апории Зенона порождают трудности не в области чувственности, а тогда, когда речь идет о сущности, о сфере мыслимого, истинного бытия.

По сравнению с философией элеатов более последовательно и глубоко проблема противоречивости была проанализирована Платоном, Аристотелем.

В Новой философии проблемы диалектики, учение о противоречии специально не исследовались, так как диалектику тогда понимали как софистическое рассуждение, ложное умозаключение и т.п. В своих логико-теоретических размышлениях как представители эмпиризма - Бекон, Локк

и Юм, так и рационализма - Декарт, Спиноза одинаково отрицательно высказывались о диалектике, диалектических рассуждениях, хотя такая их позиция несколько не помешала Декарту и Спинозе дать в своих трудах замечательные образцы диалектической постановки проблемы.

Вопрос о диалектике, о противоречии наиболее глубоко был поставлен в немецкой классической философии, в частности Кантом. Важнейшее значение и заслуга кантовской философии состоит в том, что она восстановила вдумчивое отношение к диалектике и проблеме противоречия.

В исследованиях, посвященных учению Канта о противоречии, главное внимание обычно уделяется его знаменитым антиномиям. Это, разумеется, справедливо и не может вызывать какого-либо возражения, хотя при этом не следует забывать и следующее. Если внимательно проследить, проанализировать всю кантовскую философию, то нетрудно заметить, что идея противоречия, попытка осмыслить противоречия пронизывает все творчество великого философа. Во многих его работах легко обнаружить серьезное отношение к противоречию, попытку его осмысления.

В этом отношении немалый интерес представляет уже докритическая работа кенигсбергского философа «Всеобщая естественная история и теория неба», в которой специально не говорится о диалектике, о противоречии, однако, обосновывая возникновение солнечной системы, Вселенной, Кант не может обойтись без диалектики, без введения принципа противоречия как важнейшего условия обоснования теоретического знания. Диалектика необходима ученому потому, что он пытается обосновать возникновение Солнечной системы, Вселенной, если можно так выразиться, на их собственной основе, т. е. без влияния какой-либо посторонней силы. Философ последовательно доказывает, что Солнечная система, как сложное целое, как определенное качественное формообразование, с входящими в нее планетами, возникла из первоначальной туманности благодаря движению и развитию.

В понимании Канта сама бесформенная материя благодаря своему внутреннему различию получает

способность к самодвижению, формообразованию. «Простейшие и наиболее общие свойства, данные как будто без всякой цели, материя, которая кажется совершенно инертной и нуждающейся в форме и организации, - писал ученый, - уже в простейшем своем состоянии таят в себе стремление подняться к более совершенному строению путем естественного развития. Но больше всего способствует упорядочению природы и выходу ее из состояния хаоса наличие различных видов элементов, благодаря чему нарушается покой, который царил бы, если бы рассеянные элементы были во всех отношениях одинаковы»¹.

В такой постановке вопроса материя трактуется как внутренне противоречивая, причину ее самодвижения мыслитель видел в ее изначальной нетождественности. Поскольку материя способна к самодвижению, развитию, постольку категории «материя» и «форма» - не абсолютные противоположности, в ходе формирования Вселенной они переходят друг в друга, т. е. материя сама порождает свою форму, формообразуется. В данной трактовке материи и формы в процессе возникновения Вселенной Кант пошел значительно дальше по сравнению с Аристотелем и Ньютоном в понимании этого вопроса.

На новом уровне к анализу проблемы противоречия Кант обращается в критический период, в особенности в работе «Критика чистого разума». Вопрос о противоречии встал перед философом в связи с обоснованием синтетического априорного знания. Ученый ясно понимал, что выполнить эту задачу в рамках общей логики, опирающейся на принцип непротиворечивости мышления, невозможно.

Для синтетического априорного знания, по Канту, необходим синтез чувственного многообразия с категориями рассудка. Хотя чувственность и рассудок (категории) имеют различные источники возникновения, они, тем не менее, едины, внутренне связаны в процессе формирования априорного синтетического знания.

В философской литературе кантовское положение о подобном синтезе рассматривается обычно как пример

¹ Кант И. Сочинения: В 6 томах. М., 1964-1965. Т.1. С.156.

гносеологического дуализма. Однако природу кантовского синтетического суждения аргюгі нельзя свести к дуализму, ибо дуалистичность обоснования является только специфической кантовской формой осмысления принципа противоречия в обосновании научно-теоретического знания. Кроме того, ученый попытался в своем главном труде рассмотреть, проанализировать то особое (форму времени), посредством которого осуществляется синтез всеобщего с единичным, категорий с чувственным многообразием.

В задаче осмысления противоречия, введения диалектического принципа противоречия в научно-теоретическое знание особое место принадлежит кантовскому учению о первоначальном единстве апперцепции, о котором в свое время Гегель писал: «Этот первоначальный синтез апперцепции есть один из глубочайших принципов спекулятивного изложения...; он содержит начало истинного понимания природы понятия и совершенно противоположен... пустому тождеству или абстрактной всеобщности, которая не есть синтез внутри себя»¹.

Кантовское учение о первоначальном единстве апперцепции интересно в двух отношениях. Здесь, с одной стороны, предпринята попытка обосновать единство, синтез субъекта и объекта, единого и многого, категорий и чувственного многообразия в структуре теоретического знания, а с другой - с идеи первоначального единства апперцепции по существу начинается новое понимание диалектики, новый способ ее обоснования. Если раньше (включая и докритического Канта) диалектика, диалектические идеи в основном исследовались в одном плане, аспекте, то с этого времени диалектика рассматривается как внутренний ритм человеческой деятельности, понимаемой, правда, идеалистически.

В послекантовской немецкой философии этот аспект диалектики получил всестороннее развитие, ибо ее стали понимать как творческий метод, как метод духовно-теоретического преобразования и формирования субъектом, теоретическим мышлением объекта. Отныне противоречие

¹ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 3. М., 1972. С.23.

выступает внутренней пружиной развития человеческой духовной деятельности в ее творческом отношении с объектом.

На новом уровне вопрос о противоречии ставится Кантом в «Трансцендентальной диалектике». Если до этого противоречие в его философии рассматривалось в плане реальной противоположности, или в виде синтеза единого со многим, всеобщего с единичным, то в трансцендентальной диалектике обосновывается необходимость противоречивых, антиномичных утверждений как результат, следствие выхода нашего разума за пределы всякого опыта.

В антиномиях тезис и антитезис одинаково необходимы и доказываются также, полагал Кант, логически безупречно. Отсюда они не являются результатом субъективных ошибок в мышлении, а необходимо присутствуют в разуме при его стремлении охватить мир в целом.

Ученый видел в антиномиях нечто отрицательное. Он придерживался того взгляда, что разум не способен сообщить идеям реальность, когда разум пытается это сделать, он становится трансцендентным, выходящим за пределы опыта, и создает лишь паралогизмы, антиномии и идеал без действительности.

В этих рассуждениях отчетливо проявляется агностицизм Канта, его стремление ограничить познавательные способности человеческого разума. Понятия разума, в которых естественно предполагать более глубокое содержание, кенигсбергский философ рассматривал лишь как голые идеи, приписывать которым истину было бы полным произволом и безумным дерзновением, поскольку они не могут встречаться ни в каком опыте.

Данные положения кантовской философии резко раскритиковал Гегель. Он считал, что идеи разума должны быть более высокими понятиями, чем категории рассудка, так как в разуме мышление преодолевает обусловленность и ограниченность, присущие рассудку, и постигает истину. Но это предположение не оправдывается в кантовском учении об идеях разума, кенигсбергский мыслитель определяет отношение к действительности лишь как диалектическое,

понимаемое им в отрицательном смысле. «Можно ли было когда-нибудь подумать, - замечал Гегель, - что философия станет отрицать истину умопостигаемых сущностей потому, что они лишены пространственной и временной материи чувственности»¹.

Тем не менее, кантовское учение об антиномиях является великим завоеванием философии, оказавшим положительное влияние на всю последующую немецкую классическую философию, на становление диалектического способа мышления. Именно в антиномиях ярче всего проявилась мысль о недостаточности формально-логических принципов в целостном познании. Поэтому-то Гегель подробно останавливался на антиномиях, пытаясь обосновать продуктивность диалектического метода в осмыслении и разрешении рассматриваемых проблем.

Кант доказывал, что антиномии разума не произвольны и не субъективны, они выражают неизбежную и естественную необходимость, на которую человеческий разум должен натолкнуться в своем движении вперед. Как утверждение, так и отрицание одинаково несостоятельны, считает философ, хотя каждая сторона выдает свои положения за безусловную истину. «Не трудно представить себе, - писал Кант, - что на этой стороне издавна часто выступали и что обе стороны одерживали здесь немало побед, причем для последней победы, решавшей все дело, всегда старались, чтобы защитник доброго дела один удерживал за собой поле и чтобы противнику его было запрещено на будущее время брать оружие в руки. Как беспристрастные судьи мы должны оставить совершенно в стороне вопрос, борются ли спорящие стороны за доброе или дурное дело, и представить им сначала решить их спор между собой»².

Как мы помним, старая рассудочная философия не допускала противоречие в мысли. Закон невозможности противоречия запрещал противоречие в категориях. В этом отношении кантовской философии принадлежит та заслуга, что она доказала необходимость противоречия, антиномии в употреблении разума за пределами опыта, хотя сам

¹ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т.3. С.24.

² Кант И. Сочинения: В 6 томах. М., 1964. Т.3. С.367.

философ видел в этом недостаток разумного познания, что объясняется тем, что над ним все еще довлело старое рассудочное мышление. Однако само по себе важно то, что кенигсбергский ученый обосновал необходимость противоречия в мысли, в отличие от рассудочной логики, находившей в противоречии лишь произвол субъекта.

Как указывалось выше, открыв и описав противоречивость, антиномичность разума, Кант до конца не понял истинного содержания противоречия, поскольку видел в нем нечто отрицательное, недостаток разума. По сложившейся традиции философ видел в противоречии разума не источник движения, самодвижения, а нечто противоречащее научно-теоретическому знанию. Он был убежден, что всеобщим условием научного знания является его непротиворечивость. В этом именно коренится секрет того, что Кант, с одной стороны, признает разум высшей познавательной способностью, а с другой - отрицает объективность результатов деятельности разума. Поскольку разум противоречив, антиномичен, постольку он, полагает мыслитель, не способен дать объективно-истинное знание о предмете. Позитивность разума состоит только в том, что он стремится дать полный синтез, безусловное знание, хотя его, по существу, никогда не достигает.

В отличие от Канта последующие представители немецкой классической философии увидели в разуме действительно высшую способность человеческой познавательной деятельности. Признавая внутреннюю связь противоречия с разумом, они усмотрели в диалектическом противоречии не недостаток, а коренное условие истины, способности саморазвития человеческого знания. Поэтому объективно, вопреки интерпретации Кантом, его учение об антиномиях, о противоречивости разума имело великое значение в становлении диалектического, конкретного мышления.

Диалектическая противоречивость объективной, духовной деятельности была всесторонне разработана Гегелем, не просто постулировавшим тождество бытия и мышления, субъекта и объекта, а рассматривавшим его как результат творческого развития абсолютной идеи,

абсолютного духа. Именно поэтому противоречивое, диалектическое саморазвитие абсолютного духа, согласно философу, не схватывается творческой интуицией, а постигается систематическим знанием, наукой, разумом.

В отличие от Фихте и Канта Гегель исходит не из субъективного Я, а из объективного субъекта, абсолютной идеи, абсолютного духа, который в процессе своего саморазвития порождает действительность, составляет животворную душу действительного мира. По мнению немецкого диалектика, абсолютная идея по своей природе активна, деятельна, постоянно находится в процессе изменения и развития, т. е. постоянно полагает свой объект, познает его, снимает его и тем самым непрерывно совершенствуется.

Диалектика, принцип противоречия есть внутренний ритм духа, форма его развития и деятельности. Правда, его деятельность и активность могут выражаться лишь в мышлении, в самопознании. Сначала абсолютная идея совершает чисто логическое развитие, которое изображено в «Логике», а затем «отчуждает» себя, переходит к своему инобытию, природе, где продолжает свое развитие, правда, не сознавая самое себя. Только в человеческом обществе абсолютная идея выбивается из «грубого естественного состояния» и приходит к самопознанию. В своем первоначальном развитии она не была еще абсолютно конкретной, а полагала это лишь в возможности. Абсолютно конкретным является лишь абсолютный дух, поскольку он есть результат длительного развития, вобравший в себя все богатства предшествующих ступеней развития.

Таковы контуры гегелевской идеалистической философской системы, являющейся в своей основе ложной, поскольку она трактует идеи, понятия не как логические формы отражения объективной материальной действительности, а как нечто самостоятельно существующее, как чистое мышление, предшествующее объективной действительности и созидающее ее. «Для Гегеля процесс мышления, - отмечал Маркс, - который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть demiург действительного, которое составляет

лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней»¹.

Подлинное величие Гегеля состоит в разработке диалектики, диалектического способа мышления, ядром которого является принцип противоречия. Без противоречия, убежден немецкий диалектик, не было бы никакого движения, никакой жизни. Поэтому все действительное противоречиво и, тем не менее, разумно. Философия есть движение мысли, система понятий, из которых каждое переходит в следующее, развивает его из себя точно так же, как и само оно явилось из предыдущего. Каждое отдельное понятие односторонне, недостаточно, оно нуждается в дополнении своей противоположностью и в соединении с ней образует высшее понятие, которое более приближается к истине, но точно так же не достигает ее. Даже последнее и самое богатое понятие - абсолютная идея - сама по себе еще не есть полная истина; окончательному результату принадлежит и все то развитие, через которое оно прошло.

Таким образом, в логико-теоретическом плане наиболее глубокое понимание понятия противоречия было разработано в философии Гегеля, которому удалось оттенить следующие важнейшие характеристики этой сложной категории.

Во-первых, противоречие философии трактуется немецким философом как внутренний стержень всей логической системы. Действительно, только благодаря этому понятию осуществляется и реализуется универсальное развитие форм мышления, переходящих от одной теоретической ступени к другой. Во-вторых, ученый анализирует категорию «противоречие» соответственно тому, какое место оно занимает в системе логических категорий, раскрывает его сущность, содержание и выявляет его отношение к другим философским категориям. В-третьих, в гегелевской философии это понятие рассматривается самостоятельно, берется в плане целостности и конкретности, и такое

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23. С. 21.

разумное понимание противопоставляется абстрактному, рассудочному пониманию этого понятия.

Разумеется, все эти аспекты, их грани весьма условны. Гегель постоянно противопоставляет абстрактному пониманию конкретное, диалектическое. В его трактовке противоречие - это понятие, целостное образование, состоящее из единства многочисленных определений. Процесс формирования сущности противоречия - диалектического, конкретного понятия противоречия - проходит ряд последовательных, внутренне связанных этапов, их содержание входит (включено) в понятие противоречия.

Как видим, философ не просто описывает, не просто дает дефиницию противоречия, не рассказывает, не рассуждает об отличии его от других философских понятий и категорий, а пытается исследовать его содержательно, раскрыть категорию противоречия во всей ее конкретности, тотальности, выявляя сначала всеобщие определения, после чего шаг за шагом раскрывая более конкретные определенности.

Рассматривая конкретную природу противоречия как сложного, внутренне расчлененного понятия, Гегель раскрывает и прослеживает моменты *тождества, разности, различия, противоположности, противоречия и разрешения противоречия*. В понятии противоречия все эти моменты, аспекты, можно даже сказать определенности, содержатся в нераздельном единстве.

В своих теоретических исследованиях ученый, несмотря на объективный идеализм, проводит эту мысль довольно последовательно и четко. В его понимании противоречие и конкретно, и целостно потому, что содержит все прежние ступени развития этого знания в качестве своих моментов, в качестве ступеней развития конкретного понятия противоречия. Гегель тут же справедливо отмечает, что каждый момент, аспект целостности (конкретности) может быть в историческом развитии выделен в самостоятельный принцип, в самостоятельный закон, о чем свидетельствует

сам факт существования формально-логических законов, как-то: противоречие, тождество, закон исключенного третьего и т.п.

В трактовке немецкого философа такое рассудочное рассмотрение выступает как нечто абстрактное, не соответствующий истине способ исследования. Истину он понимает как конкретное (понятие), как такую мысль, которая реализуется в форме системы. Когда же моменты противоречия отрываются от целого и рассматриваются самостоятельно, то, по мнению ученого, исчезает понятие, являющееся их единством, целостностью. По этой причине единый, целостный принцип опускается до уровня различных определений.

В данном случае диалектическое, конкретное понимание противоречия распадается на различные абстрактные законы мышления, как «тождество», «различие», «противоположность» и т. п. В форме этих разрозненных, абстрактных, внутренне не связанных определений вовсе не содержится философское (конкретное) понятие противоречия. В лучшем случае здесь мы имеем дело с общим представлением о противоречии, но не с понятием противоречия. Противоречие, по Гегелю, не есть нечто недопустимое, отрицательное, напротив, оно является источником развития мысли.

Отношение диалектической логики к формальной, диалектического закона единства противоположностей к закону противоречия формальной логики решается с общеметодологической гегелевской позиции: формальная логика и ее законы имеют подчиненное значение по отношению к законам диалектической логики, в частности, к закону единства противоположностей.

Если формальная логика в своей абстрактной безжизненности рассматривала противоположности как несовместимые (непримиримые), то диалектическая логика соединяет противоположности в тождестве и познает тождество как результат процесса. Сначала непосредственное единство, потом различие и, наконец, примирение, синтез противоположностей - вот всеобщий закон всякого развития. По мнению ученого, органом философии является не

абстрактно размышляющий рассудок, который видит себя замкнутым в границы явления, не мистическое созерцание, которое быстрым скачком хочет достичь вершины познания абсолютного, а разум как способность к конкретному понятию. Диалектическое, разумное познание не отвергает упрямо своей противоположности, а соединяется с ней, движется от тезиса к антитезису и вместе с ним - к синтезу. Разум не фиксирует и не отрицает противоположности, он заставляет их отождествляться, познает их в разрешении.

Целью познания является не конечное, а конкретное, бесконечное, абсолютное. Абсолютное не как покоящаяся субстанция, а как живой, распадающийся на различия и через них возвращающийся к тождеству субъект, который развивается через противоположности. Абсолютное есть процесс, все действительное - изображение этого процесса. Если бы абсолютное трактовалось только как покоящаяся субстанция, абсолютная неразличимость, тождество, единство, то истина оказалась бы лишь абсолютной неразличимостью, тождеством и единством. «Однако с точки зрения философски абсолютного я определяю истинное как само по себе *конкретное*, - писал Гегель, - т. е. ... как единство *противоположных* определений, но таким образом, что это противопоставление в единстве еще сохранено, или же: я определяю истинность не как нечто застывшее, застойное (т. е. как абстрактную идентичность, как абстрактное бытие), но как движение, как самую жизнь, как неразличимость, понятую только как кажущуюся *в себе* неразличимость или неразличимость, заключающую *в себе* некоторое различие, которое как существующее в ней в единстве в то же время не есть различие - как различие снятое, т. е. уничтоженное и вместе с тем сохраненное»¹.

Если наука хочет отвечать действительности, то она должна быть также процессом. Философия есть движение мысли, система понятий, из которых каждое переходит в следующее, развивает его из себя точно так же, как и само оно явилось из предыдущего. Все действительное есть развитие, а побудительной силой, источником этого развития является противоречие. Без противоречия не

¹ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: В двух томах. Т.2. М., 1971. С.446.

было бы никакого движения, никакой жизни. Поэтому все действительное полно противоречий и, тем не менее, разумно.

В трактовке Гегеля противоречие разумно, оно корень всякой жизненности, принуждающее к дальнейшему мышлению. Его следует не уничтожать, но «снимать» т. е. сохранять как отрицательное. Это происходит тогда, когда противоречащие друг другу понятия мыслятся вместе в третьем - высшем или более широком, более богатом понятии, так что они образуют теперь его моменты. Теперь их противоречие преодолено. Но этот синтез - не окончательный, дело начинается снова, находится другая противоположность, которая в свою очередь должна быть преодолена, и т. д.

Таким образом, каждое отдельное понятие односторонне, недостаточно, представляет только часть истины, оно нуждается в дополнении своей противоположностью и в соединении с этим дополнением образует высшее понятие, которое более приближается к истине, но точно так же не достигает ее. И, как отмечалось выше, даже последнее и самое богатое понятие - абсолютная идея - сама по себе не есть полная истина; к окончательному результату принадлежит и все то развитие, через которое она получилась.

Только благодаря такой диалектике понятий философия соответствует живой действительности, развитие понятий есть сама действительность. Мыслительный процесс - не произвольная игра мыслящего субъекта понятиями, а объективный процесс. Так как мир и его основа есть развитие, то его можно познать только через развитие понятия. Законы, которым следует развитие понятия, как в общих чертах, так и в деталях, есть движение от положения к противоположению и от него к соединению. Самый широкий пример этой триады - идея, природа, дух - дает деление системы; другой широкий пример - субъективный, объективный, абсолютный дух - определяет подразделения в развитии сознания.

Таким образом, в понимании Гегеля внутренний ритм всякого развивающегося целого, идеи,

конкретности представляет собой противоречие, единство противоположностей. Поскольку конкретность, целостность, идея развиваются от простого к сложному, постольку противоречия выступают в различных формах, начиная с абстрактной бедной формы, и кончая наиболее сложными формами противоречия. Поэтому мыслитель решительно возражал против тех, кто пытался свести его понимание идеи к одной форме противоречия, например к становлению как единству бытия и ничто. Касаясь подобного понимания, он писал: «Во-первых, бытие и ничто есть наиабстрактнейшие, наибеднейшие, а потому первоначальные формы противоречия; другие такие формы, из которых ни одной нельзя, однако, придерживаться в отдельности, - бытие и сущность, бытие и мышление, идеальность и реальность, понятие и объективность... Напротив, научным способом представления идеи я считаю такое, при котором раскрывается процесс, причем начиная с абстрактного, ибо всякое начало абстрактно, и кончая конкретным, как процесс движущийся сам по себе и саморазвивающийся»¹.

При этом философ подчеркивал еще одну важную мысль: при анализе идеи, предмета недостаточно уловить только их единство, необходимо оттенить и их различие. Касаясь этой стороны проблемы, он писал: «Замечу, что следует выставлять такие определения, как: *идея есть единство бытия и ничто, понятия и объективности, изменчивого и неизменного и т. д.* - и такие тезисы, как: *бытие есть ничто, понятие есть объективность, идеальное есть реальное, и наоборот.* Но одновременно нужно знать, что все подобные определения и тезисы односторонни, а посему оппозиция им правомерна. Присущий им недостаток и состоит как раз в том, что они выражают по преимуществу только одну сторону, единство существования (*das ist*) и, следовательно, не выражают наличного различия... и того негативного, что заключено в сопряжении таких определенностей»².

Дело в том, что, по Гегелю, истинное есть не что-то просто тождественное, покоящееся, сущее, а нечто самодвижущееся

¹ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: В двух томах. Т.2. С.416.

² Там же. С.416-417.

и живое, «вечное различие и существующее в Едином сведение всякого различия к тому, чтобы оно уже не было различием; что также, будучи понято как некий способ восприятия, может быть названо вечной любовью. Идея, жизнь, дух - они существуют только как движение в самом себе, как такое движение, которое равным образом есть абсолютный покой»¹.

Ученый не ограничивается доказательством конечности, неистинности категорий рассудочной логики, а подвергает конкретной критике ее формы мышления, законы. Он не просто критикует абстрактные понятия рассудочной логики, а разрабатывает, противопоставляет им конкретные понятия диалектической логики. По его мнению, законы формальной логики не лежат в основе мышления, в мире нет ни одной вещи, которая бы существовала согласно этим законам. Так как всякая определенность бытия есть, по существу, переход в противоположное, отрицательное всякой определенности столь же необходимо, как и она сама. Поэтому если эти категории облакаются в такие абстрактные предложения, как $A=A$, то появляются также и противоположные положения; и те, и другие положения выступают с одинаковой необходимостью и, как непосредственные утверждения, по меньшей мере одинаково правомерны. Одно положение требует доказательства своей истинности вопреки другому, и потому указанным утверждениям не присущ характер непроверяемых законов мышления. Кроме абстрактного тождества, исключаящего различия, существует конкретное тождество, которое внутри себя имеет различие; только последнее является истинным понятием.

Абстрактное тождество и конкретное тождество имеют разные ценности, подобно тому, как абстрактные и конкретные понятия имеют различные познавательные значения. Относительно абстрактного рассудочного тождества Гегель отмечает, что оно не более, как выражение пустой тавтологии. «Таково то пустое тождество, за которое

¹ Там же. С.417.

продолжают крепко держаться те, кто принимает его, как таковое, за нечто истинное и всегда утверждает: тождество не есть разность, тождество и разность разны»¹.

Гегель неоднократно подчеркивает ту мысль, что истина достигает полноты лишь в единстве тождества с разностью и тем самым состоит только в этом единстве. Абстрактное тождество и абстрактное различие - односторонние определения.

Истинное, конкретное тождество есть единство тождества и различия. Конкретное тождество характеризуется следующим образом: «Оно в своем равенстве с собой неравно себе и противоречиво, а в своей разности, в своем противоречии тождественно с собой и что в нем самом совершается это движение перехода одного из этих определений в другое; и это именно потому, что каждое из них есть в самом себе противоположность самому себе»².

Для абстрактного тождества нет перехода к различию, потому что у них отсутствует необходимая связь. Отмечая эту сторону вопроса, философ писал: «Если тождество рассматривается как нечто отличное от различия, то у нас, таким образом, имеется единственно лишь различие. Благодаря этому нельзя доказать перехода к различию, так как для того, кто спрашивает, каким образом совершается этот переход, нет исходного пункта»³.

Все категории диалектической логики связаны между собой, каждая внутри себя - возможность перехода в последующую.

С позиции гегелевской диалектической логики абстрактное различие, отвлекающееся от тождества, также несостоятельно. Он резко критикует закон различия формальной логики, который в своей односторонности, отвлеченности не соответствует истине. Такие определения, как сходство и несходство, имеют значение только в их единстве, каждое из них не мыслится без другого. Сравнение имеет смысл лишь при предположении наличного сродства.

Отметив необходимость единства тождества и различия,

¹ Гегель Г.В.Ф. Наука логики Т.2. С.34.

² Там же. С.33.

³ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. М., 1974. С.276.

мыслитель сетует на естествознание своего времени: оно из-за тождества забывает о различии, и наоборот. По его мнению, единственно правильной точки зрения придерживается спекулятивная логика, которая «показывает ничтожность абстрагирующего от различия, чисто рассудочного тождества; правда, она столь же энергично настаивает на том, что мы не должны успокаиваться на одной лишь голой разности, а должны познавать внутреннее единство всего сущего»¹.

Далее Гегель подвергает критике закон исключенного третьего. Этот закон характеризуется им как закон абстрактного рассудка, который, желая избегнуть противоречия, как раз впадает в него. Согласно этому закону должно быть либо +А, либо -А, но этим уже положено третье А, которое не есть ни +, ни -, которое в то же время полагается и как +А, и как -А. Таким образом, стремление избегнуть противоречия является не истинным, так как все вещи противоречивы в самих себе.

Если обратить внимание на рассудочную логику, то она принимает противоречие за нечто неистинное, будто противоречие не есть такое же существенное и внутреннее определение, как тождество. Сравнение этих точек зрения приводит к выводу, что «противоречие следовало бы признать более глубоким и более существенным»² определением мысли. Согласно Гегелю, абстрактное тождество - поверхностное определение, «противоречие же есть корень всякого движения и жизненности; лишь поскольку нечто имеет в самом себе противоречие, оно движется, имеет побуждение и деятельно»³. В действительности противоречия являются основным определением понятия. Противоречие - подлинно всеобщая категория, принцип всякого самодвижения.

Однако при всем своем значении гегелевское понимание противоречия имеет существенные недостатки. Противоположность диалектико-материалистического

¹ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. С.276.

² Там же. С.65.

³ Там же.

метода гегелевскому особенно ярко проявляется именно в учении о противоречии.

Для Гегеля речь идет не о противоречии объективного материального мира, а о саморазвитии абсолютной идеи. Содержанием логического процесса, развивающегося от бытия к сущности и от нее к понятию, здесь является абсолютная идея, развивающаяся в направлении к самой себе. В своем развитии абсолютная идея порождает нечто особенное, которое также не является абсолютной определенностью, а разрешается в более высоком синтезе. Касаясь этого вопроса, К. Маркс отмечал: «Так как безличный разум не имеет вне себя ни почвы, на которую он мог бы поставить себя, ни объекта, которому он мог бы себя противопоставить, ни субъекта, с которым он мог бы сочетаться, то он поневоле должен кувыряться, ставя самого себя, противопоставляя себя самому же себе и сочетаясь с самим собой: положение, противоположение, сочетание»¹.

В гегелевской логике речь идет о чисто логическом процессе, о мысли, полагающей себя и противопоставляющей себя себе же; борьба этих противоположных элементов образует диалектическое движение и переходит в их синтез. Основной порок гегелевского учения о противоречиях заключается в том, что здесь противоречие не разрешается рационально, а примиряется, снимается. «Таким путем, противоположности взаимно уравниваются, нейтрализуют и парализуют друг друга. Слияние этих двух мыслей, противоречащих одна другой, образует новую мысль - их синтез»². В этой связи следует отметить, что идеалистические пороки учения Гегеля о противоречии, несомненно, явились теоретической основой его политического консерватизма.

Научное, всестороннее познание и раскрытие природы противоречия возможно, на наш взгляд, с позиции философии материалистической диалектики, которая, будучи последовательно материалистическим мировоззрением, рассматривает противоречие теоретического мышления

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.4. С.130.

² Там же. С.132.

как отражение объективного противоречия самих вещей и явлений.

По своей сути движение является разрешением противоречий. Противоречие представляет собой источник движения. Раскрытие противоречия объекта и путей его рационального разрешения - главное в диалектико-материалистической логике. Так, касаясь вопроса о противоречащих и исключаяющих друг друга отношениях процесса обмена товаров, К. Маркс в «Капитале» писал: «Развитие товара не снимает этих противоречий, но создает форму для их движения. Таков и вообще тот метод, при помощи которого разрешаются действительные противоречия»¹. То же отмечал Ф. Энгельс: «Но так как мы здесь рассматриваем не абстрактный процесс мышления, который происходит только в наших головах, а действительный процесс, некогда совершавшийся или все еще совершающийся, то и противоречия эти развиваются на практике и, вероятно, нашли свое разрешение. Мы проследим, каким образом они разрешались, и найдем, что это было достигнуто установлением нового отношения, две противоположные стороны которого нам надо будет развить и т.д.»².

Таким образом, научное понимание противоречия является материалистическим, оно исходит из признания противоречия в действительности, в человеческой деятельности, которые лишь отражаются в познании. Логическое противоречие имеет смысл лишь тогда, когда в нем отмечается противоречие самого предмета. Противоречие, имеющееся в предмете, должно быть выражено диалектическим, противоречивым образом. Закон единства противоположностей отражает сущность как объективного, реального, так и мышления. В этом именно заключается тождество, совпадение объективной и субъективной диалектики. «Так называемая объективная диалектика царит во всей природе, а так называемая субъективная диалектика, диалектическое мышление, есть только отражение господствующего во всей природе

¹ Там же. Т.23. С.113-114.

² Там же. Т.13. С.498.

движения путем противоположностей, которые и обуславливают жизнь природы своей постоянной борьбой и своим конечным переходом друг в друга... в более высокие формы»¹.

Закон единства противоположностей имеет всеобщее значение в действительности и мышлении. В.И. Ленин характеризовал этот закон как суть, ядро диалектики, отмечая: «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его... есть суть (одна из «сущностей», одна из основных, если не основная, особенностей или черт) диалектики»².

Противоречивость объективной реальности отражается в форме противоречивости теоретического мышления. В отличие от всей предшествующей философии диалектико-материалистическая философия смотрит на истину не как на нечто неизменное, раз навсегда данное, а как на процесс. В данном случае в ней больше продолжают диалектические традиции Гегеля, чем известные положения французских материалистов, рассуждавших по формуле абстрактного «или - или».

Раскрывая содержание гегелевского понимания истины, Ф. Энгельс отмечал: «Истина, которую должна познать философия, представлялась Гегелю уже не в виде собрания готовых догматических положений, которые остается только зазубрить, раз они открыты; истина теперь заключалась в самом процессе познания, в длительном историческом развитии науки, поднимающейся с низших ступеней знания на все более высокие, но никогда не достигающей такой точки, от которой она, найдя некоторую так называемую абсолютную истину, уже не могла бы пойти дальше и где ей не оставалось бы ничего больше, как, сложа руки, с изумлением созерцать эту добытую абсолютную истину. И так обстоит дело не только в философском, но и во всяком другом познании, а равно и в области практического действия»³.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.20. С.526.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29. С.316.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.21. С.275.

Эта же мысль, что человеческое познание истины по своей природе есть процесс, была сформулирована Лениным в «Философских тетрадах». «Совпадение мысли с объектом есть процесс: мысль (= человек) не должна представлять себе истину в виде мертвого покоя, в виде простой картины (образа), бледного (тусклого), без стремления, без движения, точно гения, точно число, точно абстрактную мысль»¹.

Однако в ходе своего непрерывного движения, постижения объекта человеческое познание все полнее и полнее воспроизводит объект, его внутренние закономерности. По своей природе человеческое познание противоречиво, оно есть единство относительных и абсолютных истин. В познании абсолютное знание складывается как сумма относительных истин: «Идея имеет в себе и сильнейшее противоречие, покой (для мышления человека) состоит в твердости и уверенности, с которой он вечно создает (это противоречие мысли с объектом) и вечно преодолевает его».² Эта мысль подтверждается всей историей человеческого познания.

В своих теоретических исследованиях В.И. Ленин к этой мысли возвращается неоднократно, оттеняя важную роль понятия противоречия в адекватном воспроизведении объективной реальности. «Идея есть *познание* и стремление (хотение) [человека]... Процесс (преходящего, конечного, ограниченного) познания и действия превращает абстрактные понятия в *законченную объективность*»³.

Следует подчеркнуть, что раскрытие природы и значения принципа противоречия у В.И. Ленина внутренне связано с его пониманием сущности, конкретного, истины. Для него сущность, истина не есть нечто абстрактно общее, а своеобразно связанное конкретное. «*Совокупность всех сторон явления, действительности и их (взаимо)отношения*, - писал он, - вот из чего складывается истина. Отношения (= переходы = противоречия) понятий = главное содержание логики, **причем** эти понятия (и их отношения, переходы, противоречия) показаны как

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29. С.176-177.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29. С.177.

³ Там же. С.177.

отражения объективного мира. Диалектика *вещей* создает диалектику *идей*, а не наоборот»¹.

В действительном процессе логического воспроизведения реальности мыслью возникает противоречие - это несомненный факт. И это, как мы отмечали, открыли вовсе не Маркс, Ленин и Гегель, это было известно еще в глубокой древности. И сколько бы формальная логика ни пыталась освободить наши мысли от противоречия, из ее усилий ничего не выходило: изгнанное в одном месте, оно еще глубже, еще в большей степени появлялось в другом месте.

В этом отношении небезынтересна история политической экономии. Вопрос о противоречии не мог возникнуть в политической экономии, пока она носила чисто описательный характер. Как только Д. Рикардо сделал попытку понять политэкономия на основе закона стоимости, возникла проблема противоречий, которую он выразил, но не мог теоретически разрешить. Противоречие в теории Рикардо имелось, что отмечали все его противники. Но в этом была не только слабость, но и сила его теории. Когда впоследствии ученики Рикардо пытались освободить его теорию от противоречия посредством простого «исправления терминов», теоретического рассмотрения проблемы уже не получилось, возникла так называемая вульгарная политическая экономия.

Великой заслугой Маркса является то, что он не пошел по линии формального «исправления» теории, а на основе глубокого рассмотрения вопроса разрешил противоречия и тем самым дал теоретическое, рациональное объяснение всем экономическим явлениям. Если после опубликования третьего тома «Капитала» буржуазные экономисты шумели, утверждая, будто Маркс не выполнил своего обещания, то это говорит лишь о том, что они не имели понятия о теоретическом воспроизведении объекта. В теоретическом воспроизведении объекта всегда возникает противоречие, которое можно разрешить лишь раскрытием опосредствующих звеньев.

¹ Там же. С.178.

Действительно, норма прибавочной стоимости непосредственно не совпадает с нормой прибыли, но это не является основанием для вульгарно-экономического способа «исправления» понятия прибавочной стоимости. Содержание непосредственно не совпадает с формой, поэтому нужно было не вносить поправки в исходный пункт теории, а понять и рационально разрешить противоречия, как это сделал Маркс.

Но отсюда вовсе не следует, что закон противоречия формальной логики не имеет никакого реального содержания. Чтобы понять соотношение диалектического закона единства и борьбы противоположностей с формально-логическим законом запрета противоречия, требуется раскрыть, в чем состоит определенность, содержание закона запрета противоречия.

Согласно диалектико-материалистической методологии, при исследовании какого-либо явления необходимо его рассматривать в возникновении, развитии, дальнейшей тенденции. Вспомним, что закон противоречия формальной логики был сформулирован в борьбе с софизмом, который, указывая на гибкость понятий, отрицал их определенности.

По своему содержанию закон запрета противоречия не является всеобщим законом природы, общества и человеческого мышления, а относится лишь к формам мыслей, предстает как закон языкового выражения мышления. Закон запрета противоречия имел огромное значение в борьбе с софистикой, с субъективными противоречиями как следствием нелогичности рассуждения и, действительно, субъективные противоречия недопустимы в истинном мышлении. Но, как было отмечено выше, диалектическое противоречие в мысли отражает реальное, объективное противоречие в самой сущности вещей, и когда хотят «исправить» диалектическое противоречие, привести его в соответствие с законом невозможности противоречия, то, как бы по иронии, возникают такие противоречия, которые действительно недопустимы в истинном мышлении. К подобным противоречиям относятся, в частности, противоречия в теории Рикардо.

Таким образом, чтобы научно разрешить отношение закона невозможности противоречия к закону единства и борьбы противоположностей, нужно прежде всего выяснить их сферу применения. Противоречие между законом единства противоположностей и формально-логическим законом противоречия выступает как противоречие диалектической и формальной логики.

Диалектико-материалистическая, содержательная логика стремится раскрыть внутренние связи, сущность объективной действительности. Сущность же вещей и явлений не является абстрактно-тождественной, она противоречива. Закон единства противоположностей и выражает эту суть объективной реальности.

Отсюда естественно возникает вопрос: как отражается сущность реального мира в нашем мышлении?

Научный ответ на этот вопрос дает диалектическая логика. Формальная логика не исследует сущность, закономерные связи объективной действительности, а изучает формы мысли в отрыве от содержания, поэтому она и есть логика непротиворечивого мышления. Формальная логика изучает формы мышления в их застывшем и неподвижном виде; она не в состоянии рассматривать формы мышления, понятия в их органической связи, в их переходе из одной в другую, в диалектическом единстве противоположностей. Если формальная логика является логикой непротиворечивого мышления, то диалектическая, по праву, считается логикой противоречивого мышления, иначе и не может быть, ибо сущность объективной действительности исследуется категориями диалектической логики.

Все в мире находится в постоянном развитии. Развитие является, по существу, разрешением, порождением и еще раз разрешением противоречий. Разумеется, разрешение противоречий не является «ликвидацией» противоречий, а есть *разрешение* данного противоречия. Например, буржуазная революция не разрешает противоречия вообще, а разрешает лишь противоречие между производительными силами и производственными отношениями при феодализме. Воображаемое разрешение всякого противоречия равносильно отрицанию движения.

Гегель полагал окончательным разрешение противоречия в виде абсолютной идеи, абсолютного конкретного, в том смысле, что она вобрала в себя все богатство прежней ступени развития идеи и разрешила все ее противоречия. Поэтому абсолютной идеей, согласно немецкому философу, кончается всякое развитие, она может лишь перейти в свое инобытие, в природу, но не в состоянии развиваться дальше, если не желает снова повторить то, что уже пройдено. Таким образом, в абсолютной идее, по представлению Гегеля, разрешены все противоречия, она - венец его философской системы, потому здесь разрешение и примирение всех противоречий вполне понятно.

Материалистическая же диалектика признает реальное существование объективного мира, который по своей сущности есть процесс. Противоречие, разрешение противоречия и одновременное порождение его - сущность движения. Если мы признаем вечность движущейся материи, то необходимо признаем также и универсальность противоречия.

Действительно, если все находится в постоянном развитии, противоречии, то это необходимо должно относиться и к мышлению, формированию научно-теоретического знания. Диалектическая логика, в отличие от формальной, в обосновании теоретического знания широко опирается на этот принцип. Правда, роль противоречия в теории она решает не абстрактно, а конкретно, на основе тщательного анализа.

Раскрывая значение противоречия в обосновании теоретического знания, содержательная логика исходит из следующего: а) противоречие в мышлении, в формировании знания недопустимо, если оно возникло как результат субъективных ошибок, нарушения последовательности рассуждения; б) противоречие необходимо, если оно в процессе построения теоретического знания адекватно отражает собой объективную противоречивость предмета.

В самом деле, в человеческом мышлении, теории и понятии встречаются противоречия, парадоксы, антиномии, которые там возникли не вследствие нарушения правил логики, последовательности мышления, а при строжайшем

соблюдении этих правил. Если бы в мышлении мы имели дело только с субъективными противоречиями, то науке, логике было бы сравнительно легко устранить их. Дело состоит в том, что в процессе формирования знания речь часто идет о противоречиях, образующихся в результате правильного, адекватного отражения действительности.

В отличие от формальной логики диалектическая логика не отмахивается от таких противоречий, а внимательно исследует и обосновывает их правомерность в построении теоретического знания. Касаясь природы таких противоречий, В.И. Ленин в книге «Развитие капитализма в России» писал: «Развитие производства... преимущественно на счет средств производства кажется парадоксальным и представляет из себя, несомненно, противоречие. Это - настоящее «производство для производства», - расширение производства без соответствующего расширения потребления. Но это - противоречие не доктрины, а действительной жизни; это - именно такое противоречие, которое соответствует самой природе капитализма и остальным противоречиям этой системы общественного хозяйства»¹.

Важнейшая особенность диалектико-логического понимания предмета состоит в том, что здесь не только обосновывается правомерность и необходимость противоречия, но и прослеживаются переходы противоположных определений друг в друга. «Обычное представление схватывает различие и противоречие, но не переход от одного к другому, а это самое важное»². Отношения, переходы, противоречия понятий - главное содержание в диалектической логике, причем эти понятия, их отношения, переходы, противоречия выступают как отражения объективного мира³.

Таким образом, диалектическая логика допускает противоречие в мышлении, отражающее объективную противоречивость действительности, и не только допускает, а считает такое противоречие важнейшим

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.3. С.46.

² Там же. Т.29. С.128.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29. С.178.

условием объективного познания действительности. Эта логика опирается на следующее реальное основание: так как все находится в развитии и противоречии, то сие должно непременно относиться и к мышлению, общим понятиям. В.И. Ленин в свое время отмечал, что, если нет развития, противоречивости мысли, то трудно говорить о связи мышления, общих понятий с действительностью. Кроме того, согласно диалектико-логической концепции, мышление не есть особая, самостоятельная реальность, оно является формой действительности.

Мыслить вообще означает двигаться по формам вещей, по форме объективной реальности. По этой причине, если объект противоречив, то мышление, являющееся только идеальной формой этой реальности, тоже должно быть противоречиво.

По этому вопросу В.И. Ленин отмечал следующее: «всемирной, всесторонней, **живой** связи всего со всем и отражения этой связи... в понятиях человека, которые должны быть также обтесаны, обломаны, гибки, подвижны, релятивны, взаимосвязаны, едины в противоположностях, дабы обнять мир. Продолжение дела Гегеля и Маркса должно состоять в *диалектической* обработке истории человеческой мысли, науки и техники»¹.

Другим важнейшим основанием противоречивости мышления является противоречивость предметной деятельности человека. Мышление является формой предметной деятельности, которая прежде всего выступает как единство процесса опредмечивания и распредмечивания. Без данного единства нет предметной деятельности. «Эта категория на деле есть не что иное, - пишет Г.С. Батищев, - как элементарнейшая социальная связь, простейшее социальное отношение, в котором деятельность как труд и деятельность как общение еще совпадают и не разделились в относительно самостоятельные сферы. Это - «клеточка» (и историческая, и логическая), т. е. предельно абстрактная конкретность всех социальных процессов, всей общественной формы движения. Эта «клеточка» выступает как то, из чего образована вся материальная и духовная

¹ Там же. С.131.

культура человечества, ибо деятельность есть *façon d'être* культуры, способ ее жизни и развития»¹.

В ходе предметной деятельности опредмечивание и распредмечивание переходят друг в друга; одно из них непосредственно проявляется как другое. «В самом деле, - замечает Г.С. Батищев, - опредмечивание необходимо есть также и распредмечивание, ибо оно совершается как (хотя бы частичное, если это труд) освоение орудия деятельности и опирается на освоенность частичных результатов своей собственной деятельности. Определить человек вообще может только нечто распредмеченное, в противном случае он действует просто как машина, в которой функционирует по законам природы и вещественно-экстенсивно воспроизводится лишь материальный состав человеческой деятельности... С другой стороны, распредмечивание есть также и опредмечивание, ибо оно совершается не как воспарение в царство идеальных сущностей или в мир идей, населенный творческими способностями без предметов, без материи, а как «переопредмечивание», как перевоплощение прежней формы деятельности (другого человека)»².

В любой целесообразной деятельности реально существует диалектическое противоречие цели, средств и результата. В процессе практической деятельности люди всегда выходят за пределы первоначального плана, происходит действительное перевыполнение первоначальной цели. Именно в этом проявляется в первую очередь творческий характер труда и неустранимость диалектики, диалектического принципа противоречия. Ведь если бы в производстве существовало абсолютное совпадение цели и результата (что в основном осуществимо только в стандартизованном производстве), то формально-логическое тождество было бы абсолютным принципом человеческого мышления.

Ограниченность логики, знающей только такие формальные принципы, связана с ограниченностью

¹ Батищев Г.С. Противоречие как категория диалектической логики. М., 1963. С.15.

² Батищев Г.С. Противоречие как категория диалектической логики. М., 1963. С.14.

стандартизованного производства, с ограниченностью той формы труда, при которой возможно непосредственное совпадение цели с результатом. Это имеет место только в узкой области, где опредмечивание отрывается от распредмечивания. Человеческая же деятельность в своей основе является целостной деятельностью, в которой опредмечивание и распредмечивание находятся в диалектическом единстве.

Наконец, вопрос о необходимости противоречия в мысли теснейшим образом связан с принципом универсальности развития. Если признать универсальность развития (развитие есть разрешение противоречий), то необходимы признание и проведение принципа противоречия как важнейшего условия формирования теоретического знания. В материалистической диалектике развитие понимается не как простой процесс роста, а как процесс формообразования, изменения сущности, перехода от одного качественного состояния к другому: «Если все развивается, значит все переходит из одного в другое, ибо развитие заведомо не есть простой, всеобщий и вечный рост, *увеличение* (resp. *уменьшение*) etc. - Раз так, то... *точнее* понять эволюцию как возникновение и уничтожение всего, *взаимопереходы*»¹.

При таком диалектическом понимании проблемы развитие, его сущность понимается как тождество противоположностей. «Тождество противоположностей... есть признание (открытие) противоречивых, *взаимоисключающих*, противоположных тенденций во *всех* явлениях и процессах природы (и духа, и общества в том числе). Условие познания всех процессов мира в их „самодвижении“, в их спонтанном развитии, в их живой жизни, есть познание их как единства противоположностей. Развитие есть „борьба“ противоположностей». Только такое понимание развития и «дает ключ к „самодвижению“ всего сущего»; только оно «дает ключ к „скачкам“, к „перерыву постепенности“, к „превращению в противоположность“, к уничтожению старого и возникновению нового»².

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29. С.229.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29. С.316-317.

Противоречие - имманентная сущность всякого развивающегося предмета. Если сущность не есть просто общее, а целостность, конкретность, то ее мера существования есть тождество противоположностей. Это особенно четко видно, когда мы прослеживаем процесс формирования предмета. В этом процессе вещь приобретает свое содержание, сущность в составе некоторого реального целого. Она как бы превращается в свое другое, проявляет себя как форма обнаружения своей сущности. Например, сущность золота как денег - это не эмпирическая его определенность, а его реальная функция в системе товарных отношений. То же самое можно сказать о мышлении. Сущность мышления нельзя непосредственно редуцировать к структуре мозга, его можно понять только как форму человеческой предметной деятельности.

Таким образом, сущность предмета – это не просто общее, а способ формирования предмета, его место внутри развивающегося целого.

Для материалистической диалектики, в отличие от идеалистической, целое не есть результат имманентной деятельности разума, духа, некоей формы, оно является следствием общественно-исторического движения. Например, сущность человека, по определению Маркса, - не абстракт, а совокупность общественных отношений. Она обуславливается теми общественными отношениями, в которых человек существует, и, следовательно, определяет его место в обществе. Эти отношения не неизменны, они формируются в результате развития материальных способов производства.

Если бы сущностью предмета было просто общее, то не было бы и принципа диалектического противоречия. Поскольку в диалектической логике речь идет о сущности как способе формирования предмета, необходимо встает вопрос о тождестве противоположностей. Ведь в процессе действительного формирования предмет, вещь, имея свои особые определения, начинает включаться в состав другого целого, движется по данным этого целого, обнаруживая себя как форма проявления этой сущности. Но здесь его прежние определенности, реальное бытие выступают уже

только формой проявления, моментами другого движения, которое теперь выступает для него подлинной сущностью.

Познать сущность, способ формирования предмета означает понять его в виде противоречия, диалектического превращения одного в другое, обнаружения предметом себя как формы проявления своей сущности. Поэтому диалектику В.И. Ленин характеризовал как обнаружение, вскрытие противоречивой сущности предмета. «В собственном смысле диалектика, - разъяснял он, - есть изучение противоречия в самой сущности, предметов: не только явления преходящи, подвижны, текучи, отделены лишь условными гранями, но и сущности вещей»¹. «Человеческие понятия не неподвижны, а вечно движутся, переходят друг в друга, переливаются одно в другое, без этого они не отражают живой жизни»².

Отражение противоречивой сущности предмета, понимание противоречия было камнем преткновения для всей домарксовской философии. Платон, Аристотель, Гегель понимали сущность как способ формирования, но мистифицировали ее и трактовали как нечто изначальное духовное: идея, форма и т. п. Эмпирическая же философия, отождествив сущность со сравнительно общим, навсегда закрывала себе возможность понимания всеобщего, сущности, формирования предмета.

Только в материалистической, содержательной диалектике вопрос о сущности, о формировании предмета всесторонне, научно осмыслен. Всеобщим же условием к решению этой сложной проблемы явилось соединение материалистического мировоззрения с принципом развития: «...всеобщий принцип развития надо соединить, связать, совместить с всеобщим принципом *единства мира*, природы, движения, материи»³.

Здесь, с одной стороны, последовательно признается объективное развитие, формирование реальных предметов материальной действительности, с другой - под сущностью понимается место предмета внутри развивающегося целого,

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29. С.227

² Там же. С.226-227.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29. С.229.

его реальный процесс формирования. Поскольку сущность предмета понимается как формирование, как переход одного в другое, то внутренним ритмом такой сущности является закон единства противоположностей.

Под сущностью предмета понимается, как было отмечено, не абстрактно общее, а единство многообразного, внутренняя взаимосвязь, внутреннее взаимоотношение целого. Если это так, то определенность сущности относится не к какой-либо ее стороне, а характеризует все единство противоположностей, ибо само по себе единство не существует, оно является единством многообразного. В свою очередь, многообразие является многообразием единого. Каждая сторона существует постольку, поскольку существует ее другое. Например, невозможно рассуждать так, что вещь в одном отношении единое, а в другом - многое. Она во всех отношениях выступает и как единое, и как многое.

Это означает, что сама сущность предмета противоречива. Потому, устранив противоречивость сущности, мы устраним, элиминируем и саму сущность. Невозможно эмпирически выделить сущность, так как она вовсе не свойство отдельных вещей, а свойство целого. Например, сущность отдельного человека заключена не в его морфологической структуре, а в том, что он представляет собой в общественном целом. Ключ к уяснению этого дает следующее высказывание К. Маркса: «В некоторых отношениях человек напоминает товар. Так как он рождается без зеркала в руках и не фихтеанским философом: „Я есмь я”, то человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку. Вместе с тем и Павел как таковой, во всей его павловской телесности, становится для него формой проявления рода „человек”»¹.

Таким образом, целостность, конкретность не существует наглядно, ее невозможно свести к какой-либо эмпирической определенности. Конкретное, следовательно, является формой взаимосвязи, единства многообразного. Поэтому

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23. С.62.

логическим средством, в форме которого отражается сущность, способом формирования конкретного является не термин, не общее представление, а понятие, как синтез многочисленных определений.

Если объективно конкретное есть синтез многих определений, то он возможен только через противоположности. Ибо что-либо можно рассматривать противоположным только в рамках какой-нибудь целостности. Абсолютно разные вещи, не имеющие ничего общего, не могут быть также противоположными, и наоборот. Абсолютно одинаковые вещи, в свою очередь, не могут быть едиными и не образуют внутреннюю целостность.

Касаясь товарно-капиталистического производства, К. Маркс отмечал: «Если бы индивид А имел ту же потребность, что индивид В, и овеществлял свой труд в том же самом предмете, что и индивид В, то между ними не существовало бы никакого отношения; рассматриваемые с точки зрения осуществляемого ими производства, они вовсе не были бы различными индивидами. У обоих есть потребность дышать; для обоих существует воздух в качестве атмосферы; все это не устанавливает между ними никакого социального контакта; как дышащие индивиды они находятся в отношении друг к другу только как природные тела, а не как личности. Только различие их потребностей и неодинаковость осуществляемого ими производства дают повод к обмену и к их социальному приравнению друг к другу в обмене; это природное различие является поэтому предпосылкой их социального равенства в акте обмена и вообще является предпосылкой того отношения, в которое они вступают между собой как производящие индивиды»¹.

В данном положении сформулировано существо диалектического закона тождества противоположностей. Действительно, каждая сторона противоположностей взаимно дополняет другую, не существует без другой. Каждая сторона противоположностей непосредственно

¹ Там же. Т.46. Ч.1. С.189.

проявляет себя в своей противоположности. Каждый обслуживает другого, чтобы обслуживать самого себя; каждый взаимно пользуется другим как своим средством.

И то, и другое в сознании обоих индивидов представлено таким образом, что: 1) каждый достигает своей цели лишь постольку, поскольку он служит средством для другого; 2) каждый становится средством для другого (бытием для другого), только будучи для себя самоцелью (бытием для себя); 3) взаимозависимость здесь состоит в том, что каждый является одновременно и средством, и целью (и притом достигает своей цели лишь постольку, поскольку становится средством, и становится средством лишь постольку, поскольку полагает себя в качестве самоцели), делает себя бытием для другого, будучи бытием для себя, а тот, другой, делает себя бытием для него, будучи бытием для себя, - эта взаимосвязь есть непреложный факт, порождаемый естественными условиями обмена.

Именно этим человеческое производство существенно отличается от животного существования. То, что здесь потребность одного может быть удовлетворена продуктом другого, и в то же время один может произвести предмет, являющийся потребностью другого, - все это доказывает, что: а) каждый из индивидов в качестве человека выходит за пределы своей собственной особой потребности и т. д.; б) они относятся друг к другу как люди; в) общая им родовая сущность осознана всеми. «К тому же, не бывает, чтобы слоны производили для тигров, вообще чтобы одни животные производили для других. Например, пчелиный рой составляет в сущности лишь одну пчелу, и все пчелы производят одно и то же»¹.

В ходе развития товарных отношений внутреннее противоречие товара приобретает все новые и новые формы. Начало данному процессу дает отделение меновой стоимости в виде денег от натуральной формы существования продукта. «Это двоякое неодинаковое существование должно развиваться дальше в различие, различие - в противоположность и в противоречие.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.46. Ч.1. С.189-190.

Это же самое противоречие между особенной природой товара как продукта и его всеобщей природой как меновой стоимости, которое порождало необходимость определять его двояко: во-первых, как этот определенный товар, во-вторых, как деньги»¹.

В ходе дальнейшего развития меновых отношений возникают все новые и новые коллизии, противоречия и т. п. Так, например, деньги не только отрываются от реального источника, от реальных стоимостей: создаются иллюзии, что не деньги - представители стоимостей, а, наоборот, все продукты и работы становятся представителями денег. На этой иллюзии покоится мнение тех, которые полагают, что можно изменить существо дела с изменением денег.

В действительности же деньги возникли из потребности реального обмена, они устраняют затруднения, возникшие в меновой торговле. Поэтому их невозможно отрывать от реальных товарных отношений. «Абсолютно необходимо, чтобы насильственно разорванные элементы, которые по существу взаимно связаны, показали путем насильственного взрыва, что они представляют собой результат *разрыва* чего-то по существу взаимосвязанного. Единство осуществляется *насильственным* путем. Как только враждебное расщепление приводит к взрывам, экономисты начинают указывать на *единство по существу* и абстрагируются от отчужденности»².

Только в рамках уравнения «товар - деньги» товар выполняет роль единичного, а деньги выступают как всеобщее. Если рассмотреть более широко, деньги - не только всеобщий эквивалент, но также особый товар, который исторически выделился из сферы обмена. Касаясь именно двойственного характера денег, К. Маркс отмечал: «Дело также и в том, что деньги вступают в противоречие с самими собою и со своим определением в результате того, что они сами являются особым товаром (даже и тогда, когда они лишь знак) и поэтому в своем обмене на другие товары подчиняются, в свою очередь, особым условиям

¹ Там же. С.89.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.46. Ч.1. С.92.

обмена, которые противоречат их всеобщей безусловной обмениваемости»¹.

В «Капитале» Маркс, исследуя развитие товарных отношений, одновременно прослеживает развитие противоречия, его переходы с одного уровня на другой. В этом отношении особый теоретический интерес представляет его анализ превращения денег в капитал. До Маркса превращение формул товарного обращения в формулы капитала было тайной. Более того, сама возможность прибавочной стоимости противоречила стоимости, обмену эквивалентов, поскольку закон стоимости регулирует обмен эквивалентов, прибавочная же стоимость констатирует обмен неэквивалентов, т. е. неравной стоимости.

У Маркса противоречие разрешается посредством открытия особого товара - *рабочей силы*, и тайна возникновения прибавочной стоимости оказывается в неоплаченном труде. Капитал возникает в процессе товарного обращения и вне товарного обращения.

Согласно диалектической логике, противоречивость - всеобщая природа действительности и познания. При этом сущность, объективная противоречивость предмета отражается в форме конкретного понятия диалектико-материалистической логики. В конкретном понятии схвачено единство положительного и отрицательного. Рассматривая отрицательное, диалектическая логика требует нахождения в нем положительного. От утверждения к отрицанию, затем к отрицанию отрицания - такова диалектическая сущность понятия. Без этого мы имеем дело с голым, зряшным, метафизическим отрицанием, омертвляющим предметы и явления в их познании.

Если метафизическое мышление рассматривает отрицательное вне положительного и, наоборот, то это говорит о несостоятельности метафизического мышления. Например, абстрактно-общее представление бесконечного и конечного основано на принципе абстрактного тождества, в силу которого бесконечное мыслится как то, что исключает из себя конечное. Но такое представление конечного и бесконечного, хотя и имеет существенное значение в

¹ Там же. С.93.

логическом, не истинно, не содержит в себе понятия в более высоком смысле слова. Истинное понятие бесконечного состоит в том, что бесконечное рассматривается в единстве с конечным. Таким образом, конечное неотделимо от бесконечного, дано в бесконечном как его момент.

В общей цепи взаимодействующих явлений метафизик рассматривает одни из них только как причину, другие как только действие. На деле же их роль не сводится к такой односторонней связи, каждое из них немислимо без своей противоположности. Определение действия невозможно без его соотнесения с причиной. Причина и действие - не два разных понятия, а лишь моменты, аспекты диалектического, конкретного понятия.

Диалектическое конкретное понятие - результат познания. Оно возникает в процессе движения познания от непосредственной практики через абстракцию к истине: «истина есть процесс, - проходит в своем развитии... три ступени: 1) жизнь; 2) процесс познания, включающий практику человека и *технику*... 3) ступень абсолютной идеи (т. е. полной истины)»¹; «Человеческие понятия субъективны в своей абстрактности, оторванности, но объективны в целом, в процессе, в итоге, в тенденции, в источнике»².

В диалектико-материалистической логике преодолевается узкий горизонт абстрактного рассмотрения. Так, все абстрактные противоположности, например, конечное и бесконечное, причина и действие, добро и зло и т. д., суть противоречия не через какое-либо внешнее соединение, а, напротив, сами по себе суть переход одного в другое. Каждая категория переходит в свою противоположность, поскольку содержит ее в самой себе. Удержание положительного в отрицательном, содержание предпосылки в ее результате - вот что важно с точки зрения диалектической логики. Положительное и отрицательное - стороны противоположности, ставшие самостоятельными. Каждое из них есть одновременно и свое другое. Иными словами, положительное есть положительное, отрицательное есть отрицательное постольку, поскольку

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29. С.183.

² Там же. С.190.

каждая сторона содержит внутри себя свое другое: положительное имеет свое отрицание, а отрицательное - свое положительное. Только абстрактный рассудок рассматривает их вне связи, поскольку он, когда говорит о положительном, абстрагируется от отрицательного и, наоборот, когда рассматривает отрицательное, абстрагируется от положительного. Истинное определение содержит противоположности в единстве.

Для иллюстрации обратимся к следующему примеру. Пролетариат и буржуазия - это противоположности. Как таковые, они образуют единое целое, они оба порождены капиталистическим способом производства. Речь идет о том, какое определенное положение каждый из этих двух элементов занимает в противоречии. Недостаточно объявить их двумя сторонами единого целого. Буржуазия, как монополист богатства, вынуждена сохранять свое собственное существование и тем самым существование своей противоположности - пролетариата. «Это - *положительная* сторона антагонизма, удовлетворенная в себе самой частная собственность»¹. Пролетариат же вынужден упразднить самого себя и тем самым - условия, делающие его пролетариатом, - частную собственность на средства производства. «Это - *отрицательная* сторона антагонизма»². Таким образом, буржуазия представляет консервативную сторону, пролетариат - революционную. От первой исходит действие, направленное на сохранение противоречия, от второго - действие, направленное на его уничтожение.

Капиталистическое общество не стоит на одном месте, с его развитием углубляется основное противоречие капитализма: общественный характер производства и частнокапиталистическая форма присвоения. «Правда, частная собственность в своем экономическом движении сама толкает себя к своему собственному упразднению, но она делает это только путем не зависящего от нее, бессознательного, против ее воли происходящего и природой самого объекта обусловленного развития, только путем

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т 2. С.38.

² Там же. С.39.

порождения пролетариата как пролетариата, - этой нищеты, сознающей свою духовную и физическую нищету, этой обесчеловеченности, сознающей свою обесчеловеченность и потому самое себя упраздняющей. Пролетариат приводит в исполнение приговор, который частная собственность, порождая пролетариат, выносит себе самой, точно так же, как он приводит в исполнение приговор, который наемный труд выносит самому себе, производя чужое богатство и собственную нищету. Одержав победу, пролетариат никоим образом не становится абсолютной стороной общества, ибо он одерживает победу, только упраздня самого себя и свою противоположность. С победой пролетариата исчезает как сам пролетариат, так и обуславливающая его противоположность - частная собственность»¹.

Без пролетариата нет буржуазии, без буржуазии нет пролетариата. Каждое, таким образом, есть вообще постольку, поскольку есть другое.

Противоположности не абсолютны, они могут в процессе развития переходить одна в другую, меняться местами. То, что сейчас рассматривается как случайное, может выявить свою необходимую сторону. В таком же соотношении находятся категории разумного и неразумного и т. п.

Метафизическое мышление запутывается в этих определениях и само становится противоречивым. Так бывало с метафизическими противниками Гегеля. Подобным образом продолжают и теперь думать некоторые представители формальной логики и метафизики.

Сущность диалектического мышления заключается в раздвоении единого и познании противоречивых частей. Если противоречие скрыто от представления и абстрактного подхода, то оно раскрывается в форме диалектических понятий. Для метафизика же положительное и отрицательное - абсолютные противоположности, поэтому он не в состоянии видеть переход от положительного к отрицательному и, наоборот.

В реальной действительности все содержит внутри себя противоречие. Двигается не то, что в данное время находится здесь, а в другое - там; действительно движется то, что в

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.2. С.39.

одно и то же время находится здесь и не здесь, поскольку оно в этом здесь одновременно находится и не находится. Зенон был совершенно прав, когда нашел противоречие в движении, но из противоречия не следует отсутствие движения, наоборот, движение есть само существующее противоречие.

Сущность диалектического самодвижения заключается в том, что в одном и том же отношении существует нечто и его отрицание. Поскольку каждое внутри себя имеет свое отрицание, постольку оно выходит вне себя и начинает изменяться. В мире ничто не стоит на одном месте, все находится в процессе изменения и развития. Сущность диалектического мышления заключается в раздвоении единого и познании противоречивых частей. Если противоречие скрыто от представления и рассудочной мысли, то оно раскрывается в форме диалектических понятий. Даже самые простые определенности, например, верх и низ, правое и левое, содержат в себе противоречие. Верх есть то, что не есть низ; верх определен лишь так, чтобы не быть низом, и есть лишь постольку, поскольку есть низ и, наоборот; в одном определении заключается его противоположность.

Конкретное понятие содержит в себе противоречие в одном и том же отношении, именно: противоположности исключают друг друга, и поскольку исключают, они содержат друг друга. Противоречия, содержащиеся в разных отношениях, не являются диалектическими противоречиями.

Материалистическая, содержательная диалектика понимает диалектическое противоречие именно как противоречие в одно и то же время и в одних и тех же отношениях. Обосновывая всеобщность противоречия, противоречивость мышления и понятий, она вовсе не требует обязательной их корректности к формально-логическому закону противоречия, а наоборот.

Необходимо подчеркнуть, что вопрос о противоречии мысли ставится в диалектической логике в связи с проблемой объективного выражения действительного движения. «Вопрос не о том, есть ли движение, а о том,

как его выразить в логике понятий»¹; «Мы не можем представить, выразить, смерить, изобразить движения, не прервав непрерывного, не упростив, угрубив, не разделив, не омертвив живого. Изображение движения мыслью есть всегда огрубление, омертвление, - и не только мыслью, но и ощущением, и не только движения, но и всякого понятия.

И в этом суть диалектики. Эту-то суть и выражает формула: единство, тождество противоположностей»².

Итак, вопрос о противоречивости мышления, понятия в диалектико-материалистической логике связан с объективной задачей познания, с проблемой духовно-теоретического воспроизведения объективной реальности. Если объективная сущность предмета противоречива, то мышление, понятия, в форме которых воспроизводится сущность предмета, должны быть противоречивыми. Без этого трудно говорить об отражении, об активном, конкретном познании исследуемого предмета.

Действительно, понять предмет - это означает не просто выявить его отличие от других предметов, а познать, раскрыть его сущность. Сущность же предмета ни в коей мере не сводится к его особым признакам, она есть способ его формирования внутри некоторого более широкого целого. Когда предмет включается в целое, что то же самое, когда он формируется, то обнаруживает свое эмпирическое бытие как форму проявления чего-то другого, т. е. своей противоположности. Так, например, только с первого взгляда, при поверхностном рассмотрении товарное отношение представляется как отношение вещей. Точно так же только при поверхностном рассмотрении может показаться, что быть всеобщим эквивалентом - особое, вещественное свойство золота.

В «Капитале» Маркс глубоко и всесторонне показал: чтобы понять сущность таких явлений, как «товар» и «золото» как всеобщий эквивалент, недостаточны рассмотрение и анализ их непосредственного эмпирического бытия, структуры, необходимо еще проследить их сложный процесс формирования внутри социального целого.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29. С.230.

² Там же. С.233.

Познать сущность «товара», золота как всеобщего эквивалента означает раскрыть их противоречивую природу, понять их эмпирическое бытие как форму обнаружения своего другого как форму проявления своей противоположности. Так, в понимании Маркса товарное отношение - не отношение вещей, а отношение людей, продукт социальных отношений. Точно так же сущность золота как всеобщего эквивалента можно понять, исходя не из непосредственного свойства золота, а только из его включенности в товарные отношения, как продукт развития товарных отношений. Таким образом, ученый раскрыл противоречивую природу товара, денег и т. д. Он ясно показал, что процесс формирования товара, денег - противоречивый процесс, процесс превращения одного в другое. Конкретное понятие товара, денег, разработанное в «Капитале», объективно раскрывает противоречивую сущность этих экономических категорий.

Согласно диалектико-материалистической логике, процесс формирования любого теоретического, конкретного понятия противоречив. Диалектическим конкретным понятием охватывается единство противоположностей, противоречивая сущность предмета, процесс формирования, момент превращения одного в другое. Такая логика справедлива и в отношении самих философских категорий. Так, например, в понятии случайности и необходимости улавливается не просто абстрактно-общее многих так называемых случайных и необходимых явлений (это только содержание терминов «случайный», «необходимый»), а объективная противоречивость этих определений - момент превращения случайного в необходимое.

Отсюда случайное и необходимое - два термина, но не два самостоятельных понятия, это стороны, аспекты единого диалектического конкретного понятия. В процессе формирования этого конкретного понятия сначала признается: «случайное есть случайное», «необходимое есть необходимое», затем прослеживается переход случайного в необходимое и, наоборот. Такое превращение одного в

другое - не просто формальное положение, оно выражает сущность диалектического конкретного понимания предмета.

То же самое можно сказать относительно понятия движение. В представлении, в абстрактно-общем понятии не схватывается сущность понятия движения, а выявляются лишь отличительные особенности, наиболее характерные признаки движения в отличие от покоя. Только в конкретном понятии познается сущность движения, т. е. диалектический процесс превращения покоя в движение. Движение не есть абстрактно противоположное покою, а есть единство покоя и движения, момент превращения покоя в движение. Без такого превращения, собственно, нет понятия, нет действительного движения, есть лишь описание движения или покоя.

Таким образом, противоречие, понимаемое в одно и то же время и в одних и тех же отношениях, является важнейшим условием теоретического познания, понимания предмета. Когда же противоречие трактуется как противоречие в разное время и в разных отношениях, то происходит потеря сущности, теоретического понятия. Дело в том, что предмет, рассматриваемый в разное время и в разных отношениях, ни в коей мере не может быть рассмотрен как один предмет. Поэтому противоречие, существующее между разными предметами, является только внешним противоречием, но не противоречием данного предмета, его сущности. Следовательно, способ, трактующий противоречие в разное время и в разных отношениях, по существу, устраняет диалектическое, противоречивое познание предмета.

В самом деле, если процесс формирования предмета, его сущность есть единый процесс, то при недialeктическом рассмотрении предмета он распадается на два самостоятельных момента, в которых действительный процесс формирования вовсе снимается, ибо каждая сторона единого формирования определяет себя как самостоятельный предмет, самостоятельная сущность. Поэтому между ними нет противоречия, есть только различие одного предмета с другим.

Поскольку при недиалектическом рассмотрении предмета не постигается процесс превращения одного в другое, постольку результат такого познания не является понятием, теоретическим знанием о предмете, ибо понятие в диалектической логике трактуется как идеальная форма процесса формирования предмета, постижение сущности предмета в мышлении. Иначе говоря, когда предмет рассматривается в разное время и в разных отношениях, то происходит серьезное снижение уровня теоретического конкретного понятия до уровня рассудочного абстрактно-общего. Так, например, когда мы понимаем движение как единство покоя и движения, как процесс превращения покоя в движение, способ формирования понятия движения, то мы твердо стоим на позиции теоретического, конкретного понимания.

Действительно, в материалистической диалектике речь должна идти прежде всего о противоречиях, взаимоисключающих друг друга, существующих в одних и тех же отношениях. Еще Кант ясно понимал, что противоречия, рассматриваемые в разное время и в разных отношениях, не есть противоречия в собственном смысле этого слова. Следовательно, те авторы, которые трактуют диалектические противоречия как противоречия в разных отношениях, - хотя бы они того или нет, - отрицают диалектическую противоречивость мышления и тем самым универсальность диалектического принципа противоречия. Если отрицается подлинная диалектическая противоречивость мышления, то это необходимо ведет в познавательной деятельности к реальному снижению уровня теоретического мышления. Скажем более определенно: неизбежно ведет к подмене диалектического конкретного понятия (в форме которого воспроизводится сущность объективно-конкретного) абстрактно-общим, т. е. термином, который выполняет совершенно иную функцию в мышлении.

Дело в том, что природу, способ формирования диалектического конкретного понятия невозможно понять без диалектического принципа противоречия. По этой причине недопустимо смешивать способ образования,

функционирования теоретического (конкретного) понятия со способом образования, функционирования абстрактно-общего - термина в речи. Если в форме конкретного понятия объект духовно-теоретически воспроизводится, то в форме абстрактно-общего (термина) он главным образом различается, обозначается. И потому, если способ существования (бытия) теоретического мышления, понятия - диалектический принцип противоречия, то закон, способ функционирования абстрактно-общего (термина) регулируется принципом запрета противоречия в рассуждении.

В логике следует постоянно иметь в виду наличие этих двух аспектов. К сожалению, стало обычным явлением, когда абстрактно-общее, рассудочно-общее выдается чуть ли не как единственная форма бытия понятия. В результате происходит отождествление мышления, которое является сложным творческим процессом, идеальной формой отражения действительности, с его языковым способом существования. Во всяком правильном рассуждении термины должны быть определены и однозначны, но это несомненное правило любого общения, обмена мыслями расширяется - выдается как всеобщее и универсальное условие любого мышления, формирования понятия и категории.

Когда содержательная логика требует, чтобы в мышлении не было логических противоречий, то она имеет в виду, что во всяком правильном мышлении термины должны быть однозначны, определены, т. е. в суждении не должно быть формально-логических ошибок. Когда же речь идет о теоретическом познании, о конкретном понимании, то мы имеем дело уже с духовно-теоретическим воспроизведением предмета. Диалектические, взаимоисключающие противоречия, возникающие в данном случае объективно, выступают как следствие познания сущности. Поэтому «исправление» их, переинтерпретация в соответствии с требованием формальной логики неизбежно приводит к искажению их действительной природы.

То обстоятельство, что всеобщим принципом формирования теоретического мышления, конкретного

понятия является диалектический принцип противоречия, ни в коей мере не снимает важность, необходимость, ценность законов формальной логики в определенных областях, в определенных пределах. В логике давно поразительно представить сферы применения законов содержательной и формальной логики. Поскольку в литературе недостаточно определены, обоснованы их аспекты, границы применения, постольку существуют бесконечные споры, неправильно освещаются взаимоотношения формальной логики и логики диалектической, закона запрета противоречия и закона единства противоположностей диалектико-материалистической логики.

Так, В.И. Ленин в «Философских тетрадах» вскрыл несостоятельность взглядов В. Чернова, который по вопросу о движении пытался критиковать Ф. Энгельса с позиции абстрактного, метафизического представления движения, представить движение непротиворечивым образом. «Движение есть нахождение тела в данный момент в данном месте, в другой, следующий, момент в другом месте - таково возражение, которое Чернов повторяет (см. его «Философские этюды») вслед за всеми «метафизическими» противниками Гегеля.

Это возражение *неверно*: (1) оно описывает *результат* движения, а не само движение; (2) оно не показывает, не содержит в себе *возможности* движения; (3) оно изображает движение как сумму, связь состояний *покоя*, т. е. (диалектическое) противоречие им не устранено, а лишь прикрыто, отодвинуто, заслонено, занавешено»¹.

Нетрудно догадаться, что в данном случае В.И. Ленин, в противоположность Чернову, защищает понятие движения, диалектическое понимание движения. «„Понять значит выразить в форме понятий”», - подчеркивает он. - Движение есть сущность времени и пространства. Два основных понятия выражают эту сущность: (бесконечная) непрерывность (*Kontinuität*) и „пунктуальность” (= отрицание непрерывности, *прерывность*). Движение есть единство непрерывности (времени и пространства)

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29. С.232.

и прерывности (времени и пространства). Движение есть противоречие, есть единство противоречий»¹.

Таким образом, противоречие - внутренняя сущность всякого понятия, теоретического мышления. Например, категории покой и движение, прерывное и непрерывное, случайное и необходимое выражают диалектическое единство. Здесь каждая парная категория является не двумя различными понятиями, а одним и тем же понятием. Поскольку речь идет не о представлении, не о терминах («случайное» и «необходимое», «покой» и «движение» и т. п.), а о едином понятии, постольку такое конкретное понятие внутренне противоречиво, выступает как единство, синтез, тотальность взаимоисключающих определений.

Все изложенное убеждает нас в том, что всеобщим, универсальным законом природы, общества и мышления является закон тождества противоположностей. Формально-логические законы, как-то: тождества, противоречия и т. п. - не универсальны, они имеют смысл и значение только в определенных рамках. Противоречия в мысли - отражение объективного противоречия, а не произвол субъекта. При таком рассмотрении понятий формально-логическое отрицание противоречивости мысли имеет подчиненное значение. Если противоречие в мысли отражает объективное противоречие, то это не ее ошибка, а соответствие наших понятий реальной действительности.

Кто отрицает противоречие, тот отрицает принцип самодвижения. Противоречие в мысли существует в виде отрицания. Логическое отрицание имеет смысл лишь тогда, когда оно отражает противоречие действительности. Противоречивость является сущностью объективного мира и мысли. Значит, исследование противоречивости понятия - один из главных вопросов диалектической логики. Эта точка зрения выдвигается теми, кто признают существование и развитие диалектической логики в качестве высшей логики человеческого познания.

Противоречие в мысли выражает сущность действительного мира, находящегося в развитии: «... когда мы начинаем рассматривать вещи в их движении,

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29. С.231.

в их изменении, в их жизни, в их взаимном воздействии друг на друга», то «здесь мы сразу наталкиваемся на противоречия. Движение само есть противоречие; уже простое механическое перемещение может осуществляться лишь в силу того, что тело в один и тот же момент времени находится в данном месте и одновременно - в другом, что оно находится в одном и том же месте и не находится в нем. А постоянное возникновение и одновременное разрешение этого противоречия - и есть именно движение»¹.

Рассудочные категории в силу своей формальности, бессодержательности не могут отражать объективные, реальные противоречия. Метафизик, мыслящий посредством неподвижных рассудочных категорий, не способен уловить тождество противоположностей, понять диалектику вещей и процессов. Для него покой и движение - абсолютные противоположности, поэтому он не в состоянии перейти от идеи покоя к идее движения, ему преграждает путь указанное выше противоречие.

Противоречие - всеобщая форма действительности. Отрицание противоречия есть отрицание, искажение самой действительности, отрицание движения, связи нашей мысли с действительностью.

Диалектика мысли есть только отражение объективной диалектики. Причем она отражает ее не фотографически, не мертво, а специфично: «*Отражение природы в мысли человека надо понимать не „мертво“, не „абстрактно“, не без движения, не без противоречий, а в вечном процессе движения, возникновения противоречий и разрешения их*»². Но эта специфичность противоречий в мысли не говорит об их самостоятельности. Просто умом конструированные противоречия не имеют никакого значения, они справедливо отвергаются наукой и историческим развитием как произвольное творение ума.

В объективном мире мы имеем дело не только с противоречиями, но и с их разрешением. Недостаточно признать противоречие. Диалектиком является тот, кто признает и противоречия, и их разрешение, переход из одного

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.20. С.123.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29. С.177.

состояния в другое. В действительности противоречие не только существует, но постоянно находит свое разрешение: «...мы исходим из первого и наиболее простого отношения, которое исторически, фактически находится перед нами, следовательно, в данном случае из первого экономического отношения, которое мы находим. Это отношение мы анализируем. Уже самый факт, что это есть *отношение*, означает, что в нем есть две стороны, которые *относятся друг к другу*. Каждую из этих сторон мы рассматриваем отдельно; из этого вытекает характер их отношения друг к другу, их взаимодействие. При этом обнаруживаются противоречия, которые требуют разрешения. Но так как мы здесь рассматриваем не абстрактный процесс мышления, который происходит только в наших головах, а действительный процесс, некогда совершавшийся или все еще совершающийся, то и противоречия эти развиваются на практике и, вероятно, нашли свое разрешение. Мы проследим, каким образом они разрешались, и найдем, что это было достигнуто установлением нового отношения, две противоположные стороны которого нам надо будет развить»¹.

Признание противоречий без понимания их разрешения не есть диалектика в собственном смысле этого слова. До понятия противоречия, как мы отмечали, дошла элеатская школа, и тут прежде всего следует назвать Зенона. До признания неразрешимых противоречий дошел Кант в своих антиномиях. Концепция отрицательной, антиномичной диалектики была в свое время разработана также С. Кьеркегором и его учениками, однако Кьеркегор понимал диалектические противоречия только в форме негативного, парадокса и антиномии, которые неразрешимы в разумном мышлении.

Поскольку проблемы единства бытия и мышления, сущности человека, человеческого сознания и т. д., объявлялись неразрешимыми, постольку и диалектика этим философом интерпретируется как парадоксальная «логика»,

иррациональная мудрость, касающаяся субъективных переживаний человека или метафизических основ науки.

Отличие подлинной диалектики от словесной, формальной особенно разительно, когда мы обращаемся к современной софистике. В этом отношении характерна работа французского экзистенциалиста Мерло-Понти «Приключения диалектики», в которой отрицается диалектическое учение об отрицании отрицания.

Концепция неогегельянцев антидиалектична и механистична, потому что они сводят диалектические противоречия к антагонизму, принимающему форму противопоставления несводимых друг к другу сил. Гегель же, напротив, говорит о неполноте диалектики, не доходящей до разрешения противоречий, до отрицания старого диалектического единства противоположностей, их перехода к иному единству противоположностей.

Учение о разрешении противоречия у Гегеля является как раз выражением диалектического закона отрицания отрицания, рассматривается как дополнение и форма развития диалектического противоречия, закона единства и борьбы противоположностей.

Известно, что любое диалектическое противоречие предполагает наличие двух тенденций, двух сторон: положительной и отрицательной. Взаимопроникновение и борьба противоположностей есть взаимодействие этих двух сторон диалектического противоречия. А отрицание отрицания - синтез положительного содержания предшествующих ступеней, их снятие, превращение их в моменты, т. е. истинное диалектическое разрешение противоречия. Например, первоначальное количество выступает как отрицание качества. Дальнейшее развитие определения категории количества раскрывает качественную природу количества. Качество отрицает количество.

Гегель выражает это иначе: «...качество явило себя переходящим в количество. Количество, наоборот, есть в своей истине возвратившаяся в самое себя, небезразличная

внешность»¹. Что же достигается этой диалектикой двух категорий, их взаимными переходами: качества в количество и количества в качество? Достигается, отвечает Гегель, истинное и полное раскрытие содержания этих двух категорий, а вместе с тем и правильное, научное понимание соотношения качественной и количественной определенностей, их взаимосвязи в самой объективности и материальной природе, в вещах объективного материального мира.

Рассудок, который противопоставляет качественную определенность вещи количественной, не дает истинного понимания качества и количества, их связи, не дает целокупности понятия. Рассудок констатирует: «две тенденции», констатирует противоречие, и на этом дело заканчивается. Рассудок не доходит, в частности, до понимания того, что вещь есть, по выражению Гегеля, «качественно определенное количество» или «количественно определенное качество». Рассудок не постигает и понятия «меры», в которой воплощается единство количества и качества. Так, например, Кант, указывает Гегель, не дошел до формулирования категории «меры», «не мог найти третьей [категории] к качеству и количеству»².

Абстрактное противопоставление тождества различию и положительного отрицательному несостоятельно. Важно не только положительное, но и отрицательное, они не существуют отдельно. Раскрытие противоречия и пути его разрешения - главное в диалектической логике, которая ведет в этом вопросе борьбу на два фронта: против тех, кто отрицает противоречие в действительности, и против тех, кто признает существование противоречия в действительности, но отрицает противоречивость мыслей, отражающих реальное противоречие, ссылаясь на то, что наша мысль есть мысль о противоречии, поэтому сама она не должна быть противоречивой. Первая точка зрения выдвигается всеми метафизическими противниками

¹ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т.1. С.414.

² Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т.1. С.419.

диалектической, содержательной логики, вторая трактовка - некоторыми представителями формальной логики.

Обе точки зрения несостоятельны, так как теория конкретного понятия подтверждается историей познания и развитием современной науки. Бурное развитие современного естествознания предоставляет нам все больше и больше фактов, подтверждающих истинность категорий диалектической логики.

Замечательной иллюстрацией к сказанному может служить такое кардинальное понятие, как понятие производства и потребления.

Марксов анализ производства и потребления существенно отличается от метафизического противопоставления их друг другу экономистами, которые просто представляют производство исходным пунктом, потребление - конечным, а распределение и обмен - серединой. Отмечая это обстоятельство, К. Маркс писал: «Это, конечно, связь, но поверхностная». Маркс же раскрывает сущность, диалектику производства и потребления, его анализ производства и потребления не ограничивается абстрактным противопоставлением производства потреблению. Производство есть производство и в то же время - потребление и, наоборот. Потребление есть потребление, но вместе с тем и производство. Подобно тому, как в природе «потребление» (ассимиляция) химических веществ есть производство растения.

Производство и потребление диалектически взаимосвязаны: без производства нет потребления, без потребления нет производства. Производство делает возможным потребление, для которого оно создает материал, без чего у потребления отсутствовал бы объект. Однако потребление делает возможным производство, ибо только оно создает для продуктов субъект, для которого они и являются продуктами. Дом, в котором не живут, фактически не является домом. «Итак, производство есть непосредственно потребление, потребление есть непосредственно производство. Каждое непосредственно является своей противоположностью»¹.

¹ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т.1. С.717.

В дальнейшем ученый анализирует соотношение, диалектическую связь производства и потребления более детально. Потребление создает производство в таком смысле: а) только в потреблении продукт становится действительным продуктом; б) потребление создает потребность в новом производстве, оно идеальное начало, предпосылка производства; потребление полагает предмет производства идеально, как внутренний образ, как потребность, как побуждение и как цель. В свою очередь, производство дает предмет потребления, без предмета вообще нет потребления. Производство не только дает предмет потребления, но определяет также способ, характер потребления. Производство создает потребителя. Производство производит не только предмет потребления, но и субъект для предмета, как музыка воспитывает понимающее музыку ухо.

Итак, производство есть не только производство, оно есть также потребление; без потребления нет производства. Потребление есть потребление, но оно есть также производство; без производства нет потребления. В основе изложенных диалектических определений лежит закон единства противоположностей. Каждое из них - оно само и в то же время свое другое. Это конкретное понятие производства и потребления несовместимо с точки зрения формальной логики. На основе законов формальной логики можно сказать только следующее: производство есть производство, поэтому оно не есть потребление и, наоборот. Отсюда невозможно высказать положение: производство есть производство, оно же есть потребление. Сущность, диалектическая природа производства и потребления раскрывается только в диалектической логике, на основе всеобщего закона природы, общества и мысли, закона единства противоположностей.

На основе глубокого диалектического анализа Маркс следующим образом описывает природу производства и потребления: «Каждое из них есть не только непосредственно другое и не только опосредствует другое, но каждое из них, совершаясь, создает другое, создает себя как другое. Потребление прежде всего завершает акт

производства, заканчивая продукт как продукт, поглощая его, уничтожая его самостоятельно-вещную форму... С другой стороны, производство создает потребление, создавая определенный способ потребления и затем создавая побуждение к потреблению, самое способность потребления как потребность»¹.

Когда мы подчеркиваем идею неразрывной связи производства и потребления, то это не означает, что мы отождествляем производство и потребление. Подобным образом может подходить к вопросу только абстрактный рассудок. Так поступал, например, экономист Сэй, который отождествлял производство с потреблением. При этом Сэй упускал то важное обстоятельство, что и народ не употребляет свой продукт целиком, а создает и средства производства, основной капитал и т.д. Отсюда, когда мы говорим - производство есть потребление, то это не означает абстрактную тождественность производства и потребления, а в данном определении выражено единство противоположностей. Производство есть потребление и в то же время - есть производство; производство есть единство производства и потребления. В этом отношении потребление выступает как момент производства.

Великое значение принципа диалектического противоречия подтверждается историей развития как общественных, так и естественных наук. Все развитие современной науки, формирование научно-теоретического мышления свидетельствуют о его продуктивности в научном познании. Так, например, внимательный анализ метода, стиля мышления в развитых современных теориях (теория относительности, квантовая механика и др.) все больше убеждает в том, что их стиль мышления, методология совпадают с основными принципами диалектической логики, в которой фундаментальное значение имеет признание противоречия в формировании теоретического знания.

Диалектическое мышление, инвариантное закону тождества противоположностей, имеет универсальное значение в современном научно-теоретическом мышлении.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.12. С.719.

Если Гегель, Маркс и Ленин на основе закона единства противоположностей раскрыли внутренние связи, единство противоположностей таких логических категорий, как случайное и необходимое, положительное и отрицательное, всеобщее и единичное, и тем самым обосновали современное логическое мышление, то Эйнштейн и Бор сделали то же самое в области физического мышления. В теории относительности найдена глубокая связь между такими фундаментальными понятиями, как пространство и время, масса и энергия, относительное и абсолютное, что оказало радикальное влияние на всю культуру естественнонаучного мышления.

Таким образом, теория относительности есть физическая теория пространства и времени. Если Маркс разработал глубокие логические и методологические проблемы научного познания в ходе экономического анализа капитализма, то Эйнштейн, исходя из проблем электродинамики движущихся сред, создал теорию пространства и времени, которая лежит в основе всей современной физики. Правильно поэтому замечание Л.И. Мандельштама: «...вся теория Эйнштейна далеко вышла за рамки первоначальных задач».

Идея связи пространства и времени подтверждает то положение, что объективной истинностью прежде всего обладает целое, конкретное, которое является системой внутренне связанных отношений. Пространство и время - лишь моменты этого целого. Подобная трактовка истинна не только для теории относительности, но также для всякой истинной теории. Гегель неоднократно подчеркивал, что истина заключается не в общем, которое рассматривается в отрыве от особенного, а в их диалектическом единстве.

Подобно тому, как Гегель посредством закона единства противоположностей рассмотрел в единстве то, что до него мыслили раздельным, так и Эйнштейн, признав всеобщность и истинность преобразований Лоренца, рассматривает в единстве то, что полагалось раньше раздельным. Замечательным примером здесь является раскрытие синтетической природы пространства и времени, массы и энергии, относительного и абсолютного.

Как известно, о принципе относительности и о конечности скорости света знали задолго до Эйнштейна, но эти положения тогда считались несовместимыми (здесь видели противоречие). Заслуга Эйнштейна состоит в том, что он глубоко разрешил противоречия, открыв такое особое, при помощи которого выявил связь принципа относительности с постоянством скорости света, т. е. открыл относительность одновременности и ее роль в преобразованиях Лоренца.

Признание противоречия, анализ противоречивой ситуации имеет серьезное значение и в нерелятивистской квантовой механике, в которой исходным является корпускулярно-волновое понимание микроявлений. Все особенности микрообъекта возможно понять, исходя из корпускулярно-волновой природы микрообъекта. Однако в истории становления квантовой физики это понятие порождало различные трудности. В волнах Луи де Бройля отдельные физики видели нечто иррациональное. В современном теоретическом мышлении физика оно завоевало себе прочное место. При этом следует отметить, что термин *корпускулярно-волновой дуализм* нельзя признать удачным. В квантовой механике речь идет не о дуализме в философском понимании, а о корпускулярно-волновой природе *единого начала*.

В области квантовой механики достаточно распространены отдельные неточности терминологии, которые приводили к неправильному пониманию некоторых важнейших категорий, понятий в квантовой механике. Это прежде всего относится к принципу дополненности. При внимательном и глубоком исследовании в нем четко видны элементы диалектического понимания физических явлений. Здесь лишь терминологически неудачно высказана идея единства противоположностей. Подобно тому, как возможность кризиса, противоречий капитализма имеется в зародыше уже в товаре, так и соотношения неопределенностей, невозможность однозначной интерпретации содержится уже в двойственном характере самих микроявлений. В.А. Фок вполне определенно отмечает, что трудности в квантовой механике преодолимы, если

полностью признать двойственную корпускулярно-волновую природу электрона, выяснить сущность этого дуализма и понять, к чему относятся рассматриваемые в квантовой механике вероятности.

При всем своем значении принцип дополнительности, идея корпускулы и волны, являясь одной из форм диалектического рассмотрения физических явлений, не достигают более высоких форм диалектических идей. Для подлинной диалектики характерно не только признание, констатирование противоречия, но и, главным образом, разрешение его, прослеживание переходов «одного в другое», превращение противоположных определений друг в друга, в чем проявляется истинная суть, основное содержание диалектики.

Глава 5.

Понятие в диалектической логике.

В диалектической логике понятие трактуется как такая развитая форма мысли, в которой отражается сущность предметов и явлений. В этой связи возникает вполне реальный вопрос: что нужно понимать под сущностью? Этот вопрос вполне закономерен, ибо все зависит от понимания сущности. Если под сущностью понимать абстрактно-общий признак предметов, то по своей природе представление мало отличается от теоретического понятия. Поэтому очень часто в логике правило образования представления выдавалось за принципы формирования понятия.

В отличие от такого рассмотрения в диалектической логике исходят из вполне определенного и четкого понимания сущности. Здесь под сущностью предмета понимают не общий признак, а внутреннюю взаимосвязь, внутреннее взаимоотношение целого. Потому под понятием понимается не общее представление, а такая мысль, которая отражает то, что делает данное явление данным явлением.

Природа данного явления определяется сущностью. Она по своей природе не есть просто общее, а является такой особой формой, в которой объединены все другие определения предмета. Понятие есть та логическая форма, в которой теоретически воспроизводится это объективное конкретное. Его нельзя отождествлять с каким-либо эмпирическим признаком (наглядным носителем), оно существует только через связь, как единство многообразного.

В истории философии заслуга Платона и Аристотеля состоит в том, что они концентрировали свое внимание на природе целого, стремились выявить всеобщее определения предмета, хотя интерпретировали его идеалистически. При всех недостатках такая постановка проблемы имела громадное значение в истории познания, в развитии метода познания действительности, ибо она нацеливала познание

не на общее, не на субстрат, а ставила вопрос о всеобщих определениях целого.

На новом уровне проблему понятия, конкретности понятия разработал Гегель, который рассматривал понятие как единство многообразного, как конкретную тотальность определений. Гегелевская концепция понятия принципиально выходила за пределы традиционного представления о понятии, хотя первоначальные идеи, зародыш такого понимания содержится уже в кантовской трансцендентальной логике.

Согласно рассудочной логике, отмечал Гегель, «я обладаю понятиями точно так же, как я обладаю какими-либо внешними свойствами», всякое многообразие находится вне понятий, которым присуща лишь форма абстрактной всеобщности. Синтетическое суждение *apriori*, напротив, представляют собой форму конкретного, синтетического знания, в котором предпринята попытка рассмотреть многообразие в некотором единстве. «Этот первоначальный синтез апперцепции, - писал ученый, - есть один из глубочайших принципов спекулятивного изложения (*Entwicklug*), он содержит начало истинного понимания природы понятия...»¹.

Гегель, правда, трактовал понятие с позиции объективного идеализма. В его понимании синтетичность, конкретность являются внутренними определениями самого понятия, которые приобретены в ходе его саморазвития. Отсюда не реальность и тем более не эмпирическое многообразие является основой понятия, а само понятие, движение мысли порождают действительность, составляют животворную душу всего действительного мира.

В противоположность всякому идеализму – субъективному и объективному – в диалектико-материалистической логике принципиально признается конкретность, целостность объективной реальности. Не человеческий разум вносит в объективный материальный мир форму, идею, внутреннюю организованность, а сама материя формируется. Понятия же являются лишь отражением этой реальности.

¹ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т.3. М., 1972. С.23.

Конкретность понятия, мышления является только формой объективной конкретности и тотальности. Правда, объективная конкретность воспроизводится мышлением не сразу, а только в ходе диалектического движения мышления от абстрактного к конкретному. Внутренним стержнем такого теоретического движения является принцип противоречия.

Объективно-конкретное в действительности не существует наглядно, его невозможно свести к какой-нибудь эмпирической определенности. Конкретное поэтому есть форма взаимосвязи многообразного, их единство. Следовательно, конкретное выступает как закон этого многообразного. Конкретным понятием, отражающим это единство многообразного, может быть не слово, не термин, не общее представление, а такая мысль, в которой схватываются в синтезе многочисленные определения объективного конкретного.

Объективно-конкретное как единство многообразного – содержательно и противоречиво. Оно существует и может существовать только как противоречивое, как тождество противоположностей. Если объективно-конкретное есть связь, синтез противоположных определений предмета, то этот синтез возможен только через противоположность. Без противоположности нет единства, а без единства нет противоположности.

Что-либо можно рассматривать противоположным только в рамках какой-нибудь целостности. Абсолютно разные вещи, не имеющие ничего общего, не могут быть также противоположными и, наоборот. Абсолютно одинаковые вещи в свою очередь не могут быть единым и не образуют внутреннюю целостность. Так, например, никто не отрицает, что семья по своей природе целостна и конкретна. Она, как еще отмечал Ф. Энгельс, состоит из единства противоположностей. То же самое можно сказать о государстве. Любое общество и государство может существовать только тогда, когда в нем есть разделение труда. Только объединение этого различного дает общество, целостность, внутренние связи социальных явлений.

Конкретное понятие отражает конкретную действительность. Если объективная конкретность противоречива, то мышление, отражающее эту конкретность, тоже должно быть противоречивым. Дело в том, что конкретную действительность адекватно отражает не та мысль, в которой схватывается абстрактно-общее, какой либо признак предмета, а такая мысль, в которой охватывается именно форма связи, синтез многообразного.

Мысль способна познать синтез многообразного только в том случае, когда она сама есть синтез многочисленных определений. Внутренним стержнем такой синтетической мысли опять-таки является закон тождества противоположностей. На самом деле, то понятие, которое образовано посредством абстракции от особенного и специфического в предметах и явлениях, действительно исключает противоречие, ибо, обнаружив противоречие, оно старается дальше продолжить процесс абстрагирования и отвлечения. По другому дело обстоит с конкретным понятием. Самым первейшим условием его образования является не отвлечение от особенного и специфического, а стремление схватить через них то, что является их связью, конкретной тотальностью.

Такое понятие с самого начала является внутренне противоречивым. При этом такое противоречие существует не в разных отношениях, а в одних и тех же отношениях. Принципиальное допущение принципа противоречия является условием такого понятия. Если отрицать принцип противоречия в мышлении, то невозможно понять образование конкретного знания.

Если понятие определить как форму мысли, в которой отражается сущность, внутренние связи предмета, то обычные абстракции (термины) ни в коей мере не могут считаться понятием. Дело в том, что в этих абстракциях схватываются лишь отдельные стороны предмета. В диалектической логике четко доказано, что сущность не есть любое общее, а, следовательно, любая абстракция, в которой схватывается общее, не есть понятие. Понятие есть мысль, которая схватывает те связи, ту особую форму организации предмета, которая делает данный предмет

данным предметом. Сама связь не может существовать без того, что входит в связь. Поэтому такое понятие образуется не путем абстрагирования, а через синтез абстрактных определений предмета с его конкретными, т. е. через тождество противоположностей.

Каждая целостность и конкретность есть единство многих определений, многих связей. При анализе этих связей, сцеплений различного выявляются различные отношения и уровни. Рассмотрим два отношения. 1) Связи внутри целого имеют различный характер. Поэтому противоречие, составляющее сущность данного конкретного целого, также проявляется в различных формах: разность, различие, противоположность, противоречие. Если эти отношения связи выступают внутри одного и того же целого, то сами целостности выступают на различных уровнях. Например, механическая целостность, физическая и химическая, а далее органическая и социальная целостность. Хотя ни одна целостность не существует без принципа тождества противоположностей, все же в различных системах целостностей господствуют различные ступени диалектического принципа противоречия. Если в органических и социальных системах господствуют развитые ступени закона тождества противоположностей и поэтому в этих областях легко доказать универсальное значение данного закона, то в механической и физической системе господствуют менее развитые формы принципа противоречия. Поэтому иногда создается иллюзия, что в науках, изучающих эти системы, возможно обойтись без диалектического способа мышления.

Для научного познания и теоретического воспроизведения объекта наиболее существенное значение имеют не отдельные суждения, термины, выводы, а целостное теоретическое представление о действительности, т. е. конкретное понятие об объекте. Познать объективную материальную действительность – это, значит, действовать на нее и теоретически выразить объект в логике понятий.

Конкретное понятие – это, прежде всего та форма теоретической деятельности, в которой отражается объективная истина. По своей логической структуре оно

есть совокупность многочисленных определений, которые внутри себя расчленены и взаимосвязаны. Развитие теоретической деятельности, научного познания ставит перед логикой вполне определенные вопросы: какова внутренняя структура, имманентное содержание этих понятий и как они возникают? С какими специфическими теоретическими и логическими методами и законами соотнобразится наше теоретическое мышление при воспроизведении материального объекта?

Старая традиционная логика не могла ответить на эти вопросы, так как она не ставит вопроса о теоретическом, содержательном воспроизведении объекта. Поэтому она не рассматривала таких понятий, в форме которых выражаются всеобщие отношения, внутренние связи действительности. Формальная логика, как уже было отмечено, рассматривает различные формы мышления в отрыве от содержания, в ее рамках вполне возможно определить, что понятие отражает сущность, но сущность формальная логика понимает по-своему. Понятие она рассматривает как выражение общего, как содержание термина. Для формальной логики сущностью является то или иное свойство, существенно общее для данного класса явлений.

Но все дело в том, *что* подразумевается под существенным свойством предмета. Сказать, что сущность есть существенно общее для данного класса явлений, чрезвычайно обще, кроме того, подобная трактовка содержит ряд недостатков. Суть в том, что в таком случае сущность понимается не как внутренние связи, не как всеобщее основание, а выделяется путем эмпирического сравнения представителей данного класса явлений. Для выявления же такого общего не требуется никакого специфического логического метода, здесь можно обойтись эмпирическим сравнением, индукцией, эмпирическим анализом. Однако подобное рассмотрение вопроса постоянно упирается в серьезные трудности, свидетельствующие о недостаточности и ограниченности формальной логики.

Это можно проследить, например, анализируя понятие «человек». Если при анализе этого понятия ограничиваться требованием необходимости выделения существенно

общего средствами формальной логики, то в самом лучшем случае можно дойти до определения человека, как существа мыслящего. Действительно, способность к мысли есть самое общее и существенное свойство человеческого индивидуума. С точки зрения старой, эмпирической логики определение человека как существа, производящего орудие труда, недопустимо, так как для эмпирического обобщения посредством простого сравнения, индукции и эмпирического анализа определенность человека как производителя орудий труда не есть общая определенность человеческого рода, а является лишь особой формой жизнедеятельности людей, занятых в сфере материального производства.

Когда отдельные представители формальной логики в настоящее время ссылаются на марксовское определение человека как оправдание формально-логических принципов, то они допускают непоследовательность в своих суждениях. Некоторые из них спешат оговориться, что имеется в виду способность всех людей производить орудия труда. При этом они заменяют подлинно научное, содержательное определение Маркса ненаучным определением.

Диалектико-материалистическая логика рассматривает объект исследования как внутри себя связанное целое в его объективных связях и отношениях. С этой точки зрения для выработки научного понятия «человек» исследуется реальный субъект – общественные взаимоотношения людей. В результате *аналитической* деятельности выделяются такие отличительные черты человека, как его способность к труду, абстрактному мышлению, словесному общению, его общественность. Однако простое перечисление этих признаков не дает подлинной определенности человека, в лучшем случае оно будет эмпирическим описанием.

Подлинная определенность человека раскроется лишь в результате *теоретического* рассмотрения вопроса, когда мы из всех определенностей человека выделим такую его определенность, которая по своей природе является сущностью, основой всех иных определенностей человека. Такой определенностью является способность к производству орудий труда. Все другие способности

человека, как человека, зависят от его трудовой деятельности. Поэтому определение человека, как животного, производящего орудия труда и способного к абстрактному мышлению, с теоретической точки зрения несостоятельно, оно является эклектическим, так как эти признаки здесь лишь перечисляются посредством союза «и», но отсутствует выделение и познание связи этих определенностей.

Диалектическая логика имеет большое значение и применение, в частности, в биологии. Как известно, организм находится в неразрывной связи с окружающими внешними условиями. Но всякое условие среды не является необходимым для того или иного вида. Реакция организма на внешнюю среду определяется внутренней структурой данного организма. Организм есть по существу самовоспроизводящая система, которая постоянно вступает в обмен веществ со средой. Всеобщим условием существования органического является обмен веществ. Определенный вид есть определенный тип обмена веществ. Чтобы понять специфические особенности органического, например, природу раздражимости, размножения, наследственности, необходимо понимание природы обмена веществ – всеобщего условия, основания органического. Но в акте приспособления обмен веществ выступает как результат раздражимости, обмен веществ реализуется в акте раздражимости.

Здесь уместна аналогия с категорией товара в «Капитале» Маркса. Товар действительно является элементарной клеточкой капитализма, его всеобщим отношением. Дело в том, что все отношения при капитализме опосредствуются как товарные отношения. В другой общественной системе (например, в феодальной или рабовладельческой) товар является особым, конкретным отношением. Поэтому, если предметом исследования являются не капиталистические, а феодальные отношения, то мы не сможем понять феодальную общественно-экономическую формацию, исходя из категории товара. Напротив, в феодальных общественных отношениях сам товар нуждается в объяснении. Роль всеобщего начала товар выполняет лишь при капитализме,

т. е. товар является всеобщим условием капитализма. Но реально, фактически товар становится всеобщим условием лишь в результате капитализма, т. е. причина реализует себя лишь в действии, в результате действия.

Подобным образом обстоит дело и с обменом веществ в органических системах. Мы не поймем ни раздражимости, ни природы размножения, ни природы наследственности, предварительно не осмыслив природу обмена веществ. Спецификой органического и его всеобщим основанием является лишь обмен веществ. Как сама себя воспроизводящая система она постоянно превращает внешние условия во внутреннее условие своего существования. Вот почему обмен веществ является всеобщим условием биологического, спецификой биологического, через которое возможно понять все другие свойства органического.

В биологической системе имеет место специфический обмен веществ. Так, например, в неорганической природе (например, кристаллы) он вовсе не является необходимым, внутренним условием. Специфика биологического состоит в том, что обмен веществ является для него внутренним, всеобщим, необходимым условием существования.

Возвращаясь к понятию человека, употребление орудий труда, например, палки наблюдается порой и у животных (обезьяны), но это не специфично для их деятельности, а носит как бы случайный внешний характер. Производство орудий труда является всеобщим условием для человека, так как оно субстанционально вытекает из условий социальной жизни.

Таким образом, для выработки понятия о предмете, для выражения его закономерных связей, предмет прежде всего должен быть рассмотрен целостно, конкретно. Чтобы понять предмет нужно исследовать не просто его части, не ограничиваться количественно-общим данной группы, класса явлений, а надо рассматривать его прежде всего целостно. В объективной действительности каждая группа явлений имеет специфические, внутренне присущие ей закономерности. Поэтому для понимания каждой определенной системы следует отделить ее от всякой

другой системы, поскольку относительно каждой реальной, целостной системы имеет место множество внешних для нее связей, по существу не являющимися внутренними условиями ее существования.

В процессе выделения такой целостной системы возникают, однако, известные трудности. Дело в том, что целое, конкретное воспроизводится мышлением, логически усваивается лишь в результате познания. Поэтому оно выступает как результат определенной мыслительной, познавательной деятельности. Гегель впал в иллюзию, по выражению Маркса, когда считал, что конкретное целое находится объективно, реально, вследствие чего оно нам дано сначала в чувственном созерцании. Но первоначально целое выступает как нерасчлененное и хаотическое целое. Таким образом, до конкретного, целостного понимания объекта в мышлении мы должны иметь представление о целом.

Следовательно, целое как реальное целое уже выделяется в представлении, а затем происходит анализ этого целого и воспроизведение его в логике мышления.

Формальная логика не ставит перед собой такой задачи. Согласно традиционной логике, для выработки понятия необходимо выделить путем анализа и обобщения то общее, которое присуще данному классу явлений. Для формальной логики понятие есть отражение только количественно-общего данной совокупности явлений.

Согласно же диалектической логике понятие выражает не количественно-общее, а *всеобщее*, которое принципиально невозможно выработать посредством индукции и сравнения. Такое конкретно-всеобщее можно выработать только тогда и в том случае, когда объект рассматривается как конкретная, внутренне связанная система, причем происходит отвлечение от привходящих, внешних сторон предмета.

Но при этом возникает вопрос: каким образом происходит выделение такого целостного объекта? Не кажется ли справедливым, что целое нам дано уже в чувственном созерцании?

Действительно, в своем исследовании Маркс начинает с целостного рассмотрения предмета. Но это целое не есть результат теоретического познания, оно есть результат практического выделения предмета. Практика выступает здесь как исходный пункт выделения исследуемого целостного объекта. Чтобы определить, например, что такое стакан, мы должны на основе практики определить, для чего данный предмет нам нужен. Когда предмет определен таким образом, мы имеем определенное представление о целом, которое обусловлено от других целых и, кроме того, отделено от всех привходящих, внешних условий.

Данная логика действует в любой теоретической деятельности: и в создании теории относительности, в обосновании понятия человека, понятия вида и т.д.

Таким образом, чтобы вскрыть всеобщее, внутреннее предметов и явлений, предмет должен быть рассмотрен целостно. Основой выделения целостного объекта является практика.

По существу, познание, теоретическое воспроизведение предмета начинается тогда, когда предмет выделен как целостный объект. Эмпиризм не видит роли практики, в процессе которой активно выделяется объект, а ограничивается познанием окружающей действительности, данной в чувственном опыте.

Прежняя философия не могла объяснить, каким образом происходит первоначальное выделение целого, т. е. того целого с которого начинается теоретическое воспроизведение предмета, которое по своей природе является чувственным и имеет понятийную форму. Здесь возникает проблема: если по своей характеристике первоначальное целое, подвергаемое анализу, является чувственным, то каким образом в логическое познание предмета привносятся нелогические моменты? И другой вопрос. Если первоначальное целое с самого начала является понятием, то выходит, что понятие предмета мы уже имеем, а дальнейшее развитие мысли по существу есть топтание на месте.

Все эти трудности успешно разрешаются, «снимаются» в диалектической логике. Дело в том, что, согласно

содержательной логике, основой выделения целого является практическая деятельность людей, которая имеет не только характер теоретической всеобщности, но и непосредственной действительности.

Вэтомвопросеимеетсядвааспекта:выделениецелостного объекта происходит в общественной сфере и в развитии. Эту мысль рационально развил Маркс в «Капитале» в связи с понятием стоимости. Он отмечал, что еще Аристотелю было известно, что между товарами есть нечто общее. Но греческий философ не мог выработать понятия стоимости, так как неразвитость человеческого труда в то время обуславливала неразвитость их связей. Аристотель как представитель рабовладельческого общества не мог сделать вывод о равенстве всех видов труда. Впоследствии же идея равенства всех видов труда приобретает в общественной сфере прочность предрассудка. Это одна сторона вопроса.

Другая сторона состоит в том, что эмпирическая стадия развития науки и познания подготавливает выделение первоначального абстрактного общего. Традиционная логика на основе сравнения, индукции и т. д. уже выработала и выделила представление о человеке вообще, она даже указала существенные признаки человека. Заслуга диалектической логики заключается в том, что она, посредством нового методологического подхода, открыла *всеобщее* в человеке, образовала подлинно научное понятие человека. Всеобщее отношение человека не есть абстрактно-общее, а такое всеобщее, от которого зависят все другие человеческие отношения.

В конкретном понятии общее и единичное находятся в диалектическом единстве. Следует отметить, что данное определение является важным диалектическим основанием.

Абстрактно-общее формальной логики образуется посредством отбрасывания особенного и единичного в предметах и явлениях. Поэтому в аристотелевской логике действует закон обратного отношения объема и содержания, имеет место абстрактное противопоставление общего особенному и единичному. Притом, общее, особенное и единичное рассматривается ею как различные виды понятий. В отличие от абстрактно-общего понятия конкретно-

всеобщее не абстрактно противопоставляется единичному и особенному, а является *сущностью* последнего. Оно образуется не путем отбрасывания единичного и особенного, а посредством раскрытия их сущности.

С точки зрения диалектической логики общее, особенное и единичное представляют собой единое понятие. Как причинность и следствие выступают в качестве аспектов одного и того же понятия, так и общее, особенное и единичное суть моменты конкретного всеобщего. Конкретное понятие не есть просто общее, противостоящее единичному и особенному, голая и абстрактная общность, а такое всеобщее, которое в самом себе, в своем развитии содержит свое другое, т. е. единичное и особенное.

В связи с этим возникает вопрос, действительно ли «все» богатство единичного и особенного воплощается в конкретном понятии. Этот вопрос возникает оттого, что упускается из виду понятие «богатство» предмета. Между тем, конкретное рассмотрение снимает метафизическое противопоставление «все» или «не все». Конкретное понятие постольку выражает «все богатство», поскольку оно выражает сущность предмета.

Понимание различия общего и истинно всеобщего Гегель находит еще в «Общественном договоре» Руссо. Там говорится, что «законы государства должны иметь своим источником всеобщую волю (*Volent' e generale*'), но они вовсе не обязательно должны быть потому волей всех (*Volent' e de tous*)»¹. Действительно, воля всех есть абстрактно-общее, количественно общее, в котором еще отсутствует истинная всеобщность в смысле закона. Всеобщая же воля, истинно всеобщее не является количественным, она выражает *закон* единичностей, берет общее и единичное в диалектическом единстве.

Диалектико-материалистическая логическая концепция о конкретном понятии как единстве общего, особенного и единичного существенно отличается от гегелевского понимания данного вопроса. Как неоднократно отмечалось выше, для гегелевской логики характерна идея саморазвития мысли (понятие «в своем развитии» переходит в особенное

¹ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. М., 1974. С.347.

и единичное) совершенно чуждая материалистической логике. В диалектико-материалистической логике понятие трактуется как «не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней». Здесь особенное и единичное содержится вовсе не в понятии, как это казалось Гегелю, а в тех реальных отношениях, которые объективно являются всеобщими отношениями объекта, из которых вытекает и объясняется природа конкретного.

В «Капитале» Маркс подвергает глубочайшему анализу не понятие товара, не из него выводится все богатство и определенности капитализма, а анализируется «самое массовидное», миллиарды раз встречающееся отношение реального буржуазного общества. Таким отношением является обмен товаров. Товарное отношение не только понятие, оно есть объективно реальное отношение, всеобщее условие капитализма. Товар исторически существовал раньше капитализма, но он становится всеобщим отношением лишь при капитализме, когда и рабочая сила становится товаром. Вот почему Маркс начинает анализ капитализма с анализа товара, который является «клеточкой» капитализма, и обнаруживает, раскрывает в этой простейшей конкретности противоречия капитализма. «Анализ вскрывает, - пишет В.И. Ленин, - в этом простейшем явлении (в этой «клеточке» буржуазного общества) *все* противоречия (*respective*) зародыши всех противоречий современного общества. Дальнейшее изложение показывает нам развитие (и рост, и движение) этих противоречий и этого общества в его отдельных частях, от его начала до его конца»¹.

В данном случае товар выступает не как эмпирическое общее, а как сущность, всеобщее в данной действительности. Воспроизводя себя, данное отношение должно воспроизводить все другие отношения в данной системе. Поэтому теоретическое выражение его является теперь не общим представлением, не абстрактно-общим, а конкретным понятием диалектической логики.

Диалектическое конкретно-всеобщее понятие является мысленным воспроизведением, логическим усвоением

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29. С.318.

взаимоотношения вещей и явлений. В объективной действительности сущность, закономерность явлений реализуется в особенном и единичном, так, например, биологический вид как общность реализуется в составляющих его индивидах, человеческое общество проявляется в единичном и особенном, а вне их не существует.

В объективном материальном мире мы имеем систему внутренне взаимосвязанных связей и отношений. При этом каждая система связей образует определенное целое, в котором есть особенное, выполняющее в этой системе функцию всеобщего отношения. Таким образом, в свою очередь, особенное и единичное в их совокупности и взаимосвязи образуют «истинную общность», отличную от других общностей. Поэтому сущность, закономерные связи явлений, возможно раскрыть не посредством отвлечения от особенного и единичного, а лишь посредством глубокого анализа сущности особенного и единичного. «Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее и т. д.»¹.

Диалектико-материалистическое понимание конкретного понятия в самой объективной реальности прослеживает, раскрывает переход всеобщего в особенное и, наоборот. Так как всякое объективное реальное явление находится в состоянии постоянного развития, то несомненно существует переход особенного во всеобщее и, наоборот. Например, товар является всеобщим условием капитализма, но он не был таким в докапиталистических общественно-экономических формациях, там он был лишь особым отношением. Так же обстоит дело при социалистических системах, где товарные отношения имеют место, не являясь, однако всеобщим отношением.

В данном вопросе особенно отчетливо выступает отличие логики диалектической от всякой недиалектической логики. Диалектическая логика, прежде всего, ставит вопрос, как

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29. С.318.

выразить теоретически, в понятии всеобщее отношение действительности и его связь с другими отношениями. В основную задачу диалектической логики входит проблема воспроизведения закономерности конкретного, целостного, внутренне расчлененного объекта в логике научно-теоретического познания. Поэтому она применяет специфические методы и законы мышления. Но в данном случае категории уже не продукты нашего мышления, мы только правильно воспроизводим их, т. е. имеем цельное, научное знание о них.

Истинно всеобщее понятие образуется в результате научного анализа объективной действительности и в познании внутренних связей аналитически выделенных определенностей. Характерной особенностью конкретного понятия является то, что оно не просто, не метафизически отрицает единичное и особенное, а отрицает и отличает их от самого себя лишь для того, чтобы объединиться. Конкретное всеобщее есть отрицание отрицания. В этой форме разрешаются противоположности. Без разрешения противоположностей нет диалектики в собственном смысле этого слова, а есть только голая рассудочная антиномия.

Отрицание присуще и абстрактному понятию, так как оно образуется путем отбрасывания особенностей конкретного. Характеризуя сущность отличия истинно всеобщего от абстрактного понятия, В.И. Ленин писал: «Надо уметь найти в каждый особый момент то особое звено цепи, за которое надо всеми силами ухватиться, чтобы удержать всю цепь и подготовить прочно переход к следующему звену, причем порядок звеньев, их форма, их сцепление, их отличие друг от друга в исторической цепи событий не так просты и не так глупы, как в обыкновенной, кузнецом сделанной цепи»¹.

Основное звено в данном случае является сущностью процесса, оно зависит от характера явления в целом. Общественное явление, как и всякое явление, не стоит на одном месте. Познание основного звена возможно лишь в неразрывной связи с явлением в целом, так как вне его оно не существует. Логическое содержание основного звена суть всеобщее, которое содержит в себе единичное и особенное.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.36. С.205.

Основное звено является таковым постольку, поскольку оно связано со всеми другими и определяет все другие. Вне этой связи оно было бы простым звеном, которых много во всяком явлении.

Глава 6. Идея¹

Категория «идея» является сложной и развитой формой логического мышления, в форме которой разрешается напряженное противоречие действительности и познания. Она тесно связана с жизнью, имеет фундаментальное значение как в научно-теоретическом познании, так и в художественном творчестве, что обуславливает необходимость исследования логической природы идеи, путем раскрытия ее сущности, способов и этапов ее формирования в процессе развития философии и научного познания.

Впервые глубокое учение об идее было разработано в философии Платона. Понятие идеи греческим философом исследуется как попытка разрешения тех проблем и трудностей, которые возникли в развитии современной ему философской мысли.

Все предшественники Платона пытались осмыслить предмет, целое на основе тех или иных элементов, конкретных вещественных начал, что сопровождалось возникновением определенных противоречий. Дело в том, что в мире существует множество качественно-определенных предметов, видов, не сводимых друг к другу, если же все предметы и вещи состоят из одних и тех же элементов, как это представляли предшественники Платона, то становится непонятным существование родов, видов и т. п.

Решая эту проблему, Платон разработал оригинальное учение об идее. По мнению греческого философа, сущность, целое, вид ни в коей мере не сводятся к простой взаимосвязи и совокупности элементов. В силу этого, для объяснения целостности вида необходимо выдвинуть некоторое идеальное целое, всеобщее, которое делает данный предмет данным предметом. При этом идея, всеобщее в понимании Платона существуют объективно, сами по себе, являясь в то же время сверхчувственными, безусловными сущностями.

¹ Написана совместно с Ергалиевым И.Е.

Задача философии, по мнению ученого, состоит в познании идеи, этих объективно существующих сущностей.

После Платона глубокое учение об идее было разработано Кантом. Если в Новое время в философии Бэкона и Локка, а также французских материалистов, идея трактовалась как общее представление, абстрактно-общее, то заслуга немецкого философа состоит в том, что он пытался проанализировать идею как понятие разума, стремился вернуть этому кардинальному понятию его глубокое, категориальное содержание.

Кант делил человеческую способность познания на чувственность, рассудок и разум. Если рассудок осуществляет свою деятельность посредством логических категорий, формирующих опыт и выступающих всеобщим условием научно-теоретического познания, то разум действует с помощью идей, пытается охватить всеобщее, безусловное и бесконечное. В своем стремлении охватить целое, абсолютную целостность, по Канту, разум выходит за пределы любого объекта и, тем самым, теряет реальную почву, порождая только паралогизмы и антиномии, хотя его действие не бессмысленно, ибо разум дополняет рассудок, является неотъемлемым стремлением человеческого духа. Однако в философии кенигсбергского мыслителя разум, разумное и идея в целом трактуются в плане субъективной деятельности мышления, оторванной от объективного.

В исследовании категории идеи крупный шаг вперед сделал Гегель. Он не согласился с кантовской трактовкой идеи как субъективной деятельности, как только способности познания, согласно ученому, кантовское толкование не соответствует истине, подлинному пониманию идеи. По мнению Гегеля, истинное понимание идеи возможно только на основе *принципа тождества бытия и мышления*, объективного и субъективного. Идея - не только способность человека к осмыслению объективного, но и *всеобщее условие* самого действительного, так как истинной действительностью обладает вовсе не непосредственное, не имеющее в себе условий своего бытия, а то, что формирует его содержание.

Мыслитель отказывает кантовской концепции в состоятельности на том основании, что если разум, идея - это только субъективная деятельность, то в качестве истины станут выступать эмпирические реальности, чувственные вещи, которые сами обладают объективным и действительным существованием только потому, что к ним присоединяется деятельность понятия, мысли. Следовательно, случайное, чувственное существование - не автономная реальность, не истинная конкретность, а, по существу своему, псевдоконкретность. Их действительное бытие не в них самих, а в их понятии, идее, которые формируют их, придают им целостность и истинную объективность.

Заблуждение Канта Гегель видит в том, что, правильно определив разум как высшую человеческую способность, кенигсбергский мыслитель в то же время пытался доказать неистинность его только на том основании, что ему не соответствует чувственный опыт. Гегель не устраивало, что кантовская философия признает отношение мышления к чувственному существованию только как релятивное отношение. Поэтому кантовская философия, по Гегелю, «признала *истиной* то, что сама объявила конечным познанием, а то, что она *признала истиной* и определенное понятие чего она установила, объявила чем-то непомерным, недозволительным и пустым порождением мысли»¹.

Будучи объективным идеалистом, Гегель критиковал Канта за то, что у него категории сами по себе не дают синтетического знания, а достигают его лишь в соединении с чувственными данными. Неполнота мыслей, понятий, по Гегелю, заключается не в том, что они лишены чувственной реальности, а в том, что понятия еще не сообщили себе из них же самих порожденной реальности. С точки зрения ученого, содержанием мысли является сама мысль. Поскольку понятие есть некоторый синтез, оно и имеет определенность и различие внутри самого себя. «Поскольку эта определенность есть определенность понятия и тем самым *абсолютная определенность, единичность*, понятие

¹ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т.3. М., 1972. С.26

есть основание и источник всякой конечной определенности и всякого многообразия»¹.

Истинность идеи, по Гегелю, состоит не в том, что она должна соответствовать чувственному многообразию, объекту, а в том, что она должна соответствовать себе, именно своему понятию. Он убежден, что когда речь идет о разуме, об идее, то надо иметь в виду не только человеческую субъективную способность, но и то, что есть одновременно объективное, корень всякой объективности. Стало быть, здесь налицо еще одно значение гегелевской формулы «все действительное разумно, все разумное действительно». На самом деле, если под действительностью понимать не случайное существование, а необходимость, то в действительности есть разум, она сама есть разум. И наоборот, разумное не есть просто субъективное, а есть реальное, истинно-действительное. Таким образом, в гегелевской философии было разработано глубокое, оригинальное учение об идее как единстве понятия и реальности.

Своеобразие идеи, по Гегелю, заключается, прежде всего, в том, что она не есть субъективное представление, а является целостным, внутренне расчлененным объективным понятием, выступающим *всеобщей субстанцией* всего действительного. Все в мире, по мнению философа, существует, имеет действительное содержание и сущность постольку, поскольку имеет свою идею, причастно к идее. Гегель - идеалист и поэтому трактует идею также как самодвижение, творческое начало, *субъект* всей реальности.

Все существующее, по мнению немецкого философа, есть результат деятельного порождения духом, абсолютной идеей самой себя и своего инобытия, предмета и снятия последнего в процессе самодвижения. В его понимании идея есть подлинный субъект, субъект-объект всей конкретной действительности. Однако нельзя упускать из виду то обстоятельство, что, когда философ определяет идею как единство понятия и реальности, то он не видит в подобной трактовке нейтрализации понятия и реальности, когда каждая сторона теряет свою специфику, своеобразие

¹ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т.3. С.23.

и притупляет друг о друга свои противоположности. Напротив, по мнению мыслителя, в данном случае налицо качественно новое образование, которое по своему содержанию принципиально не схоже с такой ситуацией, когда «едкий калий и кислота нейтрализуют друг друга в соли»¹.

Стороны этого единства, по Гегелю, не равноценны. «В нашем единстве понятие, напротив, остается господствующим, - пишет философ. - Ибо в себе согласно своей собственной природе оно уже до этого соединения есть указанное тождество, и оно поэтому порождает из самого себя реальность как свою реальность, а так как последняя есть его собственное саморазвитие, то оно ни от чего своего не отказывается, а находит в ней реализованным лишь само себя, понятие, и поэтому остается в своей объективности в единстве с собою. Такое единство понятия и реальности есть абстрактная дефиниция идеи»².

В гегелевской трактовке идеи, таким образом, первенство принадлежит понятию, а реальность выступает как превращенная форма. Последняя не является чем-то самостоятельным, а рассматривается как то, что положено понятием, которое в процессе своего саморазвития порождает свою положенную реальность. Только синтез понятия и реальности образует идею. Если понятие, по Гегелю, есть такая мысль, которая еще «в-себе», в возможности, то есть еще не реализовало свои определенности, то «идея» выступает как «для-себя-бытие» понятия, его зрелость, положенность, единство себя и своего другого.

Философ не ограничивался утверждением, что мысль, понятие порождает реальность, а пытался проследить, раскрыть механизм, внутреннюю связь этого процесса. При этом он обращается к категории труда, предметной деятельности как к важному моменту, опосредствующему звену в творческом порождении понятием, идеей чувственной реальности. Мыслитель глубоко понимал, что саморазвитие, самопознание идеи, духа «для-самого-себя» не совершается на почве чистой идеальной деятельности;

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения: В 14 т. М.-Л., 1929-1959. Т. XII. С. 110.

² Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т. XII. С. 110.

для действительного совершения творческого процесса идея, дух должны выставлять себя в качестве объекта, иметь дело с чувственными вещами, и только в процессе этой деятельности они возникают для самих себя в обновленном виде. Поэтому порождение идей, духом объекта, формирование объекта в процессе деятельности рассматривается как объективная необходимость.

При обосновании этого активного порождения субъектом, идеей, духом объекта Гегель широко опирается на категорию отчуждения, глубоко разработанную в его «Феноменологии духа». При помощи этой категории он пытается обосновать свою идеалистическую концепцию порождения мыслью, идеей своей противоположности, объекта, и сознание того, что вещи, природа не есть просто чужое, другое, а есть свое другое, отчуждение идеи.

Мыслитель, как было сказано, придавал огромное значение категории труда, практической деятельности как важного звена в процессе самопорождения идеи, духа. Прежде чем рассмотреть самого себя, «дух» должен, по Гегелю, «утратить свою незапятнанную «веществом чувственности» чистоту и прозрачность, должен сам себя превратить в предмет и в виде этого предмета противопоставить самого себя - самому себе. Вначале хотя бы в виде слова, в виде словесно-вербального «воплощения», а затем и в виде орудий труда, и статуй, и машин, и пушек, и храмов, и фабрик, и конституций, и государств, в виде грандиозного «неорганического тела человека», чувственно воспринимаемого тела цивилизации, которое для него и служит лишь зеркалом и в котором он может рассматривать сам себя, свое «инобытие», постигая в этом рассматривании свою собственную «чистую идеальность», понимая самого себя как «чистую деятельность»¹.

Хотя Гегель, рассмотрев связь мышления, идеи с чувственно-предметными, материальными вещами и их системой, несомненно, глубоко понял эти категории, тем не менее, их действительные взаимоотношения он ложно интерпретировал и идеалистически извратил. Признавая

¹ Ильенков Э.В. Проблема идеального // Вопросы философии. 1979. № 7. С.149.

действительное, реальное существование мышления, идеи только в их материальных воплощениях, он в то же время субстанцией, истинным субъектом всего исторического процесса рассматривает идею, дух. Поэтому в гегелевской философии проблема диалектики понятия и предмета ставится и решается узко и односторонне.

Во-первых, он рассматривает эту проблему в плане соответствия идеи самой себе. Гегель убежден, что Кант в своей философии не поднялся до понимания этой мысли, ибо видел недостаток разума в том, что ему не соответствует опыт, объект. В действительности, полагает философ, истина состоит не в том, что понятие должно соответствовать объекту, предмету, нет, по Гегелю, именно соответствие идеи своему понятию есть истина, объективная истина. Во-вторых, он исследует эту проблему в аспекте соответствия предмета своему понятию. Такие социальные реальности, как государство, человек, истинны, по мнению философа, в той мере, в какой они соответствуют своему понятию, которое, по существу, является носителем целостности, видового бытия предмета. «А если бы какой-нибудь предмет, - писал он, - например государство, вовсе не соответствовал своей идее, т. е., вернее, если бы оно *вовсе* не было идеей государства, если бы его реальность... совершенно не соответствовала понятию, то это означало бы, что отделились друг от друга его душа и его тело»¹.

Важнейшая отличительная черта идеи, как ее понимал Гегель, состоит в том, что в понятии схвачен только момент тождества, единства, и поэтому различие, многообразие здесь не дано, теоретически не постигнуто. Понятие еще не смогло развить и не успело расчленить свои определенности. «Но понятие в такой мере представляет собой абсолютное единство своих определенностей, что от последних, взятых самих по себе, ничего не остается, и они не могут отчуждаться, чтобы получить самостоятельное, отдельное существование, вследствие чего они выступили бы из своего единства. Благодаря этому

¹ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т.3. С.212.

понятие содержит в себе все свои определенности в форме этого своего *идеализированного* единства и всеобщности, составляющих его *субъективность* в отличие от реального и объективности»¹.

Таким образом, в гегелевской трактовке, понятие схватывает только момент единства, всеобщности; оно еще не развернуто, не развито во всем объеме. Идея же является более высокой ступенью в развитии мысли, она не только схватывает момент единства, всеобщности, но также постигает единство понятия с реальностью. Поэтому идея выступает как нечто целостное, систематическое, развитое. Идея, подчеркивал Гегель, «всцело конкретна внутри себя; она представляет собою целостность определений и прекрасна лишь как непосредственная единая с соразмерной ей объективностью»².

В обосновании логической природы категории «идея» Гегель в целом продолжил лучшие философские традиции. В его учении об идее глубоко продуманы и переосмыслены как ценные мысли Платона, так и положения Канта о разуме, «о первоначальном единстве апперцепции» и «о рефлектирующей способности суждения».

Гегелевское понимание идеи как целостности, всеобщности, несомненно, связано с платоновским учением об эйдосе, хотя и существенно от него отличается. Ибо в гегелевском понимании идея не просто объективно-всеобщее; здесь раскрывается также ее развитие, расчлененность и системность. Немецкий философ, продолжая платоновскую традицию, по-своему обосновывает логическую природу идеи, ее понятия. Он высоко оценивает Платона за то, что он понимает под идеей некое всеобщее, целостность и т. п. Но тут же эту мысль всесторонне развивает, используя все преимущества диалектико-логического метода. Идея у Гегеля выступает не просто абстрактно-всеобщим, она функционирует как целостность, тотальность, ставшая в результате развития, начиная с категории бытия и кончая абсолютной идеей. Идея становится конкретным, только

¹ Гегель Г.В.Ф. Т. XII. С. 112.

² Гегель Г.В.Ф. Т. XII. С. 110.

пройдя все ступени своего саморазвития. Внутренней логикой этого процесса является метод восхождения от абстрактного к конкретному.

Гегелевское учение об идее, абсолютной идее придает огромное значение методу, который трактуется им как *внутренний ритм*, способ формирования идеи. В силу этого, по его мнению, невозможно рассматривать метод только как способ или вид познания, так как при такой характеристике он выступает как нечто внешнее и случайное по отношению к содержанию и истине. Кроме того, такое понимание противоречит как истории познания, так и процессу логического развертывания мысли в логике.

Гегель глубоко и последовательно проводил ту мысль, что метод есть «душа», имманентный способ движения идеи. Поэтому он выступает как высшая, единственная и абсолютная сила разума в познании предмета и самого себя. При этом надо иметь в виду, что идея есть все, и что ее движение есть всеобщая абсолютная деятельность, которой никакой объект не в состоянии оказать сопротивления. «Метод есть поэтому *душа и субстанция*, - пишет мыслитель, - и нечто постигнуто в понятии и познано в своей истине лишь тогда, когда *оно полностью подчинено методу*; он собственный метод любого дела, как такового, ибо его деятельность заключается в понятии. В этом состоит более истинный *смысл всеобщности* метода...»¹.

С первого взгляда, по Гегелю, метод можно представлять как то, что стоит на стороне субъекта. В истинном же рассмотрении он выступает как внутренняя форма, в себе и для себя определенность идеи. В процессе развертывания метода восхождения от абстрактного к конкретному как аналитические, так и синтетические способы познания предмета содержатся как моменты этого диалектического познания, которое возникает из потребности, с одной стороны, рассматривать предмет, вещи сами по себе, а с другой - целостно, конкретно познать абсолютное на основе его имманентных определений. При этом философ глубоко проанализировал такие важнейшие моменты спекулятивного

¹ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т.3. С.291.

метода, как начало восхождения, диалектическое движение и отрицательность как форму самодвижения.

В процессе такого диалектического движения, по Гегелю, идея становится все более содержательной, так как она имеет своим содержанием себя как бесконечную форму, которая противостоит содержанию постольку, поскольку оно снято формой; движение формы, развертывание содержания выступает как подлинное, истинное развертывание содержания. «В абсолютном методе понятие *сохраняется* в своем инобытии, всеобщее - в своем обособлении, суждении и реальности; на каждой ступени дальнейшего определения всеобщее возвышает всю массу своего предыдущего содержания и не только ничего не теряет от своего диалектического движения вперед, не только ничего не оставляет позади себя, но несет с собой все приобретенное и обогащается и сгущается внутри себя»¹.

Целостность, внутренняя конкретность, системность идеи, абсолютной идеи, по убеждению Гегеля, реально осуществляется только в результате спекулятивного метода, являющегося лишь формой развертывания содержания. «*Определенность* идеи и все развертывание этой определенности и составили науку логики, - писал он. - Из этого развертывания сама абсолютная идея возникла *для себя*»².

В понимании природы метода, разумеется, существенно отразился гегелевский идеализм, идеалистическое извращение, ибо он трактовал метод восхождения не как способ освоения объективного, а как способ *возникновения* объективного конкретного. Однако не следует забывать, что именно благодаря этому логическому методу, ученый добился крупного успеха в понимании природы мышления, понятия, идеи.

В гегелевской философии существенно переработаны также кантовские учения о категории и идее, о рассудке и разуме. Вообще, гегелевское деление на рассудок и разум имеет совершенно иной, чем у Канта смысл. В его понимании все категории, рассматриваемые диалектически, внутренне

¹ Там же. С.306-307.

² Там же. С. 290.

разумны, выступают моментами, ступенями в процессе саморазвития абсолютной идеи, которая является высшей категорией логической системы, ибо она есть единство многообразного, система взаимосвязанных определений. Иными словами, вся система есть определение, обозначение идеи, изображение ступеней ее развития. Поэтому начать логику, по Гегелю, невозможно просто с абсолютной идеи, потому что тогда ее содержание, логический смысл были бы не больше, чем бытие, самая абстрактная мысль его системы. Только благодаря всему пройденному пути, идея становится конкретным, абсолютно конкретным.

Таким образом, идея в понимании мыслителя - конкретно-всеобщее, чистая сущность, целостность, которая реально существует только как система, как внутренне расчлененное формообразование, законом которого является принцип тождества противоположностей. Категории - это ступени, универсальные определенности абсолютной идеи. Логика есть учение об абсолютной идее, то есть учение о системе чистых сущностей, которые в их целостности, тотальности, внутренней закономерной связи являются сущностью всей эмпирической действительности.

В гегелевской философии, как видим, дано понятие идеи как системы чистых сущностей, в форме которых постигается понятие абсолютного, являющегося предметом всякой философии. «Когда речь идет о философии вообще, - писал Гегель, - она не может идти [лишь] о моей философии, *всякая философия есть постижение абсолютного*, а тем самым не чего-то чужого, и, стало быть, постижение абсолютного есть его самопостижение»¹.

Правда, вся прежняя философия пыталась, по мнению философа, постигнуть абсолютное, но не смогла его познать, схватывала только стороны и его аспекты. Понятие абсолютного было постигнуто только в философии Шеллинга, который пытался определить его как тождество бытия и мышления, объективного и субъективного. В таком понимании, по Гегелю, безусловно, содержалась истина, так как оно давало возможность познать абсолютное как деятельное, саморазвивающееся начало, из развития,

¹ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: В 2 т. М., 1971. Т.2. С.378.

формообразования которого возникает образ абсолютного как целого. Кроме того, Шеллинг бесспорно высказал позитивную мысль, говоря о тождестве, противоречивости природы безусловного.

Однако этим глубоким исходным принципам не соответствовало дальнейшее развитие шеллинговской философии. Разделяя традиционное представление о невозможности мыслить противоречиво, Шеллинг возлагал всю надежду познания абсолютного не на разум, не на науку, а на интуицию, на художественное творчество. В данном случае, по Гегелю, Шеллинг показал свое непонимание истинной природы разума, мышления. В отличие от рассудка, отмечает Гегель, разум есть *высшая теоретическая способность*, то есть он познает предмет в его развитии, саморазвитии, противоречии и системе.

Противоречивость разума вовсе не есть его недостаток. Напротив, это достоинство разума, ибо всякое живое, развивающееся целое внутренне противоречиво. Именно в силу своей противоречивости, диалектичности разум, идея глубоко познает, постигает содержание и сущность абсолютного, то есть свое собственное абсолютное содержание.

Гегель, глубоко раскрыв природу идеи, обосновал несостоятельность абстрактного понимания идеи как единства бытия и ничто, понятия и объективности, изменчивого и неизменного и т. п., ибо это отношение является в действительности диалектическим и конкретным. «Но одновременно нужно знать, - отмечал философ, - что все подобные определения и тезисы односторонни... они выражают по преимуществу только *одну* сторону, *единство*, существование (*das ist*) и, следовательно, не выражают наличного различия (бытие и ничто и т.д.) и того негативного, что заключено в сопряжении таких определенностей»¹.

Подлинная суть идеи в понимании немецкого мыслителя - это процесс, становление, движение и противоречие. Кто рассматривает идею только как неразличимость, тождество, единство, тот дает искаженное, неистинное понимание природы идеи. «Ибо истинное не есть нечто только

¹ Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: В 2 т. Т.2. С.417.

покоящееся, сущее, но есть только нечто самодвижущееся и живое; вечное различие и существующее в Едином, сведение всякого различия к тому, чтобы оно уже не было различием; что также, будучи понято как некий способ восприятия, может быть названо вечной любовью. Идея, жизнь, дух - они существуют только как движение в самом себе, как такое движение, которое равным образом есть абсолютный покой»¹.

В то время как общее представление, рассудок, подчеркивает философ, рассматривает противоположности как непримиримые, разум, идея соединяет противоположности в тождестве и познает тождество как результат процесса: непосредственное единство, различие, и, наконец, - единство, тождество противоположностей. Абсолютное и истинное постигаются разумом, идеей, которая не отрицает своей противоположности, а соединяется с ней, движется от тезиса к антитезису и вместе с ним к синтезу. Разум не только констатирует противоречие, антиномии, но познает их в диалектическом разрешении.

Поскольку абсолютное есть собственное содержание идеи, постольку его можно понять только как процесс, тождество противоположностей. Абсолютным «я определяю истинное как само по себе конкретное... - писал Гегель, - как единство *противоположных* определений, но таким образом, что это противопоставление в единстве еще сохранено»². Следовательно, противоречивость идеи, разума не следует понимать как нечто алогичное, она связана с саморазвитием, самодвижением идеи, так как противоречие является источником развития, движения. В связи с этим, все действительное противоречиво и, тем не менее, разумно.

Противоречие, возникающее в процессе развития разума, идеи следует не уничтожать, но развивать, «снимать», то есть сохранять как отрицательное, что происходит тогда, когда противоречащие друг другу понятия мыслятся вместе в третьем - высшем, более содержательном понятии, моментом которого они становятся. Однако, этот синтез

¹ Там же.

² Там же. С.446.

также не является окончательным, находится новая противоположность, которая, в свою очередь, должна быть разрешена, и т. п. Это касается даже абсолютной идеи - вершины логической системы – которая также не является окончательной истиной, так как имеются еще более конкретные формообразования. Только благодаря такой диалектике идея, разум становится истинно конкретным, соответствует живой действительности и становится истиной.

Таким образом, в гегелевской философии было разработано глубокое, конкретно-всеобщее понятие идеи как единства многообразного, как системы чистых сущностей. Важнейшая особенность гегелевского способа анализа состоит в том, что философ не ограничился общей, логической характеристикой идеи, а рассмотрел содержание этого фундаментального понятия в контексте еще более сложного целого. Иными словами, Гегель разработал сложное учение о духе, об абсолютном духе, важнейшей ступенью, моментом которого выступает понятие идеи, по существу являющееся всеобщим условием творческого самодвижения, самопознания духа, в результате которого он является самому себе в качестве содержательного и конкретного духа.

В трактовке Гегеля идея и дух - не абсолютно разные духовные образования, они являются ступенями одной и той же духовной субстанции. Если идея есть непосредственный, абстрактный и еще неразвитый дух, то дух является той же идеей, но возвратившейся к себе через свои конечные формы: первоначально он выступает в форме простой логической идеи, в виде возможности, в-себе-бытия, поскольку еще не осознает самого себя, своей сущности; затем он отчуждает себя в природу, в которой, правда, превращается не во что-то абсолютно другое, а в свое другое; и, наконец, природа идеи особенно ясно обнаруживается на ступени конкретного духа, специфическая особенность которого состоит в том, что в нем снято инобытие идеи. Дух выступает как синтез, возвращение и возвращенность к себе из своего другого, поэтому только в духе происходит принципиальное преодоление природы, ее пространственно-временного

бытия, так как только дух познает свою противоположность как свой момент и приходит к своему самосознанию.

Важнейшая характеристика идеи состоит в том, что в ней обозначено не конечное, а всеобщее определение духа, всеобщая схема его творческого саморазвития и самопознания. «Если желаем кратко указать, что *такое абсолютная идея* в ее истинной действительности, то мы должны сказать, что она есть дух, и притом не дух в его конечности и ограниченности, а всеобщий бесконечный и *абсолютный* дух, определяющий из самого себя, что поистине есть истина»¹.

В понятии идеи Гегелем, следовательно, схвачены контуры, всеобщий план и образ целостного развития духа. Поэтому действительное постижение духа, прежде всего, сводится к познанию его идеи, всеобщего условия его бытия. Без идеи нет и самого духа и реального условия его самопознания. «Все, что есть истинного, великого и божественного в жизни, - писал мыслитель, - становится таковым через идею, и цель философии состоит в том, чтобы постигнуть идею в ее истинном образе и всеобщности»².

Мыслитель постоянно подчеркивал, что идея, абсолютная идея является *единственным предметом и содержанием философии*, что связано с тем, что в ней содержится любая определенность, и ее сущность состоит в возвращении к себе через свое самоопределение или обособление, в процессе которого она претерпевает ряд формообразований, проходит последовательные ступени своего развития. В отличие от религии и искусства, которые имеют дело с представлением и художественным образом, философия как наивысший способ постижения абсолютной идеи должна познать внутренний ритм, развитие и формообразование идеи. Правда, она познает эту важную истину не сразу, а в результате сложного исторического развития самой философии, человеческого сознания.

Философ убежден, что абсолютная идея - истинный предмет логики, начало философской системы, но, правда, не все его содержание, поскольку сначала необходимо

¹ Гегель Г.В.Ф. Сочинения. Т.ХII. С.96.

² Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. С.83.

систематически развить самую идею, начиная с бытия и ничто и кончая абсолютной идеей, которая есть единство многообразного. После этого следует проследить ее переход в природу, в инобытие и возвращение к самой себе, то есть диалектическое постижение идеей самой себя, своего истинного содержания.

Поскольку в лице идеи саморазвивающийся дух имеет свой план, всеобщее условие своего существования, постольку он творит, порождает самого себя и свои конечные формы в строгом соответствии со своей идеей. В этом проявился также телеологический характер гегелевской философии, ибо все исторические формы, существующие в жизни и культуре, являются лишь проявлением, реализацией всеобщего плана, схемы саморазвивающейся идеи. Поэтому подлинным субъектом истории, исторического творчества, по Гегелю, является только идея, дух, хотя он не отрицал значения великих исторических личностей и народов, выступавших орудием, средством в руках абсолютного духа в его всемирно-историческом деянии. «Гегелевское понимание истории предполагает существование *абстрактного*, или *абсолютного*, духа, который развивается таким образом, что человечество представляет собой лишь *массу*, являющуюся бессознательной или сознательной носительницей этого духа»¹.

При всей несостоятельности трактовки соотношения идеи и природы, духа и исторического процесса немецкий философ все же опирался на реальные исторические факты, которые, правда, истолковал с идеалистических позиций. Прежде всего, он, несомненно, видел, что каждое поколение людей, вступая в общественную жизнь, застаёт определенную систему культуры, исторические реальности, которые созданы трудом и усилием предшествующих поколений. В своей общественной деятельности люди становятся людьми, разумными существами в той мере, в какой они активно осваивают и умножают эту унаследованную культуру, в которой аккумулированы

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.2. С.93.

мысли и чувства предшествующих поколений. Он также хорошо понимал и то, что люди не просто осваивают предшествующую культуру, системы практической деятельности, но и создают новую, ранее неизвестную культуру и культурные ценности.

Однако, ошибка мыслителя состояла в том, что он не понимал субстанциальности реально-исторического процесса. В последовательно сменяющихся друг друга исторических формах философ не видел действия закона самой этой истории. Напротив, действительные исторические отношения он рассматривал как форму проявления некоторой духовной сущности, являющейся, по его мнению, истинным субъектом всей человеческой истории. «Внутри эмпирической, экзотерической истории Гегель заставляет поэтому разыгаться *спекулятивную, эзотерическую историю*. История человечества превращается в историю *абстрактного* и потому для действительного человека *потустороннего духа* человечества»¹.

В идеалистическом понимании истории уже содержится коренной порок гегелевской концепции идеи, которая не обращена на будущее, не является разрешением противоречия данного общественно-исторического процесса, а является общей *схемой*, всеобщим условием саморазвивающегося духа, который во всем, в природе и обществе, осуществляет и реализует себя, свою логику и свой первоначальный план.

В мире, эмпирической действительности, следовательно, не возникает ничего абсолютно нового, возникают и рождаются лишь те формы, образы которых уже содержатся в идее, системе логических категорий. Гегель трактует идею, систему чистых сущностей как нечто существующее от века, не понимая, что она является лишь теоретической абстракцией существующей действительности, истории культуры, которая посредством спекулятивного метода оторвана от реальной почвы и предпослана миру в качестве его логической канвы, всеобщей схемы его бытия.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.2. С.93.

«Удивительно ли после этого, что все существующее, все живущее на земле и под водой может быть сведено с помощью абстракции к логической категории, что весь реальный мир может, таким образом, потонуть в мире абстракций, в мире логических категорий?»¹.

Поскольку гегелевская концепция идеи лишь ретроспективно приходит к сознанию самой себя, к познанию всеобщих схем своего творческого развития, постольку она консервативна, обращена в прошлое, ибо в лучшем случае пригодна для объяснения наличного состояния вещей, истории и современного состояния культуры, но не годится для постановки принципиально новых задач и для реального исторического творчества.

В отличие от Гегеля, вопрос о единстве понятия и реальности, идеи и действительности Маркс решает материалистически. Началом процесса здесь является не идея, возникшая неизвестно откуда, а действительность, практическая деятельность, ее напряженное противоречие. «Идея есть... не что иное, как теоретическое выражение... материальных отношений»². Маркс рассматривал, следовательно, идею в контексте социально-исторического движения, трактовал ее как контуры будущего, как духовную (логическую) форму действительности. «Идея - это есть «придуманый», «увиденный» (т. е. найденный пока лишь в сознании) возможный выход за пределы сложившейся противоречивой ситуации - за рамки существующего положения вещей и выражающих его понятий»³.

Если Гегель рассматривает идею как субстанцию, как начало и конец всего цикла развития духовной сущности, то Маркс придерживается принципиально иной позиции. Для него формирование идеи, теоретических представлений не является ни началом, ни самоцелью человеческой познавательной деятельности, а выступает реально лишь опосредствующим звеном в действительно-практическом движении общественного человека. Иными

¹ Там же. Т.4. С.131.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.46. Ч.1. С.108.

³ Ильенков Э.В. Противоречия мнимые и реальные // Диалоги. М., 1979. С.118.

словами, Маркса интересует, прежде всего, реальная власть человека над природой, а теоретические отношения, идеи рассматриваются лишь как моменты материальных практических отношений. «История «духа» и начинается в лоне чувственно-предметной деятельности, и завершается в нем же, - писал Э.В. Ильенков, - а «чистое» (теоретическое) мышление выступает как «опосредствующая середина»¹.

В марксовской философии проблема единства идеи и реальности решается на основе принципа отражения. При этом отражение действительности в идее понимается не метафизически, не зеркально-мертво, а диалектически, противоречиво. «*Отражение природы в мысли человека надо понимать не «мертво», не «абстрактно», не без движения, не без **противоречий**, а в вечном **процессе** движения, возникновения противоречий и разрешения их*»².

Действительно, идеи, выражая определенные социальные потребности, непосредственно не совпадают с предметом, реальностью. Только в ходе развития, конкретизации они способны полнее познать окружающую действительность, хотя и здесь не осуществляется абсолютное тождество между идеей и реальностью. «По той причине, - писал Энгельс, - что понятие имеет свою сущностную природу, что оно, следовательно, не совпадает прямо... с действительностью, из которой только оно и может быть выведено, по этой причине оно всегда все же больше, чем фикция; разве что Вы объявите все результаты мышления фикциями, потому что действительность соответствует им лишь весьма косвенно, да и то лишь в асимптотическом приближении»³.

Поскольку познание, идея является лишь звеном в социальной деятельности, в практическом преобразовании действительности, постольку отражение идеей объекта, предмета выступает лишь аспектом, стороной рассматриваемой проблемы единства идеи и реальности, другой стороной которой является превращение идеи в действительность. Это понятно, так как формирование идей,

¹ Ильенков Э.В. К вопросу о природе мышления. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. М., 1968. С.25.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29. С.177.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.39. С.354.

теоретических понятий вовсе не является самодовлеющим фактом в познании, оно служит практической задаче по развитию самой действительности, выступает опосредствующим моментом в развитии общественно-исторических отношений. Поэтому после формирования идей, теорий естественно возникает очередная задача, целью которой является воплощение идеи в действительность.

Маркс - материалист, и поэтому для него неприемлема гегелевская концепция саморазвития, самопорождения, самоотчуждения идеей реальности. Идеи сами по себе, по его мнению, ничего не порождают и не выходят за пределы реальных отношений, а являются лишь теоретическим, духовным условием для практического, социального движения. «Идеи никогда не могут выводить за пределы старого мирового порядка: во всех случаях они могут выводить только за пределы идей старого мирового порядка. Идеи вообще *ничего* не могут *осуществить*. Для осуществления идей требуются люди, которые должны употребить практическую силу»¹.

Действительно, идеи сами по себе не превращаются в реальность, их превращают в действительность определенные социальные силы, классы, вооруженные передовыми идеями, социальными теориями. При этом не бывает абсолютного тождества, полного совпадения между идеей и реальностью. В марксовской философии не признается упрощенная, метафизическая трактовка этого вопроса. Касаясь этого, Ф. Энгельс писал: «Разве феодализм когда-либо соответствовал своему понятию? Возникший в Западнофранкском королевстве, развитый дальше в Нормандии норвежскими завоевателями, усовершенствованный французскими норманнами в Англии и Южной Италии, он больше всего приблизился к своему понятию в эфемерном Иерусалимском королевстве, которое оставило после себя в «Иерусалимских ассизах» наиболее классическое выражение феодального порядка. Неужели же этот порядок был фикцией, оттого что лишь в Палестине он достиг на короткое время вполне классического выражения, да и то в значительной мере лишь на бумаге?»².

¹ Там же. Т.2. С.132.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.39. С.356.

Таким образом, превращение идеи в действительность, их совпадение является сложным, диалектическим, противоречивым процессом. Реальное совпадение форм, наличие различия между идеей и действительностью зависит, как правило, не столько от идеи, ее качества и научности, сколько от *социального развития тех сил*, которые осваивают и превращают идеи в реальность. Так, непосредственная действительность, возникшая в результате общественного движения, отличается от первоначальной идеи вследствие различных причин. С одной стороны, это происходит потому, что живая жизнь, реальность, несомненно, богаче и разнообразнее идеи, а с другой - сама рассматриваемая действительность, обусловленная уровнем развития социальных сил, находится еще только на начальных ступенях своего развития и потому не может в полной мере воплотить целостную идею, которая предполагает более развитую действительность. Все это свидетельствует о том, что воплощение идеи в действительность, их совпадение надо решать не абстрактно, а конкретно, диалектически.

Мыслитель также сформулировал отличие идеи от понятия. Как мы видим, он определяет идею как синтез, *единство понятия и реальности*.

В противоположность Гегелю, рассматривавшему идею как субстанцию, как начало и конец всего цикла развития духовной сущности, для Маркса идея не является ни началом, ни самоцелью человеческой познавательной деятельности, а выступает лишь опосредствующим звеном в действительном, практическом движении общественного человека. Ученого интересуют не теоретические, а практические материальные отношения, господствующие в обществе. Имея в виду эту противоположность понимания сущности духовного у Маркса в отличие от Гегеля, Э.В. Ильенков замечал: «История «духа» и начинается в лоне чувственно-предметной деятельности, и завершается в нем же, а «чистое» (теоретическое) мышление выступает как «опосредствующая» середина»¹.

¹ Ильенков Э.В. К вопросу о природе мышления / Диссертация на соискание ученого звания доктора философских наук. М., 1968. С 25.

Предметное содержание идеи выводится Марксом из феномена человеческой культуры - предметно-практической деятельности и из общественных форм сознания (которые анализировались и прежними философами, особенно Гегелем). Но в диалектико-материалистическом понимании идея выступает не имманентным порождением разума, духа или некоего абсолютного мышления, как понимал объективный идеализм, не механистическим отражением вещей и явлений, как представлял дело метафизический материализм, а является продуктом практически-преобразовательной деятельности. Только так понимании раскрывается действительное место и функция идеи в социальном движении, в творчески-преобразовательном процессе, в практическом, революционно-критическом изменении эпохи.

Важное место в становлении такого понимания занимает категория практики, на которую Маркс обратил внимание уже в своих ранних «Экономическо-философских рукописях». Эта категория в «Логике» Гегеля играла роль только «посредника». Иное, материалистическое понимание практики Маркс впервые выразил в «Тезисах о Фейербахе», где четко определил свою позицию по отношению не только к материализму Фейербаха, но и к гегелевскому идеализму. Отмечая созерцательность феербаховского понимания и односторонность идеалистической трактовки, К. Маркс писал: «...Деятельная сторона, в противоположность материализму, развивалась идеализмом¹, но только абстрактно, так как идеализм, конечно, не знает действительной, чувственной деятельности как таковой»². Вместе с тем он указывает путь преодоления мистицизма гегелевской философии: «Всякая общественная жизнь является по существу практической. Все мистерии, которые уводят теорию в мистицизм, находят свое рациональное разрешение в человеческой практике и в понимании этой практики»³.

¹ Здесь Маркс прежде всего имеет в виду идеализм Гегеля.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.3. С.1.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.42. С.263.

Введение в философию категории практики и признание практической значимости философии является одним из центральных звеньев философской концепции Маркса. Именно изучение социальных проблем современной ему действительности ускорило становление Маркса-материалиста и его учения об идее. Причем с самого начала возникновения это учение было не простым теоретизированием, а решением практических задач.

В конце 1842 г. К. Маркс еще не признавал «даже теоретической реальности за коммунистическими идеями в их теперешней форме»¹, а, следовательно, еще менее мог «желать их практического осуществления», критиковал «практические опыты» реализации этих идей, но был убежден, что идеи, «которые овладевают нашей мыслью, подчиняют себе наши убеждения и к которым разум приковывает нашу совесть, - это узы, из которых нельзя вырваться, не разорвав своего сердца, это демоны, которых человек может победить, лишь подчинившись им».

Однако вскоре Маркс сам обращается к *теоретическому обоснованию* коммунистических идей². Идея философом рассматривается как продукт человеческой предметной деятельности, как форма преобразования объективной действительности. «Производство идей, представлений, сознания, первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность...»³. Только, исходя из практической деятельности, можно последовательно объяснить происхождение идеи и указать на ее действительное место в системе теоретического знания и практического действия. Да и вообще идеи каждого исторического периода объясняются экономическими условиями общества и общественными и политическими отношениями⁴.

Характеризуя буржуазные представления Маркс и Энгельс отмечают: «Ваши идеи сами являются продуктом буржуазных производственных отношений и буржуазных

¹ Там же. С.117-118

² Там же. Т.1. С.118

³ Там же. Т.3. С.24.

⁴ Там же. Т.19. С.112.

отношений собственности»¹. Мало того, Маркс прямо указывает на зависимость идей от материального производства и их исторически преходящий характер: «... Люди, которые устанавливают общественные отношения соответственно развитию их материального производства, создают также принципы, идеи и категории соответственно своим общественным отношениям», - и они «столь же мало вечны, как и выражаемые ими отношения»².

Выведение идеи из объективной предметно-преобразовательной деятельности, из общественных отношений показывает и реальную зависимость возникновения идеи от действительности, помогает понять и преобразующую роль идеи в изменении самой действительности. В марксовской философии применение принципа предметно-деятельностной обусловленности познавательных форм позволяет найти конкретное место идеи в системе универсальных форм мышления.

Будучи выражением объективной потребности и выступая теоретической формой, в которой идеально выражается реальный способ разрешения объективно существующих противоречий действительности (в познании природы, общественного развития, обретении теоретических знаний), идея как понятие не только объективна, но и субъективна. «Человеческие понятия субъективны в своей абстрактности, оторванности, но объективны в целом, в процессе, в итоге, в тенденции, в источнике»³. В идее находит разрешение эта противоречивость объективного и субъективного. Идея снимает это противоречие. Объективная реальность не просто отображается в идее, а мысленно достраивается, а потому идея представляет собой скачок в многообразных способах освоения действительности.

Идея возникает из потребности познать предметную область (целое) исходя из единого основания. Появившаяся на этой ступени идея очерчивает контуры предметной области, контуры этой целостности.

¹ Там же. Т.4. С.443.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.42. С.133.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29. С.190.

В поисках сущности идеи, при выявлении источника ее происхождения, невозможно пройти мимо высказывания Ф. Энгельса: «Все идеи извлечены из опыта, они - отражения действительности, верные или искаженные»¹. Более того, это исходное положение диалектико-материалистического учения об идее наряду с принципом предметной деятельности становится одним из основополагающих методологических требований в исследовании вопроса о происхождении идеи.

В данном высказывании Ф. Энгельса нашли рациональное истолкование, разрешение противоположные положения предшествующей философии²: утверждение сенсуализма и эмпиризма об опытном характере наших знаний и утверждение рационализма о сверхчувственности идеи как понятия; преемственная связь и с философской традицией, рассматривавшей идею как копию, слепок действительности, и с той, которая видела в идее активное начало. В положении Энгельса находят также материалистическое обоснование и рациональные моменты гегелевского понимания идеи как прообраза действительности. Но, назвав этот образ отражением, ученый ставит проблему идеи на материалистическую почву: он указывает на объективный источник происхождения идеи.

Энгельс не просто отмечает опытный характер происхождения идеи, но и ведет к пониманию объективности содержания идеи как процесса. Ибо только мышление, рассматриваемое в движении, в развитии, может верно отражать действительность, соответствовать этой действительности. Отсюда: идеи бывают как истинные, так и неистинные, т. е. отражающие или превратно представляющие действительность. Только та идея может быть плодотворной, которая верно отражает действительность. Идея же, на первый взгляд, логически бесспорная, но не адекватная действительности, - иллюзорна, бессодержательна и неплодотворна. Идея как иллюзия также вырастает из благого стремления разума, но

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.20. С.629.

² Этот момент был в свое время отмечен П.В. Копниным (Копнин П.В. Идея как форма мышления. Киев, 1963).

поскольку ей в действительности ничто не соответствует, то она не только не разрешает противоречий разума, а, напротив, порождает новые неразрешимые противоречия - антиномии. Как мы указывали, этот момент был замечен и отмечен еще Кантом.

К ложным, иллюзорным идеям ведет всякий односторонний подход к анализу сложных явлений. От этого можно освободиться только в том случае, если познавательный процесс или социальное явление рассматриваются не просто как сложные явления, но как процесс, имеющий единое основание, т. е. монистически. И здесь, пожалуй, следует отметить, что признания идеи как отражающей действительность еще недостаточно для того, чтобы разрешить все трудности идеи.

В.И. Ленин не только принимал деятельностный принцип и принцип отражения за исходное в материалистической переработке всей предшествующей К. Марксу философии, но и применял его в дальнейшей творческой разработке материалистической диалектики (образцом применения этого принципа является материалистическое прочтение Лениным гегелевской «Науки логики»). Ленин вслед за Марксом и Энгельсом показывает, что исходным материалом и источником для познания может служить лишь предметная практическая деятельность общественного человека.

Для оппонентов Маркса неразрешимую загадку представляет вопрос об отражении действительности и активности субъекта в познании. Они никак не могут соединить эти два, на их взгляд, несовместимые положения диалектико-материалистической теории познания. Для Ленина, как и для Маркса и Энгельса, отражение и активность - внутренне связанные понятия, потому что без предметно-преобразовательной, активно-практической деятельности ни о каком истинном осмыслении закономерностей объективного мира, социальной действительности говорить не приходится.

Как действительность сама по себе автоматически не порождает идеи без активности субъекта (в этом диалектический материализм противоположен прежнему

материализму, включая и фейербаховский), так и отражения нет без изменения, преобразования действительности. Идея рождается из действительности, в процессе предметно-практической деятельности по преобразованию действительности, изменению окружающего мира и преодолению его сопротивления этому активному процессу переделки.

Между преобразующей деятельностью субъекта и наличной действительностью возникает противоречие, разрешить которое можно только тогда, когда осознается необходимость дальнейшего изменения объективной реальности, достраивания ее сообразно человеческим целям. И такое осознание первоначально возникает перед мысленным взором, как правило, в образной форме, где обрисовываются контуры целого, в котором выражаются общественно-исторические и научные потребности времени.

И идея, и образ являются отражением действительности. И здесь встает задача рассмотреть тот первый образ, образ восприятия, без которого вообще немислимо человеческое познание, невозможно возникновение нового, появление идеи.

Образ восприятия чувственно определен. Воспринятый эмоционально (ощущаемый как конкретный предмет) этот образ в нашем представлении и памяти сохраняется вместе с определенной эмоцией. В дальнейшем воспроизведение этого образа (в представлении) вызывается как самим предметом, вещью, явлением, образ которого сохранился в нас, так и определенным ощущением, эмоциональным переживанием, которые сопровождали наше прежнее восприятие.

В этом заключается двойственное единство природы образа: он и общезначим, так как вызывается ранее воспринятым предметом как своей копией, и единичен, индивидуален, неповторим, так как эмоционально определен. И каждое новое условие может породить в образе новое эмоциональное и смысловое поле.

В художественном образе интеллектуальное и эмоциональное слиты воедино, т. е. в нем в единстве даны

и чувственная данность предмета, и его идеальность. В отличие от единичных предметов, вещей и явлений, ощущаемых, чувственно-воспринимаемых в образе, эта чувственная данность при помощи воображения преобразуется в идеальное и существует как особенное, заключающее в себе и единичность чувственно данного и всеобщность идеального как понятия, мысли, схемы.

Образ есть как бы синтез чувственно воспринимаемой внешней формы предмета с сущностью этого предмета, т. е. внутренне устойчивого, постоянного во всех внешних изменениях предмета. Постигается образ не столько теоретическим размышлением, сколько чувственно целостным восприятием - воображением. Как для создания художественного образа, так и для возникновения идеи необходимо развитое воображение.

Но как соотносится идея с образом: она содержится в самом образе или же вносится в него нашим теоретическим мышлением? Образ ли формирует в себе идею как схему, как обобщенное, как мысль или же в схеме зреют, накапливаясь чувственностью, образы?

Понять природу идеи, как и, собственно, любого другого духовного образования, можно только тогда, когда мы ее рассмотрим в исторически развивающемся процессе постижения мира. А выявив ее в общем виде, можно в дальнейшем анализировать, рассматривать ее специфику в различных сферах человеческой духовной деятельности; ибо она, являясь продуктом духовной деятельности, только в ней и живет своей собственной, соответствующей ее природе жизнью.

Выше уже отмечалось, что идея имеет опытный характер, она есть отражение действительности, т. е. на первый взгляд представляет собой сферу эмпирических знаний, и в то же время наличие идеи свидетельствует об определенном теоретическом уровне знания. Как совместить эти противоречивые положения?

Именно в этой противоречивости и находит разрешение реальное движение знания, тут и совершается восхождение от одного уровня его к другому. Противоречия, в

результате которых рождаются идеи, возникают в самой действительности, пришедшей в соприкосновение с преобразующей деятельностью субъекта. Потому можно сказать, что идея есть форма разрешения противоречия или противоречий, возникающих в общественной деятельности и познании. Идея появляется только там, где есть не просто изменение, а есть развитие, творчество, переход к новому.

Идея как способ разрешения противоречия между эмпирическими фактами и теоретическим способом обобщения, господствовавшим в прежней системе знаний, возникает в науке тогда, когда появляется необходимость нахождения единого основания, могущего объяснить новые научные факты с иной, нетрадиционной позиции. Эта идея (служащая основанием для систематизации знаний, исходя из единого принципа) приводит к возникновению гипотезы, которая в процессе дальнейшего развертывания знания уточняется и затем либо отвергается как не соответствующая фактам науки, либо принимается для дальнейшего обоснования и доказательства. Идея же, являющаяся основанием этой гипотезы, менее подвижна, менее подвержена изменениям, более устойчива по сравнению с гипотезой.

Логика развития идеи подчинена ритму восхождения от абстрактного к конкретному - того самого пути, который есть не только движение в сфере «чистого понятия», а процесс, «переработка созерцания и представления в понятия»¹. Движение идеи воспроизводит в движении понятий форму развития действительности. Ведь идея в отличие от теории есть конкретно-целостное воспроизведение реальности в перспективе ее дальнейшего развертывания, проект будущего развития действительности. Идея есть конкретно-всеобщее понятие, формирующееся в целеполагающей деятельности человека и схватывающее условие и перспективу целого.

Идея и есть то развивающееся целое, в котором, по выражению Гегеля, «результат содержит свое начало»². И

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.46. Ч.1. С.38.

² Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т.3. М. 1972. С.306.

развитая идея, если говорить о науке, реализуется в теории, входит в теорию, «существует в теории и раскрывается в ней»¹. Воплощение идеи в теории или в теориях - процесс не односторонний: не только без идеи не формируется теория, но и без солидной теоретической базы (развитой системы знания) невозможно возникновение новой идеи.

В связи с этим Эйнштейн и Инфельд писали: «В создании физической теории существенную роль играют фундаментальные идеи. Физические книги полны сложных математических формул, но началом каждой физической теории являются мысли и идеи, а не формулы. Идеи должны позднее принять математическую форму количественной теории, сделать возможным сравнение с экспериментом»².

При исследовании идеи и ее природы следует исходить из диалектики этого сложного процесса познания, из противоречивости постижения объективной реальности. А последняя не усматривается непосредственно: для обнаружения противоречий действительности необходимо включить объективную реальность в преобразовательную деятельность человека, предметно изменить ее, переделать, вовлечь в практическую человеческую жизнедеятельность. Только в этом процессе человеческая практика представляет собой не только материальную основу, источник возникновения идей, но и критерий их истинности. Но роль предметной деятельности не сводится к рассмотрению практики как только проверочной инстанции разумности мышления. В подобном случае наше понимание практики ничем не отличалось бы от гегелевского, т. е. объективно-идеалистического понимания ее, а идея, как и любое другое понятие, рассматривалась бы только как осуществление целевой сознательной деятельности субъекта, тогда как само происхождение идеи не находило бы объяснения.

А между тем, следуя мысли, высказанной самим же Гегелем, истина не есть голый результат, истина есть процесс, развитие. Но для немецкого ученого развивающейся является идея, она же субъект всего существующего.

¹ Копнин П.В. Диалектика как логика и теория познания. М., 1973. С.280.

² Эйнштейн А., Инфельд Л. Эволюция физики. М., 1965. С.225.

При такой логике оказывается, что «все результаты практической деятельности людей - вещи, созданные трудом человека, и исторические события с их последствиями также принимаются в расчет лишь постольку, поскольку в них опредмечены те или иные мысли»¹, и они носят подчиненный характер. Вопрос же о происхождении идеи снимается как излишне схоластический. И это совершенно естественно с позиции объективного идеализма, который за основание всей логики берет саму идею.

Основание здесь становится и критерием, поскольку оно есть и обоснование; стало быть, оно и задает смысл, и само находит реализацию. Так, у Гегеля исходный пункт движения познания и конечный результат его совпадают - это идея.

К. Маркс обнажает корни подобной мистификации², выявляя механизм формирования идеального³. И если, согласно Марксу, «потребление полагает предмет производства идеальным, как внутренний образ, как потребность, как влечение и как цель»⁴, то механизм, вызывающий к жизни идею, в принципе тот же самый: те же самые общественные отношения, которые приводят к жизни идеальное, как абстракцию, порождают и идею «как теоретическое выражение... материальных отношений»⁵, т. е. как потребность (разумеется, в зависимости от объекта, от предметного поля сами эти отношения специфичны, постоянно оставаясь при этом отношениями реальными, действительно существующими).

Такое понимание дает возможность раскрыть сущность,

¹ Ильенков Э.В. Диалектическая логика. М., 1974. С.170.

² Об этом см.: Ильенков Э.В. Диалектическая логика. С.168-169, 171-173 и др.

³ Ведя речь об идее, мы здесь вынуждены обратиться к происхождению идеального, потому что, не решив этого вопроса, нельзя понять и формирования идеи, ибо формирование идеального есть ключ к формированию человеческого мышления вообще, познавательной способности человека. Об этом подробно см.: Ильенков Э.В. Идеальное // Философская энциклопедия. М., 1962. Т. 2.; Он же. Проблема идеального / Вопросы философии. 1979. № 6, 7.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.46. Ч.1. С.28.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.46. Ч.1. С.108.

истинное содержание идеи. Таким образом понятая идея выступает идеальным образом этих отношений, она является внутренним образом действительности, задает способ собственной реализации, а потому может называться адекватной. Идея возможна только тогда, когда идеальное осмыслено. Идеальное может существовать и существует, не будучи осознанным, еще не будучи вовлеченным в теоретическую сферу (это возможно лишь тогда, когда идеальное рассматривается не как субъективно-психологический феномен, а как объективно-существующая реальность, могущая принять и принявшая субъективную форму)¹. Идея же всегда предстает как осознанно-целенаправленный акт деятельности. Это уже рефлексированное идеальное, идеальное в своем разумном бытии.

До этого мы говорили об общих моментах, связывающих идею и идеальное. Теперь рассмотрим, в чем состоит их различие. Э.В. Ильенков, исследуя природу идеального, отмечал: «Идеальное полагание, или полагание реального продукта как идеального образа другого продукта совершается в процессе обращения товарных масс. Оно возникает как средство разрешения противоречий, вызревших в ходе процесса обращения, внутри него (а не внутри головы, хотя и не без помощи головы), как средство удовлетворения потребности, назревшей в товарном кругообороте»². В отличие от идеального идея возникает как осознание, осмысление реально существующих отношений, но возникает именно в голове; правда, не как психофизиологический феномен, а как феномен общественно, социально обусловленный.

Далее Э.В. Ильенков замечает: «Идея - это есть «придуманый», «увиденный (т. е. найденный пока лишь в сознании), возможный выход за пределы сложившейся противоречивой ситуации - за рамки существующего

¹ Э.В. Ильенков как пример такого феномена у Маркса рассматривает цену (См.: Ильенков Э.В. Диалектическая логика. С.194-195).

² Ильенков Э.В. Диалектическая логика. С.196.

положения вещей и выражающих его понятий»¹. Таким образом, идея является тем объединяющим разрозненные факты в единое целое, в систему началом, которое обеспечивает дальнейшее движение познания, намечает путь, выводящий наличное знание из тупикового (застойного) или кризисного состояния.

Идея, как и всякое идеальное, рождается, как мы уже отмечали, в предметно-практической деятельности и выражает реально складывающиеся отношения. Неумение же, неспособность видеть эту деятельностную основу жизни идеи может привести к фетишизации идеи и нередко в истории философии приводило к ней. Собственно вся история гипертрофирования идеи в идеалистической философии служит наглядным подтверждением этому.

Гносеологический корень всякой фетишизации кроется в этой беспомощности найти реальный предметный аналог идеальных отношений. Кант, как известно, вообще считал невозможным найти для идеи такой аналог, а потому признал идею химерой, иллюзией, порождаемой стремлением мышления познать безусловное. Философия Платона и Гегеля также не смогла понять природу идеального. Правда, это не помешало Гегелю в диалектике понятий угадать диалектику вещей. Но, как пишет В.И. Ленин, Гегель «именно угадал, не больше»². Увидеть большее ему помешало то, что «любая разновидность фетишизации словесно-символического существования идеального не схватывает самого идеального как такового. Она фиксирует результаты человеческой деятельности, но не самую деятельность человека»³.

В связи с этим необходимо указать на еще один факт совпадения идеального и идеи. Имеется в виду известное высказывание К. Маркса, которое часто цитируется, когда хотят указать на отличие мышления животного от человеческого мышления, включающего в себя существенным моментом идеальное.

¹ Ильенков Э.В. Противоречия мнимые и реальные // Диалоги. М., 1979. С.118.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29. С.179.

³ Ильенков Э.В. Диалектическая логика. С.201.

Прежде чем действовать, субъект действия должен построить идеальный образ объекта действия¹. Этот идеальный план как проекция будущего на реальность и есть идея, включающая в себя момент осознания идеального, верного отражения действительности. На возможность такого поворота проблемы идеального на проблему идеи указывает и К. Маркс: «Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и характер его действий и которой он должен подчинить свою волю»². Это указывает на различие идеи и идеального. Идея (в отличие от идеального) и служит законом, определяющим способ и характер действий человека, она и есть контур будущей теории или принцип ее построения, принцип переживания прекрасного или безобразного, принцип поведения или поступка.

В активной преобразующей деятельности человека рождается идея, которая сама, в свою очередь, заряжена этой активностью, ибо она, будучи продуктом этой активной деятельности, определяет направление дальнейшего развития.

Идея в науке как исходное для исследования понятие становится активным орудием понимания самих исследуемых фактов, воссоздает целостность действительности и придает движению мысли целенаправленность. Эта особенность идеи как понятия ясно выявляется в марксовом анализе понятия стоимости, которое «становится теоретическим критерием для дальнейшего движения познания - позволяет в более конкретных образованиях (в «деньгах», в «капитале» и др.) активно выделить в качестве существенных именно те характеристики, которые действительно полагаются саморазвитием данной конкретной системы, данного единства в многообразии»³, позволяет выявить «те и только

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23. С.189.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23. С.189.

³ Ильенков Э.В. Проблема абстрактного и конкретного в свете «Капитала» Маркса // «Капитал» Маркса. Философия и современность. М., 1962. С.210.

те характеристики, которые принадлежат к составу данной «саморазвивающейся» системы явлений и выступают как определения данной конкретной системы»¹.

Для более полной характеристики идеи простого признания ее как отражения действительности недостаточно - отражают действительность и другие мыслительные формы. Однако идея отражает действительность в перспективе ее дальнейшего развития, или «действительность не просто в ее существовании, а в необходимости и возможности», «не только сущее, но и должное»² в развитии действительности. Этот момент отличает идею от иных форм мышления, ибо это существо ее функции как формы мыслительной деятельности.

Дело тут вовсе не в том, что в идее действительность отражается наиболее полно, а в том, что идея вбирает в себя не только действительное развитие объективной реальности, но и включает в себя перспективу ее изменения, т. е. идея как понятие воспроизводит логику предметного мира не только актуально, но и потенциально, проецирует эту логику на отдаленное будущее, исходя из логики дела, показывает перспективу ее дальнейшего развертывания. Поэтому идею можно определить как конкретно-всеобщее понятие, воспроизводящее действительность в перспективе ее дальнейшего развития.

Понятие отражает сущность, существующее и сущее, идея же «творит», достраивает сущее до должного. В идее находит отражение потребность, стремление, желание человека, общества. Если способность отражать действительность в ее необходимости делает идею конкретно-всеобщим понятием, то функция постижения действительности в перспективе ее дальнейшего развития возводит ее в ранг гносеологического идеала. В этой роли идея функционирует как форма теоретического освоения действительности. У Гегеля В.И. Ленин выделяет именно

¹ Там же. С.211.

² Копнин П.В. Философские идеи В.И. Ленина и логика. С.432.

этот пункт: «Begriff еще не высшее понятие: еще выше *и д е* я = единство Begriff 'а с реальностью»¹.

В диалектической логике проблема единства идеи и реальности решается на основе принципа отражения. При этом, как мы уже отмечали, отражение действительности в идее понимается не метафизически, не зеркально-мертво, а диалектически, противоречиво. «Отражение природы в мысли человека надо понимать не «мертво», не «абстрактно», не без движения, не без противоречий, а в вечном процессе движения, возникновения противоречий и разрешения их»².

Действительно, идеи, выражая определенные социальные потребности, непосредственно не совпадают с предметом, с реальностью. Только в ходе развития, конкретизации они способны полнее познать окружающую действительность, хотя и здесь не осуществляется абсолютное тождество между идеей и реальностью, действительностью. «По той причине, что понятие имеет свою сущностную природу, что оно, следовательно, не совпадает прямо... с действительностью, из которой только оно и может быть выведено, по этой причине оно всегда все же больше, чем фикция; разве что Вы объявите все результаты мышления фикциями, потому что действительность соответствует им лишь весьма косвенно, да и то лишь в асимптотическом приближении»³.

Поскольку идея является лишь звеном в социальной деятельности, в практическом преобразовании действительности, постольку отражение идеей объекта, предмета выступает лишь аспектом, стороной рассматриваемой проблемы единства идеи и действительности, другой стороной которой является превращение идеи в действительность. Это понятно, так как формирование идеи вовсе не является

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 151. В другом месте Ленин уточняет эти моменты: «Идея... есть совпадение (согласие) понятия и объективности («общее»). Это – во-1-х. Во-2-х, идея – есть отношение для себя сущей (= якобы самостоятельной) субъективности (= человека) к отличной (от этой идеи) объективности...».

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29. С.177.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.39. С.354.

самодовлеющим фактом, оно служит практической задаче по совершенствованию самой действительности, выступает опосредствующим моментом в развитии общественно-исторических отношений. Поэтому после формирования идей сразу встает следующая задача - воплощение идеи в действительность.

В этой связи возникает резонный вопрос: какова же судьба «трансформировавшейся» идеи? Во что она превращается? Верно ли, что для осуществления идеи требуются практические действия людей?¹

Однако ответ на этот вопрос нуждается в конкретизации, он невозможен без учета того, о реализации какой идеи идет речь: научной, художественной или социально-нравственной, ибо пути реализации их различны. Одно дело идея научная или художественная, основой их реализации выступает теоретическая, творческая деятельность, и совершенно другое дело - идея социальная, для осуществления которой необходима преобразующая деятельность, действия, претворяющие ее в материальную действительность, в общественные отношения и формы общения. Еще в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс писал: «Для уничтожения идеи частной собственности вполне достаточно идеи коммунизма. Для уничтожения же частной собственности в реальной действительности требуется действительное коммунистическое действие...»².

Давайте вкратце остановимся на способах реализации идеи, воплощения ее в действительность. Если говорить о реализации теоретической, научной идеи, то она должна, в конечном счете, воплотившись в теорию, перейти затем, когда созреют для этого условия, в материальную действительность. При этом, как утверждается в литературе, идея выполняет в развитии теоретико-познавательного процесса синтезирующую функцию. На вопрос о том, почему, в силу какой особенности своей природы она выполняет такую роль, П.В. Копнин отвечает: потому, что «она сама является своеобразным синтезом»³.

¹ Там же. Т.2. С.132.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.42. С.136.

³ Копнин В.П. Философские идеи В.И. Ленина и логика. С.436.

Но мы считаем, что искать природу этой функции необходимо, видимо, не столько в «синтетическом» происхождении ее, сколько в категориальном характере идеи. Иными словами, идея не на любой стадии, а только на ступени конкретно-всеобщего понятия может выполнить эту функцию. И вообще, на наш взгляд, наиболее плодотворным в исследовании идеи представляется рассмотрение не просто ставшей идеи (значение и правомерность такого рассмотрения идеи вовсе не отрицается), а идеи как результата с учетом всего пути ее развития, развертывания.

И не только этим плодотворно такое понимание связи идеи с данным способом теоретического постижения действительности, но и тем, что позволяет перекинуть мостик от идеи к теории, указывает на связь между ними.

Во многих случаях, как отмечает М.Н. Андриященко, идея является формой «предположения о природе наблюдаемых эмпирических явлений», а «ее выдвижение есть скачок, переход от эмпирического к рациональному»¹.

Но, хотя эмпирические факты и питают идею и без них она не возникает, все же возникновение идеи (научной) связано прежде всего со степенью теоретического мышления. Ибо задача теоретического знания, науки заключается в том, чтобы «видимое, лишь выступающее в явлении движение свести к действительному внутреннему движению»², т. е. к сущности, поскольку только с проникновением в сущность предмета возникает и потребность в целостном раскрытии предмета.

Удовлетворение этой потребности в целостности возможно лишь через идею на основе категориального синтеза. Идея в этом случае представляет собой не что иное, как отражение сущности в первом приближении, и потому может быть названа абстрактной идеей. Возникает последняя как разрешение проблемной ситуации, т. е. такой ситуации, при которой новые научные факты

¹ Андриященко М.Н. Идея как специфический объект диалектической логики // Актуальные проблемы диалектической логики. Алма-Ата. 1991. С.183.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.25. Ч.1. С.343.

не укладываются в рамки старой теории и появляется потребность в теоретическом объяснении этих знаний. Идея возникает как способ разрешения этого противоречия. И если проблема есть переходная форма от эмпирического уровня знаний к теоретическому, то способом осуществления такого перехода и выступает идея.

Где нет проблемы, требующей выхода за рамки прежнего знания, там не может быть речи о зарождении новой идеи. Проблема задает ту предметную область, в которой формируется гипотеза, доказательство научной состоятельности которой в дальнейшем невозможно без идеи, перерастающей в своем разворачивании в теорию.

Будучи способом разрешения противоречивой проблемной ситуации, идея и в теории играет роль синтезирующего начала. Однако идея и на абстрактной ступени своего формирования от эмпирических понятий, носящих абстрактный характер, отличается тем, что развивается в конкретное, проникая в сущность предмета, и в дальнейшем своем развитии воссоздает реальность как единое целое, как единство многообразного.

Идея не может выполнять своей синтезирующей функции (а, следовательно, не может быть и идеей), если не выражает субстанционального отношения определенной предметной области. Именно благодаря тому, что идея является выражением субстанционального отношения противоположных сторон, она и носит целостный характер, и именно поэтому идея содержит в себе схему собственной реализации. Это понимал и И. Кант, хотя природу схемы выводил а priori. «Идея, - считал Кант, - нуждается для своего осуществления в схеме, т. е. в а priori, определенном из принципа цели существенном многообразии и порядке частей. Схема, начерченная не согласно идее, дает *техническое* единство, а схема, построенная согласно идее, создает *архитектоническое* единство»¹.

Эта субстанциальная основа, содержащаяся в идее, позволяет объединить многообразные знания в единое целое, выступает принципом объяснения эмпирических знаний, служит ориентиром в построении теории. Теория

¹ Кант И. Сочинения: В 6 т. М., 1964. Т.3. С.680-681.

же есть конкретизация идеи. Стало быть, конкретизация идеи есть одновременно и становление теории, создание образующей ее системы понятий, «функция которых состоит в раскрытии идеи»¹. В этом смысле можно говорить об идее как контуре, зародыше теории. Н.К. Вахтомин совершенно справедливо считает, что «идея представляет собой теоретическое знание, еще не ставшее теорией»².

Но в то же время трудно согласиться с ним, когда он ограничивает сферу идеи только теорией. Принять идею за «элемент теории», хотя и «составляющий ее основу», значит вольно или невольно умалить роль и значение идеи, свести ее к одному из ее проявлений.

Более того, Н.К. Вахтомин утверждает, что «теория включает в себя как идею, так и другие понятия, из нее выведенные»³, в результате чего теория предстает как система знаний более высшего порядка, нежели идея. Мы же полагаем, что хотя теория как момент реализации идеи выше идеи, но сама идея не ограничивается этим моментом. Она глубже и шире этого своего «высшего момента» в другом: она может служить основой и для синтеза ряда теоретических положений в систему знания - в отрасль дисциплинарного знания, в самостоятельную научную область; помимо теоретической реализации идея включает в себя возможность еще и практически-материального воплощения.

Идея в некотором смысле развитее, полнее не только понятия, но и теории, ибо задачи теории, как и понятия - воспроизведение действительности такой, какова она есть. Идея же, опираясь на сущность, идет дальше, доводит ее до логической и предметной завершенности, проецирует, достраивает сущее до должного. Иначе говоря, не просто фиксирует действительность, а и полагает способ действия с этой действительностью, способ ее изменения. Она выступает методом преобразования действительности.

Идея, рассмотренная нами, есть идея теоретического

¹ Копнин В.П. Диалектика как логика и теория познания. С.280.

² Вахтомин Н.К. Генезис научного знания. М., 1973. С.218.

³ Там же.

мышления или теоретического разума. Но помимо этой идеи Кант и Гегель рассматривали и другие идеи, вернее, действие или осуществление идеи в других сферах человеческой жизнедеятельности.

Так, Кант идею теоретического разума противопоставил эстетическую идею, связывая ее с целесообразностью. Эстетическая идея, по его утверждению, есть представление воображения как продуктивной способности познания, побуждающее к размышлению, не будучи определяемо адекватно никаким понятием. Сравнивая ее с теоретической идеей, кенигсбергский философ указывает, что идеями представления воображения можно назвать потому, что они тоже «стремятся к чему-то, лежащему за пределами опыта», и еще потому, что «им как внутренним созерцаниям не может быть полностью адекватным никакое понятие»¹. Общим же и для интеллектуальных идей, и для идей суждений вкуса является то, что с их помощью невозможно познание.

Преимущественно субъективный подход в постановке проблемы эстетических идей не позволил Канту перекинуть мост в мир всеобщего и необходимого, т. е. в объективный мир. Однако в стремлении отличить суждение о приятном от суждения вкуса и в признании возможности основания последнего на понятиях (как общей платформе для спора) заключена попытка разрыва узкого круга эстетического субъективизма.

Гегель в своих «Лекциях по эстетике» подробно рассматривает соотношение идеи эстетической с художественным образом². И поскольку такое рассмотрение нам представляется весьма плодотворным, то мы вкратце коснемся некоторых моментов такого взаимоотношения.

Идея в художественном произведении воплощается в образной форме. Идея и образ в своем развитии вступают друг с другом в различные отношения, которые Гегель называет символическими, классическими и романтическими. Сообразно им Гегель делит и формы искусства. Хотя в таком делении немало искусственного,

¹ Кант И. Сочинения. 1965. Т.6. С.331.

² Гегель Г.В.Ф. Эстетика: В 4 т. М., 1968-1973.

тем не менее, тут есть и рациональные моменты, к которым следует присмотреться внимательнее.

Гегель указывает, что идея не сразу обретает соответствующую ей образность. Движение художественной идеи и есть ее стремление воплотиться в соразмерном себе образе. И в этом своем движении она проходит несколько ступеней.

Первая ступень движения (развития) идеи связана с возникновением идеи как неопределенной, неясной. Она еще не обладает индивидуальностью, она - абстрактно-односторонняя. Потому и образ, в который она пытается воплотить себя и выразить, случаен, преходящ, многообразен (множествен). Здесь образ живет своей самостоятельной, чувственной жизнью, не пронизанной идеей; а идея также не находит в образе адекватного себе воплощения и существует как бы сама по себе как нечто абстрактно отвлеченное.

В образы восприятия или в образы воспринимаемого мира природы вкладывается смысл, который в вещах и явлениях самих по себе отсутствует. И тогда образ получает символическое значение, но значение и сам образ не тождественны, они насильно (внешне) привязаны друг к другу. Так, осел олицетворяет глупость, а лисица - хитрость, лев выступает воплощением силы, власти, аист возвещает семейный уют и благое спокойствие, голубь - мир и т. п. Но такого рода символизация есть не что иное, как аллегория. Образы здесь существуют лишь как иллюстрация идеи. Самостоятельно, сами по себе образы могут быть и очень художественны, однако тут нет совпадения идеи с образом. Это только начало движения идеи к образу, но еще абстрактная ступень в их взаимоотношении.

Идея здесь выступает как чуждая явлению природы, но в то же время, не найдя для себя адекватного выражения в чувственно данных образах, она вкладывает в них смысл, не содержащийся в их природе. Идея в них есть нечто привнесенное, и в то же время расширяющее смысловое значение этих образов. Но широта их смысла делает эти образы неопределенно безмерными, потому-то значение, которое вкладывает в этот образ художник, требует

пояснения. И поэтому смысл аллегории не носит всеобщего характера, а определен исторически конкретной ситуацией.

Близка по значению к аллегории, а нередко сливается с ней в единое метафора, но и она еще чужда идее. Подтверждает это и тот факт, что метафора национальна. Поэтому разные народы могут вкладывать различный смысл в одну и ту же метафору. Естественно, эти исторически складывающиеся рамки смысловых значений подвижны и могут через обмен культурами стать общим достоянием. Но это отнюдь не отменяет природы метафоры, а, следовательно, не сказывается на характере взаимоотношений ее с идеей.

Идея, пытающаяся воплотиться в аллегории и метафоре, неопределенна, в то время как и аллегория, и метафора в своей образности предметно конкретны, вполне определенны. Идея и образ несоизмеримы друг другу. Первая, как всеобщее, как его олицетворение в предметности аллегории и метафоры, не может соединиться с особенным. Идея в данном случае, пытаясь подчинить себе образы, не сообразуясь с их природой, совершает насилие над ними. Но это насилие оборачивается ей же во вред: она в этих образах не может реализовать полностью свой смысл и вынуждена поэтому выражать себя в нехудожественной форме как довесок к образам (такова мораль в баснях).

Следующая ступень приближения идеи к образу есть стадия художественного развития, называемая Гегелем классическим искусством. Не разделяя с ним такого деления искусств (искусственность и формальность, подчиненность которых философской системе мыслителя налицо), тем не менее, и здесь мы находим гениальные догадки и прозрения.

Если на предыдущей (символической) ступени образ не достигал совершенства, понимаемого как гармоническое единство или тождество, а обладал собственной, относительно самостоятельной жизнью и находился с идеей в абстрактном единении, то на этом этапе идея в образе находит адекватное свое воплощение. Образ соответствует понятию, и такое единство Гегель рассматривает как идеал.

Соответствие идеи с образом - не внешнее совпадение, не случайность и не формальность. Идея находит такой образ,

который адекватен ее природе. Но поскольку человеческие идеи (или идея) есть осмысление, осознание, или нечто духовное, постольку и образ должен иметь ту же самую природу. Иначе говоря, художественная идея адекватное себе воплощение находит лишь в очеловеченном, в одухотворенном, т. е. и образ, соответствующий идее, должен происходить из человеческой культуры, быть образом, окультуренным человеческими чувствами, очеловеченным образом. Идея в своем поиске возвращается в свою же сферу, ибо только тут она и может найти себе соразмерное, с собой соизмеримое, сопоставимо-сравнимое, внутренне присущее себе. И здесь, по Гегелю, идея не столько даже находит себя, сколько изобретает образ для воплощения своей духовности. Но творит не произвольно, не самовольно, а сообразно природе своей духовности.

Казалось бы, что еще нужно: идея нашла, сотворила себе тождественный образ - остается лишь наслаждаться этой гармонией. Однако человека (под человеком разумею и человеческое общество) не удовлетворяет и этот идеал, который является человеческим образом, ибо нет ничего в цивилизации как культурном теле человечества совершеннее самого человека, соразмерного духу, духовности. Идея становится конкретным образом, а образ - одухотворенной идеей. Всеобщее и единичное тождественны друг другу. Но это означает, что любое чувственно воспринимаемое тело, человеческий лик должен в самом себе, не выходя за себя, за пределы своей чувственности и телесности быть олицетворением мысли, духовности, духа; единичное должно быть в то же время и всеобщим. Но человеческое чувственное тело как образ не признается более только чувственным бытием, а рассматривается как образ всеобщего (идеи), стало быть, оно освобождается от всех случайностей и выступает как бесконечное. Образ освобождается от случайностей чувственного, единичного, а идея полностью выражает себя, многообразии своего внутреннего богатства в этом единичном чувственном образе. Но это означает, что дух, всеобщность (идея) в образе определяет себя

как частное, что не соответствует действительности. Это приводит к разложению классического искусства.

На третьей ступени развития идеи (романтической), по мнению Гегеля, снимается единство идеи и образа, и они предстают как различные, ибо идея не может быть представлена полностью в единичном, чувственно-конкретном образе. Здесь ученый указывает на ту особенность художественного творчества, что образ как воплощение идеи есть процесс, и как всякий процесс подвержен изменению. Постоянно меняющийся, предметно осязаемый, чувственный образ не может быть всегда тождествен идее. Тождественность их друг другу есть лишь момент в их сложном развитии. Идея не может свободно развернуться, пока телесное воплощение ее (образ) остается адекватной формой ее существования. Поэтому романтическое искусство нарушает единство, достигнутое на предыдущей - классической - стадии развития, так как идея его выходит за пределы классической художественной формы и ее способа выражения - за пределы идеала.

В классическом искусстве конкретное содержание (идея) предстает как в себе единство человеческой (индивидуальной) и общественной (идеала как совершенства) природы, «единство, которое именно потому, что оно существует лишь непосредственно и в себе, достигает адекватного проявления также непосредственным и чувственным образом»¹. И в качестве иллюстрации Гегель рассматривает понятие бога в греческом (классическом) и христианском (романтическом) искусствах.

Греческого бога можно чувственно воспринимать и созерцать, так как его формой является телесный человеческий облик. Но более высокую степень представляет, по Гегелю, «знание этого в себе существующего единства, которое классическая форма искусства имеет своим содержанием, получающем завершенность в телесном воплощении»². Но это как раз и выводит искусство на ступень романтическую, где идея как самосознательное знание, рефлектирующее знание переходит из непосредственного в сознательное

¹ Гегель Г.В.Ф. Эстетика. М., 1968. Т.1 С.85.

² Гегель Г.В.Ф. Эстетика Т.1. С.85.

единство, и истинной стихией для реальности этого содержания является уже не телесное, а самосознательная внутренняя жизнь.

Идея и образ снова оказываются, как и в символическом искусстве, неадекватными друг другу, несоизмеримыми. Но если в символическом искусстве несоразмерность их была вызвана абстрактностью идеи, то в романтическом искусстве идея совершенна в себе и завершена внутри себя и поэтому во внешнем мире не может найти адекватного себе образа. Она ищет и порождает свою истинную реальность и явление лишь внутри себя самой.

Все эти художественные формы представляют собой три разных вида отношения между идеей и образом в области искусства. Стремление к идеалу как истинной идее прекрасного, достижение этого идеала и выход за пределы его - вот основные вехи их взаимоотношения. Им (по Гегелю) соответствуют и свои виды искусств: символической форме - архитектура, классической - скульптура, а романтической - живопись, музыка и поэзия.

За внешне кажущейся мистической формой здесь скрывается рациональное зерно - действительно, воплощенность идеи в разных видах искусства неодинакова: соотношение идеи и образа в скульптуре другое, нежели в живописи, оно различно в музыке и в поэзии. И еще: идея не задается как нечто самостоятельно постоянное, она развивается, и это развитие неразрывно связано с ее образным миром. Развитие образа совершается вместе с развитием идеи, и развитие идеи немислимо без воплощающего изменения мира образов.

Мы подробно остановились на взглядах Гегеля о соотношении идеи и образа потому, что эта связь - одна из кардинальнейших в философской и эстетической литературе недостаточно исследована. А, как известно, диалектико-материалистическая трактовка опирается во многих пунктах именно на гегелевскую философию, материалистически ее переработав.

Теперь коротко остановимся на особенностях проявления идей в сфере нравственности. Здесь нам лучше всего обратиться к опыту Канта. Теория познания

кенигсбергского мыслителя служила не только введению теоретических и эстетических идей, но прежде всего должна была подготовить почву для практического разума. Превращение (в мысли) материально обусловленных определений реальной воли исторического человека в априорные определения и постулаты разума лучше всего демонстрирует кантовское понятие нравственного закона - категорический императив. Этот закон требует: «поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом»¹.

Формула нравственного закона, согласно кенигсбергскому философу, должна быть бессодержательной, формальной. Если бы в формулировку закона входило указание на содержание моральных действий, то он никогда не мог бы получить, безусловно, всеобщего и необходимого значения и оказался бы зависящим от постоянно изменяющихся условий. Предписание такого закона было бы всего лишь условным, гипотетическим, а не категорическим.

Непостижимые в теоретической деятельности идеи свободы, бессмертия и Бога (служившие лишь субъективным принципом) в практической деятельности (через признание категорического императива объективным принципом) оказываются не только осуществимыми, но и необходимыми и всеобщими. Нравственный принцип у Канта соединяется с целью практического разума. Такая «идея практического разума всегда может быть дана *in concrete* ... более того, она - необходимое условие всякого практического применения разума»².

Признав познаваемость идей в практической деятельности, ученый вынужден принять точку зрения объективного идеализма, рассматривающего идею как идеальную сущность. Это свидетельствует о неустойчивости и двойственности позиции Канта, который колебался не только между материализмом и идеализмом, но и внутри идеализма между субъективным и объективным, и, в конечном счете, предпочел субъективизм.

¹ Кант И. Сочинения. Т.4. Ч.1. М., 1965. С.260.

² Там же. Т.3. С.359.

Идея, понятая с позиции объективного идеализма, способна схватывать и указывать на тенденцию развития явлений. Если же этот рациональный момент перевернуть материалистически, то прав Ю.М. Бородай, полагающий, что идеальное понятие есть схема нашей же целесообразной деятельности, «и оно способно отражать вне и независимо существующую вещь, т. е. стать истинным понятием, лишь поскольку (и насколько) оно реализуется в самой практической деятельности»¹. Данную позицию Канта в этом пункте разделяет и диалектический материализм.

Если в кантовской философии идея имеет выход в мир лишь в практическом разуме, то мы выше показали, что диалектическая логика признает осуществимость идеи во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Следовательно, идея имеет выход и в мир практически-преобразовательной деятельности. Появившись в лоне этой деятельности, она, как бы совершив круг, возвращается к ней. Ограничение же идеи областью теории, скорее, относится лишь к одной из характеристик идеи, а именно к проявлению идеи как принципа², ибо принцип в теории есть высший (стержневой) элемент, «выступает верхней границей обобщения в данной системе (теории)»³.

Нестрогость в разграничении принципа и идеи - частое явление не только в теоретических исследованиях представителей частных наук, но и в работах философских. Порой наблюдается даже их отождествление из-за того, что как в первоначальном определении, так и в развитом уже состоянии идея проявляет себя через регулятивный принцип. И все же различать их можно и нужно. В отличие от принципа, который можно использовать как на теоретическом, так и на эмпирическом уровнях познания, идея работает лишь на теоретическом уровне. Попытка применить идею к эмпирическому материалу приводит к тому, что идея теряет собственную природу

¹ Бородай Ю.М. Воображение и теория познания. М., 1986. С.112-113.

² На наш взгляд, И.Д. Андреев идею и принцип неправомерно рассматривает лишь как однопорядковые (Андреев И.Д. Теория как форма организации научного знания. М., 1999).

³ Копнин В.П. Диалектика как логика и теория познания. С.281.

и выступает в роли принципа, организующего материал, систематизирующего и поднимающего этот материал до уровня обобщения - до теории.

Идея наиболее полно выражает творчески преобразующий характер мышления. Будучи формой развертывания мышления, она не только отражает действительность, но и духовно изменяет ее, тем самым, способствуя переходу знания в действие. «Идея есть познание и стремление (хотение) [человека]... Процесс (переходящего, конечного, ограниченного) познания и действия превращает абстрактные понятия в законченную объективность»¹. Высказывание В.И. Ленина как раз характеризует эту особенность идеи, которая, возникая в преобразовательной деятельности, формируясь в ней, сама, в свою очередь, сформировавшись, служит ей, служит способом, контуром преобразования, изменения действительности. Она указывает путь практической переделки, переустройства действительности, достраивает ее по законам разума, красоты и добра.

В заключение несколько слов об идее как идеале. П.В. Копнин, впервые рассмотревший идею как гносеологический идеал, считает, что «идея выступает гносеологическим идеалом (в развитии знания в какой-либо области), потому что, во-первых, объективность содержания знания достигает в ней наивысшей ступени (на данном уровне развития науки); во-вторых, идея как высший уровень полноты и объективности познания (на данной стадии) внутри себя содержит стремление к практической реализации (к материальному воплощению посредством практики)»².

Ученый прав, утверждая, что идея стремится достичь объективности и полноты знания. Но, на наш взгляд, не это делает идею гносеологическим идеалом, а то, что она не просто констатирует эту полноту и объективность, а на основе достигнутого уровня знания создает образ, цель деятельности до ее практической реализации: планирует,

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29. С.177.

² Копнин В.П. Философские идеи В.И. Ленина и логика. С.434.

предсказывает дальнейший ход движения объекта, выступает моментом сознательного, целенаправленного изменения действительности. Потому-то она и функционирует в роли гносеологического идеала, предвосхищающего движение общественно-исторического развития.

П.В. Копнин правильно отметил, что идея как «форма постижения в мысли явлений объективной реальности, включающая в себя сознание цели и проекции дальнейшего познания и практического преобразования мира... является активным, посредствующим звеном в развитии действительности, в процессе практической деятельности человека, создающей новые, ранее не существовавшие формы реальности»¹.

Идея, будучи объективным и полным отражением действительности, потому и есть идеал, что включает в себя стремление к совершенству; она не только сама является процессом, но включает в себя этот момент как существенное свое определение. Идея как гносеологический идеал (и не просто гносеологический, а идеал вообще) есть идеальный «образ, определяющий способ мышления и деятельности человека или общественного класса», «образ цели деятельности до ее фактического осуществления»².

Разумеется, это не означает, что идея есть идеал недостижимый. Идея как идеал тоже исторична. Развивающаяся общественная потребность порождает новую идею (идеал), соотносящуюся с этим исходным уровнем, но в то же время и выходящую за пределы наличной действительности. Идея как идеал, таким образом, служит стимулом бесконечного совершенствования общества и человека.

¹ Копнин В.П. Идея. // БСЭ. М., 1972. Т.10. С.41.

² Ильенков Э.В. Идеал // БСЭ. М., 1972. Т.10. С.34.

Глава 7. Теория

Теория является сложной и развитой формой логического мышления, в которой наиболее полно реализуется знание о предмете. Традиционная логика совсем не исследовала логическую природу теории, она в основном ограничивалась анализом таких логических форм, как суждение, умозаключение и методы познания.

В старой логике неразработанность теории как формы мышления связана с тем, что в ее времена наука и научное мышление еще не были достаточно развиты. Подобно тому, как куча кирпичей не составляет дома, так и разрозненные понятия, суждения, умозаключения сами по себе еще не дают систематического знания. Теоретическое познание (теорию) образует только единство, внутренняя взаимосвязь этих форм мышления, поэтому теория и есть реальное единство многочисленных суждений, умозаключений, понятий и т.п.¹

Важнейшей задачей диалектической логики как науки является раскрытие сущности теории. Однако, следует понимать, что ее невозможно познать посредством описания, сравнения, эмпирического обобщения. Многие попытки объяснить, что такое теория и в настоящее время часто не выходят за рамки эмпирического способа рассмотрения. Авторы подобных исследований в основном сравнивают одну теорию с другой, стараясь выделить нечто общее для них, и приходят к выводу, что для теории необходимы три группы понятий: исходная система понятий, выводы

¹ О проблеме теории, ее сущности и структуре см.: Копнин П.В. Диалектика как логика и теория познания: Опыт логико-гносеологических исследований. М., 1973; Абдильдин Ж.М., Нысанбаев А.Н. Диалектико-логические принципы построения теории. Алма-Ата, 1973; Степин В.С. Становление научной теории: содержательные аспекты строения и генезиса теоретических знаний физики. Минск, 1976; Мамчур Е.А. Проблема выбора теории: к анализу переходной ситуации в развитии физического знания. М., 1978. В данной главе мы рассматриваем в основном всеобщие условия формирования теории.

и связывающая группа понятий и т. п. Описав данные понятия, авторы в дальнейшем переходят к рассмотрению отношения теории к эксперименту, исследуют проблемы интерпретации и т. д., опираясь на высказывания ученых-естественников (Эйнштейна, Дирака, Мандельштама и др.).

Недостаток такого рассмотрения заключается в том, что при этом не раскрывается сущность, субстанциальная определенность теории, остается в тени связь теоретических представлений с предметной, практической деятельностью человека, поскольку описать отдельные элементы теории - не означает дать ее понятие, раскрыть ее сущность. Это возможно сделать только в том случае, когда даны всеобщие определенности теории, способ ее реального формирования.

Согласно диалектико-логическому методологическому принципу, чтобы понять какой-нибудь предмет, необходимо его исследовать в возникновении, развитии, не ограничиваясь при этом формальным перечислением признаков. «Логика формальная, ...берет формальные определения, руководствуясь тем, что наиболее обычно или что чаще всего бросается в глаза, и ограничивается этим...

Логика диалектическая требует того, чтобы мы шли дальше. Чтобы действительно знать предмет, надо охватить, изучить все его стороны, все связи и «опосредствования»¹. В качестве отличительных черт диалектического рассмотрения следует выделить его исследование в развитии, «самодвижении», с включением общественной практики и принципа конкретности истины. Эти идеи дают реальную возможность всесторонне понять такую сложную форму мышления, как теория, которая, по существу, является адекватной формой бытия науки. Таким образом, диалектическая логика не ограничивается описанием теории, а стремится раскрыть ее сущность, субстанциальные определения.

Особое внимание содержательная логика обращает на связь теории с предметной деятельностью человека. Не отрицая внутреннюю логику в развитии научно-теоретического познания, главную причину перехода от одних форм теоретических представлений к другим

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.42. С.289.

диалектическая логика видит в изменении и развитии практической деятельности общества. «И в самом деле, низвержение метафизики XVII века может быть объяснено влиянием материалистической теории XVIII века лишь постольку, поскольку само это теоретическое движение находит себе объяснение в практическом характере тогдашней французской жизни. Жизнь эта была направлена на непосредственную действительность, на мирские наслаждения и мирские интересы, на *земной* мир. Ее антитеологической, антиметафизической, материалистической практике должны были соответствовать антитеологические, антиметафизические, материалистические теории. *Метафизика практически потеряла всякое доверие*»¹, - отмечали Маркс и Энгельс.

В другом месте, подчеркивая связь философии, философской теории с практической деятельностью общества, они писали: «Мнение, что философия есть абстрактное выражение существующего положения вещей, принадлежит... *Фейербаху*, который впервые охарактеризовал философию как спекулятивную и мистическую эмпирию и доказал это... В действительности же дело обстоит скорее так, что философия именно потому, что она была только трансцендентным, абстрактным выражением существующего положения вещей, вследствие этой своей трансцендентности и абстрактности, вследствие *своего мнимого отличия* от мира, должна была вообразить, что она оставила глубоко под собой существующее положение вещей и действительных людей. С другой стороны, так как философия в действительности не отличалась от мира, то она и не могла произнести над ним никакого *действительного приговора*, не могла приложить к нему никакой реальной силы различения, не могла, значит, *практически* вмешаться в ход вещей, и в лучшем случае ей приходилось довольствоваться практикой *in abstracto*»².

Если философская теория является абстрактно-теоретическим способом выражения действительности, общественных отношений, то такая неразрывная связь

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.2. С.140-141.

² Там же. С.43.

с жизнью, производством и предметной человеческой деятельностью еще больше характерна для всех других научных теорий. Все научные теории выступают как идеальное выражение эмпирии, эксперимента и общих условий производственной деятельности. Невозможно сформулировать понятие теории как формы мышления, отвлекаясь от этой ее реальной связи с действительностью, жизнью. Сущностью теории, поэтому, является не то абстрактно-общее, что проясняется при теоретическом сравнении одних теорий с другими, сущность и субстанцию теории можно раскрыть лишь в составе более широкого целого, в ее подключенности к человеческой практической и духовной деятельности.

Итак, что есть *теория*? Какую развитую форму человеческого мышления мы можем определить как теорию?

В диалектической логике под теорией понимают такую сложную форму мышления, в которой духовно воспроизводится природа объективного, конкретного целого. Поскольку целостность прежде всего дается в человеческой предметной практической деятельности, постольку основой теории является внутренне замкнутая, внутренне завершенная целостная предметная деятельность. А завершенной считается такая практическая деятельность человека, в результате которой он может целостно формировать некоторую предметную реальность. Например, строитель может считать завершенной свою деятельность, когда он построил дом. То, что на стороне строителя выступает как реальный дом, на стороне проектных организаций представлено лишь как идеальное (теоретическое) бытие. Таким образом, *теория - форма целостной деятельности*. В теории какое-либо целостное явление воспроизводится всесторонне - от начала до конца.

При этом следует иметь в виду, что не всякая практика, не всякое социокультурное условие порождает потребность в теории, в научно-теоретическом воспроизведении действительности, а только историческая особая практика, целостная предметная деятельность, возникшая со времени возникновения капиталистического производства,

которая ориентирована не на вещную, натуральную форму предметов, а на преобразование процессов, их всеобщих определений, внутренних взаимосвязей, обуславливающих вещественное и телесное существование предметов природы. Для практики этого времени уже было характерно универсальное отношение к природе, усвоение силы природы всеобщим образом, превращение локальной истории разных континентов и народов в единую целостную историю развивающегося человечества.

С Нового времени предметная деятельность (труд) все больше принимает обобщенную форму. Если во всех прежних способах производства один какой-нибудь вид труда, например, земледельческий, являлся определяющим для всех остальных, то буржуазное общество постепенно превращает все формы деятельности в разновидность труда промышленного. Развитая система разделения труда при капитализме, когда товарный обмен становится всеохватывающим, приводит к тому, что целью производства выступает производство абстрактного богатства.

Капиталистическое богатство есть постоянно переходящая из одной формы в другую стоимость, ставшая капиталом, который может сохранить себя только посредством непрерывного самовозрастания. Богатство, т. е. исторически накопленный труд в его конкретной форме, здесь достигает своей всеобщности как средство эксплуатации, ибо любой товар может стать и становится его мимолетной формой существования. Любой вид труда становится трудом, производящим абстрактное богатство, а, следовательно, трудом вообще. При таких условиях впервые возникает безразличие к определенности труда¹.

Вместе с тем именно в эпоху капитализма создается реальное условие не только для постижения всеобщих определений труда, но также для формирования такой особой формы мышления, как теория. Однако отчужденный характер предметной деятельности, труда, общественных отношений в буржуазной системе производства гасит всеобщую сущность труда в образе абстрактного богатства, не дает понять истинную сущность научной

¹ См.: Диалектическая логика. Алма-Ата, 1986. Т.1. С.176.

теории, извращает ее отношение к абстрактным объектам и объективной действительности. Поэтому критика системы отчужденных отношений создает условие для рационального познания как содержания предметной деятельности, так и природы теории.

Природная целостность, таким образом, воспроизводится или преобразуется в форме практической деятельности: «Но мы находим не только то, что за известным движением следует другое движение, мы находим также, что мы в состоянии вызвать определенное движение, создав те условия, при которых оно происходит в природе; мы находим даже, что в состоянии вызвать такие движения, которые вовсе не встречаются в природе (промышленность), - по крайней мере не встречаются в таком виде, - что мы можем придать этим движениям определенные заранее направление и размеры»¹.

В теории человек схватывает идеально общее условие этого движения. Если в процессе построения теории осуществляется превращение материального в идеальное, то в ходе реально-практического движения - идеального в материальное. Правда, этот процесс превращения есть не простой факт, а сложное диалектическое движение, в котором обе стороны противоположностей взаимно обогащаются. Так, например, в ходе превращения теории в практически-предметную реальность происходит не только подтверждение теории, но и ее обогащение. И, наоборот, в ходе духовного освоения практически-предметной деятельности в теории дело не завершается познанием (отражением), а имеет место углубление и обобщение предметной деятельности.

Кроме того, не следует забывать, что как практическая деятельность, так и теория имеют внутреннюю логику своего развития, внутренний импульс и противоречие. Поэтому причиной развития как предметной деятельности, так и теории являются внутренние диалектические противоречия всего целостного процесса. Только учитывая все их вместе, в целостности, можно говорить о развитии предметной деятельности и познания.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.20. С.544-545.

В постпозитивистской литературе, например, нет единого мнения о развитии идей, теории. Согласно сторонникам одной точки зрения (К. Поппер, И. Лакатос, Дж. Агасси, Е. Захар, Л. Лаудан и др.), причину развития идей, теорий необходимо искать во внутренних, когнитивных факторах. Другие ученые (Т. Кун, М. Малкей, С. Тулмин, П. Фейерабенд и др.) исходят из того, что в развитии идей, теорий детерминирующее значение имеют социальные факторы.

По мнению Т. Куна, к примеру, в науке существуют «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают модель постановки проблем и их решения научному сообществу»¹. Все дальнейшие научные исследования происходят внутри данной общей концепции, которую он называет термином *парадигма*. По его мнению, развитие науки есть *смена парадигм*. Смена происходит революционным, скачкообразным образом.

В период господства той или иной парадигмы, в ее рамках происходит множество научных исследований, исходящих из данной парадигмы и принимающих ее концепцию. В связи с этим философ ввел понятие *нормальной науки*, понимая под ним науку, развивающуюся в рамках определенной парадигмы. «Нормальная наука состоит в реализации намеченной в парадигме перспективы. Ее задача установление значительных фактов, сопоставление фактов и теории, разработка теории. Цель нормальной науки постоянное расширение пределов научного знания и его уточнение»².

Однако, кроме нормальной науки, согласно ученому, существуют *экстраординарные науки* - научные теории, положения, которые начинают расходиться или выступают в качестве альтернативы существующей парадигме. Из-за возникновения таких отдельных фактов, теоретических положений, парадигма не уступает свое место, однако в рамках парадигмы, благодаря экстраординарным наукам, возникают провалы, *аномалии*, свидетельствующие о том, что некоторые факты, теоретические положения

¹ Кун Т. Структура научных революций. М., 1977. С.11.

² Там же. С.45.

являются необъяснимыми или выходящими за пределы существующей парадигмы.

С этого времени определенная группа ученых занимается поиском новых объяснений, новых оснований, новых концепций и таким образом новой парадигмы. Это длительный процесс, но в определенное время старая парадигма, сталкиваясь с новыми принципами, новыми концепциями «взрывается» изнутри и уступает место новой парадигме, объясняющей более широкий пласт фактов, являющейся более обоснованной, что знаменует начало нового «нормального» периода и весь процесс повторяется заново.

Согласно американскому философу, смена парадигм, революция в сфере науки имеет место во всех науках. Поэтому революция, смена парадигм в развитии науки имеет *всеобщее* значение.

Согласно же Лакатосу, развитие науки является не простой сменой одних парадигм другими, как это представлял Т.Кун. По его мнению, в процессе развития науки происходит не однолинейная, а *конкурентная* борьба различных *научно-исследовательских программ*. «В соответствии с моей концепцией, - размышлял философ науки, - фундаментальной единицей оценки должна быть не изолированная теория или совокупность теорий, а «исследовательская программа»¹. Программы конкурируют между собой, борются друг с другом, стремясь объяснить существующие положения, факты в развитии науки.

Как утверждает Лакатос, в развитии науки мы имеем дело не просто с явлением отношения теории и факта, когда научная теория пытается объяснить факты и при возможности такого объяснения становится состоятельной. По мнению ученого, на самом деле это более сложный процесс.

В процессе развития науки принимают участие, по крайней мере, *три участника*: с одной стороны, две конкурирующие теории, две конкурирующие

¹ Лакатос И. История науки и ее реконструкция // Структура и развитие науки. М., 1978. С.23.

исследовательские программы, а третьим участником здесь являются факты. Конкурирующие теории пытаются объяснить факты, новые положения, существующие в науке, и в той мере, в какой конкурирующие программы смогут объяснить новые факты, все прошлые положения, но главное - открыть новые горизонты в развитии науки (то есть, насколько они успешно выполняют свою эвристическую функцию), они являются *состоятельными*. Поэтому в ходе развития науки побеждают наиболее глубокие и прогрессивные программы, те, кто наилучшим образом могут объяснить факты, прошлые положения и дать возможность появлению новых открытий. Именно эти исследовательские программы являются наиболее *успешными и прогрессивными*.

Однако для развития науки не характерна постоянная победа одной программы, в процессе развития научного знания совершается смена программ, при которой программа, являвшаяся прежде успешной, объяснявшая множество фактов, дававшая возможность для развития различных научных теорий, в ходе прогресса науки может уступить место другим более успешным программам. Об этом, подчеркивает ученый, свидетельствует история науки.

В истории науки постоянно существовали конкурирующие программы: в истории физики, например, конкурировали корпускулярная и волновая теории, в области социальных явлений - идеалистическое и материалистическое понимание истории, в области биологии - эволюционная теория и противоположные ей теоретические концепции и т.д.

По мнению Лакатоса, в структуре каждой научно-исследовательской программы можно выделить *ядро программы*, его центральную часть, вокруг которого существует *пояс защиты* - гипотезы и научные положения, которые защищают истинность и успешность ядра. Как известно, конкурирующие программы, теоретические концепции свой главный удар пытаются нанести именно по ядру программы, ее основной части. Вот в этот момент защитный пояс, охраняющие программу теоретические положения и гипотезы вступают в борьбу на защиту своего

ядра. Если в ходе развития программы, защитный пояс не может успешно защитить ядро, в ходе развития науки программа не сможет доказать свою успешность, то она заменяется другой, более успешной программой, в свою очередь, обладающей своим ядром и защитным поясом. И в истории развития науки мы видим историю смены конкурирующих программ.

Согласно диалектической логике, поскольку все находится в постоянном универсальном развитии, постольку и человеческая предметная деятельность непрерывно изменяется, причем изменение это не только количественное, но и качественное. Хотя все ступени развития внутренне связаны, они имеют свои собственные основы, несводимые к предшествующим ступеням, что, в свою очередь, отражается в теориях, качественно отличных друг от друга.

Примером такого рода может быть отношение квантовой механики к классической. Эти теории в своих основах имеют качественно различные формы предметной деятельности, эксперимента. Таким образом, изменение логики теории обуславливается изменением логики (принципа) предметной деятельности.

В истории познания различные ступени развития человеческого мышления, понимания категорий есть результат отражения изменений, происходящих в практической деятельности. Хотя общие условия человеческой деятельности в основном оставались одними и теми же, но в историческом процессе они претерпевали различные формообразования. Этот процесс, несомненно, отразился и в человеческом мышлении.

В теории идеально дано общее условие формирования и функционирования целостности, хотя отношение между теорией и объективной предметной действительностью не непосредственное. Притом объективная действительность опосредствована не созерцанием, а предметно-практической деятельностью. Поэтому, перефразируя известное положение Маркса о понятии, можно сказать:

теория есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней. Функция преобразования материального в идеальное осуществляется в ходе практической деятельности человека.

Теория поэтому выступает именно как *форма практической деятельности*¹. Правда, первоначально мы имеем дело с предметной областью, целостным предметом. Однако его нельзя рассматривать вне человеческого общества, вне предметной деятельности. Все отношения человека с природой, внешним миром опосредствованы обществом, общественными отношениями.

Критикуя созерцательность отношения Фейербаха к миру, К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Он не замечает, что окружающий его чувственный мир вовсе не есть некая непосредственно от века данная, всегда равная себе вещь, а что он есть продукт промышленности и общественного состояния, притом в том смысле, что это - исторический продукт, результат деятельности целого ряда поколений, каждое из которых стояло на плечах предшествующего, продолжало развивать его промышленность и его способ общения и видоизменяло в соответствии с изменившимися потребностями его социальный строй. Даже предметы простейшей «чувственной достоверности» даны ему только благодаря общественному развитию, благодаря промышленности и торговым сношениям. Вишневое дерево, подобно почти всем плодовым деревьям, появилось, как известно, в нашем поясе лишь несколько веков тому назад *благодаря торговле*, и, таким образом, оно дано

¹ Диалектико-материалистическая концепция о фундаментальной роли практики, предметной деятельности в формировании и развитии идей, теорий только на первый взгляд напоминает идеи таких социологов, как Т. Кун, С. Тулмин, П. Фейерабенд, так как на самом деле между ними есть принципиальное отличие. Сама социологическая идея в постпозитивистской философии науки возникла, во-первых, под влиянием диалектического материализма, во-вторых, понятие «социологический фактор» социологами рассматривается расплывчато: под этим термином объединяется весьма широкий круг общественных явлений (например, интеллектуальное окружение, общественная атмосфера, социальная психология и т.п.).

«чувственной достоверности» Фейербаха только *благодаря* этому действию определенного общества в определенное время»¹.

В нижеследующем тексте философы отмечают, что единство человека с природой «всегда имело место в промышленности, видоизменяясь в каждую эпоху в зависимости от большего или меньшего развития промышленности, точно так же, как и «борьба» человека с природой, приводящая к развитию его производительных сил на соответствующем базисе... Фейербах говорит особенно о созерцании естествознания, упоминает о тайнах, которые доступны только глазу физика и химика, но чем было бы естествознание без промышленности и торговли? Даже это «чистое» естествознание получает свою цель, равно как и свой материал, лишь благодаря торговле и промышленности, благодаря чувственной деятельности людей. Эта деятельность, этот непрерывный чувственный труд и созидание, это производство служит настолько глубокой основой всего чувственного мира, как он теперь существует, что если бы оно прекратилось хотя бы лишь на один год, то Фейербах увидел бы огромные изменения не только в мире природы, - очень скоро не стало бы и всего человеческого мира...»².

Следовательно, рассматривая такой сложный вопрос, как понятие теории, мы не можем отвлечься от фундаментального вопроса о чувственно-предметной обусловленности человеческого отношения к природе. Человек прежде относился к природе практически, предметно, лишь позже он стал понимать ее внутренние законы, стал осваивать ее и теоретически. В ходе своей борьбы человек целесообразно изменяет природу, приспособливает ее формы к своим потребностям. В процессе производственной деятельности вещества природы, ее различные элементы принимают определенную целесообразную форму. «Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредствует, регулирует и контролирует

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.3. С.42.

² Там же. С.43.

обмен веществ между собой и природой. Веществу природы он сам противостоит как сила природы. Для того чтобы присвоить вещество природы в форме, пригодной для его собственной жизни, он приводит в движение принадлежащие его телу естественные силы: руки и ноги, голову и пальцы. Воздействуя посредством этого движения на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу. Он развивает дремлющие в ней силы и подчиняет игру этих сил своей собственной власти»¹.

Производительный труд с самого начала является целесообразной деятельностью, т. е. «в процессе труда деятельность человека при помощи средства труда вызывает заранее намеченное изменение предмета труда. Процесс угасает в продукте. Продукт процесса труда есть потребительная стоимость, вещество природы, приспособленное к человеческим потребностям посредством изменения формы. Труд соединился с предметом труда. Труд овеществлен в предмете, а предмет обработан. То, что на стороне рабочего проявлялось в форме деятельности... теперь на стороне продукта выступает в форме покоящегося свойства... в форме бытия»².

Как известно, невозможно целесообразно, в нужном направлении изменить форму предмета посредством нецелесообразной, хаотической деятельности. Человекообразная деятельность животных подсказана инстинктом, человек же действует целенаправленно. Это не врожденное его свойство, а продукт истории, в процессе которой человек стал человеком, окончательно отделившись от мира животных.

Природа подчиняется своим закономерностям, ей присуще качественное развитие, формообразование. В процессе трудовой деятельности человек целесообразно изменяет форму предметов природы, целенаправленно приспособливает их к своим потребностям. Спрашивается, почему это движение, являясь как бы внешним по отношению к предмету, приводит все-таки к нужной цели.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23. С.188.

² Там же. С.191-192.

Здесь, разумеется, нет никакой тайны. Дело в том, что человеческая предметная деятельность в сокращенном виде как бы воспроизводит закономерности самой природы. При этом ни один результат человеческой деятельности не является окончательным. Человек снова и снова вовлекает их в деятельность, оживляет и вдыхает в них «душу». Всеобщей формой человеческой деятельности является диалектика опредмечивания и распредмечивания. «Живой труд должен охватить эти вещи, - подчеркивал Маркс, - воскресить их из мертвых, превратить их из только возможных в действительные и действующие потребительные стоимости. Охваченные пламенем труда, который ассимилирует их как свое тело, призванные в процессе труда к функциям, соответствующим потребительной стоимости. Охваченные пламенем труда, который ассимилирует их как свое тело, призванные в процессе труда к функциям, соответствующим их идее и назначению, они хотя и потребляются, но потребляются целесообразно, как элементы для создания новых потребительных стоимостей <... >».

Труд потребляет свои вещественные элементы, свой предмет и свои средства, пожирает их, а потому является процессом потребления»¹.

Производство, предметная деятельность есть всеобщее условие человеческой жизни. «Процесс труда, ... есть целесообразная деятельность для созидания потребительных стоимостей, присвоение данного природой для человеческих потребностей, всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он не зависит от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем ее общественным формам»².

Хотя каждый предмет производится в результате особого движения, но существует и всеобщая форма производства каждой конкретной вещи, каждого целостного предмета. Процесс труда, который состоит из целесообразной деятельности, предмета труда и средств труда, и есть

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23. С.194-195.

² Там же. С.195.

всеобщая форма производства предмета, потребительных стоимостей. Теория как форма логического мышления является *идеальной* формой целостного процесса труда, целостной предметной деятельности. Если в процессе труда, целенаправленной деятельности новая потребительная стоимость (законченная вещь) создается реально, то в теории мы имеем идеальную форму этого процесса. Если процесс труда угасает в продукте, который в свернутом виде содержит весь предшествующий процесс деятельности, то понятия, теории аккумулируют в себе в такой же мере весь предшествующий процесс их формирования. Подобно тому, как посредством простого созерцания готового предмета нельзя понять способ формирования этой вещи, так и посредством сравнения одной теории с другой нельзя выявить сущность теории, всеобщее условие ее возможности. Понять теорию возможно только тогда, когда мы раскрываем всеобщие условия ее существования.

В процессе человеческого постижения мира теория выступает как идеальная форма целостной действительности, которая в формировании теоретического знания имеет особое значение. В теории дается идеальное всеобщее условие существования, возможность и действительность конкретной, целостной реальности. Характеризуя специфику человеческого отношения к миру, К. Маркс писал: «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т.е. идеально. Человек не только изменяет форму того, что дано природой; в том, что дано природой, он осуществляет вместе с тем и свою сознательную цель, которая как закон определяет способ и

характер его действий и которой он должен подчинять свою волю»¹.

Хотя исторически это идеальное представление (теория) архитектора о будущем доме являлось продуктом человеческого общества и формировалось в процессе предметной деятельности, но, сформировавшись, оно предшествует всякой конкретной деятельности, совершаемой конкретной личностью. То же самое можно сказать и о других теориях. Например, «Капитал» Маркса является теорией капитализма, вскрывающей всеобщие условия существования и функционирования капиталистического производства.

В естественнонаучных теориях также идеально выражается всеобщее условие конкретного целого, воспроизводимое в конкретных экспериментах. Так, в теории относительности закономерности электромагнитных явлений в движущихся системах объясняются исходя из общих условий. Здесь теоретически раскрыты всеобщие условия опыта Майкельсона.

Таким образом, теория выражает условие возможности и действительности, в себе и для себя бытие предметной, практической деятельности.

В предисловии к «Капиталу» К. Маркс проиллюстрировал это положение следующим образом: «Физик или наблюдает процессы природы там, где они проявляются в наиболее отчетливой форме и наименее затемняются нарушающими их влияниями, или же, если это возможно, производит эксперимент при условиях, обеспечивающих ход процесса в чистом виде. Предметом моего исследования в настоящей работе является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена. Классической страной этого способа производства является до сих пор Англия. В этом причина, почему она служит главной иллюстрацией для моих теоретических выводов»².

При построении теории всегда исходят из определенных фактов. Обычно теории предшествует определенная

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23. С.189.

² Там же. С.6.

система фактов, хотя еще Эйнштейн считал, что для построения новой теории вполне достаточно одного факта. Например, ученый справедливо полагал, что нужно было думать о необходимости принципиально новой теории (теории элементарных частиц) уже со времени открытия электрона, так как электрон был принципиально новым объектом, выпадающим из класса всей прежней реальности. Действительно, наличие множества фактов ни о чем еще не говорит: еще Сади Карно заметил, что тысяча машин доказывает закон сохранения не более убедительно, чем одна машина. Кроме того, теория выражает не просто общее множествам фактов, а всеобщие условия существования и функционирования этих фактов.

В теории факты и эмпирические закономерности выводятся из единого принципа, всеобщих условий объективного конкретного целого. Касаясь этой стороны теории. А. Эйнштейн указывал на необходимость: «1. Охватить по возможности все явления и их взаимосвязи (полнота). 2. Добиваться этого, взяв за основу как можно меньше логически взаимосвязанных понятий и произвольно установленных соотношений между ними (основных законов или аксиом). Эту цель я буду называть «логической единственностью»»¹.

В физике принято считать специальную и общую теории относительности образцами теории, в которых принцип «логической единственности» проведен последовательно. В своих теоретических построениях Эйнштейн обращал глубокое внимание на всеобщее условие системы. Он всегда размышлял, почему именно конкретное целое существует в такой, а не иной форме. «Мы хотим не только знать, - писал ученый, - как устроена природа (и как происходят природные явления), но и по возможности достичь цели, может быть, утопической и дерзкой на вид, - узнать, почему именно такой, а не другой»².

Поскольку важнейшей чертой теории является сведение многообразного к единому, выявление *всеобщих*

¹ Эйнштейн А. Собрание научных трудов. М., 1966. Т.2. С.244-245.

² Там же. С.245.

условий конкретной целостности, постольку в теории придается важнейшее значение исходным понятиям, так как дальнейшее развитие теории, по существу, опирается на них. Поэтому наибольшие трудности в ней возникают вокруг этих понятий.

Например, в политической экономии было много споров и трудностей вокруг понятий стоимости, прибавочной стоимости, ибо эти понятия являлись наиболее фундаментальными. В экономических исследованиях были попытки трактовать их как субъективные творения ума. П.В. Струве, например, назвал понятие стоимости средневековым «фантомом». На самом же деле, теория капитализма выступает как система внутренне связанных понятий, причем все они имеют различные уровни общности. Если такие фундаментальные понятия, как стоимость, прибавочная стоимость, обладают субстанциальным значением (они выступают как теоретические понятия), то прибыль, процент, рента и т. п. являются формами проявления (эмпирические понятия). Эти две стороны теории внутренне связаны, хотя и нет непосредственного совпадения сущности с формами проявления. Большое значение принадлежит в теории и опосредствующим звеньям.

Таким образом, теория состоит из всеобщих условий, системы особых понятий и эмпирических фактов. Однако простое описание различных признаков теории еще не является ее понятием, ибо не дает представления о сущности теории. Как известно, важнейшей характеристикой теории является целостное воспроизведение предмета, поэтому необходимо проанализировать те всеобщие условия (принципы), которые обеспечивают механизм формирования научной теории.

Важнейшее значение диалектической логики состоит также в том, что в ней всесторонне разработаны продуктивные логические принципы построения теоретического знания. Прежде всего речь идет о методе восхождения от абстрактного к конкретному, о диалектической дедукции,

об исследовании сущности независимо от форм проявления и о диалектическом принципе противоречия в теории.

Восхождение от абстрактного к конкретному охватывает всю логику теории и выступает как универсальный метод научно-теоретического познания. Важнейшими моментами этого метода являются определение предметной области и теоретический ее анализ, выявление исходного принципа, прослеживание движения теории от всеобщего к особенному и единичному и т. п.

В отличие от формальных методов, в которых охватывается лишь одна сторона конкретного целого, диалектико-логический метод - это наиболее развитый и целостный метод, адекватно отражающий реально-исторический процесс возникновения и развития объективного конкретного. Поэтому в ходе диалектического воспроизведения действительности находятся в единстве индукция и дедукция, анализ и синтез, сведение и выведение. В силу своей конкретности такой метод принципиально превосходит как индуктивные, так и формально-дедуктивные методы познания предмета.

В силу того, что теория является наиболее развитой, сложной формой мышления, в ее структуре содержатся все другие формы мышления, как-то: понятие, идея, суждение, умозаключение и т. п. Правда, в структуре теории все эти логические формы, понятия существуют не самостоятельно, а как моменты развивающегося целостного знания. Иными словами, все они подчинены теории, пронизаны сквозной идеей, функционируют как ступени в процессе построения теоретического знания.

В процессе формирования теории все эти логические элементы выполняют различные функции. Так, в форме идеи разрешается напряженное противоречие в развитии человеческого познания. В исходном понятии познается всеобщее условие функционирования развивающегося предмета. В форме основного понятия постигается сущность, противоречие исследуемой предметной области и т. д. Поэтому целостная теория существует только как

синтез, как внутренняя взаимосвязь понятий, идей, законов, заключений на основе определенного уровня практической деятельности¹.

Все это можно проследить на примере таких развитых научных теорий, как «Капитал» Маркса и теория относительности. Если вести речь о «Капитале», то он в качестве научной теории капиталистических производственных отношений выступает как единство следующих многочисленных понятий: товар, стоимость, деньги, прибавочная стоимость, прибыль, процент, рента и т.д. Притом теория Маркса не является внешним, механическим синтезом этих понятий. В составе «Капитала» они занимают определенное место, выполняют определенную функцию. Кроме того, их внутренняя взаимосвязь, в которой отражаются капиталистические производственные отношения, подчиняется методу восхождения от абстрактного к конкретному.

Действительно, К. Маркс в ходе построения своей теории капиталистической формации сначала выделяет первоначальное целое, т. е. объект, теоретический анализ которого дает возможность выявить начало, всеобщее условие функционирования системы капиталистических отношений. Он четко устанавливает, что капитализм - это огромное скопление товаров, и все его экономические отношения, стало быть, опосредствованы товаром, являющимся элементарной клеточкой капитализма.

Внимательный анализ товарных отношений, простого обмена привел Маркса к открытию закона стоимости. В последующем ученый глубоко обосновывает происхождение денег, раскрывает их различные функции в процессе обмена.

Кроме того, в своей теории Маркс исследовал возникновение прибавочной стоимости, т. е. определил последнюю как такое особое в товарно-капиталистическом производстве, что возникает как бы в процессе самодвижения

¹ Об этом подробнее см.: Дialeктическая логика. Алма-Ата, 1985. Т. 4; Абдильдин Ж.М., Нысанбаев А.Н. Дialeктико-логические принципы построения теории. Алма-Ата, 1973.

стоимости. «Стоимость становится, таким образом, - пишет ученый, - самодвижущейся стоимостью, самодвижущимися деньгами, и как таковая она – капитал»¹. «Вместо того чтобы выражать собой отношение товаров, она теперь вступает, так сказать, в частное отношение к самой себе. Она отличает себя как первоначальную стоимость от себя самой как прибавочной стоимости...»².

До Маркса превращение формул товарного обращения в формулы капитала было тайной. Более того, возможность прибавочной стоимости противоречила закону стоимости, обмену эквивалентов. Философ разрешил эту тайну посредством открытия рабочей силы как товара. Для возникновения капитала недостаточно наличия простого товарного производства, а необходимо его развитие. В.И. Ленин охарактеризовал капитализм как товарное производство на той стадии его развития, когда и рабочая сила становится товаром.

В «Капитале» Маркс не ограничился раскрытием сущности капитализма, обоснованием его основного понятия, а в дальнейшем дал целостную картину капиталистических общественных отношений, выявил связь сущности (прибавочной стоимости) с формами проявления, т. е. с прибылью, процентом и рентой. При этом рационально разрешил все те противоречия, которые возникали между прибавочной стоимостью и превращенными ее формами.

Марксу удалось создать цельную научную теорию капиталистической общественно-экономической формации: он в отличие от классиков английской политической экономии рассматривал капитализм не в форме объекта, не как отношение вещей, а как отношение людей, экономическое отношение индивидуальных производителей. Иными словами, он реализовал деятельностьную концепцию в исследовании предмета, раскрыл сущность капиталистических общественных отношений, которые обнаруживают себя на поверхности как отношения вещей.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23. С.166.

² Там же. С.165.

То же самое имеет место в специальной теории относительности Эйнштейна, в которой функционируют такие понятия, как постоянство скорости света, принцип относительности одновременности, преобразования Лоренца, пространство и время, масса и энергия и т. п.

Во второй половине прошлого века в исследовании физических процессов на первое место выдвинулось изучение электромагнитных явлений в движущихся средах. Специальная теория относительности возникла в результате теоретического осмысления этого процесса.

В основе теории относительности, как известно, лежит наряду с принципом относительности принцип постоянства скорости света. Обычно при такой констатации создается впечатление, что эти два принципа играют одинаковую роль и в этом смысле равноценны. На самом же деле, в структуре теории принцип относительности выполняет функцию всеобщего основания, от которого зависят все другие определения теории.

В то время физикам казалось, что принцип постоянства скорости света и принцип относительности несовместимы. Эйнштейн же доказал обратное: он преодолел противоречие между принципом относительности и постоянством скорости света. Правда, принцип относительности у Эйнштейна не тождественен таковому у Галилея. Первый существенно обогатил этот принцип, распространив его на электромагнитные явления. Кроме того, заслуга Эйнштейна состоит в том, что он открыл то особое явление, при помощи которого связал принцип относительности с постоянством скорости света (т. е. относительность одновременности), и определил ее роль в преобразованиях Лоренца.

В теории относительности исключительно важное значение также имеют преобразования Лоренца. Однако их роль и место в теории несколько иные, чем исходные положения теории относительности, из которых генетически вытекают все другие определенности теории. Поэтому преобразования Лоренца не могут быть исходным пунктом

теории относительности, поскольку они представляют более сложную категорию теории.

В процессе развития практики постоянно развиваются человеческое познание, теории, совершается переход от одних теорий к другим. Внутренним ритмом этого процесса также является противоречие, возникающее в ходе развития теоретического познания. Поскольку все развивается постольку в постоянном изменении и развитии находятся человеческая практика, эксперимент и познание. Когда теория в основном соответствует уровню практики, эксперимента, то она переживает в своей истории этап плавного совершенствования. Однако такое соответствие в истории науки не бывает продолжительным в силу того, что диалектична, противоречива сама человеческая практика. Поэтому в дальнейшем развитии возникают новые факты, экспериментальные результаты, которые принципиально противоречат существующей теории и выходят за пределы ее возможностей. Ученые первоначально делают все, чтобы объяснить их посредством существующей теории (так, поступали, например, представители классической физики).

В ходе дальнейшего развития науки противоречия между теорией и фактами, как правило, углубляются. Поскольку локальные попытки преодоления трудностей существующей теории ничего не дают, постольку в развитии познания, теоретических представлений возникают острые противоречия, *проблемная ситуация*, которая свидетельствует о принципиальной неспособности существующей теории удовлетворительно объяснить новые факты, экспериментальные результаты.

Так П.К. Фейрабенд в своих работах «Против метода», «Наука в свободном обществе» решительно выступает *против общего правила*, которое служит методологическим основанием для любого научного исследования. По его мнению, такое жесткое правило ограничивает творчество ученых, их *свободу*. Таким образом, он решительно выступает как против декартовского поиска ясного отчетливого принципа, из которого можно было

дедуцировать всю систему научного знания, так и против эмпирической, позитивистской концепции, берущей в качестве исходного момента некоторые простые положения - протокольные предложения, из которых можно было понять и осмыслить всю систему научного знания.

С точки зрения ученого, более демократичным и правильным подходом в истории науки и научного творчества является *свобода, анархия*, смена этих общих правил.

Если рассмотреть историю науки, историю научного творчества, полагает философ, мы увидим, что подлинный прогресс в развитии науки происходил не путем последовательного проведения некоторого оправдавшего себя общего принципа к последующим фактам в осмыслении последующих явлений, а, напротив, посредством отказа от общепринятых принципов, в результате решительной свободы, отсутствия общего принципа, что является более демократичным и в большей степени обеспечивает прогресс в области научного творчества. По мнению ученого, об этом свидетельствует вся история человеческого познания.

Как известно, некогда в космологии господствовала птолемеевская система. Птолемеевская система исходила из основополагающих идей Аристотеля и объясняла все существующие факты и положения своего времени. Против этой системы выступила новая коперниканская система, которая первоначально не могла объяснить многие факты и явления, с которыми легко справлялась птолемеевская система. Однако в процессе дальнейшего развития науки, благодаря научным усилиям Галилео Галилея и отказу от птолемеевской системы, система Коперника со временем получила жизненность, полное оправдание и успешно заменила собой старую систему.

С точки зрения Фейерабенда, подобные процессы происходят и в отношении классической физики и квантовой механики, и в отношении классической физики и теории относительности, то есть, в отношении множества научных теорий. По его мнению, убедительным примером в данном

случае является история отношения классической физики и квантовой механики.

Классическая физика, как известно, до начала XX века объяснила все существующие факты и квантовая механика, квантовые идеи первоначально возникли в связи с разъяснением одного факта – излучения абсолютно черного тела. И только в результате *решительного отказа* от прежней теории, когда новая теория стала распространять свои принципы, идеи, законы, понимание на множество других явлений, показала свою эвристическую функцию, только тогда новая квантовая теория доказала свою успешность, свою необходимость.

Таким образом, ученый выступает против одной постоянной последовательной методологии, он более всего склонен поддерживать возможность *множества* методологий. «Основным положением моей концепции является принцип *пролиферации*, который призывает создавать и разрабатывать теории, несовместимые с принятыми точками зрения, даже если последние являются в высокой степени подтвержденными и общепризнанными. Любая методология, принимающая этот принцип, будет познаваться *плюралистической методологией*. Теории, созданные в соответствии с этим принципом, будут называться альтернативами по отношению к уже существующей теории»¹.

С точки зрения Фейерабенда, переход науки от одной ступени к другой, замена одних теорий другими, одной концепции другими требует или *решительного отказа* от первых теорий, или *свободы* новых исследователей.

Многие современные науки, согласно мнению философа, в отличие от классических, возникли или в результате сознательного отказа от прежних, или в результате появления новых фактов, которые люди не связывали со старыми идеями и старыми принципами. Поэтому в истории развития науки происходит смена одной методологии другой методологией, смена одного утвердившего и

¹ Фейерабэнд П.К. Ответ на критику (комментарий к статьям Дж. Дж. Смарта, У. Селларса и Х. Патнэма) // Структура и развитие науки. М., 1978. С.149.

оправдавшего себя принципа другими принципами – такое отношение к методологии, убежден ученый, является наиболее демократическим и правильным принципом в истории развития науки.

В концепции эпистемологического анархизма, как свою теорию называл сам Фейерабенд, также важным моментом является особое внимание, уделяемое им так называемой *гипотезе ad hoc* и тем теоретическим положениям, которые как бы выпадают, стоят особняком в системе научной теории, или системе научно-теоретических концепций. По мнению ученого, нельзя пренебрежительно относиться к гипотезам *ad hoc*, нельзя их запрещать, дело в том, что в ходе развития науки именно гипотезы *ad hoc* или те теоретические положения, которые якобы выпадали из целостной системы, могут дать начало, росток новой теории, новым научно-теоретическим концепциям.

В свете своего эпистемологического анархизма философ утверждает важность любого метода. По его мнению, необходимо пересмотреть такую концепцию в истории науки, когда приоритет, предпочтение дается теориям, более богатым по своему содержанию, по своей логической структуре. Меньшее внимание, соответственно, обращается теориям, недостаточно богатым и недостаточно информативным. По мнению ученого, следует обращать внимание не только на информативные, богатые теории, но и на те теоретические концепции, которые сегодня еще недостаточно обоснованы, недостаточно сильны, однако в будущем могут внести серьезный вклад в развитие научного знания. Он считает, что теории, еще не показавшие себя полностью, должны не опровергаться, а *исследоваться*, так как они могут проявить свое эвристическое значение в будущем развитии.

По нашему мнению, эпистемологический анархизм Фейерабенда несомненно имеет определенное значение, однако последовательное применение этой концепции, если не учитывать категорию меры, категорию необходимости, может привести к распаду всякой теоретической концепции.

Развитие науки до сих пор происходит по следующему пути: прежняя теоретическая концепция, как известно, быстро не уходит, не теряет так скоро своих позиций, она до последнего момента защищается и пытается отстаивать свое существование. Только лишь под давлением огромного количества фактов, направленных против существующей теории, при готовности новых теоретических концепций, прежняя теоретическая концепция уступает свое место новой. Но даже в этом случае, как совершенно справедливо замечал Эйнштейн, сторонники прежней теории никогда не признают новую теоретическую концепцию. В истории происходит так, что сторонники старой теоретической концепции просто уходят с исторической сцены, а молодые исследователи с самого начала активно воспринимают новое, новые теоретические концепции. *Это первое.*

Во-вторых, принципиальное отстаивание прежними теориями своей необходимости, стремление до конца не сдавать своих позиций очень важно тем, что, когда старая теория, наконец, покидает поле сражения, то новые идеи, новые основания теории оказываются в результате наиболее обоснованными и проверенными.

Таким образом, к подлинному развитию теории, теоретических представлений, подлинному развитию науки ведет не простая готовность принять любую теоретическую концепцию, не простая расположенность к быстрой смене методологических принципов, а утверждение новых идей, побеждающих в силу своей объективности, способности давать объяснения более широкому классу явлений и тем самым доказывающих свою продуктивность в сравнении со старой концепцией. Если же менять исходный методологический принцип без необходимости, то это, как подчеркивал в свое время Маркс, может привести к распаду теоретической концепции вообще.

Так, например, в истории политической экономии большим достижением был выдвинутый А. Смитом и Д. Рикардо закон стоимости. Закон стоимости показал свою продуктивность как важнейший закон политической экономии. Однако в ходе развития науки обнаружилось

противоречие между законом стоимости, трудовой теорией стоимости и нормой прибыли. Рикардо в своих экономических исследованиях заметил это противоречие, но не смог его разрешить, однако при этом он не стал покушаться на исходный теоретический принцип. Тем самым, по мнению Маркса, был сохранен теоретический взгляд на экономическое явление. В отличие от Рикардо «вульгарные экономисты» необоснованно пытались отойти от принципа стоимости, считая источником прибыли не только труд, но и землю, вежливость и т.д. С этого момента, подчеркивает Маркс, берет свое начало «вульгарная политическая экономия», поскольку теоретический взгляд на явление был разрушен.

Следовательно, на наш взгляд, равно неверными и непродуктивными являются как метафизический взгляд на исходный теоретический принцип, считающий, что везде и повсюду вопреки фактам должен существовать оправдавший себя некогда теоретический принцип, научный метод, так и теоретические идеи Фейерабенда, направленные, по-видимому, против этого метафизического, жесткого абстрактного понимания исходной методологии, исходного метода. Концепция эпистемологического анархизма не учитывает, что в истории науки смена одного метода другим, одной теоретической концепцией другой происходит нелегко, не запросто, а *по необходимости*, под давлением фактов в том случае, когда старая теории не справляется с объяснением новых фактов и приходит в тупик. Только в этом случае старая теория должна быть заменена новой теорией, старый метод новым методологическим принципом.

Здесь, одинаково ошибочны, с одной стороны, легковесный подход к теоретическим принципам, методологии, психологическая готовность при встрече с противоречащими фактами легко заменять исходную концепцию, исходное начало; а, с другой стороны, метафизическая, жесткая вера в незыблемость исходного принципа, вопреки фактам, вопреки данным науки.

Продуктивной, на наш взгляд, будет такая концепция развития науки, которая к данному вопросу подходит *диалектически*. Это означает, что теоретические методы,

концепции прежней науки, научной теории вполне могут быть заменены, если они не работают в отношении к новым явлениям, если доказана их принципиальная неспособность объяснять новые факты. Точно также, новые теоретические концепции должны победить только тогда, когда они необходимы, когда они могут объяснить не только те факты, которые существовали в рамках старой теории, но также новые возможные факты и тем самым дать *эвристическое* движение человеческой мысли. Только такой диалектический подход является обоснованным, а не просто абстрактная, психологическая готовность отказаться от прежней теории, встретившись с новыми фактами и противоречиями, поскольку, возможно, эти новые факты вполне объясняемы и разрешаемы в процессе развития исходного пункта самой теории, самих теоретических концепций.

Так, например, было в истории физики, когда опыт Майкельсона, его многочисленные повторения показали неспособность прежней теории объяснить электродинамические процессы в движущихся системах. То же самое имело место при объяснении процессов излучения абсолютно черного тела. Все попытки объяснить этот процесс в пределах существующей теории, как известно, не привели ни к каким результатам. Поэтому начались поиски нового способа решения этой проблемы посредством открытия новых фундаментальных принципов.

Развитие практики (эксперимента), возникновение фактов имеет фундаментальное значение в движении теории, в процессе перехода от одних научных теорий к другим, притом проблемную ситуацию создает не количество новых фактов, а их фундаментальность. В данном случае интересен следующий рассказ И.Е. Тамма о позиции Эйнштейна по этому вопросу. Он вспоминает, что у него с Эйнштейном был «разговор о том, что в связи с открытием большого числа элементарных частиц, в частности, мезонов, назрела проблема построения теории элементарных частиц. Эйнштейн всегда считал, что уже

электрон - атом электричества - является чужеземцем в стране классической электродинамики. В этом... разговоре он сказал, что, казалось бы, уже факт существования электрона должен был быть достаточным для построения основ общей теории элементарных частиц»¹.

Видимо, Эйнштейн действительно преувеличивал значение электрона в создании общей теории, но сама постановка вопроса, поиски чего-то единичного, в котором выражается природа всеобщего, характерны для него. В связи с этим И.Е. Тамм продолжает: «Это, несомненно, гипербола, но она очень характерна для Эйнштейна, и поучительно противопоставить ее и широко распространенной точке зрения, что решению фундаментальных проблем науки необходимо должно предшествовать накопление огромного количества экспериментальных данных. В действительности пример как специальной, так, в особенности, общей теории относительности показывает, что решающую роль в построении фундаментальной теории играет глубокий логический анализ узловых опытных фактов. Конечно, следствия из теории должны быть проверены затем на максимально обширном опытном материале»².

Разрешение противоречия теории и практики, проблемной ситуации имеет важное значение в прогрессе человеческого познания, в развитии теории, в переходе от одних теорий к другим. Правда, в истории науки существуют различные попытки уйти от решения проблемной ситуации в развитии теории. Иногда в подобных ситуациях стремились разрешить проблему без серьезного развития теории, без глубокого анализа фактов, проблемной ситуации. В этом отношении ярким примером является попытка Лоренца и Фицджеральда объяснить опыт Майкельсона посредством гипотезы продольного сокращения. Здесь противоречие, по существу, не разрешалось, а только отодвигалось, создавалась только некоторая видимость его разрешения.

В отличие от таких способов решения проблемной ситуации научный подход к проблеме прежде всего

¹ Цит. по: Эйнштейн и современная физика. М., 1956. С.9.

² Цит. по: Эйнштейн и современная физика. М., 1956. С.9.

предполагает анализ всех условий возникновения противоречия и проблемной ситуации, притом реальный факт, противоречие осмысливается на основе глубоких принципов и фундаментальных идей.

В этом отношении замечательным примером может служить специальная теория относительности. Здесь противоречие, проблемная ситуация, возникшая в электродинамике движущихся сред в связи с результатом опыта Майкельсона, осмысливается и разрешается на основе таких глубоких и фундаментальных принципов, как принцип относительности, постоянство скорости света, а также посредством принципиального изменения старых представлений о пространстве и времени. Вот почему специальная теория относительности имеет огромное значение в развитии культуры. В форме этой теории не только разрешены противоречия, проблемы электродинамики движущихся сред, но она оказала существенное влияние на все физическое познание, на стиль мышления физиков XX века.

То же самое можно сказать о квантовой механике. В ходе теоретического осмысления излучения абсолютно черного тела в классической физике возникло противоречие, проблемная ситуация. Все попытки решения проблемы в пределах классической теории, как известно, завершились неудачей. Тогда М. Планк выдвинул идею кванта, с помощью которой пытался осмыслить проблему, притом эта идея принципиально выходила за пределы теоретических представлений классической физики.

Идея кванта оказалась фундаментальной идеей. Она нашла широкое подтверждение в дальнейшем развитии физики, в осмыслении новых фундаментальных фактов. Благодаря деятельности таких выдающихся физиков, как М. Планк, А. Эйнштейн, Луи де Бройль, Н. Бор, Э. Шредингер, В. Гейзенберг, она превратилась в сложно расчлененную физическую теорию - в квантовую механику, в которой продуктивно разрешены все противоречия, возникшие в ходе осмысления этой проблемы.

Таким образом, в процессе развития теоретического познания, на основе практической деятельности,

посредством образования понятий, идей, гипотез, научных теорий человек глубоко познает развивающуюся действительность, двигаясь к постижению объективной истины.

Глава 8.

Наука как форма духовной деятельности

В диалектико-материалистической философии наука определяется как особая форма знания, которая исторически возникла на особой ступени развития общественно-исторической практики, предметной деятельности. В силу этого, науку, ее природу и сущность можно понять, теоретически воспроизвести только в контексте исторической развивающейся человеческой деятельности, ибо только социокультурный контекст дает ключ для теоретического постижения науки как особого социального феномена.

Для выявления сущности науки необходимо рассматривать ее в возникновении и развитии, и чем она стала в настоящее время. Иными словами, чтобы выработать конкретно-всеобщее понятие науки, необходимо последовательно проследить ее способ формирования и раскрыть конкретную логику ее развития. При этом мы принципиально исходим из материалистической концепции, согласно которой наука является продуктом определенного этапа развития человеческой практики, общества, производства и общественного разделения труда.

Было время в развитии человеческого общества, когда науки, естествознания еще не было, хотя люди всегда располагали определенной суммой знаний как выражением их общественной практики.

В античный и средневековый периоды существовали лишь элементы, предпосылки науки, поэтому то обстоятельство, что отдельные признаки и определения, характерные для современной науки как особому феномену, наличествовали еще в античности и средние века, ни в коей мере не может служить в пользу тезиса, что наука существовала в Китае, Египте, Греции¹ и т. п. Так,

¹ Needham J. Science and civilization in China. L., 1954-1975. Vol. 1-5; Needham J. Mathematics and Science in China and the West. // Science and Society. N.Y., 1956. V.1. 20. № 4, p. 320-343; Chinese science: Explorations of an ancient tradition. Cambridge (Mass.) L., 1973. p. 334. Также см.: Рожанский И.Д. Античная наука. М., 1980; Гайденок П.П., Смирнов Г.А. Западноевропейская наука в середине века. М., 1989.

отдельные признаки капитализма, как, например, товарное производство, закон стоимости, деньги и т. п., имели место еще в античности и средние века, однако на этом основании никто не доказывает существования капитализма в эти эпохи. Действительный капитализм ведет отсчет только с того времени, когда возникает не только товар и товарное отношение, но и рабочая сила как товар.

В античности и средние века в основном имело место философское познание мира. В то время философия удовлетворяла духовные потребности людей, соответствовала данной системе разделения труда, общественной атмосфере. Физические и математические знания того времени, некоторые духовные предпосылки возникающей науки существовали в пределах единой традиционной философии, обозначая только ее отдельные аспекты, пограничные линии. Иными словами, элементы, предпосылки будущей науки давали ростки в недрах другой духовной системы, но они еще не выделялись из них. Причина такого положения, разумеется, коренится не в том, что тогда не было таких великих ученых, как Коперник, Галилей, Кеплер и т. п., а в тех реальных общественно-исторических, социокультурных факторах, которые еще не создавали объективного условия для формирования науки как особого духовного феномена, для отпочкования науки от традиционной философии.

Таким образом, наука - это особый духовный феномен, особая форма знания и особый социальный институт. В качестве таковой она возникла в XVI в. и по своему характеру, цели и социальному ориентиру существенно отличалась от традиционной философии. Наука возникает в определенную общественно-историческую эпоху, в Новое время, когда в связи с развитием производства возникают *особые духовные задачи*, особые потребности, которые не находили ответа в рамках традиционной философии. Следовательно, современное естествознание в собственном смысле этого слова является продуктом Нового времени, нового разделения труда и новой общественной потребности. Не только развитие науки, ее формирование соответствует уровню развития практики, но и разделение

науки, дифференциация также отражает определенный этап развития практики, разделения труда, внутренней расчлененности человеческой деятельности.

Поэтому будет несомненно справедливо историю науки начинать лишь с Нового времени.

Рассматривая процесс формирования и развития науки, необходимо осмыслить и критически проанализировать соответствующие теоретические идеи и концепции в современной западной философии. Так, например, в постпозитивистской философии науки по этому вопросу существуют два направления. Одни авторы (К. Поппер, И. Лакатос, Дж. Агасси, Е. Захара, Л. Лаудан и др.) причину возникновения и развития науки в основном видят во внутренних, когнитивных факторах; другие (Т. Кун, М. Малкей, С. Тулмин, П. Фейерабенд, М. Полани и др.) полагают, что детерминирующее значение в развитии науки имеют социальные факторы¹. Среди последних, кстати, есть и такие исследователи, которые считают (например, Д. Блур, Б. Барнс и др.), что социальные факторы способны объяснить не только внешние, но и внутренние условия развития идей науки. Принцип индетерминизма, по их мнению, возник в особых социокультурных условиях Германии после первой мировой войны.

В формировании и развитии науки, несомненно, когнитивные, внутринаучные процессы имеют определенное значение. Однако посредством одних когнитивных факторов невозможно объяснить процесс возникновения и развития науки. На самом деле, никакие когнитивные процессы не могут объяснить тот факт, почему наука возникает именно

¹ В советской литературе анализ этих направлений см.: Микулинский С.Р. Современное состояние и теоретические проблемы истории естествознания как науки // Вопросы философии. 1976. № 6; Макарова Л.А. Наука, история и историография XIX-XX вв. М., 1987; Мотрошилова Н.В. Наука и ученые в условиях современного капитализма. М., 1976; Петров В.В. Особенности социологического аспекта развития в современной буржуазной философии // Методологические проблемы науки. Новосибирск, 1973; Косарева Л.М. Предмет науки: Социально-философский аспект проблемы. М., 1977; Мамчур Е.А. Социальная детерминация научного познания // Вопросы философии. 1987. № 7.

в Новое время? Почему таким гигантам мысли, как Платон, Аристотель, Аль-Хорезми, Аль-Фараби, Ибн-Сина, не удалось создать науку как особый духовный феномен. Она была создана Коперником, Галилеем, Кеплером и др., чьи научные изыскания соответствовали социокультурным, общественно-историческим потребностям Нового времени.

Теоретические идеи «социологов» несколько схожи с деятельностной концепцией объяснения вопросов, хотя здесь нельзя не увидеть и их принципиального различия. Прежде всего, идея о решающем значении социального фактора в постпозитивистской философии возникла, под воздействием диалектико-материалистических воззрений, во-вторых, само понятие «социальный фактор» здесь трактуется несколько расплывчато, ибо под этим термином очень часто объединяют весьма широкий круг социальных явлений, а именно: интеллектуальное окружение, общественная атмосфера, социальная психология и т. п.

Кроме того, социологи, подчеркивая важное, даже решающее значение социальных факторов в развитии науки, тем не менее, трактуют их как внешние факторы, внешние условия в развитии науки. Создается впечатление, что наука сама по себе существует как некоторый феномен, вид знания, а социальные факторы суть только внешние условия, влияющие на развитие науки, научно-теоретического познания.

В отличие от такой трактовки в деятельностной концепции общественно-историческое условие выступает не как внешний фактор, а как сущность науки, как то, что определяет ее природу и направление развития. Исторические повороты в развитии науки, изменение ее природы, следовательно, объясняются действительными изменениями и реальными поворотами в развитии человеческой предметной деятельности, в общественно-историческом движении. По этой причине предметно-практическая деятельность человека не есть нечто внешнее для науки, а выступает как внутреннее, сущностное ее содержание. Ибо понятие науки как особой формы знания, особого духовного феномена может быть теоретически осмыслено только в контексте этого общественно-исторического движения.

Поэтому нам представляется, что социокультурный процесс - это есть тот *особый эфир*, который и определяет возникновение этого особого социального феномена. Другими словами, сущность науки нельзя понять непосредственно, исходя из нее самой, перечисляя признаки науки и ее особенности. Наука может быть рационально понята только в контексте реального целого, осмыслена как общественно-историческое движение и социокультурное условие бытия общественного человека. Поэтому в диалектико-материалистической философии существует критическое отношение как к воззрениям так называемых когнитивистов, так и социологов, представляющих взгляды постпозитивистской школы философии науки.

Правда, следует понимать, что в диалектико-материалистической философии при признании определяющего значения материальной предметной деятельности, общественной потребности и разделения труда в возникновении науки в то же время признается значение духовных факторов и когнитивных процессов в становлении и развитии науки.

Действительно, в формировании и развитии науки определенное значение имели некоторые духовные элементы, возникшие в недрах традиционной философии. Хотя также справедливо и то, что только определенный поворот в предметной деятельности, определенная форма общественных отношений, особая форма разделения труда и потребность являлись реальным основанием для выделения и развития этого духовного элемента в самостоятельную область. Иными словами, только определенные общественные условия явились реальным базисом для превращения особого во всеобщее, случайного, преходящего элемента в субстанциальное явление.

Подобно тому, как при капитализме товарное отношение превращается из особого во всеобщее, пронизывающее все поры общественных, экономических отношений, так и наука с XVI в. из особого, периферийного элемента философии, духовной культуры превратилась в самостоятельное, всеобщее, универсальное явление в системе духовной культуры.

Возникнув из потребностей общественной жизни, наука не оставалась пассивным феноменом в обществе, она стала оказывать определенное воздействие на производство, социальную жизнь, культуру, логику познания и т. п. Если традиционная логика главным образом регулировала процесс размышления, рассуждения, то теперь перед ней в связи с развитием науки возникли новые задачи. Отныне логика должна обосновать не только формальную правильность суждений, умозаключений, но и возможность и необходимость творческого знания, научно-теоретического познания¹. Следовательно, в связи с развитием новой практики, предметной деятельности наука не только отделилась от философии, но оказывала воздействие и на самую философию. Ибо под воздействием предметной деятельности и науки философия также стала изменяться, изменять свой предмет и функцию².

¹ Об этом см. подробнее: Абдильдин Ж.М. Диалектика Канта. Алма-Ата, 1974.

² Об историчности функции философии, ее взаимоотношения с естествознанием см.: *Абдильдин Ж.М.* Историчность функции философии // Мировоззренческое содержание категорий и законов материалистической диалектики. Киев, 1981. Об этом см. также: Историчность взаимоотношений философии и естествознания // Диалектика в науках о природе и человеке: Диалектика мировоззрения и методологии современного естествознания. М., 1983.

Отпочкование от философской теории частных наук породило два важных следствия: с одной стороны, вставали на собственные ноги частные науки, а с другой - четко определилась новая функция философии. Если раньше философия выступала как совокупное знание, то в Новое время она создавала обобщенную философскую картину мира. Такое положение философии было обусловлено общественно-исторической практикой, новым разделением труда и объективным положением философии в системе развивающихся наук. Однако, по законам диалектики ничто не стоит на месте. Все явления природы, общества и мышления постоянно развиваются, переходят из одного состояния в другое. «...Все общественные порядки, - писал Энгельс, - сменяющие друг друга в истории, представляют собой лишь переходящие ступени бесконечного развития человеческого общества от низшей ступени к высшей» // *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные произведения. Т. 2. М., 1953. С.343.

В процессе общественного развития обнаружили противоречия и пороки капиталистического разделения труда. При этом также

До сих пор подчеркивалось решающее значение предметной деятельности, развития общественных отношений, разделения труда в становлении и развитии науки. В этой связи закономерно возникает вопрос: что конкретно изменилось в Новое время в характере общественных отношений, предметной деятельности?

Только конкретный анализ общественно-исторической и социокультурной обстановки этого времени дает возможность рационально понять необходимость возникновения науки. При этом, на наш взгляд, имеют значение как общие социальные условия общественного развития, так и конкретные потребности развития общественных производительных сил, производства, разделения труда.

Для того чтобы конкретно обосновать возникновение науки как особого духовного феномена, нам необходимо обратиться к категории «условие», которая, как известно, по своему понятию, является единством, совокупностью многочисленных обстоятельств. Еще Гегель отмечал: когда существует условие, совокупность многих обстоятельств, то вещь реально существует¹. В.И. Ленин, в свою очередь, всесторонне обосновал и широко применял этот принцип в исследовании сложных социальных явлений.

происходили глубокие изменения в духовной культуре, в науке, в их взаимоотношении друг с другом.

В своих теоретических исследованиях Маркс и Энгельс решительно отстаивали эту мысль, обосновали неизбежный конец старой философии, онтологии, натурфилософии. «Теперь же, - писал Ф.Энгельс, - когда нам достаточно взглянуть на результаты природы диалектически, т. е. с точки зрения их собственной связи, чтобы составить удовлетворительную для нашего времени "систему природы", и когда сознание диалектического характера этой связи проникает даже в метафизические головы естествоиспытателей вопреки их воле, - теперь натурфилософии пришел конец. Всякая попытка воскресить ее не только была бы излишней, а была бы шагом назад» // *Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. Т.2. М., 1952. С.370.*

¹ Так, Гегель писал: «Когда налицо все условия какой-либо сути дела, она вступает в существование». И далее: «Соединяясь с условиями, основание обретает внешнюю непосредственность и момент бытия» // *Гегель Г.В.Ф. Наука логики. М., 1971. Т.2. С.108-109.*

Анализируя сложные социальные процессы, их реальное бытие, философ часто обращался к категории «условие», выявляя своеобразие, особенности момента в исторической взаимосвязи общественных явлений.

В данном случае наша задача заключается в том, чтобы раскрыть объективное условие, совокупность обстоятельств, которые являлись действительной причиной возникновения науки как особого социального института.

Прежде всего, шел процесс первоначального накопления, происходил переход от феодальной системы к капиталистическим производственным отношениям. В связи с этим отношения личной зависимости в общественной сфере были заменены отношениями вещной зависимости. На месте традиционного работника (раба, крепостного крестьянина) возникает новый работник (пролетариат), который, по выражению Маркса, «свободен как птица, но гол как сокол». Иными словами, пролетариат лично свободен, но полностью лишен средств производства и по этой причине может существовать только продажей рабочей силы. Следовательно, пролетариат зависит от капиталиста экономически, что, как отмечал К. Маркс, приковывает его к капиталу сильнее, чем молот Гефеста Прометея к скале.

Капитализм явился крупным прогрессом по сравнению с предшествующими общественными формами. Он освободил человека от многих форм личной зависимости, на место всевозможных сословных преград поставил только потребности, экономические интересы, безудержное стремление к прибыли. Конкуренция, неустанное стремление к высоким прибылям гонит вперед капиталистическое производство, революционизирует развитие производительных сил, производительности труда. Постоянным спутником капиталистического производства с самого начала были поиски новых земель, рынков сбыта, в связи с этим развивалось мореплавание, открывались новые морские пути между Западом и Востоком, посредством торговли разрушались границы государств и стран и т. п. Маркс и Энгельс отмечали, что за сто лет своего существования капитализм создал такие

производительные силы, которые не были созданы за всю историю прошлого развития человечества¹.

Поскольку развитием капитализма были созданы новые производительные силы, новые потребности, принципиально новый социальный и технологический заказ, неизвестный в прежний период развития человечества, постольку традиционная философия со своим умозрительным методом оказалась не способной оптимально решать эти задачи. Поэтому в развитии общества возникли реальные потребности в особых формах знаний, в науке, которые должны были рационально удовлетворять возникшие социальные заказы. При этом были подхвачены, развиты и расчленены элементы науки, существовавшие в системе прежней философии.

Для возникновения науки немаловажное значение имели и другие общесоциальные, экономические факторы. Капиталистическая система выступала как огромное скопление товаров, товарных отношений, в основе которых лежала система частных, индивидуальных производителей, связанных друг с другом, обменивающихся своими товарами, постоянно сводивших тем самым свои конкретные виды деятельности к абстрактно-человеческому труду вообще (стоимости). Предшествующие общественно-экономические системы, покоящиеся на рабском и крепостническом труде, не допускали равенства видов труда, равенства труда свободного и раба, свободного и крепостного крестьянина. Именно поэтому даже самый

¹ «Буржуазия менее чем за сто лет своего классового господства создала более многочисленные и более грандиозные производительные силы, чем все предшествовавшие поколения, вместе взятые. Покорение сил природы, машинное производство, применение химии в промышленности и земледелии, пароходство, железные дороги, электрический телеграф, освоение для земледелия целых частей света, приспособление рек для судоходства, целые, словно вызванные из-под земли, массы населения, - какое из прежних столетий могло подозревать, что такие производительные силы дремлют в недрах общественного труда» // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т.4. С.429.

проницательный и универсальный ум древнего мира Аристотель не смог выработать понятия стоимости¹.

Противопоставление видов труда, непонимание единства, тождества видов деятельности являлись основой противопоставления умозрительной, теоретической деятельности и практической, ремесленно-технической деятельности. Только с возникновением капитализма, с появлением идеи равенства людей и видов их труда, реально созрело условие для преодоления противоположности этих двух форм деятельности. Если раньше подлинно человеческой деятельностью, высокой формой знания, науки считали только философскую, абстрактно-теоретическую деятельность, а практическую, ремесленно-техническую деятельность третировали как нечто недостойное философа-ученого, то с рождением буржуазной системы производства такое отношение решительно преодолевается.

Капиталистическое производство прежде всего обратило внимание на практическую сторону знания, оно высоко подняло значение ремесленно-технической деятельности. Важнейшим достижением Нового времени являлось то, что оно органически соединило абстрактно-теоретическую деятельность, развиваемую в традиционной философии, с практической, ремесленно-технической. Если раньше эти две формы деятельности были отчуждены друг от друга, выступали как формы деятельности двух классов людей, то в Новое время эта разделенность преодолевается и тем самым создается условие для рождения науки как особого вида знания. Как писал Цильзель, наука возникает тогда, когда рушатся «барьер между двумя составными частями научного метода... и методы верхнего слоя ремесленников (эмпирическая деятельность) “усваивается” академически воспитанными учеными (теоретическая деятельность)»².

Сведение всех видов труда к абстрактно-человеческому

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 69. «Равенство и равнозначность всех видов труда, поскольку они являются человеческим трудом вообще, - эта тайна выражения стоимости может быть расшифрована лишь тогда, когда идея человеческого равенства уже приобрела прочность народного предрассудка» // Там же. С.69.

² Цит. по: Ильин В.В., Калинин А.Т. Природа науки. М., 1985.

труду - абстракция, постоянно проделываемая в буржуазном обществе, - имела для развивающейся науки немаловажное значение. Она формировала мировоззренческую установку Нового времени, согласно которой всякий элемент мира представляется не в виде качества или качественных определенностей, а в виде количественных характеристик, набора форм разной степени существенности и общности. Характеризуя роль количественного метода в становлении научного познания, Галилей писал: «...Никогда я не стану от внешних тел требовать что-либо иное, чем величина, фигуры, количество... движения, что если бы мы устранили уши, языки, носы, то остались бы только фигуры, число и движение»¹.

Анализируя преобладающее значение количественного метода в генезисе современного естествознания, В.В. Ильин и А.Т. Калинин также справедливо отмечают: «Разнообразие действительности отныне описывалось в терминах механической комбинаторики нескольких фундаментальных форм, ответственных за известные качества. Отсюда, знать действительность означало знать правила сочетаний форм. Последнее определяло такие специфические черты новой идеологии, как инструментальность и механистичность, сыгравшие видную роль в процессе оформления естествознания как науки»².

Наконец, в результате развития производства, разделения труда новые технологические проблемы вступили в противоречие с абстрактно-теоретической, умозрительной теорией тогдашней философии; в обществе возникли новые виды потребностей, которые требовали создания новой формы знания. В отличие от традиционной философии становящаяся наука Нового времени по-новому относилась к процессу формирования знания, по-новому понимала задачу познавательной деятельности.

В общественной жизни, таким образом, стала формироваться новая мировоззренческая установка, новый стиль мышления, который, по существу, на основе новой

¹ Галилей Г. Избранные труды. М., 1964. Т.1. С.507.

² Ильин В.В., Калинин А.Т. Природа науки. С.53.

системы предметной деятельности «разрушил архаичную антично-средневековую картину мироздания и привел к оформлению вещно-натуралистической концепции космоса, выступающей предпосылкой нового естествознания.

Эти черты следующие: отношение к природе как самодостаточному естественному, “автоматическому” объекту, лишенному антропоморфно-символического элемента, данному в непосредственной деятельности и подлежащему практическому освоению; отказ от принципа конкретности (наивно квалитативистское телесно-физическое мышление античности и средневековья); становление принципа строгой количественной оценки (в области социальной - процесс становления меркантилизма, ростовщичества, статистики и т.д., в области научной - с успехами изобретательства, созданием измерительной аппаратуры, жестко детерминистская причинно-следственная типологизация явлений действительности, элиминация телеологических, организмических и анимистических категорий, введение каузализма); инструменталистская трактовка природы и ее атрибутов – пространства, времени, движения, причинности и т. д., которые механически комбинируются наряду с оставляющими всякую вещь онтологически фундаментальными формами; образ геометризированной гомогенно-унитарной действительности, управляемой единственными количественными законами; признание в динамике универсального метода описания поведения окружающих явлений (не вещественные модели, а формальные геометрические схемы и уравнения)»¹.

При этом надо иметь в виду, что не всякая практика, не всякое социокультурное условие порождает потребность в науке, в научно-теоретическом воспроизведении действительности, а только *исторически особая практика*, целостная предметная деятельность, возникшая со времени возникновения капиталистического производства, которая ориентирована не на вещную, натуральную форму предметов, а на преобразование процессов, их всеобщих определений, внутренних взаимосвязей, обуславливающих

¹ Ильин В.В., Калинин А.Т. Природа науки. С.56.

вещественное и телесное существование предметов природы. Для практики этого времени уже было характерно универсальное отношение к природе, усвоение силы природы всеобщим образом, превращение локальной истории разных континентов и народов в единую целостную историю развивающегося человечества.

С Нового времени предметная деятельность (труд) все больше принимает обобщенную форму. Если во всех прежних способах производства один какой-нибудь вид труда, например, земледельческий, являлся определяющим для всех остальных, то буржуазное общество постепенно превращает все формы деятельности в разновидность труда промышленного. Развитая система разделения труда при капитализме, когда товарный обмен становится всеохватывающим, приводит к тому, что целью производства выступает производство абстрактного богатства. Капиталистическое богатство есть постоянно переходящая из одной формы в другую стоимость, ставшая капиталом, который может сохранить себя только посредством непрерывного самовозрастания. Богатство, т. е. исторически накопленный труд в его конкретной форме, здесь достигает своей всеобщности как средство эксплуатации, ибо любой товар может стать и становится его мимолетной формой существования. И любой вид труда становится трудом, производящим абстрактное богатство, а, следовательно, трудом вообще. При таких условиях впервые возникает безразличие к определенности труда¹.

Вместе с тем именно в эпоху капитализма создается реальное условие не только для достижения всеобщих определений труда, но также для формирования такой особой формы знания, как наука. Однако отчужденный характер предметной деятельности, труда, общественных отношений в буржуазной системе производства не только извращает, гасит всеобщую сущность труда в образе абстрактного богатства, но также не дает понять истинную сущность научного знания, извращает его отношение к объективной действительности. Поэтому только критика системы отчужденных отношений создает реальное условие

¹ Диалектическая логика. Алма-Ата, 1986. Т.1. С.176.

для рационального познания как содержания предметной деятельности, так и природы науки¹.

Как видно, наука как особая форма знания, как специфическая форма отражения действительности не только отличалась от традиционной философии, но также была особо ориентирована на практику и познавательную деятельность. Поэтому сущность, особое содержание науки можно понять только в контексте той особой практической задачи, которая возникла в Новое время. В этом смысле наука есть продукт этой определенной исторической эпохи.

Возникновение и становление науки связано с победой буржуазного производства, которое отрицало прежний образ жизни, духовную культуру, господство религии, обратило человеческую мысль к практике, познанию природы, объявило предметом науки объективную действительность. Для ее возникновения, кроме общественно-исторических, социальных условий, необходимы были также определенный уровень знания, достаточное количество фактов, которые бы подлежали теоретическому анализу и обобщению. Поэтому к началу XVI в., как отмечал Ф. Энгельс, встали на ноги только такие науки, которые уже имели определенные предпосылки в виде фактов, отдельных теоретических обобщений.

Если иметь в виду сказанное, то нетрудно понять, почему быстрое развитие тогда получили такие естественные науки, как математика, астрономия, механика и т. п. Дело в том, что зародыши и предпосылки этих наук, как известно, возникли еще в древности, благодаря трудам Пифагора, Евклида, Архимеда и др. Кроме того, практическая потребность

¹ «Стоимость превращает каждый продукт труда в общественный иероглиф. Впоследствии люди стараются разгадать смысл этого иероглифа, проникнуть в тайну своего собственного общественного продукта, потому что определение потребления как стоимости есть общественный продукт людей не в меньшей степени, чем, например, язык. Позднее научное открытие, что продукты труда (поскольку они суть стоимости) представляют собой лишь вещное выражение человеческого труда, затраченного на их производство, откроет новую эпоху в истории развития человечества, но отнюдь не рассеивает вещной видимости общественного характера труда» // *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23. С.84.*

буржуазного производства, мореплавание, поиски новых земель способствовали быстрому развитию именно этих отраслей знания. Все это привело к скорому обособлению данных наук от философии, благодаря трудам Коперника, Кеплера, Галилея и др.

В отличие от традиционной философии, которая исходила из авторитетов, наука с самого начала ориентировалась на обобщение, объяснение фактов на основе открытых законов. Генезис науки начинается там и тогда, когда бесчисленное множество фактов рационально осмысливается на основе открытых законов науки. По мере развития науки понимание закономерной связи природы и общества углубляется.

С открытием закона и обобщения фактов, как известно, началась история теоретической механики. Дело в том, что благодаря замечательным работам Галилея, доказавшим пропорциональность величины силы не к скорости, а ускорению, возникла механика. На заре классической механики Коперник и Кеплер в основном занимались описанием движения планет вокруг солнца, которое являлось первым шагом в научном познании. В дальнейшем были сформулированы законы движения. Действительно, планеты Марс, Меркурий, Земля вращаются вокруг Солнца. Спрашивается, какие силы заставляют эти планеты вращаться так? Сам вопрос и ответ на него стали возможными лишь тогда, когда появилось понятие «ускорения» и выяснилось, что сила связана с ускорением. Понимание того, что не скорость, а ускорение пропорционально силе, является началом механики и физики. Нужно отметить, что понятие ускорения легло в основу других понятий механики потому, что оно отражало существенные связи действительности.

В этой связи нужно отметить также роль понятия «масса» в создании Ньютоном закона всемирного тяготения. Нужны были фантазия, особый полет мысли, чтобы понять движение брошенного камня на земле, планет вокруг Солнца как проявления закона всемирного тяготения. Механика Ньютона пролила новый свет на проблему движения планет вокруг Солнца. Таким образом родилась динамика, были сформулированы физические законы, управляющие этим движением. Описание движения планет является

открытием законов последних. В этой связи закономерно встает вопрос, почему закон всемирного тяготения был открыт Ньютоном, а не Кеплером и Галилеем. Не следует забывать, что Ньютон в своих обобщениях опирался на достижения всей предшествующей эпохи. Кроме того, им до этого было сформулировано понятие «массы».

Создание понятия «массы» послужило основанием в формулировании закона всемирного тяготения. Логика открытия закона всемирного тяготения такова: из законов Кеплера вытекает доказательство обратной пропорциональности квадрату расстояния силы тяготения. Но величина силы тяготения еще не может быть получена из одного этого факта. Силы тяготения зависят не только от пространственного отношения, но и от природы тяготеющих тел, от того, что свойственно самим телам. Именно эта мысль Ньютона о пропорциональности силы тяготения количеству материи является тем недостающим звеном, отсутствие которого не позволило предшественникам Ньютона открыть закон всемирного тяготения.

Как все явления природы и общества, наука также находится в постоянном развитии, которое отражается в понятиях и законах науки. В своем развитии научное познание идет к открытию все более общих законов природы и общества. Это особенно ярко видно на примере теоретической механики. При всей своей грандиозности физика Ньютона не была венцом развития науки физики. Дальнейшим ее триумфом было открытие закона сохранения энергии. Этот закон был впервые сформулирован Майером, Джоулем и Гельмгольцем. Согласно закону сохранения энергии, всякое изменение в мире состоит только в изменении форм движения материи. В природе постоянно совершается круговорот. Каждое изменение в природе равносильно возникновению или потреблению энергии. Если вызывается определенная форма энергии, то она может обнаружить себя или в своей собственной форме, или же может быть тотчас же израсходована с целью вызвать другие изменения эквивалентной величины. Важнейшие определения этого эквивалента основаны на произведенных Джоулем измерениях механического эквивалента теплоты.

Все это свидетельствует о том, что, имея в своем распоряжении определенный запас энергии, мы можем снова воспроизвести все те условия, которые были источником добытой нами энергии. Исчезая в одной форме, энергия непременно возникает в другой. Таким образом, все разнообразие явлений природы в своих существенных чертах выражено величественным законом сохранения энергии. Это был существенный прогресс в обобщении и понимании явлений природы. Знание законов природы имеет не только теоретическое значение для понимания их взаимосвязи, но также дает ключ людям для *предсказания будущего* процесса. Основоположники науки постоянно подчеркивали, что природа остается до тех пор таинственной, пока люди не научились открывать законы ее, предвидеть будущее.

Так, в связи со своим научным открытием Д.И. Менделеев писал: «Я думаю, мы не имели до сих пор никакой возможности предвидеть те или другие элементы, потому именно, что не имели никакой строгой для них системы... С указанием периодической зависимости оказывается возможным не только указать на отсутствие некоторых из них, но даже определить и с большой уверенностью и положительностью свойства этих, еще неизвестных элементов»¹.

Доказательность также является неотъемлемой характеристикой науки: ее положения принимают неотразимую силу и убедительность только в том случае, когда они обоснованы. В свое время Ч. Дарвин, полемизируя с теми, кто пытался приписывать идеи его теории предшественникам, подчеркивал, что самое главное в научном открытии - это принцип доказательности. В этом же духе размышлял К.А. Тимирязев, когда анализировал историю паразитической теории Луи Пастера. Действительно, во всем мире открытие паразитической теории связывают с именем Луи Пастера, хотя Ганле догадывался об этом за двадцать лет до Луи Пастера. Однако совершенно справедливо эта теория считается теорией Луи Пастера по той простой причине, что Ганле не сумел

¹ Степанов В. История великого закона. М., 1992. С.193.

доказать ее, и его мысль оставалась бесплодной в течение двадцати лет.

Такие великие законы науки, как закон сохранения энергии, закон всемирного тяготения, закон естественного отбора и др. признавались истиной только тогда, когда были строго доказаны.

Касаясь этого вопроса, Энгельс писал, что «солнечная система Коперника в течение трехсот лет оставалась гипотезой, в высшей степени вероятной, но все-таки гипотезой. Когда же Лавуазье на основании данных этой системы не только доказал, что должна существовать еще одна, неизвестная до тех пор, планета, но и определил посредством вычисления место, занимаемое ею в небесном пространстве, и когда после этого Галле действительно нашел эту планету, система Коперника была доказана»¹.

Великая заслуга принадлежит не тому, кто догадывался в существовании истины, а тому, кто, опираясь на факты и при помощи силы логики, доказал ее. Критикуя экономиста Родбертуса, заявившего, что он открыл прибавочную стоимость до Маркса, Энгельс приводил интересный пример из истории химии относительно приоритета открытия кислорода. Он писал: «И если даже Лавуазье и не дал описания кислорода, как он утверждал впоследствии, одновременно с другими и независимо от них, то все же по существу дела *открыл* кислород он, а не те двое, которые только *описали* его, даже не догадываясь о том, *что* именно они описали»².

Основой развития науки явилось создание новых технологий, формирование промышленного производства, которое принципиально отличалось от старого производства. Новая структура производства, как известно, породила новые технические и научные потребности, для удовлетворения которых было необходимо быстрое развитие науки, в первую очередь естествознания. Дело в том, что старая система знания не могла удовлетворить растущую потребность развивающегося производства,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.21. С.284.

² Там же. Т.24. С.20.

она определенно стала тормозом на пути общественного прогресса.

Все это необходимо породило новую ситуацию в развитии духовной культуры. Отражая реальные потребности общественного производства, техники, стал быстро формироваться новый вид человеческого знания. Важнейшей задачей развивающейся науки было справиться с имевшимися налицо материалами, которых, правда, было не так уже много. Отмечая становление, формирование и успехи некоторых форм естествознания в ту эпоху, Ф. Энгельс писал: «При таком положении вещей было неизбежным, чтобы первое место заняло элементарнейшее естествознание - механика земных и небесных тел, а наряду с ней, на службе у нее, открытие и усовершенствование математических методов. Здесь были совершены великие дела. В конце этого периода, отмеченном именами Ньютона и Линнея, мы видим, что эти отрасли науки получили известное завершение. В основных чертах установлены были важнейшие математические методы: аналитическая геометрия - главным образом Декартом, логарифмы - Непером, дифференциальное и интегральное исчисление - Лейбницем и, быть может, Ньютоном. То же самое можно сказать о механике твердых тел, главные законы которой были выяснены раз навсегда. Наконец, в астрономии солнечной системы Кеплер открыл законы движения планет, а Ньютон сформулировал их под углом зрения общих законов движения материи»¹.

Связь науки с производством являлась важнейшей чертой развивающейся науки. Внимательный анализ истории науки не оставляет сомнения в том, что она является продуктом новых социально-культурных условий. Касаясь взаимосвязи науки и производства, Ф. Энгельс писал: «Если техника... в значительной степени зависит от состояния науки, то гораздо в большей мере наука зависит от *состояния потребностей* техники. Если у общества появляется техническая потребность, то это продвигает науку вперед больше, чем десяток университетов. Вся гидростатика (Торичелли и т. д.) была вызвана к жизни потребностью

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.20. С.348.

регулировать горные потоки в Италии в XVI-XVII вв. Об электричестве мы узнали кое-что разумное только с тех пор, как была открыта его техническая применимость»¹.

Связь науки с производством носит диалектический характер, и поэтому необходимо рассматривать ее как взаимодействие, смотреть на их связь в революционной перспективе.

В истории науки бывают такие фундаментальные открытия, которые революционизируют техническую основу всего общественного производства. В этом отношении замечательными примерами являлись открытие электричества, радиоактивности и т. п.

Действительно, многие ученые в свое время трактовали открытие радиоактивности как явление, имеющее лишь теоретическое значение. Однако дальнейшее развитие физики и производства показали, что открытие радиоактивности не только революционизировало наше познание природы, но также произвело революцию в производстве и технике. В этом отношении интересна и история периодической системы элементов Менделеева. Многие исследователи первоначально восприняли ее как научную идею, обладающую лишь теоретическим значением. В действительности же периодическая система элементов революционизировала основу всего химического производства.

В свете сказанного несостоятельны взгляды, согласно которым исследователи должны заниматься только вопросами, имеющими практическое значение, и которые, соответственно, отрицают необходимость разработки фундаментальных теоретических вопросов. Это в корне неверная позиция, ибо действительная связь науки и производства обеспечивается только диалектическим единством фундаментальных, теоретических и прикладных исследований. Наука не может быть наукой, если она только следует за практической задачей, не опережает ее на основании познанных законов, не забегает вперед и не предвещает возможность развития того или иного явления.

¹ Там же. Т.39. С.174.

В этом отношении интересен пример из истории электричества. Случайные наблюдения Эрстеда в 1820 г. отклонений магнитной стрелки при прохождении поблизости электрического тока казались вначале одним из многочисленных явлений природы, интересных для ученого, но далеких от практики и техники. В действительности же это открытие стало основой, фундаментом всей современной электротехники.

Развивающаяся наука, разумеется, является системным образованием, выступает системой понятий, теорий, создает гипотезы, научные модели, вырабатывает систему специальных научных методов, посредством которых исследуются явления природы, факты науки, экспериментальные данные. В науке также имеет место преобладание идей, принципов и революционное изменение экспериментальных данных, методов исследования и основополагающих идей и т. п.

В Новое время происходили коренные изменения как в экономической, социальной, так и в политической, духовной и культурной жизни общества. В процессе революционного преобразования имели место слом феодальных общественно-экономических отношений и замена их новыми, буржуазными отношениями, которые, как выше отмечалось, создавали широкие условия для развития производства, производительных сил.

На основе этих коренных социально-экономических изменений стали возникать новые политические структуры и духовная атмосфера. В общественной жизни стал формироваться новый мир, новый человек, который по-новому стал относиться к объективной реальности, природе, самому себе и своей истории. Если в средние века природа, реальный мир не воспринимался людьми как нечто субстанциальное, имеющее основание в самом себе, а рассматривался как нечто, порожденное Богом, некоей духовной силой, то принципиально новая обстановка сложилась в Новое время.

Впервые за многие столетия человек стал смотреть на мир открытыми глазами и поэтому нет ничего удивительного в том, что он стал выявлять многие закономерности,

тайны природы, которые были раньше ему неизвестны. Освобожденный от ряда форм духовного порабощения, он стал активно творить, открывать законы различных явлений, создавать науку, литературу и искусство и т. п. Касаясь общей духовной атмосферы этого времени, Ф. Энгельс писал: «Перед изумленным западом предстал новый мир - греческая древность; перед ее светлыми образами исчезли призраки средневековья; в Италии наступил невиданный расцвет искусства, который явился как бы отблеском классической древности, и которого никогда уже больше не удавалось достигнуть. В Италии, Франции, Германии возникла новая, первая современная литература. Англия и Испания пережили вскоре вслед за этим классическую эпоху своей литературы. Рамки старого orbis terrarum были разбиты; только теперь, собственно, была открыта земля, и были заложены основы для позднейшей мировой торговли и для перехода ремесла в мануфактуру, которая, в свою очередь, послужила исходным пунктом для современной крупной промышленности»¹.

Революционная эпоха в целом оказала решающее влияние на самого человека, на его мировоззрение, стиль мышления, характер и отношение к делу.

Основоположники современной науки являлись не только цельными личностями, но и отличались энциклопедической ученостью. Им принадлежали большие открытия во многих областях знаний. «Тогда не было почти ни одного крупного человека, который не совершил бы далеких путешествий, не говорил бы на четырех или пяти языках, не блистал бы в нескольких областях творчества. Леонардо да Винчи был не только великим живописцем, но и великим математиком, механиком и инженером, которому обязаны важными открытиями самые разнообразные отрасли физики. Альбрехт Дюрер был живописцем, гравером, скульптором, архитектором и, кроме того, изобрел систему фортификации...»².

Однако, в дальнейшем капиталистическое разделение труда, расщепление деятельности дает о себе знать,

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С.345-346.

² Там же. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 346.

происходит специализация как в области материального производства, так и в области духовной деятельности, что приводит к утрате первоначальной целостности.

Все старые формы разделения труда по сравнению с Новым временем были просто детской игрушкой. Одна за другой стали возникать все новые и новые отрасли и формы организации производства. Капитализм порождает множество форм организации труда: кооперация, мануфактура, машинное производство и т. п. Применение кооперации, с которой начинается новая форма организации труда, существенно изменило производительность труда. Эти прогрессивные тенденции получили в дальнейшем существенное развитие в мануфактурной организации производства, в которой каждый рабочий специализируется на выполнении определенной операции. При этом определенные функции деятельности, закрепленные за производителем материальных благ, автоматизировали его деятельность, все меньше и меньше требуя участия со стороны умственной деятельности.

К. Маркс обосновал не только положительную сторону мануфактурного производства, но также показал его пороки. Прежде всего, жестко закрепляя за человеком только определенную форму деятельности, определенную операцию и отрывая его от целостного процесса производства, мануфактура калечит человека, формирует его однобоко, т. е. развивает, по выражению К. Маркса, профессиональный кретинизм. Другими словами, уродливо развивая одни способности человека, мануфактура атрофирует другие его способности, так как они лишаются реальной нагрузки, мало используются в процессе деятельности.

Дальнейший прогресс в развитии производства связан с возникновением машинного производства, с так называемой промышленной революцией, которая явилась крупным этапом в прогрессивном развитии общества, общественных производительных сил. Возникновение машинного производства было прогрессивно и в том отношении, что многие односторонние, тяжелые и рутинные функции в деятельности были переданы машине, хотя

здесь проблема абстрактного, одностороннего человека еще оставалась. Дело в том, что человек, освобождаясь от многих тяжелых функций трудового процесса, тем не менее, выполнял функцию рабочего органа при машине. Такой человек, разумеется, также не представлял весь трудовой процесс и потому в своем умственном развитии не особенно отличался от рабочих мануфактурного периода. Поэтому проблема преодоления абстрактности, профессионального кретинизма остается актуальной и для машинного производства.

В этом отношении коренное изменение начинается только со времени научно-технической революции, которая имеет принципиальное значение как для развития человека, для формирования всесторонне развитой личности, так и для понимания изменения сущности, понятия науки. Прежде всего, НТР оказала существенное влияние на развитие сущности человека.

При всей неразвитости своего производства человек прежних экономических формаций представлял идеально целостный процесс труда, т. е. прежде чем совершить труд, он представлял в своей голове результат своего труда. При этом идеальное представление, целесообразная деятельность и сам процесс труда выступают функцией одного и того же человека. В условиях же машинного производства человек выполнял функцию рабочего органа при машине, оставался главным образом придатком этой машины, так как не мог в голове представить целостный процесс и, следовательно, не мог ремонтировать и устранять ее неполадки, последнее являлось функцией других рабочих, специально обученных для этого дела. Кроме них существуют также инженеры, техники, конструкторы и т. п., которые отвечают за слаженную работу всего производственного процесса.

В условиях обычного машинного производства целостная деятельность человека расщепляется и разделяется по крайней мере на три части. Например, функции идеального представления результатов процесса производства осуществляют инженерно-технические работники, рабочие, совершая целесообразное движение,

выполняют рабочую функцию при машине; продукт труда принадлежит капиталисту.

В условиях НТР возникают принципиально новые моменты в процессе производства. Поскольку рабочая функция машины также передается машине, постольку рабочий высвобождается из непосредственного процесса производства, т. е. его функция в процессе производства существенно меняется. Если раньше он, выполняя рабочую функцию при машине, был придатком машины, что ограничивало его умственное и социальное развитие, то теперь он выполняет в процессе производства функцию контролера, наладчика и оператора.

Если раньше рабочий был только узким специалистом, то теперь ему необходимо контролировать всю деятельность машины, т. е. он должен целостно представлять весь процесс производства в целом. Такая новая функция рабочего, естественно, представляет ему повышенные обязанности, его интеллект испытывает все больше и больше нагрузки, что делает актуальным вопрос о широком образовании работника производства. Другими словами, все это способствует интеллектуальному развитию рабочего.

В свое время классика марксизма ставили вопрос о формировании всесторонне развитой личности при коммунизме. Значение НТР состоит в том, что она ставит вопрос о целостном развитии человека как естественное требование научно-технического прогресса. В условиях НТР, автоматизированного производства перед рабочими возникают новые, сложные, интеллектуальные задачи. Поэтому проблема развития рабочего, его личности включает в себя не просто проблему достижения определенного идеала, а предстает как современная задача, веление времени, властное требование научно-технической революции.

В условиях НТР по-новому ставится и вопрос об отношении между умственным и физическим трудом. На самом деле, перестав выполнять функцию рабочего органа при машине, человек контролирует весь процесс производства. Чтобы успешно выполнять эту новую функцию, он должен иметь соответствующее образование. Следовательно, в условиях

НТР создается реальная возможность рабочему подняться до уровня инженерно-технического персонала. Происходит как бы синтез умственной и физической деятельности, т. е. человек руководит автоматизированным производством, он является его инженером, конструктором, наладчиком и т. п. Вся система операций, включая рабочие функции, выполняется машиной, поэтому человек здесь представляет весь целостный процесс, выполняет творческую функцию в процессе производства.

Важнейшее значение научно-технической революции также состоит в том, что она оказывает существенное влияние на природу науки, на изменение ее *сущностных определений*. Как известно, наука со времени своего возникновения выступала как особая форма знания, которая, открывая законы, находится в тесной связи с производством. При этом никто не сомневался в том, что между наукой и производством существует принципиальное отличие: наука творит знание, а производство создает вещи, хотя они и связаны друг с другом.

В условиях НТР происходят коренные изменения в отношении науки к производству. В современном автоматизированном производстве наука как концентрированное выражение законов, формул непосредственно сливается с производством, т. е. сама наука непосредственно становится производительной силой (об этом подробнее будет сказано ниже). Кроме того, происходит коренное изменение в самой сущности науки. Если раньше наука при всей своей тесной связи с производством оставалась формой знания, особым духовным феноменом, то в условиях НТР происходит революционное изменение как в характере науки, так и в характере производства, т. е. преодолевается обособленность и самостоятельное существование науки и производства, происходит органическое слияние науки с производством. Поскольку в процессе развития науки и производства происходит такое синтетическое явление, постольку каждая сторона этого единства изменяет свои определения и характеристики. Иными словами, если раньше наука выступала как особая форма знания, то теперь она - *особая форма знания и деятельности*.

Современная наука, таким образом, характеризуется не только как своеобразный сплав законов, понятий, методов познания, но в ней происходят коренные изменения, требующие решительного пересмотра ее понятия. Действительно, если рассмотреть науку в контексте современного социокультурного процесса, то она выступает непосредственной производительной силой, *сплавом* знания и деятельности, единством материального и идеального, объективного и субъективного.

Другими словами, своеобразие современной эпохи состоит в том, что коренным образом изменилось *понятие науки*. Следовательно, к науке, ее задачам и роли в обществе невозможно подходить с традиционными мерками, т. е. необходимо понимать новую функцию науки в культурно-историческом развитии человечества. Действительно, поскольку наука - не просто форма мышления, но также всеобщая форма деятельности, синтез знания и деятельности, постольку она выполняет качественно новую функцию в современной культуре.

Прежде всего, наука, являясь всеобщей деятельностью, всеобщим производством, выступает основой развития производительных сил общества. Современное развитие производства - это главным образом научное развитие производства. Наука, проникая в производство, революционизировала производство, заменила рабочую функцию человека в машинном производстве, дала возможность создать принципиально новый вид машин, который управляется наукой. Иными словами, наука стала всеобщим условием производства, всеобщей производительной силой.

Поскольку всеобщим условием развития общества, определяющим его физиономию, является способ производства материальных благ, а наука отныне выступает важнейшей частью способа производства (производительной силой), постольку коренным образом изменяется роль науки. Если раньше она как специфическая форма мышления относилась к духовной сфере общества, области сознания, то сейчас, когда естествознание становится непосредственной производительной силой, она становится

сложным синтетическим явлением. Если традиционная наука в основном выполняла обслуживающую производство функцию (познавательную), то сейчас ее познавательная функция непосредственно сливается с производственной, производящей и конструктивной функцией.

В условиях НТР в самом производстве возрастают творческие и духовные процессы. Если раньше в материальное производство творческие процессы приходили извне, то в современных условиях само производство выступает творческим, научным процессом, а наука становится производственной деятельностью.

Такое изменение в природе науки и производстве не могло не проявиться в организационных формах. Действительно, традиционные организационные формы все больше и больше тормозят как развитие производства, так и развитие науки. Поэтому самой жизнью порождаются такие опосредствующие звенья, как научно-технические комплексы, в которых реально преодолеваются разрозненное существование науки и производства. Они по своей природе - новое, синтетическое образование, в котором на принципиально новых принципах объединяется наука и производство. В таком научно-практическом объединении активной, деятельной стороной выступает наука, которая определяет цель, формирует задачи и контролирует строгое соответствие цели и результата. Здесь на новой основе происходит восстановление единства целесообразной деятельности с орудиями труда.

В обычной своей производственной деятельности человек в отличие от животных строит в своей голове результат своей деятельности. С развитием производства и культуры эти две стороны единства распались на самостоятельные области - на науку и производство. Такое разделение труда, отделение науки от производства в свое время было несомненно прогрессивным явлением, оно дало возможность развить познание, духовную культуру. Поскольку все же наука нуждалась в производстве, а производство - в науке, постольку эти связи осуществлялись, хотя это были связи разнородных явлений. Само развитие науки и производства того времени не давало возможности

для более тесных, органических связей между наукой и производством.

Коренное изменение в отношении науки и производства произошло только в условиях НТР, когда возникла кибернетика, вычислительная техника, автоматизированное производство. Только с этого времени стало возможным заменить принципы работы традиционных машин, т. е. удалось освободить человека от выполнения рабочей функции при машине, были созданы автоматы, заменяющие функцию человека при машине. Отныне коренным образом изменилось лицо традиционного производства, т. е. процесс производства стал все больше и больше интеллектуальной, научной деятельностью.

Следовательно, такое производство не может удовлетворяться внешней связью с наукой, для его успешного развития необходимо органическое слияние науки и производства. В общественной культуре создалась такая атмосфера, когда ни производство не может успешно развиваться без органической связи с наукой, ни наука не может динамично развиваться без современного производства. Научно-производственное объединение в настоящее время является велением времени. Чем быстрее, правильнее и продуманнее создаются такие объединения, тем больше успеха будут добиваться как практика, так и наука.

Для успешного ускорения диалектического объединения науки с производством, необходимо четко представлять внутренние взаимоотношения фундаментальной и прикладной, академической и отраслевой науки. Если академическая наука обеспечивает непрерывное возрастание фундаментальных разработок, арсенала научных идей и разработок, то отраслевая наука несет полную ответственность за научно-технический уровень отрасли. Заводской сектор науки, который ближе всего стоит к производству, органически слит с ним и, как показывает практика, обеспечивает значительное сокращение сроков разработки и производства новой техники. Логика организации научной деятельности подчиняется диалектике всеобщего, особенного и единичного.

Анализ современной практики науки свидетельствует, что межотраслевые научно-технические комплексы находятся на главных направлениях научно-технического прогресса и являются эффективной формой соединения науки с производством.

Как видно, изменение понятия науки, синтез знания и деятельности, науки и производства в условиях НТР все четче проявляет свое содержание. Формирование таких новых, прогрессивных организационных форм, как научно-производственные объединения и научно-технические комплексы, также свидетельствует о том, что органический синтез науки (естествознания) и производства является властным велением времени.

Глава 9. Восхождение от абстрактного к конкретному

Восхождение от абстрактного к конкретному - метод диалектической логики, посредством которого действительность теоретически воспроизводится систематически и целостно. Поэтому такие логические методы и средства, как анализ и синтез, обобщение, индукция и дедукция, эксперимент, моделирование в процессе теоретического познания выступают как моменты этого целостного метода. О значении последнего К. Маркс писал, что он «есть, очевидно, правильный в научном отношении»¹.

В диалектико-материалистической логике глубоко и всесторонне раскрывается диалектика категорий абстрактного и конкретного, хотя они исследовались и в традиционной философии и логике. Согласно старой логике, абстрактное рассматривается как синоним мыслимого, разумного, а конкретное - как чувственное, наглядное. Отсюда закономерно абстрактное мышление трактовалось как сложная форма духовной деятельности, которая присуща развитому, образованному человеку, а наглядное, конкретное рассуждение - это более простая форма, присущая человеку, не склонному к умственной деятельности. В качестве доказательства обычно ссылались на детей и на дикарей, которые якобы еще не поднялись в своем развитии до степени абстрактного мышления.

Принципиально по-новому в сравнении со старой логикой понимал взаимоотношения абстрактного и конкретного Гегель. Еще в работе «Кто мыслит абстрактно?» немецкий философ глубоко обосновал, что категории абстрактного и конкретного не только регулируют взаимоотношение чувственного и мышления, но также применимы к развитию самого мышления, понятия. Абстрактное, в понимании ученого, есть нечто одностороннее, а конкретное - единство многочисленных определений, целостность, тотальность мышления. Поэтому абстрактно мыслит

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.46. Ч.1. С.37.

человек недостаточно развитый, который еще не умеет рассматривать предмет во всесторонней связи, целостности. Напротив, конкретное мышление - это синоним целостного, многостороннего рассмотрения предмета.

В своей философии и логике Гегель не ограничивался анализом соотношения категорий абстрактного и конкретного. Ученый глубоко разработал метод восхождения от абстрактного к конкретному, посредством которого пытался осмыслить развитие сознания, идеи, духа, истории, права и т. п. Правда, метод восхождения от абстрактного к конкретному философ понимал идеалистически. В силу этого движение мысли от абстрактного к конкретному он трактовал не как теоретический способ воспроизведения действительности, а как порождение объективного конкретного в ходе саморазвития, самодвижения мышления, понятия.

Тайну гегелевского метода восхождения, его способа образования понятия глубоко проанализировал К. Маркс в «Святом семействе». Исходное понятие гегелевского способа восхождения, по К. Марксу, абстрагировано от реальных, конкретных, конечных предметов. Сформулировав, например, понятие «плод» посредством абстракций от конечных, конкретных плодов, Гегель кладет эту абстракцию в основу теоретического осмысления всех конкретных особых плодов. Правда, предварительно наделяет исходное всеобщее понятие способностью к деятельности, саморазвитию.

В противоположность Гегелю Маркс в своей философии обосновал метод восхождения от абстрактного к конкретному материалистически. Согласно его концепции, в ходе движения мысли от абстрактного к конкретному объективное конкретное вовсе не рождается, оно только духовно-теоретически осваивается и воспроизводится посредством мышления. Иными словами, восхождение от абстрактного к конкретному, является лишь методом, при помощи которого духовно-теоретически постигается объективное конкретное. «Гегель... впал в иллюзию, понимая реальное как результат себя в себе синтезирующего, в себя углубляющегося и из самого себя развивающегося

мышления, между тем как метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовно конкретное. Однако это ни в коем случае не есть процесс возникновения самого конкретного»¹.

Маркс с позиции диалектико-материалистической логики также всесторонне проанализировал логическую природу категорий абстрактного и конкретного. Согласно ученому, абстрактное и конкретное есть не только определения мысли, прежде всего, они имеют предметные определения. Так, под конкретным понимается объективная взаимосвязь, *единство многочисленных сторон*, аспектов и связей исторически развивающегося предмета объективной реальности. Иными словами, *конкретное* - это «внутренне расчлененное единство различных форм существования предмета», единство многочисленных определенностей.

В диалектическом понимании единства, конкретное тождество противоположно абстрактному тождеству старой, недиалектической логики. Например, биологический вид, элементарные частицы, современная эпоха - все это внутри себя расчлененные, внутренне связанные системы, каждая из которых есть не просто механический агрегат различных признаков, а единство различных определенностей.

По своей природе конкретным предметом, сложно расчлененной системой являются и общество, и человек, и нация и т. п. «Конкретное потому конкретно, что оно есть синтез многих определений, следовательно, единство многообразного. В мышлении оно поэтому выступает как процесс синтеза, как результат, а не как исходный пункт, хотя оно представляет собой действительный исходный пункт и, вследствие этого, также исходный пункт созерцания и представления»².

В свою очередь, абстрактное также трактуется Марксом как отражение предметной характеристики объективной реальности. Если конкретное выражает внутреннюю взаимосвязь, целостность предмета, то *абстрактное*

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.12. С.727.

² Там же.

- сторону, аспект, момент развивающегося конкретного целого. Поэтому под абстрактным понимается не только умственное отвлечение, результат духовной деятельности, а также своеобразная функция отдельного, индивидуального внутри развивающейся системы.

Следовательно, в диалектической логике признается существование не только духовных абстракций как результата активности человеческого познания, но и реальных абстракций, являющихся моментом саморазвития объективной конкретности. Так, например, когда Маркс в «Капитале» говорит об абстрактном труде, то здесь речь идет о реальной абстракции, т. е., о той объективной форме, которую принимает человеческий труд в условиях товарно-капиталистического производства.

В разработке метода восхождения от абстрактного к конкретному К. Маркс прежде всего исходил из того, что объективная материальная действительность сама по себе конкретна, она есть единство многих связей и отношений. Задача познания состоит в теоретическом воспроизведении объективного конкретного во всех его связях и опосредствованиях. Чтобы познать предмет конкретно, т. е., таким, каким он является в объективной реальности, недостаточно выявить его отдельные стороны, необходимо теоретически воспроизвести объект в его живой, конкретной целостности. Такое познание является сложным диалектическим процессом, в ходе которого постоянно происходит диалектическое превращение конкретного в абстрактное, абстрактного в конкретное.

Всякое познание, осуществляемое общественным человеком, начинается с чувственного конкретного, еще не осмысленного, не проанализированного посредством мышления. Поскольку объективное конкретное уже выделено в процессе практики и познания, постольку люди первоначально о нем имеют только некоторое целостное представление.

Однако такое чувственно-конкретное представление о целом, о рассматриваемом объекте, есть неполное, так как оно еще не проанализировано, важнейшие аспекты, элементы, определенности конкретного

еще не выделены. Поэтому на этой ступени познания об объекте существует только поверхностное, «хаотическое представление» о целом.

«Кажется правильным, - писал К. Маркс, - начинать с реального и конкретного, с действительных предпосылок, следовательно, например, в политической экономии, с населения, которое есть основа и субъект всего общественного процесса производства. Между тем при ближайшем рассмотрении это оказывается ошибочным. Население - это абстракция, если я оставляю в стороне, например, классы, из которых оно состоит. Эти классы опять-таки пустой звук, если я не знаю основ, на которых они покоятся, например, наемного труда, капитала и т. д. Эти последние предполагают обмен, разделение труда, цены и т. д.»¹. Поэтому не только в истории политической экономии, но и в истории всех других наук существует так называемый эмпирический, односторонне-аналитический этап, когда происходит движение познания от чувственно-конкретного к абстрактному. Такое движение познания является необходимой ступенью человеческого познания.

В процессе движения от конкретного к абстрактному происходит реальное углубление человеческого познания, отделение общего от отдельного, внутреннего от внешнего, существенного от несущественного. На этом этапе особенно большое значение имеет аналитическая деятельность познания, посредством которой выделяются структурные элементы, аспекты, моменты объективного конкретного. Важнейшим моментом движения познания от конкретного к абстрактному является также образование отдельных понятий, абстракций, законов; в результате познание все больше и больше углубляется в существенное содержание исследуемого конкретного. «Образование (абстрактных) понятий и операции с ними, - писал В.И. Ленин, - уже включают в себе представление, убеждение, сознание закономерности объективной связи мира»². Или: «Абстракция *матери*, закона природы, абстракция *стоимости* и т. д., одним словом, все научные

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.12. С.726.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.29. С.152-153.

(правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, *полнее*»¹.

В ходе движения познания от конкретного к абстрактному первоначально создается впечатление об отходе познания от предмета, хотя на самом деле происходит реальное углубление человеческого познания в действительность. «Представление *ближе* к реальности, чем мышление? И да, и нет. Представление не может схватить движения *в целом...* а мышление схватывает и должно схватить»². Только тогда, когда аналитический этап познания достиг своей зрелости, т. е. когда достаточно выделены элементы, множество связей развивающегося конкретного, наступает пора теоретического познания действительности, т. е. движение познания от абстрактного к конкретному. На этом этапе познания осуществляется синтез выделенных определений, т. е. объективное конкретное постигается конкретным мышлением, конкретным понятием как единством многочисленных определений.

Конкретное в мышлении, являющееся результатом восхождения от абстрактного к конкретному, и есть та «естественная форма», в которой реализуется истина. Каждое определение, входящее в систему теоретических определений, схватывает одну сторону предмета: взятое изолированно, оно является абстрактным, а их связь, синтез образует целостное теоретическое знание о предмете. Конкретное в мышлении, таким образом, реализуется через абстрактное. В свою очередь абстрактное, вступая в связь с другими абстракциями, утрачивает свою абстрактность, односторонность.

В процессе восхождения от абстрактного к конкретному выделенные абстракции не просто механически соединяются, происходит их синтез: сначала выявляются именно те абстракции, которые имеют в данной системе всеобщее значение, будучи началом, исходным пунктом конкретного целого, а затем - все более сложные и конкретные связи и определения исследуемого предмета.

В ходе познавательной деятельности движение позна-

¹ Там же. С.152.

² Там же. С.209.

ния от конкретного к абстрактному функционирует в двух известных формах. С одной стороны, это та ступень, которая предшествует методу восхождения от абстрактного к конкретному, т. е. тот этап познания, который в основном напоминает эмпирический. Теоретическое познание объекта невозможно, без этого этапа. Движение познания от конкретного к абстрактному имеет и другую сторону, а именно: оно является органическим моментом самого метода восхождения от абстрактного к конкретному. И действительно, восхождение от абстрактного к конкретному не просто, не механически соединяет выделенные абстракции, а пытается выявить всеобщее определение, *клеточку* системы, от которой только и возможно осуществить теоретическое восхождение к конкретному.

Поскольку предыдущий этап движения от конкретного к абстрактному осуществляется в рамках и в контексте эмпирического познания действительности, постольку просто синтезировать эти абстракции в дальнейшем познании исследуемого объекта невозможно. В противном случае не было бы необходимости в особой теоретической ступени познания, ибо такое теоретическое познание в действительности ничего бы не добавляло к эмпирической, аналитической деятельности познания, а лишь пассивно, монотонно соединяло бы, синтезировало бы то, что уже выделено и проанализировано.

Теоретический этап познания - это качественно новый этап в познавательной деятельности, когда ставится задача на основе достижений предыдущего уровня познания воспроизвести предмет как живое, конкретное целое. В силу этого здесь не просто соединяют, синтезируют прежние абстракции, а заново, правда, кратким путем, снова движутся от конкретного к абстрактному. В данном случае движение познания от конкретного к абстрактному не представляет самостоятельного значения, а является лишь моментом, аспектом принципа восхождения от абстрактного к конкретному, цель которого - целостное воспроизведение исторически развивающегося объекта.

Итак, на этапе теоретического познания предмета, т. е. в процессе восхождения от абстрактного к конкретному, снова возникает некоторая аналитическая задача, т. е. необходимость еще раз проанализировать исходный предмет, предметную область. Правда, этот анализ как момент теоретического познания действительности принципиально отличается от эмпирического анализа, который является составной частью эмпирического этапа познания. Если при эмпирическом анализе предмет расчленяется просто, задача сводится к выявлению все большего числа элементов, абстракций, то при теоретическом анализе, являющемся моментом принципа восхождения от абстрактного к конкретному, с самого начала ставится задача выявить всеобщее определение предмета, его исходный пункт и постоянно имеется в виду, удерживается в голове природа целого. Иными словами, в отличие от эмпирического анализа здесь предмет анализируется не сколько угодно, а до того предела, до тех исходных абстракций, опираясь на которые возможно теоретически воспроизвести данное, конкретное целое.

В этом отношении замечательным примером является «Капитал» К. Маркса, в котором капиталистические общественные отношения теоретически воспроизведены посредством метода восхождения от абстрактного к конкретному. Здесь философ не просто соединил, синтезировал данные прежней политической экономии, а заново осуществил движение от конкретного к абстрактному в качестве момента метода восхождения от абстрактного к конкретному.

Ученый сначала целостно рассматривает капиталистическую систему производственных отношений, а затем подвергает ее теоретическому анализу. В результате он выделяет наиболее всеобщие, элементарные определения, «клеточку» этого исторически развивающегося целого, исходя из которой создается возможность восходить ко все более конкретным определениям капиталистического способа производства. Философ сразу выявляет всеобщее определение указанного способа производства: «Богатство обществ, в которых господствует капиталистический

способ производства, выступает как „огромное скопление товаров”, а отдельный товар - как элементарная форма этого богатства. Наше исследование начинается поэтому анализом товара»¹.

Данное заключение (товар есть элементарная конкретность, всеобщее определение буржуазного способа производства) является результатом глубокого теоретического анализа капиталистической системы, результатом движения познания от конкретного к абстрактному. Именно с этого момента, с выявления исходной абстракции капиталистической системы создается реальная возможность теоретически воспроизводить буржуазный способ производства, осуществить метод восхождения от абстрактного к конкретному.

Метод теоретического анализа в целях выявления исходного пункта конкретного целого успешно применяется и в других науках². Выявление исходного начала имеет фундаментальное значение в теоретическом познании объективной действительности. Метод восхождения от абстрактного к конкретному является монистическим теоретическим методом и поэтому ничего общего не имеет с таким по сути антидиалектическим методом, как эклектическое соединение различных определений предмета.

На самом деле, целью познания является теоретическое воспроизведение конкретного предмета, его сущности, внутренних связей. Сущность предмета, как известно, есть не абстрактно-общее, не совокупность факторов, а их взаимосвязь, своеобразное сочетание в контексте развивающегося конкретного целого, которое духовно-теоретически воспроизводится в форме метода восхождения от абстрактного к конкретному.

Когда процесс познания предмета сводится к различным факторам, к эклектическому соединению его внешних определений, то сущность предмета, его внутренняя взаимосвязь выпадает из поля зрения исследователя.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.23. С.43.

² См.: Диалектическая логика как методология современного естествознания. Алма-Ата, 1985.

В результате этого конкретное познание конкретной действительности подменяется отвлеченным, абстрактным эклектическим рассуждением. Примером здесь может послужить критика В.И. Ленина эклектического подхода Бухарина к вопросу о профсоюзах, который, претендуя на всестороннее рассмотрение этого вопроса, пытался эклектически соединить различные точки зрения на этот счет: он утверждал, что профсоюзы, с одной стороны, есть «школа коммунизма», а с другой – «аппарат управления производством».

Диалектика требует всестороннего учета соотношений в их конкретном развитии, она не соединяет одно с другим односторонне. Согласно бухаринской концепции, профсоюзы как «школа коммунизма» и как «аппарат управления производством» существуют рядом друг с другом, он просто соединяет эти моменты без раскрытия их внутренней необходимой связи. Для такого эклектического соединения не требуется конкретно-научного анализа действительности. Другое дело диалектическое, конкретное рассмотрение данного вопроса. В ленинском понимании «профсоюзы есть школа коммунизма». Здесь из всех определений профсоюзов в эпоху строительства социализма выделяется такое, которое является всеобщим условием, основанием для всех других определений.

Против принципа восхождения от абстрактного к конкретному, частовыступают философские течения, которые пытаются доказать его односторонность, архаичность. Согласно этим воззрениям, монистическая концепция конкретного познания конкретной действительности якобы не учитывает всей сложности, многосторонности и запутанности исследуемого предмета. С их точки зрения, для познания сложного, многостороннего явления не приемлемо само требование монистического способа познания рассматривать многообразные определения предмета на основе единого принципа, всеобщего основания исследуемого предмета.

В связи с этим характерно рассуждение К. Поппера, согласно которому историческое развитие можно интерпретировать то, как продукт деятельности великих лю-

дей, то как результат экономических процессов, то как следствие изменений в религиозных чувствах. Один из основоположников социометрии Морено также пытается обвинить диалектико-логический метод односторонности.

Так, касаясь теории прибавочной стоимости Маркса, Морено пишет, что в ней не учитываются многие факторы: 1) естественные ресурсы - горы, реки (они были до того, как их коснулся труд; они будут, даже если человечество перестанет существовать); 2) творческая идея как источник всех технических и социальных изобретений; 3) спонтанность - вездесущий пластический элемент, который разогревает наше воображение, как только соприкасаются естественные ресурсы и творческие идеи. Эти три явления, по мнению Морено, предшествуют трудовому процессу и обуславливают его. Они не принадлежат ни одному классу, являются универсальными. В диалектико-логической же концепции упущены из виду «более глубокие силы, без которых сам трудовой процесс не мог быть осуществлен»¹.

На первый взгляд, требование Морено содержит рациональный момент, так как ученый выступает как бы сторонником учета всех связей предметов и явлений. Но при таком подходе невозможно конкретно понять объект: ведь любое явление бесконечно связано с любым другим. В силу этого так называемая многосторонность рассмотрения все же должна с чего-то начать. И поскольку данная концепция игнорирует диалектику, постольку она выбирает начало теоретического познания просто произвольно.

Между тем каждая конкретная система общественных отношений возникает и постоянно себя воспроизводит на основе определенной субстанции, от которой зависят и на базе которой формируются другие связи и отношения. Если обратимся к нашему примеру, то речь идет не о продукте производства вообще, а о таком продукте, который производится при товарно-капиталистической форме. Следовательно, для понимания сущности продуктов при капитализме вовсе не обязательно исследовать все внешние связи данных общественных отношений. Напротив, к важнейшему условию конкретного понимания этого

¹ Морено Дж.Л. Социометрия. М., 1958. С.3.

объекта относится абстракция, сознательное отвлечение от его внешних, приводящих отношений.

Внутренними связями предмета являются такие связи, которые им постоянно воспроизводятся в ходе его движения как важнейшее условие его существования. В своем развитии капитализм постоянно воспроизводит прибавочную стоимость, рабочую силу как товар. Но, как известно, он не создает ни естественных ресурсов, ни творческих идей. Для того чтобы понять природу «капитализма», вовсе не нужен анализ естественных ресурсов и творческих идей. Естественные ресурсы и творческие идеи не только не являются теми глубокими силами, которые «забыл» проанализировать Маркс, а представляют собой внешние связи для буржуазного общества, исследование которых ничего не дает для понимания продукта при капитализме.

Таким образом, диалектический метод познания предмета ничего общего не имеет с абстрактным рассуждением о необходимости познать все стороны, все связи предметов и явлений. Дело в том, что при абстрактном подходе каждый предмет связан со всеми, т. е. со всей вселенной. Но ведь никакая наука, никакое познание не в состоянии познать все связи предметов и явлений. Содержательная логика в этом вопросе придерживается позиции конкретности и диалектики. Иными словами, конкретное познание прежде всего означает не абстрактное познание всех определений предметов, всех его связей, а рассмотрение предмета конкретно, в контексте определенного конкретно-исторического целого.

Каждый предмет не только связан со всеми, а имеет также свои внутренние связи, обусловленные его реальным местом внутри развивающегося общественно-исторического целого. При этом он не только существует и развивается, но также постоянно воспроизводит всеобщие условия своего существования. Так, например, в ходе развития капиталистического способа производства такие его определения, как товар, рабочая сила как товар, не только являются его всеобщими условиями, но одновременно следствием буржуазной системы хозяйства.

Выявление начала, как видим, имеет фундаментальное значение в теоретическом познании предмета. Однако его значение нельзя преувеличивать. Начало называется началом, «элементарной клеткой» системы потому, что в построении теоретического знания оно является наиболее абстрактной, бедной определенностью системы. Восхождение от абстрактного к конкретному, в процессе которого формируется теория предмета, выступает как развитие, углубление, формообразование исходных определений теоретического знания. Поэтому возникает вопрос о следующем этапе теоретического воспроизведения предмета.

Речь идет об обосновании фундаментальных принципов теории. Действительно, если в результате выявления и анализа исходного пункта объективного конкретного делается первый шаг в теоретическом воспроизведении предмета, то путем обоснования всеобщего принципа теории делается следующий крупный шаг в научно-теоретическом познании действительности. На этом уровне научно-теоретического познания вся задача теории концентрируется вокруг правильного понимания и обоснования фундаментального принципа теоретического познания действительности. Так, в «Капитале» Маркс начал с анализа товара, простых товарных отношений, что дало ему возможность определить понятие стоимости, которое является субстанцией, всеобщим принципом буржуазного способа производства.

При этом мы не можем не заметить некоторые моменты начала логического восхождения от абстрактного к конкретному. Здесь, на этом этапе познание все время как бы идет вглубь, выявляет все более и более высокие абстракции, которые затем должны служить предпосылкой для дальнейшего теоретического воспроизведения действительности.

На самом деле, в ходе дальнейшего восхождения от абстрактного к конкретному анализу подвергается исходное всеобщее, «элементарная клеточка» исследуемого целого, в результате чего выявляется всеобщий принцип данной теоретической области. При этом такое углубление познания,

повышение уровня абстракции является не самоцелью, а средством адекватного теоретического воспроизведения конкретного. Стало быть, абстрактное, выявление начала, всеобщего принципа служит конкретному, выступает логическим средством для постижения объективного конкретного.

Таким образом, невозможно понять, духовно-теоретически воспроизвести конкретное без абстрактного. Процесс теоретического воспроизведения конкретного, объективно развивающегося предмета возможен, как было уже отмечено, не посредством простого соединения эмпирически выделенных абстракций, а только в процессе сложного, диалектического развития понятий по методу восхождения от абстрактного к конкретному, в ходе которого на каждом этапе возникают противоречия, проблемные ситуации, разрешаемые в процессе теоретического познания действительности.

В обосновании всеобщего принципа теоретического познания предмета также четко выявляется коренное отличие диалектико-логического принципа от формальных и эмпирических методов построения теоретического знания. Действительно, невозможно эффективно и продуктивно обосновать всеобщий принцип теории, если применять такие фундаментальные категории, как «субстанция» и «всеобщее», «понятие», «развитие» и т. п., которые, по существу, являются всеобщими условиями формирования всеобщего принципа теории, не с позиции материалистической диалектики.

При формальном, недialeктическом понимании этих категорий на пути развивающегося знания возникают серьезные трудности. Так, например, вследствие непонимания диалектики субстанции, всеобщего в теоретическом познании возникает ряд односторонних подходов к исследуемому предмету. Одни с целью понять предмет просторедуцируют его сложные определения к более простым и абстрактным формам выражения и тем самым серьезно затрудняют теоретическое и конкретное познание объекта, другие при столкновении с теоретическими трудностями (противоречиями) объявляют новую форму

самостоятельной реальностью, самостоятельным объектом, хотя в действительности это не так. Поэтому только метод восхождения от абстрактного к конкретному позволяет действительно преодолевать трудности, проблемные ситуации, возникающие в познании, только он является той логической продуктивной формой, в которой постигается исторически развивающийся конкретный предмет.

Универсальный характер последнего проявляется уже в обосновании всеобщего принципа теории, являющегося моментом принципа диалектического восхождения от абстрактного к конкретному. Действительно, в отличие от формальных методов здесь исходный принцип рассматривается не как абстрактно-общее всем развитым и содержательным формам развивающегося предмета, а трактуется как всеобщее, генетически первичное по сравнению с другими определениями. Следовательно, эти первичные формы, абстрактные характеристики конкретного целого существовали раньше сложных и конкретных форм, хотя последние возникли из развития абстрактного. Поэтому всеобщий принцип теории вырабатывался Марксом не в результате абстракций от конкретных и содержательных определений системы, а при тщательном анализе простейших форм системы.

Как известно, товарное производство существовало до капиталистической системы, но статус всеобщего отношения оно приняло только при буржуазном обществе, когда товаром становится и рабочая сила. Все отношения при капитализме опосредствованы через товарное отношение. Чтобы выработать всеобщие принципы товарных отношений, вполне естественно проанализировать простой товарный обмен, из развития которого исторически возникло капиталистическое товарное производство. В таком понимании восхождение от абстрактного к конкретному выступает не как искусственный прием познания, а как логическая форма, в которой духовно-теоретически воспроизводится само развитие конкретной действительности от простого к сложному. В силу этого последовательное движение понятий, законов не принимает мистическую форму, а функционирует как момент

духовно-теоретического воспроизведения исторически развивающегося предмета.

В ходе обоснования метода восхождения от абстрактного к конкретному, его исходного понятия К. Маркс проводил диалектико-логическое понимание категории всеобщего, субстанции, развития и т. п. Только такое рассмотрение дало ему возможность глубоко осмыслить экономические факты, раскрыть объективную сущность предмета и разрешить те противоречия и трудности, которые были камнем преткновения для его предшественников.

Ученый высоко оценивал труды классиков английской политической экономии, которые поставили политэкономии на научную основу, выработав трудовую теорию стоимости. В их понимании стоимость, труд с самого начала выступает не как абстрактно-общее, а как всеобщее (субстанция), исходя из которого можно понять всю систему капиталистических экономических отношений.

Исходные идеи английской политической экономии коренным образом отличаются от теоретико-познавательной концепции Локка, Гоббса, Юма. Если Локк и Юм принципиально отрицали за категориями субстанции, причинности какое-либо объективное содержание, то в трудовой теории стоимости присутствует не абстрактное понимание общего, а понимание его как всеобщего, как субстанции. Без такого глубокого понимания английские экономисты не смогли бы определить всеобщий принцип, фундаментальное понятие политической экономии.

Итак, выработав научное понятие стоимости и поднявшись выше обычного (эмпирического) понимания общего, классики английской политической экономии смогли продемонстрировать превосходство своего теоретического мышления по сравнению с тогдашней эмпирической философией и логикой. Сила их состояла в том, что они в ходе анализа фактов, в аргументации исходного принципа основывались на более глубоком понимании категории общего, всеобщего, субстанции.

Однако английские экономисты не всегда были последовательны в своих теоретических размышлениях, в чем и проявилась теоретическая слабость их концепций.

Так, А. Смит и Д. Рикардо не всегда последовательно, во-первых, применяли свое понимание исходного принципа, всеобщего; во-вторых, допускали недialeктическое, антиисторическое понимание всеобщего, субстанции. Поэтому они часто отступали от первоначальной идеи, делая уступку традиционной логике.

Сказанное прежде всего характерно для А. Смита, который обосновывал свою трудовую теорию стоимости, исходя из определенного понимания всеобщего, субстанции. Но в последующей своей теоретической деятельности он отходит от этого понимания, тем самым показывая, что необходимость последнего не была им осознана глубоко.

В отличие от А. Смита Д. Рикардо был более последователен. Ученый принципиально проводил исходные идеи теории, при анализе экономических категорий строго руководствовался требованиями принципа стоимости, сознательно понимал субстанциальность ее содержания. Однако в теоретической концепции английского экономиста также содержались недостатки: ученый метафизически понимал исходное всеобщее, категорию субстанции, в силу чего он был не в состоянии разрешить противоречия, которые возникали между нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли.

Все проблемы и трудности прежней политической экономии были разрешены К. Марксом, сознательно ориентировавшимся на диалектику, на диалектическое понимание всеобщего, субстанции и их роли в научно-теоретическом познании. В своей теории он не просто сводил многообразные формы буржуазного богатства к некоторому единому началу, как это делали его предшественники, а стремился вывести их из развития субстанции. При таком подходе все многообразные формы буржуазного богатства выступают как саморазвитие, саморасчленение, формообразование единой субстанции. Каждое формообразование, являясь ступенью развития единой субстанции, в то же время имеет свою сущность, которая есть не абсолютно другая по отношению ко всеобщему, субстанции, но ее особая форма существования.

В своей теоретической деятельности ученый показал несостоятельность редуccionизма, который сводит сложное к абстрактной форме выражения и не может понять сложное, конкретное как реальное развитие и формообразование абстрактного. «Это все равно, как если бы кто-нибудь захотел утверждать, что не существует никакого различия, а тем более противоположности и противоречия между природными телами, потому что они, будучи взяты, например, в определении тяжести, все имеют тяжесть и потому одинаковы; или одинаковы потому, что все они существуют в пространстве трех измерений. Саму меновую стоимость здесь также фиксируют в ее простой определенности, в противовес ее более развитым антагонистическим формам»¹.

Как видим, редукция, сведение конкретного (сложного) к абстрактному искажает объективную картину целого. Опираясь на эту порочную методологию, буржуазные идеологи пытались доказать, что в сфере меновых отношений господствуют свобода и равенство, которые впоследствии искажаются посредством денег, капитала и т. п. Такая абстрактная трактовка товарного производства не имеет ничего общего с истиной. Противоречия и антиномии существуют уже в сфере простых товарных отношений, которые в процессе дальнейшего развития лишь получают более развитую форму.

В отличие от буржуазных экономистов К. Маркс, анализируя простой товарный обмен, вскрыл возможность всех противоречий капиталистического общества: «...В простом определении меновой стоимости и денег в скрытом виде содержится противоположность заработной платы и капитала и т. д. Таким образом, вся эта премудрость [буржуазных апологетов] сводится к тому, чтобы застрять на простейших экономических отношениях, которые, будучи взяты самостоятельно, представляют собой чистые абстракции, а в реальной действительности, напротив, опосредствуются глубочайшими противоположностями и

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч.1. С.194.

отражают только ту сторону действительности, в которой выражение этих противоположностей затушевано»¹.

В реальной действительности конкретное действительно возникает из развития абстрактного, хотя и нельзя свести сложное, конкретное просто к абстрактному. Дело в том, что условия существования абстрактного и конкретного существенно отличаются друг от друга, хотя они и связаны между собой. Так, если условием простого товарного производства является обмен эквивалентов, то условием капиталистического товарного производства - производство прибавочной стоимости. Касаясь этой стороны вопроса, К. Маркс отмечал: «Если я скажу... что капитал есть *сумма стоимостей*, то этим я скажу только, что *капитал равен меновой стоимости*. Всякая сумма стоимостей есть определенная меновая стоимость, и всякая меновая стоимость есть некоторая сумма стоимостей. Путем простого сложения я не могу от меновой стоимости прийти к капиталу. В простом накоплении денег, как мы видели, еще нет отношения капитализации»².

Действительно, более сложное, конкретное целое вырастает из более абстрактного, простого отношения. Однако конкретное целое не есть механическая сумма простейших отношений, хотя оно и возникает из развития последних. При этом также нельзя забывать и то, что существование простейших форм в чистом виде предполагает существование сложных и конкретных форм, абстрактным выражением которых являются абстрактные отношения.

В развитии теоретического познания фундаментальное значение имеет также обоснование основного понятия теории, выступающее важнейшим моментом метода восхождения от абстрактного к конкретному, охватывающим всю целостную логику научно-теоретического познания.

Например, исследование капитализма не завершается обоснованием понятия стоимости, а необходимо предполагает дальнейшее движение теоретической мысли, т. е. образование понятия прибавочной стоимости,

¹ Там же. С.195.

² Там же. С.198.

выявление сущности, раскрытие связи сущности с формами проявления. Только в результате такого целостного развития теоретической мысли в полной мере осуществляется задача теории, наша мысль об объекте становится все содержательнее и содержательнее.

Как известно, рассмотрение товара и открытие стоимости было осуществлено классиками английской политической экономии. Теоретическая же заслуга К. Маркса состоит в том, что он, с одной стороны, в понимании товара, стоимости пошел значительно дальше в сравнении с предшественниками, а с другой - раскрыл глубокую связь исходной категории с прибавочной стоимостью, которая непосредственно не вытекает из стоимости. Первоначально ученый исследовал прибавочную стоимость в чистом виде, т. е. обосновал развитие понятия стоимости в прибавочную стоимость, открыв существование особого товара - рабочей силы, а затем теоретически показал связь прибавочной стоимости с превращенными формами ее проявления.

В марксовой трактовке такое развитие теоретической мысли, восхождение от абстрактного к конкретному выступает как духовная форма развития предмета, как содержательное познание развивающейся действительности. Поэтому по своему логическому содержанию оно принципиально отличается от обычного дедуктивного способа познания, возникающего на определенной ступени развития науки, когда появляется потребность в теоретическом познании предмета. Принципиальное отличие метода восхождения от дедукции заключается в том, что он является целостным, содержательным теоретическим методом, который содержит в себе индукцию и дедукцию, обобщение, абстрагирование и тому подобное как свои моменты.

В области политической экономии до Маркса, как отмечалось выше, больших теоретических результатов достиг Д. Рикардо. Все экономические явления английский ученый пытался вывести из единого основания - из трудовой теории стоимости. Такое развитие мысли действительно было большим достижением по сравнению с предшествующей политической экономией, так как здесь

последовательно была проведена идея происхождения всех форм буржуазного богатства из развития стоимости.

Однако по своему логическому содержанию метод Д. Рикардо более соответствовал традиционной дедукции, нежели принципу восхождения от абстрактного к конкретному. Дело в том, что Д. Рикардо, подобно А. Смиту, смотрел на буржуазный способ производства как на вечную и естественную форму общественных отношений, не воспринимая его как развивающуюся систему и, следовательно, не видел необходимости в преобразовании традиционного способа теоретического познания предмета. Поэтому в построении своей экономической теории английский экономист в полном согласии с традиционной дедукцией внимание концентрирует на исходном понятии, трудовой теории стоимости. Все дальнейшее развитие понимается им как простое подведение единичного и особенного под это всеобщее определение предмета.

Однако такое понимание предмета, попытка вывести все сложные и конкретные определения буржуазного способа производства непосредственно из понятия стоимости встретили серьезные теоретические трудности. Иными словами, в процессе выведения из понятия стоимости таких более сложных экономических категорий, как прибыль, рента и др., обнаружились следующие противоречия: в одном отношении эти сложные экономические категории можно подвести под понятия стоимости, а в другом этого сделать принципиально невозможно.

Согласно традиционной дедукции, такое положение в истинной теории, когда исходный принцип теории противоречит его же следствиям просто недопустимо. Заслуга ученого состояла в том, что он не пошел по линии исправления исходного теоретического принципа, хотя видел наличие противоречия, и на это указывали его теоретические противники. Когда же ученики Д. Рикардо якобы разрешили противоречия теории, но не на пути ее развития, а посредством формального исправления исходного начала теории, то тем самым, они перечеркнули теоретическое понимание сложных экономических явлений и положили начало так называемой вульгарной

политической экономии, подменившей теоретическое познание предмета беспринципной эклектикой.

Все противоречия и трудности, возникшие в ходе теоретического познания экономических явлений, были всесторонне разрешены в процессе последовательного применения метода восхождения от абстрактного к конкретному. В отличие от дедукции Рикардо, которая только внешне напоминала развитие предмета, метод восхождения являлся логической формой развития объекта. Поэтому в экономической теории такие сложные экономические категории, как прибыль, процент, рента и т. п., не просто подводятся под понятие стоимости, а выводятся из развития исходного принципа, исходных отношений.

Маркс - материалист, поэтому он снова и снова обращается к реальному процессу, процессу развития товарных отношений, чтобы в нем найти реальное основание для развития понятия стоимости.

Понятие стоимости отражает всеобщее условие развития простых товарных отношений, для которых характерен обмен эквивалентов. Для того чтобы доказать возникновение прибавочной стоимости, Маркс индуктивным путем снова обращается к товарным отношениям, их развитию от простой формы к капиталистической, для которой характерна продажа рабочей силы как товара. Капиталистическое товарное производство, следовательно, есть всеобщее условие развития понятия стоимости, причина возникновения прибавочной стоимости.

Однако в условиях капиталистического товарного производства все продается и покупается по стоимости. Спрашивается, откуда возникает прибавочная стоимость?

Маркс всесторонне обосновал этот вопрос, открыв существование при капитализме особого товара - рабочей силы, потребление которого есть одновременно созидание стоимости. Как видно, в отличие от Рикардо, Маркс не просто выводит из общего принципа более конкретные категории буржуазного общества, а всесторонне и глубоко развивает сам всеобщий принцип, понятие стоимости в ходе восхождения от абстрактного к конкретному. Никто из экономистов до Маркса не смог обосновать понятие

прибавочной стоимости и поэтому раскрыть сущность капиталистического способа производства.

Всестороннее обоснование понятия прибавочной стоимости и восхождение от него к более конкретным категориям капиталистической экономики является главным содержанием «Капитала» Маркса. Отмечая то главное, что сделано им в теоретическом понимании капиталистической экономики, ученый отмечал, что «это, прежде всего обоснование двойственного характера труда и рассмотрение прибавочной стоимости независимо от форм проявления»¹.

На самом деле, К. Маркс существенно углубился в познание сущности буржуазного способа производства. Если А. Смит и Д. Рикардо ограничились выработкой и обоснованием понятия стоимости и из него прямо и непосредственно хотели вывести и объяснить прибыль, ренту и др., то Маркс в своем исследовании вскрыл субстанциальные определения капиталистического производства.

Поскольку Рикардо в своей теоретической деятельности не поднялся до анализа сущности капиталистической экономики, не выработал и не обосновал понятие прибавочной стоимости, постольку он встретился в процессе теоретического познания с неразрешимыми противоречиями. Маркс в своей теоретической деятельности поступал по-другому. Он, теоретически развив понятие стоимости до прибавочной стоимости, получил реальную возможность теоретически восходить от абстрактного к конкретному, решить все те противоречия, которые возникали в теоретическом познании конкретной действительности.

Предшественники Маркса понятие прибавочной стоимости отождествляли с особыми формами (прибыль, рента, процент), потому что исходили из эмпирического, ограниченного представления о сущности. В их понимании сущность - это нечто сходное для данного класса явлений. Поэтому, чтобы выработать понятие прибавочной стоимости, они брали за основу либо эмпирическое общее, либо просто описывали какую-либо частную форму. Даже

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.31. С.277.

понятие стоимости они трактовали как абстрактно-общее, из которого непосредственно пытались вывести особые, более развитые формы.

В ходе обоснования понятия прибавочной стоимости Маркс реализовал принципиально иное понимание сущности. Согласно его трактовке, сущность - это не элемент, не абстракт, а та особая форма развития субстанции, которая имеет в данной системе *всеобщее* значение. В понимании ученого сущность выступает как особый «эфир», который определяет удельный вес всего существа, в нем находящегося. При таком понимании сущность, разумеется, не покоится в эмпирической структуре отдельного предмета, а реально существует в тех особых связях и отношениях, которые этот предмет имеет внутри некоторого целого.

Таким образом, выявив природу прибавочной стоимости и разрешив возникающие при этом противоречия, ученый получил реальную возможность теоретически осмыслить всю целостность и конкретность, т. е. восходить от понятия прибавочной стоимости к таким особым и превращенным формам, как прибыль, процент, рента и т. п.

Правда, такой процесс теоретического восхождения от понятия прибавочной стоимости к превращенным формам вовсе не являлся легкой, формальной процедурой выведения. В ходе этого теоретического развития также возникали трудности, противоречия, которые были философом продуктивно разрешены. Так, например, норма прибавочной стоимости (утверждающая, что, чем больше живого труда, тем больше прибавочной стоимости) прямо противоречит норме прибыли, согласно которой прибыль производства выше, если в нем высок органический состав капитала, т. е. меньше удельный вес живого труда. Величие Маркса состоит в том, что он разрешил противоречия между нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли и тем самым дал теоретическое и рациональное объяснение всем экономическим явлениям.

После опубликования третьего тома «Капитала» многие экономисты обвинили Маркса в том, что он-де не выполнил своего обещания, но эти «обвинения» свидетельствовали лишь о том, что они не имели никакого

понятия о диалектическом, теоретическом познании предмета, в то время как в теоретическом познании объекта всегда возникает реальное противоречие, которое можно разрешить лишь посредством действительного развития теории.

В этой связи возникает вопрос, какие логико-теоретические условия (принципы) дали возможность Марксу успешно развить теорию и разрешить те противоречия, которые были камнем преткновения для всей предшествующей политэкономии?

К ним относится, во-первых, глубокое понимание развития, историчности сущности, последовательное проведение диалектики сущности и явления. Если при абстрактном рассмотрении явления просто противопоставляются сущности, то диалектическое, конкретное исследование трактует их как единство противоположностей, вскрывает их внутренние связи. Отдельные явления непосредственно не совпадают с сущностью, могут отклоняться от нее, но в совокупности они совпадают с требованием, направлением сущности.

Во-вторых, в процессе развития теории были всесторонне проанализированы и применены такие важные диалектологические принципы теоретического знания, как возможность и действительность, внутреннее и внешнее, закон и закономерность и т. п., которые дали возможность успешно проследить развитие сущности, раскрыть ее связь с формами проявления и осуществить целостное, диалектическое познание объективной действительности. На самом деле, невозможно завершить научную теорию без конкретного, диалектического понимания этих категорий.

В-третьих, в развитии теории и разрешении ее противоречий важное место уделялось понятию особого, опосредствующего, промежуточного звена, в котором разрешается противоречие сущности с эмпирическими формами. В научном познании действительно создается такая ситуация, когда эмпирические факты невозможно непосредственно понять из сущности, а необходимо выявить такие опосредствующие, промежуточные звенья, которые дают возможность определить связи сущности

с формами проявления. Только такая теоретическая работа позволяет охватить целостную природу предмета, в котором эмпирические формы выступают как собственные формы развития сущности, ее формообразования. В этом отношении «Капитал» является классической формой научной теории. Здесь все эмпирические факты, особые формы глубоко объяснены как собственные формы развития прибавочной стоимости, превращенные формы ее существования¹.

В результате такой теоретической деятельности «Капитал» выступает внутренне завершенной теорией, являющейся единством внутренне связанных понятий (категорий), в форме которых отражается реальная закономерность товарно-капиталистического производства. Если в первом томе «Капитала» были глубоко проанализированы понятия стоимости, прибавочной стоимости, то в последующих томах этого труда буржуазные производственные отношения исследуются и раскрываются во всей их сложности.

Оценивая значение III тома «Капитала» в построении экономической теории Маркса, Ф. Энгельс писал: «Это - великолепное произведение, затмевающее в научном отношении даже первый том»². Или: «Это действительно неслыханный переворот во всей старой политической экономии. Только благодаря этому наша теория приобретает несокрушимый фундамент, и мы сможем победоносно выступать на всех фронтах»³.

В этих отзывах Ф. Энгельсом подчеркнута значение целостного охвата предмета в построении теории. Действительно, теория становится теорией, выполняет свою функцию систематического знания только тогда, когда

¹ В теории К. Маркса большое значение отводится понятию «превращенные формы». В философской литературе отношение сущности к превращенным формам содержательно проанализировано в следующих работах: Розенталь М.М. Диалектика «Капитала» К. Маркса. М., 1967; Сорокин А.А. Категория сущности в диалектике К. Маркса: (на материале «Капитала»): Автореферат дисс. на соиск. уч. степ. канд. филос. наук. М., 1970.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.36. С.281.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.36. С.252-253.

предмет постигается во всей сложности и целостности. «Я буду, конечно, очень рад, - писал он, - когда смогу выпустить третий том, потому что... только тогда вся система автора будет окончательно понятна и многие глупые возражения, выдвигаемые против нее теперь, совершенно отпадут»¹. «После такого ясного изложения, - продолжал Ф. Энгельс, - никакие прямые возражения уже невозможны. Самые трудные вопросы разъяснены и распутаны с такой легкостью, будто это просто детская игра, и вся система приобретает новый и простой вид»².

«Капитал» является результатом долгой и титанической работы мысли по раскрытию внутренних закономерностей предметов и явлений. В нем достигнут истинный результат, полно и всесторонне охвачен исследуемый предмет. В ходе теоретического познания буржуазного общества Маркс применил все богатство материалистической диалектики, ее методов и принципов, среди которых большое продуктивное значение имеет метод восхождения от абстрактного к конкретному.

¹ Там же. С.480.

² Там же. С.258-259.

Глава 10.

Историческое и логическое

Согласно методологии материалистической диалектики предмет необходимо изучать в его возникновении, развитии, проанализировать, чем он стал в настоящее время. Такой подход является требованием исторического подхода к предметам и явлениям. В этой связи возникает вопрос, как относится историческое рассмотрение предмета к логике предмета, методу восхождения от абстрактного к конкретному.

В диалектическом конкретном познании историческое и логическое не только различаются друг от друга, но также находятся в диалектическом единстве, являются сторонами единого диалектико-логического способа теоретического воспроизведения предмета.

В отличие от формальных методов диалектика исторического и логического является содержательным методом, в котором отражаются имманентные, всеобщие определенности предметов и явлений. Основой такого понимания исторического и логического является объективная логика исследуемого предмета.

Любая развивающаяся органическая система внутри себя в свернутом виде содержит историю своего становления и развития. По этой причине конкретное возможно понять в результате его исторического рассмотрения, в ходе выявления всеобщего определения и диалектического развития конкретного целого посредством метода восхождения от абстрактного к конкретному.

Рассматривая предмет исторически, т. е. в его возникновении и развитии можно понять логику объективного конкретного. Если ставшая органическая система в себе в преобразованном виде содержит историю развивающейся системы, то в ее истории нетрудно увидеть логику предмета расположенную во времени. Вот на чем основано диалектическое познание объективного конкретного, рассмотрение логического и исторического в диалектическом единстве. В этом отношении представляет

интерес взаимоотношения истории философии и Логики с большой буквы как системы внутренне связанных философских категорий.

Еще Гегель, в отличие от прежней философии, принципиально по-новому рассмотрел взаимоотношение логики с историей философии. Для традиционной философии логика и история философии были принципиально разными духовными явлениями, Гегель же рассмотрел логику и историю в их внутренней связи.

В своей философии немецкий ученый прежде всего пытался обосновать исходное начало своей философской системы - идею, *абсолютную идею* как систему чистых сущностей, которые разворачиваются посредством метода восхождения от абстрактного к конкретному, т. е. первоначально происходит чисто логическое развитие посредством развития и расширения противоречия от бытия к абсолютной идее. Понятие абсолютной идеи по своему содержанию совпадает с логикой, являющейся логическим началом философской системы Гегеля.

Возникает вопрос: откуда философ берет предпосылки своей логики? Что является основой гегелевской дедукции категорий?

Значение гегелевской логики состоит в том, что он, развертывая систему категорий в логике, опирался не просто на чисто логический процесс, а обращался к истории развития сознания, к истории философии. Сам ученый отмечал, что тайна дедукции философских категорий в логике находится в «Феноменологии духа».

В отличие от своих предшественников Гегель рассматривал логику и историю познания, логику и историю философии в диалектическом единстве. Он исследовал логику как систему чистых сущностей, как систему категорий, взаимосвязи которых им берутся не из головы, не субъективно, а исследуются в той форме, в которой они играли роль в истории развития человеческого сознания, в истории философских систем. Таким образом, последовательно применяя диалектику исторического

и логического, немецкий диалектик реализовал принципиально новое понимание взаимоотношения логики и истории предмета.

Гегелевская логика только с первого взгляда может показаться абстрактной логической конструкцией, в действительности же она опирается на широкую историю развития сознания. Следовательно, гегелевская логика абстрактна только по форме, но содержательна по сути, так как она опиралась на реальное развитие человеческого сознания и историю философии.

В результате такого подхода по-новому понималась как логика, так и история философии. Логика трактовалась отныне не учением о конечных формах, а содержательным учением о мышлении, опирающимся на широкую основу познания. В свою очередь, история философии последовательно рассматривалась не как простая смена одной философской системы другой, а выступала как система формообразований, как последовательное открытие абсолютного, всеобщих определений мышления, которые в их системе и связи образуют содержание современной философии.

Гегелевская логика не является чем-то противоположным прежним историко-философским системам, она является итогом, выводом всей истории философии, истории познания. В свою очередь, история философии суть непрерывный процесс поиска и нахождения абсолюта, истины. В силу этого историческое и логическое у Гегеля находится в диалектическом единстве и взаимно переходят друг в друга.

Логика суть истории познания, а последняя выступает как логика, развернутая во времени. В истории познания может быть много случайных моментов и потому логическое рассмотрение избавляет ее от них, дает возможность излагать исторический процесс в соответствии с сутью исторического развития. В силу этого логический метод как бы исправляет реально-исторический процесс, хотя здесь надо видеть не субъективный произвол субъекта познания, а следует усмотреть важное требование объективности познания, когда история философии излагается согласно

своей сути, избавляясь от внешних, случайных моментов, искажающих содержание исторического процесса.

В понимании Гегеля логика относится к истории философии не внешне, она является ее сущностью. Поэтому логика закономерно входит в историческое и углубляет содержание исторического, способствует превращению абстрактно-исторического в конкретно-историческое. В гегелевском понимании исторического и логического, безусловно, содержатся рациональные моменты. Правда, ученый рассматривал диалектику исторического и логического только в одном срезе, как отношение логики ставшей теории к истории философии, к истории формирования этой теории.

В отличие от Гегеля материалистическая диалектика исследует диалектику исторического и логического всесторонне, и потому в диалектике этих категорий здесь открыты и обоснованы много таких черт и особенностей, которые были неизвестны гегелевской трактовке проблемы.

В диалектической, содержательной логике взаимоотношение логического и исторического рассматривается не только в отношении логики знания к истории формирования этого знания. Здесь логика знания и теория рассматривается не как самостоятельное, субстанциональное явление, а как форма другой - материальной реальности, существующей объективно, независимо, бытие которой одновременно суть для себя бытие. В материалистической логике диалектика исторического и логического также выступает методологией взаимосвязи ставшего предмета с историей этого предмета, логики предмета с историей его формирования. В результате такого целостного рассмотрения диалектико-материалистическая логика всесторонне раскрывает диалектику исторического и логического как универсального метода познания.

В содержательной логике взаимоотношение логического и исторического, субординация и систематизация логических категорий опираются не только на историю познания, на историю философии, но также на закономерности развития практической, предметной деятельности и умственного развития ребенка. Такое целостное исследование предметной

деятельности, общего условия ее функционирования дает возможность найти ключ к более глубокой систематизации логических категорий.

Поскольку мышление, категории не являются самостоятельной реальностью, постольку ключом к пониманию внутренней взаимосвязи логических категорий является не только история познания, история философии, но также закономерности предметной деятельности, всеобщего основания человеческих общественных отношений. Категории мышления, являясь отражением практики, выступают формой и ступенями исторического развития как предметной человеческой деятельности, так и человеческого познания.

Последовательность категорий, их реальная систематизация в логике должны отражать историческое развитие предметной деятельности, всеобщие законы ее развития и функционирования. Предметная деятельность, целесообразное изменение вещества природы является общим условием человеческой жизни, в процессе которой человек выделяет себя из природы, и здесь же впервые формируются отношения субъекта к объекту, т. е. наиболее первичные отношения человеческой деятельности. Выделенный предмет (объект) тут же вовлекается в человеческую деятельность. В процессе этой деятельности человек обрабатывает, изменяет предмет, придавая объекту желаемую целесообразную форму, превращает его наличную форму в субстрат, в котором опредмечивает себя и свои сущностные силы.

В процессе предметной деятельности выявляется не только объект, но и субъект этой деятельности. Поскольку в процессе опредмечивания и распредмечивания происходит постоянное утверждение нового предмета, новой вещи, постольку здесь осуществляется единство возникновения и утверждения, т. е. становление.

В процессе развития предметной деятельности и общения, таким образом, не только возникают такие категории как объект, субъект, становление, но все универсальные логические категории. По этой причине в процессе систематизации, дедукции категорий необходимо

внимательно исследовать историю и логику человеческой предметной деятельности, практики, что дает возможность преодолеть ограниченность и отчуждение гегелевского способа систематизации логических категорий.

Гегель не исследовал, как отмечалось выше, действительную историю производства, реальную историю общественных отношений, лежащих в основе истории познания и истории философии. Философ не понимал законов их развития и тем более не знал отчужденности и перевернутости этих отношений. Немецкий ученый также не понимал, что перевернутость общественных отношений отражается в перевернутости и извращенности системы духовных отношений людей и их истории, поэтому саму историю познания, историю философии невозможно брать как данное; их необходимо критически проанализировать с позиции диалектики, понимаемой как логика и история познания.

В диалектико-материалистической логике категории исторического и логического, прежде всего, имеют предметную характеристику, т. е. диалектика исторического и логического имеет методологическое значение не только для осмысления отношения теории к истории этой теории, а имеет важнейшее значение для научно-теоретического понимания объективно конкретного. Методологическое требование диалектики таково: чтобы всесторонне понять изучаемый предмет, субъект познания обязан не только подвергнуть логическому осмыслению внутренние взаимосвязи исследуемого предмета, но также должен постоянно обращаться к истории формирования этого предмета.

Такой подход имеет не внешнее, а внутреннее значение для понимания предмета, так как исследуемый предмет является результатом развития, он возник в процессе ряда формообразования. Иными словами, в ходе своего возникновения и развития он строил себя, свое тело из элементов, осколков прежней системы, на смену которой он возник.

Входетеоретическогоосмысленияразвивающегообъекта, как видим, постоянно возникает вопрос о взаимоотношении

исторического и логического, от правильного понимания которого зависит успех в теоретическом познании предмета. В этом отношении замечательным примером является «Капитал» Маркса, в процессе построения которого ученый не только последовательно применял диалектику исторического и логического, но также всесторонне развил диалектику категории исторического и логического.

В трактовке Маркса историческое и логическое - универсальные методы материалистической диалектики, понимаемой как логика и теория познания. Категория логического, прежде всего, обозначает внутреннюю взаимосвязь теории, образовавшуюся в ходе реализации метода восхождения от абстрактного к конкретному. Историческое - это универсальная категория диалектики, отражающая возникновение, развитие, становление реально существующего предмета, а также теорию о нем.

В истории философии и науки есть исследователи, которые рассматривают предмет только логически (синхронно), специализируются по логике науки, по чисто логическому рассмотрению предмета. Потому в логическом позитивизме долгое время господствовало такое понимание теоретического знания, согласно которому теория должна пониматься как гипотетико-дедуктивная конструкция, разворачивающаяся посредством чисто формальных логических и математических операций, следствия которой поставляются с эмпирическими фактами.

Такое же понимание логики, теории имеет место в теоретической концепции структурализма, в которой преувеличивается роль чисто логического метода, что связано с тем, что представители этого направления понимают исследуемый предмет как нечто обособленное, самостоятельное, как самодовлеющую сущность. Они не видят необходимости обращаться к истории предмета, анализ которой, с их точки зрения, является задачей других исследователей, не имеющих нечего общего с логическим пониманием объекта.

В истории науки и философии также есть исследователи, которых интересует лишь история развития данного предмета. Они видят свою задачу, в поиске новых фактов,

особых моментов развития исторического процесса. Всякое вмешательство в историю предмета с позиции логики они трактуют как произвольное вмешательство в объективную историю предмета. В их понимании история суть нечто самостоятельное, она есть самодовлеющее явление, не имеющее ничего общего с логикой предмета.

В отличие от такого абстрактного понимания логическое и историческое в диалектико-материалистической, содержательной логике рассматривается конкретно, здесь раскрывается их диалектическое единство, постигается внутренняя связь, тождество и различие, взаимопереходы и взаимопроникновение. В диалектическом, конкретном понимании логическое и историческое не два самостоятельного понятия, а стороны единого конкретно-всеобщего понятия логического и исторического. В диалектической логике оно поэтому рассматривается как содержательное, внутренне противоречивое понятие, отражающее объективную логику развивающего предмета, раскрывающее взаимоотношение логики ставшего предмета к истории формирования этого же предмета.

В силу этого применение исторического способа рассмотрения в процессе теоретического, логического воспроизведения предмета, а также проникновение логического метода в состав исторического рассмотрения ни в коей мере не является внешней стороной научно-теоретического понимания предмета, а есть внутреннее содержание диалектического познания.

Объективной основой такого диалектического понимания логического и исторического является универсальность принципа развития, историчность предмета, согласно которым любой исследуемый предмет надо рассматривать в его возникновении, развитии, и чем он стал в настоящее время. В диалектическом понимании развитие предмета не есть простой процесс роста, а суть противоречие, разрешение противоречия, переход от одной формы существования предмета к другой. Содержательная логика утверждает, что исследуемый предмет существовал не от века, в готовом виде, а возник в результате ряда формообразований. В силу этого, ныне существующую

его форму необходимо рассматривать как возникшую из развития предшествующих форм путем неуклонного развития и разрешения их внутренних противоречий.

В таком диалектическом понимании каждая развивающаяся система имеет свою сущность, множество связей и сторон. Последующая по времени форма, система необходимо строит свое тело из элементов и осколков прежней формы, правда, в преобразованном виде, т. е. элементы прежней формы в составе новой существуют в иной зависимости, выполняют иную функцию, чем это было в составе прежней формы. Так, если в прежней системе они выполняли важную функцию, то в новой системе могут выполнять подчиненную роль. Может быть и наоборот, те элементы, которые выполняли подчиненное значение в прежней системе, в новых условиях могут выступить в качестве всеобщего основания, из развития которого генетически возникают все другие конкретные определения предмета.

Все вышеизложенное предполагает последовательное применение диалектического понимания исторического и логического в исследовании развивающегося предмета. Поэтому в ходе логического, теоретического воспроизведения предмета исследователь должен постоянно обращаться к истории изучаемого предмета, что необходимо вытекает из методологических требований содержательного логического метода познания, согласно которому историческое развитие предмета является основой логического метода теоретического воспроизведения предмета.

И это не все. В процессе реализации логико-теоретического метода исследователь вынужден обращаться к истории предмета, чтобы успешно открыть и развить начало, основное понятие теории, а также разрешить те противоречия, которые возникают в процессе развития теории. В ходе же рассмотрения истории предмета, теоретик вынужден необходимо обращаться к логическому, так как логическое, во-первых, является сущностью исторического процесса, оно позволяет в историческом рассмотрении предмета абстрагироваться от многих привходящих, случайных моментов, которые мало дают для понимания

истинной природы исторического, а могут только исказить природу реального исторического процесса.

Во-вторых, в обычном историческом рассмотрении предмета бывает весьма трудно найти начало, исследовать генезис исследуемого предмета, ибо каждый предмет связан с предшествующей формой, а та, в свою очередь, с другой, и так до бесконечности. В силу этого при абстрактном рассмотрении истории предмета закономерно возникает опасность подмены – выдать за историю данного предмета историю вовсе другого предмета. Чтобы не оказаться в такой ситуации в процессе исторического рассмотрения предмета необходимо последовательно реализовать диалектику логического и исторического; историческое исследование предмета дополнить логическим, т. е. реализовать диалектический принцип конкретного историзма. Как видно, в процессе теоретического воспроизведения предмета историческое и логическое не только находятся в диалектическом единстве, но также взаимопроникают, взаимопереходят друг в друга.

Диалектику исторического и логического в полной мере и последовательно применял Маркс. В ходе теоретического воспроизведения капиталистических производственных отношений посредством метода восхождения от абстрактного к конкретному, ученый постоянно обращался к истории вопроса, привлекал исторический метод исследования. Подобный способ исследования ни в коей мере не есть произвол автора, он диктуется объективной необходимостью, диалектической природой предмета.

В ходе теоретического воспроизведения конкретного целого обнаруживается такая ситуация, когда исходное начало, предпосылки системы одновременно функционируют как результат, как следствие других более развитых категорий. Это обстоятельство ставит в затруднительное положение недиалектически мыслящих исследователей, которые рассматривают их в одном случае как предпосылку начала основного понятия системы, а в других случаях берут их как следствие, как результат движения основного понятия системы.

В «Капитале» Маркса данное противоречие всесторонне

разрешается посредством диалектического понимания исторического и логического. Прежде всего, философ обосновывает исходное начало капитализма посредством целостного подхода к исследуемому конкретному, путем теоретического анализа рассматриваемого целого. Капитал ученый рассматривает как огромное скопление товаров, где отдельный товар является исходной «клеточкой» капиталистического производства.

Стоимость (товар, деньги) всеобщее значение имеет только в условиях капиталистического производства, формулой капитала является $D - T - D \square\square\square$. Однако, природу денег невозможно понять исходя из понятия капитала, напротив, сущность капитала можно понять исходя из развития товарных отношений. Поэтому развитие товара, стоимости, возникновение денег можно исследовать и понять, оставляя в покое капитал, его возникновение и функционирование.

В процессе обоснования стоимости, денег Маркс постоянно обращается к истории проблемы. Только развитие товарных отношений, развитие форм стоимости дает ключ к пониманию сущности денег. Быть деньгами - это вовсе не природное, естественное свойство золота; лишь определенные социально-экономические условия превращают золото в деньги, дают ему возможность функционировать в этом качестве. Иными словами, функция денег не закодирована в вещественной структуре золота, а коренится в более широком целом, в развитии которого впервые возникают деньги. Только развитие товарных отношений и их противоречия создали возможность выдвинуть золото (особый товар) из среды всех других товаров, заставили его выполнять функцию денег.

«Золото и серебро сами по себе не деньги, природа не создает денег, так же как она не создает вексельный курс или банкиров. В Перу и Мексике золото и серебро не служили деньгами, хотя они встречались в виде украшений, и хотя там существовала развитая система производства. Быть деньгами не является природным свойством золота

и серебра, и поэтому оно совершенно неизвестно физику, химику и т. д. как таковым»¹.

Таким образом, исходное начало капиталистического производства - товар, товарное отношение, возникновение денег Маркс обосновывает как логически, так и исторически. Скрупулезно прослеживая историческое развитие товарных отношений, ученый всесторонне обосновывал возникновение денег, этой важнейшей предпосылки капитала. Для него обращение к истории, истории развития форм стоимости было объективной необходимостью в понимании сущности капиталистического производства.

В трактовке Маркса, как видим, восхождение от абстрактного к конкретному, диалектико-логический способ выявления начала и самодвижение логического опирается на солидную историческую предпосылку. В таком понимании реально прослеживается исторический процесс возникновения начала капиталистических отношений. Теоретическое воспроизведение капиталистической системы, ее всеобщих оснований выступает как адекватная форма познания реально-исторического процесса возникновения и развития предмета. То, что в объективно-историческом развитии выступает зародышем, первоначальной нерасчлененной формой, в логическом фигурирует как начало, исходная форма теоретического познания.

В своей теоретической деятельности В.И. Ленин строго следовал диалектическому методу Маркса, диалектике исторического и логического. Критикуя Бухарина, предлагавшего снять теоретическую часть программы о товарном производстве и заменить ее непосредственной характеристикой империализма, В.И. Ленин писал: «Мне кажется, что теоретически неправильно вычеркнуть старую программу, характеризующую развитие от товарного производства до капитализма. Неверного в ней ничего нет. Так дело шло, так оно идет, ибо товарное производство родило капитализм, а он привел к империализму. Эту общую основу забывать не следует. Каковы бы дальнейшие перипетии борьбы не были, как бы многих частных

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.46. Ч.1. С.185.

зигзагов нам не пришлось преодолеть... чтобы в этих зигзагах, изломах истории не затеряться и сохранить общую перспективу, чтобы видеть красную нить, связывающую все развития капитализма..., которая нам, естественно, представляется прямой, и мы должны ее представлять прямой, чтобы видеть начало, продолжение и конец...»¹.

В теоретическом осмыслении предмета Маркс в «Капитале» обращался к истории вопроса не только при исследовании форм стоимости, раскрытии сущности денег, ученый также обращался к историческому в ходе обоснования основного понятия капитала, понятия прибавочной стоимости.

Как известно, в процессе теоретического познания капиталистического производства на основе трудовой теории стоимости обнаружили противоречия, т. е. требования понятия трудовой теории стоимости противоречили нормам прибыли, что отмечали представители вульгарной политической экономии. Противоречия теории особенно резко выступали в теории Риккардо, так как последний систематически и последовательно проводил закон стоимости. «Риккардо везде... непосредственно отождествляет прибыль с прибавочной стоимостью. Поэтому согласно Риккардо товары продаются с *прибылью* не потому, что они продаются *выше* своей стоимости, а потому, что они продаются по своей стоимости»².

Заслуга Маркса состоит в том, что он рассмотрел прибавочную стоимость в чистом виде, проследил возникновение прибавочной стоимости как такое особое в товарно-капиталистическом производстве, что возникает как бы в процессе самодвижения стоимости. «Стоимость становится, таким образом самодвижущей стоимостью, самодвижущими деньгами, и как таковая она - капитал»³.

«Вместо того чтобы выражать собой отношения товаров, она теперь выступает, так сказать, в частное отношение к самой себе. Она отличает себя как первоначальную стоимость от себя самой как прибавочной стоимости,

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.36. С.47.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.26. Ч.III. С.65-66.

³ Там же. Т.23. С.166.

подобно тому, как Бог-отец отличается от самого себя как Бога-сына, хотя оба одного возраста и в действительности составляют лишь одно лицо»¹.

Для возникновения капитала недостаточно наличие простого товарного производства, необходимо его развитие. Стоимость сама по себе не переходит в прибавочную стоимость, капитал. Для того чтобы проследить ее переход в прибавочную стоимость, в капитал надо обратиться к реальному историческому процессу, проследить развитие товарных отношений, найти среди товаров такой товар как рабочая сила, потребительная стоимость которой одновременно выступает как создание стоимости.

Касаясь процесса самодвижения, самовозрастания стоимости, Маркс писал: «...это изменение может возникнуть только из потребительной стоимости товара как таковой, т. е. только из его потребления. Но извлечь стоимость из потребления товара нашему владельцу денег удастся лишь в том случае, если ему посчастливится открыть в пределах сферы обращения, т. е. на рынке, такой товар, сама потребительная стоимость которого обладала бы оригинальным свойством быть источником стоимости, такой товар, действительное потребление которого было бы овеществлением труда, а, следовательно, созданием стоимости. И владелец денег находит на рынке такой специфический товар: это способность к труду, или рабочая сила»².

Всеобщим условием саморазвития, самовозрастания стоимости, таким образом, является существование рабочей силы как товара. Для своего саморазвития и самодвижения стоимость, деньги должны противостоять потребительной стоимости. В этом имманентном отношении стоимость должна сохранить себя, или сделать бытие потребительной стоимости условием своего саморазвития. Это может быть действительно реализовано только тогда, когда стоимость противостоит не просто той или иной потребительной стоимости соотносенной с ней самой.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23. С.165.

² Там же. С.177-178.

«Обмен, посредством которого деньги становятся капиталом не может быть их обменом с товарами [вообще], а может быть только обменом с их понятийно определенной противоположностью, с товаром, находящимся к ним самим в понятийно определенной противоположности с трудом. В качестве капитала деньги существуют только в связи с не-капиталом, отрицанием капитала. Действительным не-капиталом является сам труд. Первый шаг, делаемый деньгами в их становлении капиталом, это их обмен с рабочей силой...»¹.

Таким образом, Маркс рационально разрешил трудности, возникающие в обосновании прибавочной стоимости. Оказалось, что прибавочная стоимость есть также стоимость, возникающая в условиях, когда рабочая сила становится товаром. В данном случае мы опять сталкиваемся с отношением всеобщего, особенного и единичного. Всеобщим является стоимость как основа всего товарно-денежного отношения, но она вступает в противоречие с особой формой стоимости - прибавочной стоимостью. Закон стоимости регулирует обмен эквивалентов, а прибавочная стоимость констатирует обмен неэквивалентов, т. е. неравной стоимости. Эти два суждения как бы взаимно исключают друг друга.

В «Капитале» исследователь разрешил противоречие стоимости и прибавочной стоимости посредством открытия такого особого товара, каким является рабочая сила. Тайна возникновения прибавочной стоимости оказывается в неоплаченном труде. Капитал возникает в процессе товарного обращения и вместе с тем вне товарного обращения.

Маркс всесторонне и научно разработал понятие прибавочной стоимости и разрешил все теоретические трудности, являвшиеся камнем преткновения для всей прежней политической экономии. В результате открытия и обоснования этого фундаментального понятия ученый внес огромный вклад в экономическую науку и пересмотрел все прежние экономические категории.

¹ Там же. Т. 46. Ч. II. С. 480.

Маркс создал свою теорию стоимости и подверг критике теорию стоимости Риккардо; затем он исследовал отношение товара и денег и обосновал свою знаменитую теорию денег. После этого ученый показал источник капитала, превращение денег в капитал, которое основывается на купле и продаже рабочей силы. «Поставив на место труда рабочую силу, свойство создавать стоимость, - подчеркивал Ф. Энгельс, - он разом разрешил одно из затруднений, которое привело к гибели школу Риккардо: невозможность согласовать взаимный обмен капитала и труда с рикардовским законом определения стоимости трудом. Лишь установив разделение капитала на постоянный и переменный, Маркс мог до деталей изобразить действительный ход процесса образования прибавочной стоимости и таким образом объяснить его, чего не сделал ни один из его предшественников»¹.

Таким образом, Маркс выдвигал историческое на передний план, анализировал историю вопроса, когда это было необходимо для развития теории, для разрешения тех противоречий, которые возникли в ходе теоретического осмысления предмета. Однако философ никогда не преувеличивал значение исторического, подвергал решительной критике абстрактный, эмпирический историзм, искажающий природу исследуемого объекта. Ученый являлся последовательным сторонником диалектического подхода к истории, отстаивая идею единства исторического и логического, проводил методологическую концепцию конкретного историзма. Последний отличается от абстрактного, эмпирического историзма тем, что прежде, чем изучать историю того или иного предмета, рекомендует исследователю узнать внутренние взаимосвязи ставшего предмета, т. е. предполагает от ученого знание логики рассматриваемого предмета. В противном случае, исследователь рискует не достигнуть поставленной цели.

В диалектической логике, как видно, следует исходить из важности исторического, движения самого предмета. Правда, историческое здесь рассматривается диалектически, т. е. последовательно проводится идея конкретного

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.24. С.21.

историзма. В противном случае посредством исторического способа исследования предмета можно извратить историю рассматриваемого предмета, т. е. опираясь на абстрактный историзм, теория может никогда не дойти до начала исследуемого предмета, так как при абстрактно-историческом рассмотрении все явления связаны со всеми. Всякое начало абстрактно связано еще с каким-то началом.

Подобное понимание исторического подхода необходимо ведет к ликвидации самого понятия начала. Касаясь такого эмпирического его понимания, Кант в свое время писал: «Согласно этим положениям, каждому состоянию мира предшествует более раннее состояние, в каждой части (мира) всегда существуют другие части, в свою очередь делимые, каждому событию предшествует другое событие, в свою очередь вызванное третьим, и в бытии вообще все всегда обусловлено, безусловное же и первое существование не признается»¹.

Абстрактный историзм в силу своей односторонности превращается в свою противоположность – антиисторизм, поэтому он не способствует выявлению подлинной сущности исследуемого конкретного целого. Как правильно отмечает Э.В. Ильенков, абстрактный историзм в качестве начала генезиса исторически определенного явления выдает то, что является только предпосылкой, предысторией этого явления. «Буржуазные экономисты, - писал он, - понимающие капитал как «накопленный труд вообще», весьма логично и естественно видят час его исторического рождения там, где первобытный человек взял в руки дубинку. Если же капитал понимается как деньги, то историческое начало капитала столь же неизбежно усмотрят где-нибудь в древней Финикии. Антиисторическое понимание сущности, природы явления в данном случае оправдывается «историческими» аргументами. Капитал изображается «вечным» и «естественным» отношением именно «историческими» аргументами»².

¹ Кант И. Сочинения: В 6 томах. Т.3. М., 1964. С.440.

² Ильенков Э.В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса. М., 1960. С.198.

По этой причине абстрактный историзм ничего общего не имеет с диалектическим, конкретным историзмом. Первый является одной из распространенных форм эмпирического мышления, в которых антиисторическое, метафизическое понимание предмета прикрывается некоторой исторической формой. Лишь конкретно-историческое рассмотрение истории создает возможность правильно понять сущность конкретного. При этом в качестве начала указываются те определенности предмета, которые, являясь всеобщим условием данной системы, выступают также ее результатом. Поскольку все другие признаки конкретного не выполняют такой роли в системе, постольку они не могут рассматриваться как начало, исходная форма объективного конкретного.

Здесь исходное основание целого не подменяется предпосылкой, а создается реальное условие для правильного его выявления. Возможность такого конкретного познания коренится в том, что каждое объективное целое в себе содержит всю свою историю в снятом виде. «Современная семья содержит в зародыше не только рабство (*servitus*), но и крепостничество, так как она с самого начала связана с земельными повинностями. Она содержит в *миниатюре* все те противоречия, которые позднее широко развиваются в обществе и в его государстве»¹.

Конкретное целое содержит в себе историю, предшествующие исторические формы, не пассивно, а в преобразованном виде. С формированием данного конкретного целого все его предпосылки превращаются в нечто подчиненное, становятся формой его существования. Так, например, капитал, возникнув в результате определенного исторического движения, подчиняет себе все свои исторические предпосылки, внутри которых он возник. То же самое и в теории относительности, ибо такие категории, как конечность скорости света, преобразования Лоренца и т. д., в известном смысле существовали до теории относительности. Но в этой теории они фигурируют не в их исторической форме, а как необходимое следствие принципа относительности. При этом постоянство скорости

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.21. С.61.

света субстанционально. Преобразования Лоренца выступают здесь не как чисто формально-математическое соотношение, а как то, что имеет физическое содержание в силу относительности одновременности.

В диалектической логике историческое и логическое рассматриваются в их единстве и признается активное отношение логического к историческому. Логическое выступает не только воплощением исторического, оно активно влияет на ход исследования, направляя его в соответствии с сущностью исторического процесса. Например, торговый капитал существовал раньше промышленного капитала. Однако Маркс исследует промышленный капитал раньше торгового. Это - требование логического метода, так как только анализ промышленного капитала дает возможность понять все другие формы капитала. Поэтому в отношении истории предмета к его логике осуществляется не только односторонняя связь от истории к логике, а имеет место также обратное воздействие. Весь процесс выступает как диалектическое единство исторического и логического. По результатам логические и исторические способы познания конкретного совпадают, они приводят к одним и тем же результатам и внутренне связаны.

Историческое рассмотрение предмета успешно в том случае, если оно опирается на логическое, теоретическое понимание объекта. В свою очередь логический способ воспроизведения предмета продуктивен, если он проверяется историей, непосредственным процессом формирования данной системы. Как абстрактный историзм, так и отвлеченное теоретизирование не в состоянии привести к правильному пониманию конкретного.

Реальной основой этого является сам предмет, единство его логики и истории. Конкретный предмет, от которого мы исходим в познании, не существует вне истории своего становления. Поэтому, рассматривая историю формирования и развития предмета, мы по существу познаем данный предмет как результат этого движения. История предмета и его логика находятся во внутренней связи. Как абстрактна история вне конкретной логики предмета, так и односторонняя логика предмета вне

истории своего становления. По этой причине предмет, рассмотренный только как результат, вне истории его становления, искажается и понимается односторонне и абстрактно.

В диалектической логике признается не только единство исторического и логического, но также и особенность каждой стороны при этом единстве. Так, например, при историческом обосновании предмет рассматривается в его возникновении и развитии. Касаясь этой стороны вопроса, В.И. Ленин отмечал: «...Самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это - не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь»¹.

В историческом обосновании предмета исследователь стремится дойти до первичных истоков изучаемого целого и шаг за шагом прослеживает путь его формирования. Так, например, выдающийся французский историк Тьерри в своей «Истории происхождения и успехов третьего сословия»² последовательно восходит к тем временам, когда на основе различных обломков и осколков прежних отношений и разрушения старого мира формировались зародыши, первичные формы третьего сословия. В дальнейшем он постепенно прослеживает жизнь этого сословия, его успехи и укрепление и, наконец, описывает, как оно стало господствующим и могучим классом при капитализме.

В данном случае мы имеем историческое рассмотрение общественных явлений, хотя здесь также необходимо присутствуют теоретические моменты. Тьерри в своих исследованиях исходил из определенного понимания третьего сословия, из конкретного результата исторического движения. Без такого понимания было бы невозможно правильное понимание истории данного сословия.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.39. С.67.

² См. Тьерри О. История происхождения и успехов третьего сословия // Избранные сочинения. М., 1937.

В этой связи интересны и работы выдающегося русского физиолога И.М. Сеченова, в которых прослежена история возникновения сложного организма из первоначального зародыша, исходных и нерасчлененных форм. «Здесь в сравнительно очень короткий срок, - писал ученый, - развивается целый сложный организм из такой простой исходной формы, как яйцо»¹.

И.М. Сеченов раскрыл также механизм данного превращения, связанного с процессом размножения клеточных элементов и собиранием их в нарастающее число групп или систем. «С форменной стороны тип развития заключается, следовательно, в расчленении исходной простой формы на целые группы метаморфозированных, но родственных между собой по происхождению форм. С физиологической же стороны он заключается в чрезвычайном усложнении проявлений вследствие распределения физиологической работы между большим и большим числом орудий жизни или органов»².

В дальнейшем И.М. Сеченов находил единство формирования организма с эволюцией различных форм в животном царстве. Если развитие организма начинается со слитного, нерасчлененного зародыша, то эволюция видов также берет свое начало с простой, недифференцированной формы. «Прогресс материальной организации заключается в этом ряду в большей и большей расчлененности тела на части и обособлении их в группы или органы с различными функциями. Но здесь благодаря раздельности преемственных форм, некоторые подробности развития выступают резче, чем в предыдущем случае. Так, из сопоставления форм, не очень значительно удаленных друг от друга, оказывается, что расчленение не есть процесс возникновения новых органов и жизненных отправлений, а развертывание и обособление (как с форменной, так и с функциональной стороны) того, что на предшествующей ступени развития было уже дано, но слитно, не расчлененно»³.

Все сказанное свидетельствует о том, что если начало

¹ Сеченов И.М. Избранные произведения. М., 1953. С.234.

² Сеченов И.М. Избранные произведения. С.234.

³ Там же. С.234-235.

формирования конкретного предмета является слитным, нерасчлененным, общим для всех фазисов развития, то существует реальная возможность выявить его посредством целостного рассмотрения и теоретического анализа предмета.

Если при историческом обосновании начала исследователь восходит к истокам, прослеживает историю формирования предмета, то при логическом обосновании конкретное целое (предметная область) подвергается теоретическому анализу, в результате которого выявляется всеобщее, «клеточка» объективного конкретного. В сущности исторические и логические способы исследования объекта взаимно дополняют друг друга, являются аспектами единого диалектического понимания действительности. Говоря о логическом способе, Ф. Энгельс писал: «...этот метод, в сущности, является не чем иным, как тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей»¹.

Конкретная история предмета есть данный предмет, расположенный во времени. Поэтому, подвергнув теоретическому анализу конкретное целое, можно получить теорию, которая соответствует истории становления этого предмета. Наоборот, рассматривая объект конкретно-исторически, в процессе возникновения и развития, реально можно получить теорию, понимание внутренней взаимосвязи предметов и явлений. По этой причине метод восхождения от абстрактного к конкретному и историческое исследование предмета в его возникновении и развитии в основном совпадают.

Диалектика исторического и логического имеет большое методологическое значение в исследовании критического отношения теории к предшествующим теориям. Дело в том, что теоретическое понимание предмета не начинается на пустом месте. Всегда существуют предшествующие идеи, представления, теории, к которым теоретик непременно вынужден выразить свое отношение.

В истории философии и науки известно большое разнообразие форм критики своих предшественников.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.13. С.497.

Одни критики начисто отрицали теоретические взгляды и представления своих предшественников. В отличие от них Гегель на основе принципа историчности истины проводил диалектическую концепцию. Так, в противоположность французскому метафизическому материализму, отрицавшему религию как суеверие и невежественное сознание, немецкий диалектик трактовал религию как закономерную ступень абсолютного знания.

Представляет интерес и гегелевское отношение к философии Спинозы. Высоко оценивая учение голландского философа, Гегель также доказывал, что принцип субстанции, являющийся основой философии Спинозы, вовсе не является высшим принципом философии. Немецкий ученый полагал, что критикуя спинозизм, он выдвигал более высокий принцип - принцип субстанции-субъекта. Следовательно, он не абстрактно отвергал спинозовскую философию, а критически преодолевал ее на основе более глубокого философского принципа - принципа субстанции-субъекта.

Диалектическую, историческую критику предшествующей теории реализовали также представители современного естествознания: физики, математики и другие. Так, современная физика не абстрактно отвергает предшествующую физику, теорию Галилея, механику Ньютона и т. п. Посредством такого фундаментального теоретического принципа, как принцип соответствия, она четко обозначает предел применимости классической физики, которая правильно описывает движения классических объектов, макротел с небольшими скоростями. В области же микроявлений и больших скоростей успешно действует вероятностная причинность, законы квантовой механики. Современная физика, следовательно, ни в коей мере не отвергает классическую физику, она отвергает только ее претензию на всеобщую применимость.

Согласно принципу соответствия, классическая физика является только частным случаем в исследовании физических явлений. То же самое имеет место в математике - геометрии. В определенную эпоху развития математики обнаружился предел применимости евклидовой геометрии, которая

долгое время безраздельно господствовала в математике. В земных условиях справедливость евклидовой геометрии не подлежала никакому сомнению. Однако, когда речь шла о больших расстояниях, измеряемых скоростью света, или о пространственно-временных отношениях микроявлений, то обнаруживалась ограниченность евклидовой геометрии. В этих условиях происходит искривление пространства, которую успешно осмысливает и объясняет неевклидова геометрия, которая долгое время интерпретировалась как «воображаемая геометрия». Были непонятны подлинные причины неевклидовости пространства. Истинное истолкование всего этого мы находим в общей теории относительности, в которой искривление пространства, изменение его метрики понятны и объяснены как результат действия поля тяготения.

В своей экономической теории Маркс также последовательно реализовал логическую критику предшествующей теории. В отличие от физической теории в области политической экономии исследователь имеет дело с развивающимся объектом. А. Смит и Д. Рикардо пытались теоретически понять закономерности капитализма в XVIII в., т. е. на ранней стадии его развития. В своей экономической теории К. Маркс имеет дело с более развитым этапом капитализма. В процессе теоретического воспроизведения закономерности буржуазного строя ученый критически сравнивал теории А. Смита и Д. Рикардо не с прежним капитализмом, а с капитализмом, который являлся современным Марксу, т. е. с капитализмом XIX в.

Такая логическая критика прежней теории была справедлива. Дело в том, что капитализм как развивающаяся система за прошедшее время не только четко выявил свои сущности и особенности, но также избавился от многих черт и признаков, не являвшихся имманентными определенностями этой системы. В прежней стадии развития капитализма определить все это для теоретика было чрезвычайно трудно. Анализ развитой стадии капитализма показал, что сам объект в процессе своего исторического развития ясно обнаруживал свои главные черты и освобождался от привходящих моментов. Вот

почему при рассмотрении развивающего объекта К. Маркс в составе исторического и логического способа исследования предмета отдавал преимущество логической критике.

В силу этого, при исследовании развивающейся системы, приоритетное значение имеет логическая критика предшествующей теории по сравнению с исторической критикой. Только логическая критика дает возможность глубоко понять сущность исследуемого процесса.

Заключение

Современная наука переживает эпоху бурного развития, которая сопровождается крутой ломкой старых понятий и представлений. Она неразрывно связана с изменением логики научно-теоретического познания. Процесс изменения логики мышления типичен для всей современной научно-теоретической области.

Основное содержание и направленность современной науки также характеризуются большими теоретическими обобщениями. Бурное развитие научной мысли сделало границы науки и ее методы относительными. В целом современная наука похожа на гигантскую систему, которая постоянно пересматривает свои собственные основы.

Какова та логика, которой подчиняется строение современного научного знания? Каким специфическим законам и методам логики подчиняется наше мышление в ходе теоретического познания? На эти вопросы авторы исследования отвечают принципиально и однозначно. Познать объективную материальную действительность - означает понять, действовать и теоретически выразить объект в логике понятий. Потому адекватной логикой теоретического воспроизведения действительности является современная диалектическая логика.

Как показывает проведенное исследование, содержательная логика в трактовке мышления, теоретического познания, логических категорий, методов принципиально отличается от традиционной логики Аристотеля, а также индуктивной логики Ф. Бэкона, Дж. Миля и дедуктивного понимания Р. Декарта. Современная содержательная диалектическая логика также принципиально отличается от современного эмпиризма, логического позитивизма.

Аристотелевская традиционная логика трактовала мышление как форму, как размышление, потому в аристотелевской логике имеют место только три известных логических закона: закон противоречия, закон исключенного третьего, закон тождества. В формальной логике логика главным образом трактуется как грамматика мышления, она направлена главным образом на устранение ошибок,

логических противоречий возможных в процессе суждения и размышления. В индуктивной логике Ф. Бэкона логика трактуется как некоторое обобщение опыта. В дедуктивной же логике Р. Декарта главное внимание обращается выведению идеи из некоторых ясных, отчетливых понятий.

Таким образом, в аристотелевской логике, индуктивной логике Ф. Бэкона, а также в дедуктивной логике Р. Декарта мало внимания обращается на логические категории, ибо категории трактуются здесь только как онтологические формы.

Аристотель исследует категории в «Метафизике», рассматривая десять категорий, которые им определяются как роды бытия. Согласно его мнению, категории не имеют никакого отношения к области мышления.

Великий английский философ Ф. Бэкон подверг критике аристотелевскую логику, показал односторонность и недостаток его учения о силлогизме. Английский ученый глубоко и систематически разработал свою индуктивную логику, принцип индукции. По мнению философа, познавательный процесс должен исходить из единичного, исследования единичных фактов, опытных данных и только в последующем движении может перейти к общим положением. В его понимании познание начинается с изучения фактов, с опыта затем следует необходимое обобщение и далее осуществляется вновь проверка опытом. Индуктивная логика Ф. Бэкона оказала большое влияние на развитие естествознания своего времени, педагогики и других разделов науки.

В дедуктивной логике Р. Декарта утверждалась необходимость в тотальном сомнении в результате чего должно быть открыто ясное, отчетливое исходное понятие, из которого последовательно выводятся посредством логических операций достоверные выводы.

Таким образом, как индуктивная логика Ф. Бэкона, так и дедуктивная логика Р. Декарта при всем их значении не рассматривают категории в логике, в учении о мышлении. Подобно Аристотелю, они исследуют те или иные категории, например, категорию причинности, категорию субстанции в онтологическом разделе своей философии.

Современный эмпиризм, логический позитивизм главными представителями которого являются Б. Рассел, Л. Витгенштейн, М. Шлик, Р. Карнап, А. Айер и др. по существу продолжили эмпирическую традицию английской философии и трактуют теоретическое мышление как некую внутреннюю взаимосвязанную логическую конструкцию. Логический позитивизм понимает теоретическое познание как некую автономную область, мало связанную с объективной действительностью; теоретическое построение неопозитивистами сводится к исследованию атомарных фактов, поиску протокольных предложений, т.е. к принципу верификации.

Современный эмпиризм как и прежняя логика не понимает познавательного значения универсальных логических категорий. Если Аристотель, Ф. Бэкон, Р. Декарт и др., не понимая логическую природу категорий, рассматривали их в онтологическом аспекте, то современный логический позитивизм вообще категорически отрицает познавательное значение универсальных логических категорий. По мнению его представителей, в научном познании познавательное значение имеют лишь те понятия, которые верифицируемы, т.е. которые можно свести к простым протокольным предложениям. Поскольку универсальные логические категории несводимы к простым протокольным предложениям, постольку логические позитивисты отрицают их познавательное значение и трактуют категории как псевдопроблемы.

В таком понимании теоретического познания современный логический позитивизм встретился серьезными трудностями, он по сути свел логику научного исследования к тупиковым проблемам. В силу этого современный эмпиризм оказался в кризисном положении, что не раз отмечали в своих трудах постпозитивисты - философы К. Поппер, Т. Кун, И. Лакатос и др. В своих логических работах они показали непродуктивность идеи, сводящей все содержание теоретического мышления к простому принципу верификации. В качестве альтернативы логическому эмпиризму К. Поппер разработал и обосновал в качестве научного принципа – принцип фальсификации;

Т. Кун в своей главной работе «Структура научных революций» высказал необходимость идеи парадигмы; И. Лакатос, в свою очередь, разработал важную концепцию о научных проблемах в области теоретического познания.

Наиболее продуктивной логикой современного мышления является современная содержательная диалектическая логика. Первоначальные идеи содержательной логики были разработаны уже в «Критике чистого разума» И. Канта, «Науке логики» и «Феноменологии духа» Г. Гегеля.

В отличие от аристотелевской логики, индуктивной логики Ф. Бэкона и дедуктивной логики Р. Декарта, в своей трансцендентальной логике И. Кант трактовал категории как формы мышления. По его мнению, для построения научно-теоретического знания необходимы, с одной стороны – опыт, а, с другой стороны – логические категории. Кенигсбергский философ представил также трансцендентальную дедукцию категорий из четырех функций суждения, разработал учение о времени - трансцендентальной схеме.

Глубокое понимание теоретического мышления содержится в гегелевской логике. В отличие от Аристотеля и традиционного эмпиризма, по мнению немецкого диалектика, мышление не есть субъективная деятельность, оно представляет собой основу всей действительности, основу природы и человеческого общества. В связи с этим, с точки зрения философа, для понимания мышления недостаточны три закона формальной логики. Теоретическое мышление, по мнению Гегеля, подчиняется всей системе логических категорий, существующих в логике. Однако при всем несомненном значении гегелевского понимания мышления, ученый мистифицировал природу мышления, а также природу логики. Поэтому гегелевское учение о мышлении, о логике невозможно просто взять без его критического преобразования.

Современная содержательная логика принципиально преодолевает как традиционную, формальную, эмпирическую логику, логические конструкции неопозитивизма, так и логическое учение И. Канта и Г. Гегеля. Она трактует мышление как отражение объективной действительности. Согласно содержательной диалектической логике мыслить

означает «двигаться по форме вещей», как отмечал Э.В. Ильенков. Мышление в диалектической содержательной логике является формой практического преобразования вещей. Мышление - есть идеальное, которое создано человеком в процессе практической деятельности, создано человеком для человека. Логические категории в результате такого понимания мышления представляют собой ступени практического преобразования мира, ступенями культуры. В диалектической содержательной логике, таким образом, они являются единством объективного и субъективного.

Содержательная логика принципиально исходит из того, что вся объективная действительность находится в непрерывном развитии. А поскольку весь мир находится в постоянном развитии, то теоретическое мышление, отражающее этот мир, также должно быть противоречиво.

Следует еще раз подчеркнуть, что диалектическая содержательная логика не рассматривает проблему противоречия абстрактно, она здесь проводит принцип конкретности, т.е. противоречие в мышлении признается или отрицается не абстрактно, а в результате тщательного и конкретного исследования того или иного логического процесса. Содержательная логика признает, что, если противоречия мышления в ходе логического построения возникли в результате логических ошибок, то такое противоречие следует устранить, здесь необходимо руководствоваться принципом запрета противоречия формальной логики. Если же противоречие в мышлении возникает в результате последовательного и глубокого познания сущности предмета, т.е. в результате познания объективной сущности предмета, то такое противоречие в теоретическом мышлении вполне допустимо и необходимо.

Примером подобного понимания являются многие теории современного естествознания и общественных наук. Диалектическая содержательная логика не только признает противоречия мышления, но также разрешение противоречия. Более того, главным в современной логике является именно разрешение противоречия.

В этой связи, логикой и методологией современного научного познания не являются ни позитивизм, ни симво-

лическая логика, так как цель научного познания - воспроизведение, логическое освоение объективного материального мира, который подчиняется своим внутренним закономерностям. Между тем для позитивистской философии характерна абсолютизация методов формальной логики. Эти методы не способны раскрыть продуктивную природу сознания, содержательную деятельность мышления. Возникает разительный контраст между всем строением современного научного знания, являющегося по существу диалектическим, и его формальной интерпретацией. Именно поэтому адекватной логикой теоретического воспроизведения действительности является диалектическая, содержательная логика.

Содержание

Введение	4
Глава 1. Предмет диалектической логики	10
Глава 2. Содержательная логика о теоретическом мышлении	42
Глава 3. Категории как универсальные формы. Систематизация категорий	88
Глава 4. Противоречивость мышления как главное в содержательной логике	135
Глава 5. Понятие в диалектической логике.	192
Глава 6. Идея.....	209
Глава 7. Теория	259
Глава 8. Наука как форма духовной деятельности.....	291
Глава 9. Восхождение от абстрактного к конкретному.....	321
Глава 10. Историческое и логическое	348
Заключение	373

**Жабайхан
АБДИЛЬДИН**

**СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ**

ОДИННАДЦАТЫЙ ТОМ

**Редактор Марал ЖЕЛДИБАЙКЫЗЫ
Корректор Инкар ТОКТАРХАНОВА
Дизайнер Ерлан БЕРДИБАЕВ
Тех. редактор Мереке ЕСЕНКУЛОВА**

ISBN 978-601-03-0404-8

ИБ №215

**Подписано в печать 12.04.2016 г.
Формат 84x108 ¹/₃₂. Печать офсетная.
Гарнитура «Times New Roman».
Объем 20,0 усл. печ. лист.
Тираж 2000 экз.
Заказ №215/1305**

Отпечатано в типографии ИК «ҚАЗАқпарат»

